

И
У
Б
УНИВЕРСИТЕТСКИЙ
БИБЛИОТЕКА

А.Э. Мильчин

МЕТОДИКА РЕДАКТИРОВАНИЯ ТЕКСТА

УЧЕБНИК

Каменистые тропы науки — это горы литературы,
уступы книг, которые нужно прочесть, усвоить.
Но книги — это путеводитель, по которому можно
ориентироваться на дорогах науки.

А. Я. Янин, академик

А.Э.МИЛЬЧИН

МЕТОДИКА РЕДАКТИРОВАНИЯ ТЕКСТА

**Третье издание, переработанное
и дополненное**

**Рекомендовано Учебно-методическим объединением
по образованию в области полиграфии и книжного дела
в качестве учебника для студентов высших учебных заведений,
обучающихся по направлению 030900 — «Издательское дело»
и специальности 030901 — «Издательское дело и редактирование»**

Москва • Логос

УДК 655.4/5

ББК 76.1

М60

*Федеральная целевая программа «Культура России»
(подпрограмма «Поддержка полиграфии и книгоиздания России»)*

Рецензенты

кандидат технических наук, профессор *А.М. Цыганенко*
доктор филологических наук, профессор *Б.В. Ленский*

Мильчин А.Э.

М60 Методика редактирования текста. Изд. 3-е, перераб. и доп. — М.: Логос, 2005. — 524 с.

ISBN 5-98704-033-7

Раскрыты смысл и содержание редактирования, его сущность и задачи. Представлены структура редакторского анализа и общая схема редактирования. Даны методика и техника редактирования и правки текста. Видное место отведено анализу и оценке композиции, фактического материала, логической структуры, языка и стиля текста. В отличие от 2-го издания из книги исключены положения, продиктованные идеологической атмосферой советского периода, ее содержание дополнено опытом последних лет, в нем нашли отражение достижения лингвистики и прагматики текста, психологии и психолингвистики.

Для студентов высших учебных заведений, получающих образование по направлению «Книжное дело» и специальности «Издательское дело и редактирование». Может использоваться в учебном процессе при подготовке филологов и повышении квалификации редакторского персонала, а также как справочник. Представляет интерес для широкого круга читателей.

ББК 76.1

ISBN 5-98704-033-7

© Мильчин А.Э., 1980

© Мильчин А.Э., переработка
и дополнения, 2005

© «Логос», 2005

© Университетская книга, 2005

**Моим родителям и моей семье,
которым обязан всем,
посвящаю**

***...Всякому человеку следует, не переставая быть
человеком, быть специалистом; специализм
исключает дилетантизм... а дилетантом быть —
значит быть бессильным...***

И. С. Тургенев

Краткое оглавление

<i>От автора</i>	<i>8</i>
------------------------	----------

Часть первая

Смысл и содержание редактирования

<i>Глава 1. Сущность и задачи редактирования</i>	<i>15</i>
<i>Глава 2. Предмет, механизм и общая структура редакторского анализа текста</i>	<i>47</i>
<i>Глава 3. Структура редакторского анализа по единицам текста</i>	<i>63</i>
<i>Глава 4. Структура редакторского анализа текста по целям аналитических действий (при оценке рукописи)</i>	<i>69</i>
<i>Глава 5. Структура редакторского анализа текста по целям аналитических действий (для улучшения рукописи)</i>	<i>106</i>
<i>Глава 6. Структура редакторского анализа по сторонам (качествам) текста</i>	<i>113</i>
<i>Глава 7. Общая схема редакторского анализа и редактирования</i>	<i>119</i>

Часть вторая

Методика и техника редактирования и правки текста

<i>Глава 8. Основные условия высокого качества и эффективности редактирования</i>	<i>131</i>
<i>Глава 9. Анализ и оценка композиции произведения</i>	<i>146</i>
<i>Глава 10. Анализ и оценка рубрикации</i>	<i>179</i>
<i>Глава 11. Анализ и оценка фактического материала</i>	<i>225</i>
<i>Глава 12. Анализ и оценка текста с логической стороны</i>	<i>312</i>
<i>Глава 13. Анализ и оценка языка и стиля</i>	<i>352</i>
<i>Глава 14. Методика правки текста</i>	<i>471</i>
<i>Предметно-тематический указатель</i>	<i>508</i>
<i>Подробное оглавление</i>	<i>518</i>

ОТ АВТОРА

Предисловие ко второму и третьему изданиям

Автор этой книги относит себя к числу тех, для кого слово «редактор» обозначает не должность, а специальность и профессию. Специальность же, как известно, требует специальных знаний, умений и навыков. Этим умениям и навыкам надо обучать, но большинство редакторов-профессионалов овладевает ими лишь в процессе длительной практики, чаще неосознанно, чем сознательно. Между тем было бы намного эффективнее, если бы редактор приступал к работе уже обученным специальным умениям и навыкам, понимающим их скрытый механизм. Только вооружив редактора методически и технически, можно с достаточной вероятностью рассчитывать на то, что, работая над оригиналом издания, он сделает все необходимое.

К такому выводу автор пришел, испытав на собственном длительном издательском опыте горечь редакционных ошибок и промахов, наблюдая за промахами, ошибками и упущениями других редакторов и стараясь докопаться до корня разнообразных недоработок и пробелов в редакторском деле.

Эта книга и представляет собой попытку выделить и охарактеризовать основные приемы и навыки, овладев которыми редактор чувствует себя увереннее и решает свои задачи лучше, полноценнее. Она призвана помочь редакторам, особенно начинающим, лучше организовать и построить работу над текстом произведения, предостеречь от распространенных ошибок.

Вместе с тем, поскольку теоретическая вооруженность редактора не менее, если не более важна для творческого решения им редакционных задач, автор стремился выяснить сущность редактирования, вскрыть его закономерности, определить основные понятия, — короче, подвести под практические рекомендации некую смысловую базу. Ведь только точно и глубоко понимая самый смысл деятельности, закономерности процесса, можно наилучшим образом достичь его конечной цели.

Несмотря на объективный характер основных положений книги, она во многом опирается на индивидуальный редакторский опыт, из него вырастает. И автор надеется, что его пример подтолкнет некоторых читателей (редакторов и авторов) на создание новых книг или статей, обобщающих редакторский и авторский опыт: ведь это насущно необходимо для совершенствования литературы, для повышения качества изданий.

Со времени выхода 2-го издания этой книги прошло более двух десятилетий. Условия деятельности издательств изменились коренным образом. Это потребовало серьезно скорректировать многие положения предшествующих изданий, освободить текст от того советского идеологического напластования, которое в годы выпуска первых изданий было обязательным требованием.

Внешние идеологические наслоения в 3-м издании автор снял, что сделать было не так уж сложно: они не стали ее неотторжимой частью. Но редакторский опыт автора целиком и полностью советский. И, естественно, он так или иначе пронизывает всю ткань пособия. Этот опыт исходит из того, что смысл редактирования в такой подготовке к изданию произведения, чтобы его воздействие на читателя в наибольшей степени отвечало интересам общества.

Сегодня в России другой общественный строй, другие условия работы редактора. Определить, каковы интересы общества, сложно. Общество у нас неоднородно, расколото. (Оно и раньше было, разумеется, таким, но видеть это было «не положено».) Из-за этого различны интересы и потребности читателей. Как редактору понять, что в интересах общества, а что нет? Тут нужен новый опыт, а его нужно еще накопить и осмыслить. Но автор думает, что

этот новый опыт отнюдь не отменит опыта советского времени, а, напротив, вберет в себя все лучшее из опыта советских редакторов-специалистов (среди них были мастера экстракласса). Так что, если автору и раньше хотелось, чтобы его примеру осмысления редакторского опыта последовали и другие редакторы, то теперь это его желание удесятерилось. И он надеется, что, несмотря на всё препятствующее этому, появятся новые книги современных редакторов о том, как в условиях рынка редактор может защищать интересы культуры и отстаивать объективную правду в печати, как это ни сложно.

Хотя многие выводы книги применимы к редактированию произведений любой литературы, все же главным образом она посвящена методике редактирования книг и статей научного и делового характера и лишь в незначительной степени может быть использована при редактировании произведений художественной литературы.

Надо также предупредить читателя, что тема пособия — редактирование только *текста*, а не книги в целом. Автор вполне мог написать пособие на такую, более широкую тему, включив в 3-е издание также главы о методике редактирования таблиц, иллюстраций, аппаратных частей, но его оставила необходимость неизбежного повтора многого из того, что напечатано в принадлежащих ему главах «Справочника издателя и автора» (М., 1999; 2-е изд. — М., 2003).

В новом издании автор постарался заменить некоторые примеры более выразительными и разнообразными и дополнить книгу новыми наблюдениями и соображениями, которые накопились за два с лишним десятилетия. Но пусть читатель не сетует на «древность» некоторых примеров, взятых из книг и других изданий того времени, когда книга писалась впервые. Дата выхода этих изданий ничуть не уменьшила за прошедшую четверть века наглядности и показательности примеров.

За время, прошедшее после выхода в свет 2-го издания данной книги, особенно за последние 15 лет, активно развивались науки, питающие методику редактирования, и, в частности, лингвистика и прагматика текста, психология, психолингвистика, методология. На русском языке были изданы ценные труды, из которых редактор может извлечь много

полезного. Некоторые из них нашли отражение в новом издании, но далеко не все и не с той полнотой, что позволяла бы адекватно усвоить новые идеи и знания. Поэтому автор настойчиво советует редакторам, которые хотят быть в своей практике на уровне современной гуманитарной научной мысли, обратиться к важнейшим трудам из перечисленных выше областей, изданным за последние 15 лет. В частности, редакторам, получившим специальное редакторское образование в советскую эпоху, считаю обязанным рекомендовать книгу Н. С. Валгиной «Теория текста» (М.: Логос, 2003. 278 с.). Это учебное пособие по новому курсу, ранее не читавшемуся будущим редакторам. В нем редактор найдет немало полезных сведений о том объекте приложения редакторских сил, каким является текст, и ценных тонких наблюдений над разными видами текста.

Автор выражает признательность всем, кто высказал замечания по книге после выхода первого и второго издания или просто откликнулся на нее и тем самым помог в работе над третьим изданием.

Особая благодарность Марку Владимировичу Рапу, чье взыскательное чтение 2-го издания этой книги с методологических позиций помогло автору при подготовке 3-го издания избавиться от некоторой односторонности в истолковании редактирования и редакторского анализа, а кроме того, частично познакомить читателей с трактовкой этих понятий самим М. Рацем, изложенной им в статье «Созидательная работа редактора» (сборник «Книга в системе общения: Вокруг „Заметок библиофила“» — в печати).

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

СМЫСЛ И СОДЕРЖАНИЕ РЕДАКТИРОВАНИЯ

- **Сущность и задачи редактирования 15**
- **Предмет, механизм и общая структура
редакторского анализа текста 47**
- **Структура редакторского анализа текста
по единицам текста 63**
- **Структура редакторского анализа текста
по целям аналитических действий
(при оценке рукописи) 69**
- **Структура редакторского анализа текста
по целям аналитических действий
(для улучшения рукописи) 106**
- **Структура редакторского анализа
по сторонам (качествам) текста 113**
- **Общая схема редакторского анализа
и редактирования 119**

Глава 1

СУЩНОСТЬ И ЗАДАЧИ РЕДАКТИРОВАНИЯ

1.1. Нужен ли редактор?

Время от времени раздаются голоса:

— А нужен ли вообще редактор? Не напрасная ли это трата сил и средств?

Одни задаются такими вопросами, другие решительно утверждают:

— Нет, редактор не нужен. Он приносит, скорее, вред, чем пользу. Многие авторы привыкли к нему, как к няньке, и в надежде на его помощь сдают в издательство сырой материал, а не законченный оригинал. Время же, когда автором становился человек неподготовленный, нуждающийся в профессиональной литературной или специальной помощи, давно прошло.

— Однако кому-то нужно оценивать качество работы автора, определять, годится или не годится представленный автором оригинал к изданию? — возражают тем, кто стремится «уничтожить» институт редакторов. — Кто тогда воспрепятствует тому, чтобы в печать попадал текст подобного рода:

Древнейшие памятники материальной культуры показали, что медоносные пчелы жили уже в третичном периоде, за 56 миллионов лет до появления людей (как будто памятники материальной культуры могли существовать до человека. — А.М.).

— Критически оценить авторский оригинал, — не успокаиваются противники редакторов, — могут рецензенты, специалисты, более глубоко владеющие предметом, которому посвящено произведение. Вот ведь статья, из которой только что цитировался вопиющий пример грубого искажения фак-

тов и смысла, редактировалась, прежде чем была напечатана на страницах журнала. Однако редактор не ограждал читателя от литературного брака.

Пусть уж рецензенты решают, хорошую или плохую работу принес автор. И можно ли ее печатать или лучше отклонить либо вернуть автору на исправление. Так будет куда надежнее.

— Что касается примера плохой редакторской работы, то с равным успехом можно привести примеры неудачного рецензирования и образцы великолепного редакторского мастерства.

Такие примеры ровно ничего не доказывают. А вот как быть, если рецензенты разойдутся во мнениях? Один посчитает, что публикация принесет вред, а другой — что несомненную пользу.

— Но и не редактору, уступающему рецензентам в знании предмета, решать их спор, быть третейским судьей. Мнение одного или нескольких научных коллективов будет в этом случае более верным.

— А кто будет готовить оригинал автора к изданию в соответствии с редакционно-техническими и полиграфическими правилами и требованиями? Издательству без такой подготовки не обойтись.

— Безусловно. Но она вполне по плечу корректору-вычитчику. Он и подготовит оригиналы отобранных для издания произведений.

Спор мог бы продолжаться до бесконечности, поскольку каждая сторона вкладывала в термины «редактор» и «редактирование» разное содержание.

По-разному отвечали на вопрос, нужен ли редактор, не только современники, но и выдающиеся деятели культуры и литературы прошлого.

Одним из непримиримых противников редактирования своих научных трудов был, например, Николай Гаврилович Чернышевский.

Ученый с именем, научный авторитет, да еще «имеющий силу содействовать переработке некоторых отделов науки», каким он считал себя, заслужил, по его мнению, право выпускать свои труды без редакторского контроля.

...Я не могу допустить, чтобы журнал, в который я посылаю статьи, брал на себя суд о их содержании, — писал он одному из редакторов журнала «Русская мысль» В.А.Голыцеву 19 авг. 1888 г. (Полн. собр. соч. М., 1953. Т. 15. С. 738).

А издателю этого журнала В. М. Лаврову ставил ультиматум:

Хотите иметь меня своим сотрудником, то посылайте в типографию, не читая сами и не давая читать никому то, что получаете от меня (Полн. собр. соч. М., 1953. Т. 15. С. 783).

Только публика, читатели могут, с точки зрения Чернышевского, быть судьями им написанного. Те, кто хочет подробнее ознакомиться с аргументами Н. Г. Чернышевского, могут прочитать цитируемые выше письма в сборнике «Писатели советуются, негодуют, благодарят» (М., 1990. С. 91—92, 181—182).

Однако среди великих русских писателей XIX в. он был единственным, кто отстаивал право на публикацию своих работ без пригляда редактора. К тому же он писал лишь о научных трудах, да еще пролагающих новые пути в науке.

Большинство же писателей недвусмысленно высказывались о желательности и необходимости оценки написанного лицом, мнению и вкусу которого они доверяли. Достаточно прочесть для этого письма, опубликованные в упомянутом выше сборнике. Некоторые цитаты об этом приводятся в конце подраздела 1.2.

Среди современных писателей решительно отрицал надобность в редакторе, например, Сергей Довлатов, который в своем цикле рассказов «Наши» писал:

...я не совсем понимаю, зачем редактор нужен вообще.

Если писатель хороший, редактор вроде бы не требуется. Если плохой, то редактор его не спасет. По-моему, это совершенно ясно.

И резюмировал: «...редактор писателю не требуется. Даже хорошему. А уж плохому — тем более» (Довлатов С. Сборник прозы : в 3 т. СПб. : Лимбус-пресс, 1995. Т. 2. С. 181).

Однако в собственной авторской практике С. Довлатов не придерживался подобной радикальной позиции. Так, он писал И. Ефимову, что чрезвычайно дорожит его мнением о своем произведении (Довлатов С., Ефимов И. Эпистолярный

роман. М., 2001. С. 226), т.е. считал полезной оценку редакторского толка, и благодарил Г. Н. Владимова за *редакторские* замечания, которые были приняты им к исполнению (Звезда. 2001. № 9. С. 163).

Что же это за работник — редактор? Для чего он нужен? И что такое редактирование?

Ответить на эти вопросы нужно не только для того, чтобы разрешить воображаемый спор, но и для того, чтобы доказать ошибочность действия тех издателей, которые пришли в отрасль в последние десятилетия и не мудрствуя лукаво стали, экономя время и средства, выпускать книги без редакторов.

1.2. Для чего нужен редактор

Обойтись без редактора было бы можно, если бы не несколько обстоятельств.

Во-первых, издательству необходимо лицо, отвечающее за отбор произведений к публикации и за качество изданий (в самом широком смысле). Рецензент — это советчик, консультант, который помогает издательству решить судьбу произведения. Он несет моральную ответственность перед обществом и издательством за свою оценку произведения, но не за окончательное решение об его издании и тем более не за качество издания. Издатель, который берет отбор на себя, выступает в роли редактора, но, занятый организационными, экономическими и другими проблемами и задачами, он поневоле будет делать это не с той глубиной и точностью, с какой это может сделать специалист, систематически изучающий литературу той же области, что и предлагаемое автором произведение. И уж тем более издатель в роли редактора не в состоянии проследить за всем, от чего зависит качество издания.

Издательство, далее, нуждается в таком лице, которое координировало бы работу над оригиналом произведения всех участников процесса создания книги: автора и оформителя, вычитчика и корректора, редакторов художественного и технического. Ведущий книгу редактор руководит ими, контролирует их действия, следит за тем, как движется оригинал по издательским этапам. И в лучших случаях с пониманием за-

мысла автора и задач книги, с любовью к ней и автору, любовью, которая делает редакторскую работу проникновенной. Без координации деятельности всех участников создания книги, без организационного руководства ими издательство вряд ли сможет выпустить книгу высокого издательского качества и в сжатые сроки. Так, нередко в книги проникают ошибки, например, из-за необоснованных поправок корректора, поскольку его работа не контролировалась редактором и не была согласована с ним.

Издательство не может обойтись без такого лица и потому, что книга должна быть совершенным, удобным в пользовании инструментом читателя. Ее нужно оснастить текстами справочно-вспомогательными (оглавление, содержание, вспомогательные указатели, колонтитулы). Они облегчают читателю работу с книгой. Нужно дополнить ее во многих случаях и текстами справочно-пояснительными (вступительная статья, предисловие, послесловие, комментарии и примечания, библиографические списки и т.д.). Они помогают читателю лучше понять издаваемое произведение.

Предусмотреть такой аппарат в книге, выбрав необходимые для издания его составные части, заказать их, позаботиться о том, чтобы аппарат издания по содержанию и форме в наибольшей мере отвечал интересам читателей, может только хорошо подготовленный специалист, тщательно изучивший произведение и его потенциальных читателей.

Короче говоря, издательству нужен руководитель издания.

Во-вторых, даже авторы, хорошо профессионально подготовленные, способные самостоятельно исправить произведение по замечаниям рецензента, нуждаются в критике редактора. Эта критика значительно более разносторонняя и детальная, чем рецензентская, и требует профессиональных знаний, умений и навыков, которыми рецензент — человек, занятый другой работой и имеющий опыт преимущественно научный, специальный, авторский, — как правило, не обладает.

В текстах книг даже очень опытных авторов, причем обладающих профессиональным редакторским опытом, остаются неустраненными мелкие погрешности разного рода. Например, в одной из статей «Словаря-справочника линг-

вистических терминов» Д. Э. Розенталя и М. А. Теленковой (2-е изд. М., 1976) можно прочитать:

Полностью отпало только признававшееся Буслаевым и его предшественниками Востоковым, Гречем и Давыдовым деление придаточных на полные и сокращенные... (с. 319).

Только признававшееся может означать, что все эти лингвисты лишь признавали такое деление придаточных предложений, как бы скрепя сердце. Но это нельзя не признать маловероятным хотя бы по смыслу предшествующего текста статьи, из которого ясно, что такая классификация придаточных предложений была этими лингвистами выдвинута и ими отстаивалась. Тогда остается предположить, что авторы статьи хотели сообщить несколько иное:

Полностью отпало признававшееся только Буслаевым и его предшественниками...

т.е. что все дело в постановке не на месте слова *только*. Это подтверждается и дальнейшим текстом статьи, где говорится, что лингвисты не признавали классификацию Буслаева и его сторонников. Мелкая стилистическая оплошность привела к логической и фактической ошибке.

Как же случилось, что Д. Э. Розенталь не заметил погрешности, о которой писал в своих книгах по стилистике?

Скорее всего, причина в том, что ум его при подготовке книги и статьи был поглощен существом содержания, и погрешность ускользнула от внимания.

А вот издательский редактор книги пропустил эту погрешность, скорее всего, потому, что не владел навыком выделения логически акцентирующих слов *даже*, *только*, *именно* и т. п. для проверки правильности их места в предложении. Такой навык необходим потому, что постановка этих слов не на месте — распространенная стилистическая ошибка, поскольку авторы и редакторы читают предложение интонационно верно, с правильным логическим ударением, хотя такое чтение не вытекает из строения предложения.

Из этого примера видно, что во избежание ошибок в тексте издания необходимо погружаться в мельчайшие его подробности. У издателя, рецензента времени для такого погру-

жения в текст нет. К тому же для этого нужно еще и владеть приемами и навыками специфического редакторского анализа текста.

А кто займется проверкой точности и соответствия действительности фактической стороны произведения? Выпускать книги без всякой ее проверки? Автор, мол, отвечает за всё? Но читатель-покупатель вряд ли согласится освободить издателя от всякой ответственности перед собой вообще и за эту сторону книг, в частности. Авторитет такого издателя не может не пострадать. Между тем завоевать такой авторитет и доверие читателя-покупателя непросто, а потерять очень легко.

В-третьих, издательству, чтобы творчески направлять выпуск книг и в тематическом и в жанрово-издательском отношении, а не следовать за стихийным потоком авторских предложений, надо проводить большую подготовительную работу сродни научной:

- постоянно исследовать потребности в каждой тематической или иной группе книг;

- изучать, как выпущенные книги удовлетворяют интересы читателей по темам, содержанию, форме, насколько удобно этими книгами пользоваться;

- устанавливать, какие тематические или иные интересы остались неудовлетворенными;

- наконец, задумывать на основе таких исследований книги, которых ждет читатель, и находить для них авторов или составителей.

Опирайтесь только на советы и рекомендации представителей науки, производства, общественности явно недостаточно и потому, что они не знают в должной степени оценки книг читателями, и потому, что каждый из них, делая предложение или оценивая предложения других, исходит во многих случаях из своих неизбежно узких и далеко не всегда бескорыстных соображений.

Учитывать их рекомендации, обращаться к ним за советом издательству жизненно необходимо. Но это лишь часть той информации, которая потребна издательству.

Каждая группа книг нуждается в том, чтобы ею систематически занимался знаток ее проблематики, ее специфического содержания, ее читателей:

- изучал прессу, посвященную кругу вопросов, отражаемых в своей группе книг;

- держал связь с соответствующими подразделениями научных, производственных, учебных и иных учреждений, с предприятиями, книготорговыми организациями и книжными магазинами;

- собирал и изучал письма читателей, проводил читательские конференции;

- определял важнейшие темы для издания книг своей группы, подыскивал талантливых авторов для них.

Делать все это в состоянии только специальный работник издательства.

Конечно, если издательство маленькое — выпускает несколько книг в год одного типа, — то эта работа под силу одному человеку, может быть, даже издателю, руководителю издательства. Но издательству более крупному силами одного человека для этого не обойтись.

Итак, издательскому делу, издательствам необходим работник, который, выступая как организатор издательского процесса:

- 1) отбирает произведения для издания на основе их анализа и оценки, определяет пригодность произведений к изданию, препятствуя выходу произведений посредственных, ненужных читателю; критикует принятое к изданию произведение во всех деталях, помогая своей критикой автору совершенствовать содержание и форму будущего издания, оберегая автора от не замеченных им ошибок самого разного рода;

- 2) отвечает за издание книги, координируя действия других участников ее создания и предусматривая необходимый для нее справочно-вспомогательный и справочно-пояснительный аппарат; организует весь процесс превращения авторского оригинала в книгу;

- 3) выступает как организатор сбора всей необходимой информации для обоснованного планирования групп книг, как разведчик и открыватель талантливых авторов, как инициатор заказа наиболее нужных книг; занимается издательским маркетингом, либо сам проводя его, либо помогая проводить его отделу маркетинга издательства.

Этот специалист и есть редактор.

Не в каждом издательстве он выполняет все перечисленные функции. Возможно разделение этих функций между разными редакционными работниками, но потребности в редакторе это не отменяет.

Любопытно, что русско-английский и англо-русский «Глоссарий издательских и полиграфических терминов», подготовленный организацией International Book Development Ltd (Лондон) и выпущенный также в России (М.: Аспект-пресс, 1998), отразил подобное разделение редакторского труда в издательствах Великобритании, включив термины (с. 52—53):

Copy editor — редактор, готовящий книгу к печати.

Commissioning editor — редактор, заказывающий автору книгу, или редактор, разрабатывающий идею книги и подбирающий автора для ее написания.

По свидетельству директора английской фирмы William Collins Sons & Co.Ltd, «в издательстве общего направления роль редактора заключается в поиске и стимулировании деятельности авторов, чьи работы заслуживают внимания, в редактировании и подготовке оригиналов к сдаче в производство, в координации деятельности художника и конструктора книги, работников производственного и рекламного отделов, отдела по сбыту и продвижения изданий, в изучении потребностей книжного рынка с целью использования всех возможностей для продажи выпущенных книг. Труд редактора требует большой самоотверженности и самоотдачи. В условиях падения спроса, сокращения числа редакторов он стал еще более напряженным и ответственным. Образно говоря, редактор — это точка опоры в издательстве; от его таланта, вкуса и энергии полностью зависит успех издательства».

Достойный ответ тем издателям, которые полагают, что в условиях рыночной экономики и демократических свобод роль редактора резко меняется, а потребность в нем становится меньше.

До сих пор речь шла о том, что редактор нужен издательству. Но в не меньшей степени редактор нужен и автору.

Если обратиться к письмам самых знаменитых русских писателей, то мы найдем в них десятки, если не сотни, подтверждений того, какую насущную потребность испытывали

они в редакторе-друге, в его взыскательной, требовательной, принципиальной, но исполненной любви и доброжелательности критике.

Во-первых, закончив работу, автор переполнен сомнениями, он ни в чем не уверен, порой все кажется ему плохим. И взгляд, оценка со стороны ему жизненно необходима.

Вот Колыцов пишет 20 февр. 1840 г. Белинскому:

В нем [стихотворении «Лес»] я прежде видел много, а теперь, переписывая, как-то он показался мне вовсе гадким. Другие же мои пьески мне кажутся лучше прежних; а впрочем, вы увидите это лучше; у меня часто и то хорошо, что никуда не годится (Колыцов А. В. Полн. собр. соч. СПб., 1911. С. 210).

Вот Гончаров сообщает 29 июля (10 авг.) 1857 г. своей знакомой Ю. Д. Ефремовой:

...может быть, я написал кучу вздору, который только годится бросить в огонь (Собр. соч. : в 8 т. М., 1980. Т. 8. С. 298).

Это об «Обломове».

Вот Салтыков-Щедрин, снедаемый неуверенностью, просит Некрасова:

Посылаю Вам рассказ [«Для детского возраста»]... но прошу Вас, прочитайте его и прикажите печатать только в том случае, если он не слишком уж слаб (22–26 дек. 1862 г. Пб. (Собр. соч. : в 20 т. Т. 18, кн.1. С. 264).

Вот И. С. Тургенев ждет суда от редактора «Вестника Европы» М. М. Стасюлевича:

...вопрос: «что такое я собственно написал?» — еще не вполне разрешен в моих глазах. — Не забудьте, что Вы мне обещали сообщить свое нелицеприятное мнение (Письмо от 11 дек. / 29 нояб. 1875 г. // М. М. Стасюлевич и его современники в их переписке: в 5 т. СПб., 1911–1913. Т. 3. С. 68).

В воспоминаниях Л. Чуковской «Памяти Тамары Григорьевны Габбе» показательно, какими сильными были сомнения Самуила Яковлевича Маршака относительно им написанного:

[Т. Г. Габбе] рассказала мне по дороге, что С[амуил] Я[ковлевич] все спрашивает, чем заменить слова «распарить тыкву» в одном стихотворении Китса.

— Ничем не надо, С[амуил] Я[ковлевич]. Так хорошо. Оставьте так.

— Вы говорите, чтобы избавиться и больше не думать, или потому, что это на самом деле хорошо? — спрашивает С[амуил] Я[ковлевич] в гневе.

— Потому что на самом деле.

Но через 10 минут опять звонок и новые сомнения (Знамя. 2001. № 5. С. 135).

Таких примеров можно привести множество. Заинтересовавшихся ими отсылаю к сборнику «Писатели советуются, негодуют, благодарят» (М., 1990). И это характерно не только для отечественных писателей. Это общая черта писателей вообще. Чтобы не утомлять читателя примерами, приведу только один, из письма Томаса Манна, который был убежден, что каждая его книга неудобочитаема:

...ни разу еще не выпускал я книги, не будучи убежденным в ее неудобочитаемости (Манн Т. Письма. М., 1975. С. 302).

Во-вторых, автор иногда так измучен собственным творением, что, потеряв ориентиры, нуждается в сторонней помощи.

Н. Я. Мандельштам в своих воспоминаниях пишет:

Осип Эмильевич... сам сказал мне, что у Николаши [Николая Ивановича Харджиева] абсолютный слух на стихи и он хотел бы, чтобы именно такой человек издал его стихи... Такой редактор, по словам О. М[андельштама], настоящая удача для поэта. Он даже передал ему через меня «Неизвестного солдата», сказав, что Н.И. может что угодно делать с композицией этой вещи, потому что сам О.М. устал и не может из нее выкарабкаться... (Мандельштам Н. Я. Из воспоминаний // Воспоминания об Анне Ахматовой. М., 1991. С. 321).

В-третьих, добросовестный автор всегда хочет узнать, не допустил ли он промахов, которые лучше исправить до выхода произведения из печати:

Вот Гончаров пишет М. М. Стасюлевичу по поводу «Обрыва»:

Мне хотелось бы прочесть все вдруг лучшим знатокам и тонким ценителям, а потом и печатать, исправив то, что они бы мне заметили. (...)

Кончить все до последней строки — и потом прочесть сначала Вам, потом Тютчеву, Толстому, Боткину — и кто еще из друзей литературы захотел бы присоединиться к маленькому кружку; выслушать замечания, поверить

Ваше впечатление — исправить — и потом — что угодно (письмо от 7 авг./ 27 июля 1868 г. // М. М. Стасюлевич и его современники в их переписке: в 5 т. СПб., 1911–1913. Т. 4. С. 43–44).

Державин выражает признательность И.И.Дмитриеву:

Благодарю тысячу раз за примечания и поправки. Видите, как худо без друзей писать: не увидишь, как ошибешься... (Соч. СПб., 1876. Т. 6. С. 167).

В-четвертых, уверенность в том, что рукопись будет прочитана редактором-другом, вдохновляет автора, успокаивает его мятущуюся душу:

Гоголь — Жуковскому:

...мысль о том, что Вы будете читать его [произведение] некогда была одна из первых оживляющих меня во время бдения над ним (Полн. собр. соч. : в 14 т. М., 1940–1952. Т. 11. С. 112).

Жуковский — А.И.Тургеневу:

Ты, Карамзин, Вяземский, Блудов (и несколько милых женщин): вот мои судьи, против которых нет апелляции. Без мысли о вашем одобрении не может быть счастья (21 окт. 1816 г. Дарпт. Жуковский В. А. Письма к Александру Ивановичу Тургеневу. М., 1895. С. 163).

О том, какую уверенность придает писателю одно знание того, что рукопись читает и исправляет надежный и требовательный друг, пишет А. Т. Твардовский М. В. Исаковскому:

Рассказа о том, как ты меня редактировал, я писать не буду, но в мемуарах, если доживу до старости, отмечу то, что могу тебе сказать и сейчас: мою благодарность за эту драгоценную помощь, которая так облегчает на всякий случай, обеспечивает, т.е. дает некий минимум беспечности относительно того, как там и что. Без этого я изошел бы (Собр. соч. Т. 6. С. 352).

Без привета и поощрения писать не легко, —

так писал В. П. Боткину И. И. Панаев 26 апр. 1856 г. и добавлял:

Тебе я верю, твое мнение дороже всех мнений, потому что в тебе кроме глубокого эстетического вкуса есть строгость (Тургенев и круг «Современника» : Неизд. материалы, 1847–1861. М.; Л., 1930. С. 373–374).

Герцен—Марко Вовчок:

У меня есть против Вас злой умысел — мне хочется вас заставить — вечер или два — слушать отрывки из «Былое и думы» — из тех частей, которые будут напечатаны — когда меня запечатают, как посылку, на тот свет... Отрывки эти, кроме Огаревых, никому я не читал (исключая две-три главы) — и мне хотелось бы совершенно искреннего отзыва, и отзыва не мужского (26/14 янв 1869 г. Фулем // Собр. соч.: в 30 т. М., 1961–1965. Т. 27/1. С. 11).

Салтыков-Щедрин — Некрасову:

Поощренный Вашим отзывом об «Семейных итогах», я сегодня начал писать конец Иудушки (Собр. соч. : в 20 т. М., 1965. Т.18/2. С. 284).

В-пятых, редактор нужен автору и как стимулятор дальнейшего роста. Например, Н. С. Лесков пишет А. С. Суворину:

Чего мне недостает? — Вы отгадали: именно критики. Я очень чуток, и правдивое замечание меня восполняет и рождает во мне много мыслей. Критики я никакой не слышал...

В-шестых, редактор нужен автору, чтобы поддерживать его на всех этапах творческого процесса.

Гончаров — Стасюлевичу:

Переписка с Вами только подстрекает меня работать: Вы подгоняете меня Вашей бодростью, как кнутиком подгоняют кубарь — и я не дремлю (6/18 июня 1868 г. // М.М.Стасюлевич и его современники в их переписке: в 5 т. СПб., 1911–1913. Т. 4. С. 13–14).

И если я буду работать и кончу свою работу, то, конечно, много буду обязан этим Вашему энергическому и моральному и материальному участию. Вы осмысливали мой труд, предсказывая его значение, и поселили и во мне, вместо крайней недоверчивости к себе самому, некоторую уверенность к написанному и бодрость — идти дальше. Я смелее гляжу вперед ... (4/16 июня 1868 г. // Там же. С.11–12).

Конечно, штатные редакторы издательств, как правило, не идут в сравнение с друзьями — доверенными лицами писателей. Зато приведенные цитаты показывают, какими издательским редакторам надлежит стать в идеале, к чему им важно стремиться.

Было бы неверно не замечать, что очень многие писатели считали штатного издательского редактора большим злом. Беспощадно об этом сказал Михаил Светлов:

...Я всю жизнь мечтал пить из чистого источника поэзии, и каждый раз оказывалось, что там уже выкупался редактор (Паперный З. Человек, похожий на самого себя: О Михаиле Светлове. М.: Сов. писатель, 1967. С. 10).

А вот мнение литературоведа Э. Г. Бабаева:

Во всякой редакции есть свой «левша», который так умеет «подковать блоху», что она перестает «прыгать» (Знамя. 2003. № 1. С. 80).

Тем не менее и обычные издательские редакторы, уступающие во многом доверенным лицам автора, успешно защищают его интересы в издательском процессе. Нельзя не признать справедливым недовольство авторов редакторами за правку, искажающую смысл и стиль, за нелепые замечания, за невнимательное и неуважительное отношение к себе, за силовое навязывание решений, с которыми автор не согласен. Но ведь нередки и слова авторской благодарности за тонкие и умные редакторские подсказки, позволившие обогатить работу, за умелое руководство другими издательскими работниками, нацеленное на лучшее воплощение в книге замысла автора, за критику, спасшую автора от ошибок и оплошностей, за ту заботу об издательской исправности книги, которая делает ее удобной для читателя, избавляет от опечаток.

Таким образом, редактор нужен издательству, автору и, в конечном счете, читателю. Интересы читателя редактор призван защищать по самой сущности своей работы. Ведь он изучает предлагаемое к изданию произведение для того, чтобы выяснить, как оно удовлетворит запросы и потребности читателя, исходя из его темы и социально-функционального назначения. На этой основе редактор и критикует автора, чтобы тот наиболее убедительно воплотил свой замысел и наиболее полно удовлетворил интересы читателя. Ради читателя изучается редактором и репертуар выпускаемых изданий, чтобы читатель не страдал от лакун в нем.

Так что пока выпускаются книги, лучше для них, автора, издателя и читателя, чтобы редактор у них был, но редактор — тонкий и умный ценитель литературного труда, знаток книги и книжной культуры, а также процесса издания, а не человек, способный действовать лишь по чужим

рецептам. В демократическом обществе для этого есть больше условий, чем в обществе тоталитарном.

1.3. Что такое редактирование

В деятельности издательского специалиста, которого мы называли редактором, нетрудно углядеть несколько сторон: организаторскую внутри и вне издательства и литературно-творческую в работе над авторским оригиналом произведения, которую мы назовем для простоты критической, или аналитической.

Критическая работа редактора над оригиналом литературного произведения, представленного к изданию, и есть, собственно говоря, то, что в общей форме можно назвать редактированием.

Но в чем эта критическая работа состоит?

Довольно распространенное представление: редактирование — это исправление авторских ошибок, фактических, логических, стилистических. Правка — вот что такое редактирование, на взгляд многих.

Непроизвольно о таком понимании редактирования свидетельствует, например, Виталий Третьяков в своей книге «Как стать знаменитым журналистом» (М., 2004). Он начинает разговор о редакторе с «золотой максимы»:

Не бывает текстов, которые не нуждались бы в редакции (с. 416).

Поясняя эту максиму, он делает оговорку:

...это не означает, что всякий текст надо редактировать.

В. Третьяков попал в тиски противоречия (всякий текст нуждается в редактировании — не всякий текст надо редактировать) только потому, что в пояснении употребил это понятие в его расхожем, но неточном значении: редактировать текст — значит править его. Если максиму уточнить:

Не бывает текстов, которые не нуждаются в редактировании, т.е. анализе и оценке редактора, а в пояснении слово *редактировать* заменить словом *править*, противоречие исчезнет.

О воздействии представления о редактировании как правке на редактора начинающего иронически поведал критик и

писатель Б. Сарнов в своих заметках «Разбойник Мерзавио и редактор» (Редактор и книга. М., 1962. Вып. 3):

Узнав, что я поступаю на службу на должность литературного редактора, один мой приятель, человек довольно ядовитый, пообещал мне:

— Теперь в твою голову начнут приходить самые неожиданные мысли. Такие, до которых ты бы самостоятельно ни в коем случае не додумался...

Предсказание подтвердилось на следующий же день. Я уселся за свой редакторский стол, вооружился карандашом и приступил к чтению рукописи. И вот едва только я прочел первую фразу, как мною овладело странное и совершенно никакой логикой не продиктованное желание зачеркнуть слово «здесь» и написать вместо него — «тут» (с. 19).

Удержавшись усилием воли от столь решительного поступка, Сарнов стал искать причину своего необъяснимого желания и нашел ее:

...фраза не имела... никаких изъяснов. Она была безукоризненна... Она мне... нравилась. Но как же так? Ведь я редактор! Значит, я должен что-то вычеркивать, выписывать, править — одним словом, редактировать! (там же).

Это понимание редактирования зафиксировали и толковые словари русского языка:

РЕДАКТИРОВАТЬ — 1. Проверять (проверить) и исправлять (исправить) какой-л. текст, подвергать (подвергнуть) его окончательной обработке (Словарь русского языка : в 4 т. 2-е изд., испр. и доп. Т. 3. М., 1984. С. 695).

И в качестве примера приведен текст реплики из пьесы А. Н. Островского:

С т ы р о в. Я записку составил, она там у меня, в кабинете на столе; надо ее хорошенько редактировать.

Правильно ли такое понимание редактирования?

И поможет ли оно выполнению основной задачи издательства — выпуску нужных читателю книг?

Сомнительно по многим причинам.

Если редактирование — устранение недочетов и ошибок, то, видимо, при превосходном выполнении редактором своих обязанностей читатель получит книгу без ошибок.

Хорошо ли это? Книгой без ошибок ведь может быть и очень заурядное, посредственное, слабое произведение. Компиляторы нередко тоже пишут без ошибок. А читатель

тщетно ищет в их творениях новое содержание и закрывает последнюю страницу, сожалея о потерянном времени. Да, само по себе отсутствие ошибок еще не делает книгу хорошей.

Другое, тоже распространенное представление о редактировании: редактирование — «приведение содержания и формы любого документа... в соответствие с общепринятыми или специально установленными требованиями» (Книга: Энцикл. М., 1999. С. 524).

И это представление о редактировании текста не выдерживает серьезной критики. Отвечать установленным требованиям произведению нужно, но этого мало для того, чтобы признать его полноценным. И, кроме того, это может привести к печальным последствиям. Во-первых, потому, что не может не стать препятствием для всего нового. Во-вторых, потому, что сами требования и нормы не могут учесть индивидуальные особенностей произведения и автора и ведут к нивелированию содержания и формы, а нетехническая стандартизация литературе и редакционному делу противопоказана. Более того, наилучшие результаты в критике могут быть достигнуты только в том случае, если для каждого произведения будут вырабатываться требования, исходящие из него самого. Об этом принципиально высказывался, например, Эжен Ионеско:

Система исследования [произведения] должна быть максимально приближена к самому произведению... Я думаю... мы должны исходить из законов и правил, которые диктует каждое новое произведение. Отвечает ли оно своим собственным целям? Как ни странно, как ни парадоксально это звучит, но текст должен сам задавать критерии его оценки (Ионеско Э. Беседа «Между жизнью и сновидением» // Иностран. лит. 1997. № 10. С. 122).

Об этом же говорила Т. Г. Габбе, рассказывая Л. К. Чуковской, какую книгу о редактировании она бы написала:

— Я попыталась бы кратко и точно сформулировать, какая именно задача стояла передо мной относительно каждой книги и каждого автора. Я бы не повествовала, не описывала, а отыскивала бы определение, точную математическую формулу каждой работы (Чуковская Л. К. Памяти Тамары Григорьевны Габбе // [Соч.: в 2 т.]. М. : Арт-Флекс, 2001. Т. 2. С. 326).

И еще одно высказывание Т. Г. Габбе как редактора произведений С. Я. Маршака:

Самуилу Яковлевичу так существенно мое мнение о его стихах потому, что это его собственное мнение, только взятое объективно. Я всегда понимаю его задачу, ту, которую он поставил перед собой, и сужу о том, что получилось, с точки зрения его задачи. Его собственной (Там же. С. 275).

Таким образом, и Т. Г. Габбе свидетельствует, что требования к произведению (она их назвала задачей) редактору надо определять самому на основе изучения произведения и хорошего знания автора.

Правота этих высказываний несомненна. Ведь каждое произведение индивидуально и требует индивидуального подхода. Только творчески осмыслив произведение не по рецепту или шаблону, а с учетом его задач и особенностей, редактор может рассчитывать на правильность оценок и решений.

Редактирование и есть по преимуществу критика работы автора с позиции интересов читателя, общества и собственных интересов автора.

Первым в отечественной печати взглянул на редактирование как на своеобразный вид критики писатель Н. Замошкин в своих «Заметках о редактировании» (Октябрь. 1953. № 4):

Редактор сродни критику. Но редактор — это такой критик, который не только оценивает, сравнивает, подвергает разбору и выносит, употребляя классическое выражение Чернышевского, приговор произведению, но который и практически содействует выходу произведения в свет в наилучшем виде. Редактирование — это критика, так сказать, предупредительная и притом глубоко товарищеская.

Развивая мысль Н. Замошкина, можно отметить различия в деятельности редактора и критика, выступающего с разбором вышедшей из печати книги.

Редактор читает произведение хотя и законченное, но такое, в которое автор может еще до того, как оно попадет к читателю, внести самого разного рода изменения под воздействием редакторской критики. Прав или не прав редактор в своих замечаниях, читатель судить не может: вариант, который критикует редактор, ему недоступен.

Критик анализирует и оценивает завершенное произведение, в которое уже вложен в какой-то мере труд издатель-

ства и с которым может ознакомиться читатель, чтобы вынести свое суждение.

Редактор критикует для того, чтобы помочь автору лучше реализовать его замысел, сделать возможно более совершенной содержание и форму произведения еще до того, как оно попадет к читателю.

Задача критика иная — определить достоинства и недостатки уже напечатанной работы, ее место в творчестве писателя и в литературе (науке), чтобы, с одной стороны, помочь читателям лучше разобраться в этой работе, правильное ее оценить, а с другой — помочь автору в его дальнейшей литературной или научно-литературной деятельности.

Из поля зрения редактора не должна выпасть ни одна частность. Редакторская критика будет неполной, если она обойдет вниманием даже одно слово. Она отличается рабочим всеохватывающим характером.

Критик, оценивая произведение, выбирает в качестве объектов критики лишь то, что помогает ему подвести читателя и автора к определенным выводам.

Критик не вмешивается в работу автора (на данном этапе она закончена), редактор (или под влиянием его критики автор) вносит изменения в произведение, и нужно быть абсолютно уверенным в надобности этих изменений, в том, что они ему на пользу, а не во вред.

Редактор, забрав рукопись, не даст книге появиться на свет. Критик не в силах полностью преградить книге путь к читателю.

Из всех этих отличий вытекает особая, специфическая сложность и ответственность редакторской критики, делающей ее непохожей ни на какую другую. Оценка критика в печати проверяется читателями, другими критиками. Его ошибка в какой-то степени поправима. Ошибка редактора может стать роковой для произведения.

Правда, в современных условиях положение изменилось, и нельзя не согласиться с издателем Альфредом Кнопфом, который, по словам С. Довлатова, «про нынешнюю литературу сказал: „Сейчас уже невозможно написать столь плохую книгу, чтобы ее нельзя было где-нибудь издать“...» (Довлатов С., Ефимов И. Эпистолярный роман. М., 2001. С. 223).

Правда, Кнопф имел в виду США, но в начале XXI в. его слова применимы и к России.

Правда и то, что мы знаем немало случаев, когда редакторы-издатели браковали произведения, которые впоследствии стали классикой. И кто знает, не поставило ли бы это крест на публикации некоторых из этих произведений, не сломало ли бы жизнь некоторым из их авторов.

Есть и другая сторона проблемы отношений редакторов и авторов. Так, возможно, Гончаров никогда не завершил бы работу над романом «Обрыв», не умей редактор «Вестника Европы» М. М. Стасюлевич шевелить авторское воображение и тонко действовать на самолюбие Гончарова, не поддерживая его письмами, как об этом свидетельствует сам Гончаров:

...я в свою очередь должен сказать, что много обязан Вам скорым и успешным окончанием романа, ибо Ваше постоянное наблюдение за мной, непрестанное, живое побуждение к работе, неусыпное участие, почти личное, так сказать, присутствие Ваше при самом процессе писания мною, терпеливое прочитывание написанного мной – все это подогревало мою не обломовскую лень... а мое охлаждение от лет и равнодушие ко всему и даже к литературе. Вы присутствовали в моей мастерской, и сами наблюдали за заказом труда... и участием много помогали мне не давать нервам падать. Таким образом мы и довели воз до места – и за это я пожимаю протянутую Вами руку (М. М. Стасюлевич и его современники в их переписке. СПб., 1913. Т. 4. С. 96).

А ведь перед последним письмом со словами благодарности Гончаров писал тому же Стасюлевичу и такое:

...спешу просить Вас убедительнейше остановить печатание объявления о моем романе, от которого, как я теперь окончательно убеждаюсь, мне приходится отказаться навсегда. [...] Не старайтесь поколебать меня – Вы только прибавите несколько напрасных сожалений к моему невольному и необходимому отречению от пера. У меня давно, как я предчувствовал, отложена и должная Вам сумма, даже в той самой монете (Там же. С. 49).

Выдержка и терпение, спокойствие и чуткость Стасюлевича-редактора помогли Гончарову преодолеть кризис и нервный срыв. Более того, Стасюлевич в какой-то мере спас Гончарова и от мысли о самоубийстве, которая терзала его душу.

Так что все это свидетельствует: ответственность редактора перед читателями и литературой необыкновенно высока.

Итак, основа редактирования как деятельности — *критический анализ предназначенного к изданию произведения с целью его правильной оценки и помощи автору в совершенствовании содержания и формы произведения ради интересов читателя, издателя и автора.*

Сам процесс совершенствования (исправление рукописи) включается в редактирование непосредственно, если редактор помогает автору своей правкой, косвенно — если по замечаниям редактора совершенствуется произведение сам автор.

Это приходится подчеркивать прежде всего потому, что, как уже отмечено выше, сложилось устойчивое представление: редактировать — значит править рукопись. И хотя, действительно, без правки редактор обходится довольно редко, но это происходит тогда, когда автор представляет литературно недоработанное произведение. А поступает он так часто не по злему умыслу, а по сложности своей работы и уверенности, что ему все равно сделают замечания и рецензент, и редактор. А раз повторной работы над рукописью не избежать, то и стараться окончательно отпилифовать рукопись нет уж такой необходимости, можно это будет сделать после.

Понимание редактирования как правки укореняется тем прочнее, чем больше привыкают авторы к тому, что их рукопись будет непременно правиться, а редакторы — к тому, что в правке их высшее предназначение.

Уместно здесь напомнить давний, но не устаревший совет Ф. Энгельса в письме к К. Каутскому:

Свои жалобы на нерадивость немецких литераторов ты должен претворить в такой принцип: отсылать автору для исправления, подчеркнув цветным карандашом соответствующие места, те статьи, которые ты предполагаешь принять; тогда они быстро научатся писать иначе. Разумеется, если редакция так любезна, что предоставляет к их услугам литературную обработку, авторы будут писать все более небрежно (Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 38. С. 270–271).

Итак, лучше всего, если рукопись будет исправлять сам автор. В принципе это его дело. Есть и еще несколько причин, почему это предпочтительнее (см. об этом в гл. 14 «Методика правки текста»). Главная же задача редактирования

не правка, а всесторонний анализ содержания и формы произведения, представленного автором к изданию. От мастерства редакторского анализа зависят и общая оценка произведения, и качество всех редакторских замечаний и исправлений.

«Понимаете ли вы, что редактировать — это не значит заменять или переставлять слова в тексте?» — с таким вопросом С.Я.Маршак обратился к молодому человеку, пожелавшему стать редактором, как вспоминает в статье «О „тайнах“ редактирования» С. Фридман (Нева. 1957. № 5).

Правда, некоторые специалисты по-прежнему считают правку главной целью редактирования на том основании, что многие произведения пишутся не литераторами-профессионалами, а людьми, нуждающимися в литературной помощи. Редактору в таких случаях, полагают эти специалисты, надо править для того, чтобы придать тексту наиболее доходчивую литературную форму. Сам процесс такой работы — необходимая специализация: один сообщает идеи, другой придает им форму. Французский ученый А. Моль в книге «Социодинамика культуры» (М., 1973) пишет:

В предельном случае автор сообщения будет выступать уже не как писатель, а как поставщик идей и понятий, которые будут записываться, то есть оформляться, другим лицом. (...) С зачатками этого процесса мы встречаемся уже и в наше время. Эта та тенденция к разделению труда в интеллектуальной сфере, которая наблюдается со времен Бальзака и вообще после разделения функций редактора и издателя (с. 189).

Возможно, для изданий некоторого рода такое разделение труда необходимо. Возможно, что именно редактор издательства будет выступать в качестве литературного обработчика. Но будет ли эта его работа редактированием? Не является ли она своеобразным соавторством? Ведь воплощение содержания в литературную форму есть неременная часть авторской работы, процесса создания литературного произведения, произведения письменности. Сможет ли такой соавтор выступить успешно также в роли редактора? Автор ведь не лучший судья самому себе. Да и целесообразно ли, полезно ли такое совмещение обязанностей и функций?

Из двух толкований редактирования (при одном главное — обработка текста произведения редактором, при другом — критический анализ и оценка произведения) второе представляется более близким к истине. В самом деле: а если редактор не правит рукопись, но одобряет и подписывает ее в набор и печать — редактирует он или нет? Состоялось ли редактирование, если редактор не исправил в рукописи ни слова, ни знака?

Ответ зависит от того, что сопутствует редакторской подписи.

Если редактор при этом сумел в результате анализа и оценки *доказать* издателю и себе, что произведение удовлетворит потребности читателя и что автора не в чем упрекнуть, значит, редактирование состоялось.

Если же редактор просто, без всякого анализа и оценки, посчитал, что произведение заслуживает издания и не требует поправок (рукопись безотчетно понравилась ему), есть основание сомневаться, что редактирование состоялось. Чтение не сопровождалось анализом, а вывод и оценка чисто интуитивны, основаны лишь на общем впечатлении, на вкусовых, субъективных ощущениях. Подобным может быть чтение рядового читателя, но ведь ему не требуется решать, следует или не следует издавать произведение (оно уже издано).

Значит, суть редактирования не в том, чтобы правкой привести его содержание и форму в соответствие с установленными требованиями.

В чем же? Как ответить на этот непростой вопрос?

Задумаемся над тем, с какой целью создается книга, вообще любое произведение печати.

Прежде всего с той или иной целью: помочь читателям учиться, работать, отдыхать, развлекаться, развивать науку, сделать их сторонниками своих политических взглядов, просвещать их и т.д.

А это значит, что автору и редактору надо достигнуть того эффекта помощи, воздействия, на который они рассчитывают. Иначе зачем издавать?

Отсюда и возникает необходимость заранее выяснить, так ли это будет, как хочется автору, издателю, редактору, как они замыслили, чтобы, если не так, то постараться помочь автору устранить то, что этому мешает.

Вот такое испытание на верность достижения цели. Таким образом, суть редактирования в самом общем виде — в своеобразной прогностической проверке произведения с точки зрения того, как оно будет служить читателю.

Прогнозируется, как произведение удовлетворит потребности читателя (зрителя, слушателя), которые вытекают из самой функции этого произведения: для научного издания — развивать и углублять научные знания, для учебного издания — служить обучению учащихся, для научно-популярного — просвещать, популяризируя достижения науки, делая их доступными неспециалистам. И не только в целом, но и в каждой детали.

Именно в прогностическом характере редактирования его своеобразие. С. И. Вавилов «постоянно подчеркивал: редактируя статью, нужно всегда иметь в виду читателя, поставить себя на его место» (Памяти Сергея Ивановича Вавилова. М., 1952. С. 122).

Автор не всегда может преодолеть те трудности, которые встают на пути раскрытия темы. Он порой сдается там, где при большей настойчивости мог бы добиться успеха. Вдохновить автора на новый творческий приступ в таких случаях может другой человек, своеобразный судья и одновременно защитник авторского труда. Таким человеком может и должен стать не кто иной, как редактор.

Как справедливо показала А. Н. Васильева в «Курсе лекций по стилистике русского языка. Научный стиль речи» (М., 1976), автору, например, научного произведения трудно:

1. «...Встать над содержанием собственного открытия, взглянуть на него со стороны, увидеть его в целом... преодолеть психологическую стихию собственного творчества. Актуальное для исследователя в процессе совершения открытия, будучи по инерции перенесенным в произведение, может оказаться избыточным с точки зрения адресата, а „само собой разумеющееся“ для автора, будучи опущенным, — открывать „зияния“ в логическом ритме и т. д.» (с. 16).

2. «...Уметь видеть свое произведение глазами заданного адресата...», которого «автор нередко подменяет... собой» (с. 17).

3. Достичь «равновесия между информативной насыщенностью и коммуникативной доступностью». «...Не

только „развернуть“ тот или иной сгусток [мысли] и выразить словесно, но и „свернуть“, сжать словесно избыточное высказывание в словесно экономное» (с. 18).

Итак, редактирование — в первом приближении это своеобразный вид интеллектуального испытания рукописи, в основе которого лежит редакторский анализ, помогающий рукопись оценивать, определять причины недостатков, подсказывать автору пути и средства их устранения, совместно с автором совершенствовать рукопись.

Таким образом, в нашем понимании редактирование складывается из редакторского анализа рукописи, ее оценки, а также из помощи автору в выработке программы ее совершенствования, из непосредственного совершенствования рукописи автором (совместно с редактором или под влиянием его обоснованных, опирающихся на анализ замечаний) или редактором (при обязательном утверждении автором всех редакционных изменений).

Могут спросить: но чем тогда редактирование отличается от рецензирования? Ведь и рецензент анализирует рукопись, оценивает ее, зачастую помогает автору выработать программу ее совершенствования, предлагает конструктивные решения.

Отличия в том, что рецензент анализирует и оценивает рукопись главным образом с принципиально решающих, важнейших сторон ее содержания и формы. Он не доходит, как правило, до каждой детали. Редактор же обязан это делать.

Рецензирование внешнее — в подавляющем большинстве случаев лишь часть процесса анализа, оценки и выработки конструктивных предложений, и именно та часть, которую редактор выполнить не в состоянии, прежде всего в силу ограниченности своего знания избранной автором темы.

Если же рецензирует редактор, то и он редко касается частностей, стараясь на этом этапе анализировать и оценивать рукопись в главном, используя для этого и внешнюю рецензию.

Схематически процесс редактирования в таком его толковании можно (в идеальном случае) представить так, как на с. 38.

СХЕМА ПРОЦЕССА РЕДАКТИРОВАНИЯ

1. Предварительное рецензирование издательским редактором

Самый общий анализ и оценка рукописи редактором, чтобы установить,
в частности, и надобность в рецензировании внешнем

2. Рецензирование внешнее

Анализ и оценка рукописи внешним рецензентом

3. Рецензирование редакторское углубленное

Анализ и оценка рукописи редактором с наиболее существенных сторон,
вбирающее в себя анализ и оценку рукописи рецензентом

4. Совершенствование рукописи автором

Исправление рукописи автором по замечаниям рецензента и редактора
и обоснование неправомерности не принятых им замечаний

5. Рецензирование редакторское окончательное

Анализ и оценка авторских исправлений, выполнения автором требований
издательства и на этой основе решение о пригодности рукописи к изданию
(этапы 4 и 5 могут повторяться)

6. Детальная помощь редактора автору в улучшении рукописи при подготовке ее к изданию

Анализ и оценка каждого элемента рукописи, вплоть до мельчайших;
выяснение причин частных несовершенств текста и возможностей его улучшения,
поиск средств устранения этих причин, путей реализации этих возможностей,
правка как вид конструктивных предложений редактора автору

7. Авторские исправления рукописи в деталях

(вместе с редактором) или утверждение автором редакторской правки

Как видно из схемы, редакторский анализ входит в каждую составную часть редактирования, каждая с редакторского анализа начинается, на него опирается, с его помощью выполняется.

Итак, суть и главная задача редактирования, на мой взгляд, не в правке рукописи, а в мысленной проверке ее качества, того, насколько полноценно она будет служить читателю, проверке, как она удовлетворит его потребности, чтобы на этой основе помочь автору устранить слабости произведения и усилить достоинства.

Существуют и другие толкования редактирования, кроме упомянутых. Одно из них предложил профессор М. В. Рац в уже упоминавшейся статье «Созидательная работа редактора» (в печати). Он выделяет во «внутренней» работе редактора, т.е. той, что непосредственно связана с подготовкой рукописи к изданию, три основных направления: «Это, во-первых, организация работы коллектива специалистов разного профиля, занятых подготовкой рукописи и изданием книги, и управление этим коллективом; во-вторых, собственная работа редактора по созданию аппарата книги и подготовке рукописи к печати; в-третьих, совместное с автором редактирование текста». Тут еще не раскрыто содержание понятия «редактирование». М. В. Рац считает «работу издательского редактора над авторским текстом... занятием факультативным». Тем не менее редактирование он мыслит «как особый тип преобразовательной деятельности с текстом...»

В том, что М. В. Рац делает упор на первом и втором направлении работы редактора, умаляя третье направление, есть свой резон. С его точки зрения, редактор прежде всего и главным образом должен заботиться об удобстве пользования книгой, о таком превращении авторского произведения в книгу, которое обеспечивало бы «диалог по поводу и вокруг книги». То есть он мыслит редактора как специалиста, знающего до тонкостей книжный организм и способствующего наиболее органичному превращению авторской рукописи в форму книги.

Близка к такому пониманию и точка зрения Григория Ерицяна, директора издательства «Слово», а затем ИД «Искусст-

во». Он очень хорошо сказал в беседе с корреспондентом газеты «Книжное обозрение» (2003. 14 июля. С. 11):

Книгу... если речь идет о художественной литературе, надо суметь сыграть – как спектакль. Любой спектакль надо ставить, и любому автору нужна редакция. (...) Гениальность режиссера заключается в том, чтобы вникнуть в авторский замысел и, не предавая автора, найти путь для наиболее полного воспроизведения того, что хотел сказать автор. Тогда зритель становится зрителем творения автора, а не режиссера или актеров. Мне кажется, что к книге это очень близко. Издатель должен найти способ для передачи авторского замысла читателю – выбирая шрифт, оформление, верстку, переплет.

Почему же мне представляется важным и такое толкование редактирования?

Потому что практика показывает, что критический анализ и основанная на нем оценка рукописи большинству штатных редакторов книжных издательств, как правило, не по силам. Слишком тонкая материя. А вот для того, чтобы делать то, что М.В.Рац предлагает считать редактированием, достаточно специальных знаний и умения применять их на практике, что доступно любому человеку, получившему редакторское образование.

По М. В. Рацу, автор — создатель произведения, редактор — книги.

В то же время если ограничивать роль редактирования лишь такой задачей и возлагать ответственность за произведение только на автора, то не исключено, что качество многих издаваемых книг по содержанию будет далеко от нужного читателю.

Справедливости ради надо сказать, что в спорах с автором этих строк по поводу задач редактирования М. В. Рац высказывал и более широкую точку зрения. Редактор, на его взгляд, стоит на страже не только культуры издания, но и культуры речи и мысли, а также культуры коллективной работы. И это, мол, его собственная задача, которой при подготовке издания озабочен только он и никто другой — ни автор, ни издатель, ни издательские работники. У каждого из них свои заботы.

Здесь односторонность прежнего толкования редактирования смягчена. В конце концов М. В. Рац признал за редак-

тированием и задачу «расширения пространства мышления автора, т.е. разработки и предложения ему [редактором] спектра возможных альтернативных решений». С такой точкой зрения можно согласиться.

Немало места отвел редактированию в своей книге «Как стать знаменитым журналистом» Виталий Третьяков (М., 2004).

Он высоко оценивает роль редактора в журналистике и, приводя перечень предметов, которые нужно, по его мнению, преподавать на факультете журналистики (с. 194—195), не забывает и редактирования. Правда, среди курсов специализации редактирование открывает у В. Третьякова последнюю группу — технологических и технических курсов. Он невольно приравнивает редактирование к следующим за ним курсам макетирования и верстки, телепрограммирования, операторской работы, фотоиллюстрирования. Никак не принижая все эти полезные и нужные технологические и технические курсы, не могу согласиться с квалификацией редактирования как технологического или технического курса. В редактировании преобладает все же не техническая сторона дела.

1.4. Редактирование — лишь часть работы редактора

Неверно ставить знак равенства между редактированием в изложенном выше понимании и всей работой редактора. Редактирование — лишь часть этой работы, важнейшая, главная, но все же часть.

Хороший редактор не только отбирает оригиналы и готовит их к производству. Он сам придумывает темы новых книг, которые ждет читатель, находит для них авторов, организует заключение договоров с ними.

У редактора немало организаторских забот, от которых зависят и сроки и качество книг.

Ему надо так рассчитать сроки представления авторских оригиналов, чтобы, с одной стороны, у него не было «окон» в работе, а с другой — оригиналы не скапливались на его столе, удлиняя сроки подготовки и выпуска книг.

Редактор следит за тем, соблюдают ли авторы договорные сроки представления оригиналов в издательство, а после поступления последних — за соблюдением сроков их так называемого одобрения, т.е. своевременного письменного извещения автора издательством о пригодности или непригодности оригинала к изданию.

Редактору надо своевременно заказать оформление книги, изложив письменно свои соображения о том, какие требования желательно соблюсти при подготовке оформления, исходя из содержания книги.

Если книга иллюстрированная, надо вовремя заказать оригиналы иллюстраций графическому бюро, графику, ретушеру.

Редактору надо определить, каким аппаратом надо оснастить книгу, и заказать его элементы специалистам, так, чтобы они поступили в издательство тогда же, когда и оригинал после исправления его автором по замечаниям редактора и рецензента.

Не обойтись редактору без составления хотя бы примерного графика движения оригинала каждой своей книги по издательским инстанциям, на рецензировании и на исправлении у автора.

Согласовать все сроки нахождения на каждом этапе таким образом, чтобы оригинал нигде не пролеживал впустую, далеко не просто. Не говоря уже о том, что нужно предвидеть возможные заторы по объективным и субъективным причинам.

Только опираясь на большой опыт работы и доскональное знание пути оригинала от представления его автором в издательство до сдачи в производство, можно спланировать подготовку оригинала к производству так, чтобы она прошла в максимально сжатые сроки.

Редактора можно сравнить с дирижером, от мановения рук которого зависит быстрота и согласованность действий всех участников подготовки книги в издательстве. А это не только отдельные издательские работники (художественный и технический редакторы, корректор-вычитчик, технолог-полиграфист), но и подразделения издательства. У каждого из них свой участок деятельности и свои заботы и интересы, и тут от редактора зависит, чтобы эти интересы не входили в

противоречие с задачами и движением книги.

Можно приводить бесчисленные примеры ухудшения авторского текста корректором при вычитке или корректуре из-за недостатка знаний или неточного понимания текста.

Вот один из моих авторской практики.

В статье «Бернская конвенция» «Издательского словаря-справочника» я не заметил элементарную стилистическую ошибку — несогласованность в числе сказуемого с подлежащим:

Россия присоединилась к Бернской конвенции в 1995 г. с оговоркой о том, что действие Б.к. не распространяются на произведения...

«Безобразие, — подумал корректор: *действие* в единственном числе, а *распространяются* — во множественном». И действительно, безобразие. Но, вместо того чтобы задать редактору и автору вопрос, не долго думая заменил *действие* на *действия*. Устранил несогласованность, не уведомив об этом карандашным вопросом редактора и автора. Не проверь автор правку корректора, текст был бы напечатан в обезображенном виде, потому что Бернская конвенция может обладать и обладает абстрактным действием, но у нее нет и не может быть конкретных действий.

Получилось, что корректор одну стилистическую погрешность заменил другой, более грубой, превысив свои полномочия. Это нередкое, но случается, и, значит, редактору и автору надо быть начеку.

Самое главное: для каждого из участников издания книги оригинал произведения, подписанный в набор данным редактором, — один из многих, для него же он на данный момент единственный, главный. На этом этапе данный оригинал в идеале становится главным делом его жизни. И поэтому хороший редактор единственный в издательстве старается по-настоящему создать наиболее благоприятные условия для беспрепятственной и безошибочной подготовки книги к производству. Редактор следит за тем, чтобы оригинал не застрял где-то на пути, и, если это все же случается, развязывает узлы. Редактор старается предупредить любые искажения. Он стремится к тому, чтобы каждый участник подготовки рукописи к изданию полюбил будущую

книгу, понял ее ценность и постарался вложить в нее все свое мастерство.

Описать здесь алгоритм организационных действий редактора нет возможности: слишком много ситуативных факторов. Да в этом и нет необходимости. Специалист-редактор сам определит этот алгоритм, исходя из местных условий и особенностей.

Редактор не может безразлично относиться и к тому, как издательство соблюдает финансовые и другие свои обязательства перед автором, т.е. ему надо позаботиться и о том, чтобы автору вовремя выплатили гонорар, выдали авторские экземпляры и т.д.

Без редактора издательский маркетинг и реклама книги не может быть такими успешными, как требуется. Потому что он единственный в издательстве досконально знает содержание книги, лучше других представляет ее читателей.

Глава 2

ПРЕДМЕТ, МЕХАНИЗМ И ОБЩАЯ СТРУКТУРА РЕДАКТОРСКОГО АНАЛИЗА ТЕКСТА

2.1. Понятие «редакторский анализ»

Термин «анализ» в логике и психологии означает мыслительную процедуру, цель которой вычленить в объекте («целом») его составные части ради всестороннего изучения каждой во всех ее связях и взаимозависимостях, благодаря чему становятся ясными ее свойства, и зафиксировать эти свойства в знании. Слово «анализ» употребляется в научной литературе и в более широком значении — как исследование вообще.

Изучая произведение для оценки, редактор тоже «разбирает» его на части и элементы (структурно-логические, речевые и т.д.).

К какому же из этих понятий относится редакторский анализ? Что это — только разновидность анализа как логической процедуры? Или акт мыслительной деятельности вообще, вид многостороннего изучения произведения, предназначенного к изданию, с целью его оценки?

Если считать редакторский анализ лишь разновидностью анализа как логической процедуры, то возникнет необходимость найти термин, который вобрал бы в себя все мыслительные процедуры, выполняемые редактором для того, чтобы оценить произведение и помочь автору устранить недостатки и усилить достоинства: анализ, синтез, сравнение, обобщение, классификацию и т.д.

На практике весь комплекс мыслительных процедур, выполняемых в процессе редакторского чтения рукописи ради ее оценки и решения других задач, обозначили термином «редакторский анализ». Собственно анализ как логическое

действие оказывается при этом лишь частью редакторского анализа.

Мыслительными процедурами, составляющими редакторский анализ, пользуется любой читатель для того, чтобы глубоко понять текст. Это доказано многими психологическими исследованиями (сошлемся хотя бы на работы отечественных психологов*).

Однако, когда читатель раскрывает книгу (другое издание) и начинает ее читать, он, как и редактор, познает содержание и форму произведения, но делает это ради того, чтобы удовлетворить ту или иную свою потребность. Другое дело — редактор. Далеко не каждое редактируемое им произведение может представлять для него личный интерес. Это бывает лишь в тех редких случаях, когда редактор сам входит в круг будущих читателей этого произведения. В подавляющем же большинстве случаев произведение не содержит того, что нужно редактору как читателю. Редактор берет рукопись во всех случаях главным образом для того, чтобы в ходе редакторского анализа выяснить, как именно удовлетворит произведение ту или иную потребность потенциального читателя, и, оценив, помочь автору усилить достоинства, устранить или ослабить недостатки.

Редактор в ходе редакторского анализа не только познает содержание произведения. Он старается выяснить, извлечет ли читатель из произведения то, что побудило его обратиться к этому произведению. Представив себе это, увидев расхождения между замыслом и предполагаемым результатом чтения, редактор оценивает произведение, предлагает изменения в нем, которые бы устранили или сделали минимальным подобное расхождение. Редактору, кроме того, надо проникнуть в замысел автора, чтобы определить, отвечает ли исполнение этому замыслу.

Конечно, мы схематически и очень упрощенно представили редакторское чтение и отличия его от обычного чита-

* Смирнов А.А. Проблемы психологии памяти. М., 1966; Лурия А.Р. Основные проблемы нейролингвистики. М., 1975. 253 с.; Доблаев Л.П. Вопросы психологии понимания учебного текста. Саратов, 1965. 92 с.; Он же. Логико-психологический анализ текста. Саратов, 1969. 171 с.; Каплан Л.И. Психологический анализ понимания научного текста // Уч. зап. / Магнитогор. пед. ин-т. 1957. Вып. 4. С. 39—56.

тельского, но в целом этому представлению можно найти немало подтверждений в редакционной практике.

В одном инструктивном издании автор рекомендовал:

Если кислота или щелочь попали на кожу через одежду, то сначала надо их смыть водой, а потом осторожно разрезать и снять с пострадавшего мокрую одежду.

Прочитав эту фразу, редактор не может не задать вопрос, который непременно возникнет у читателя: откуда надо сначала смыть водой кислоту или щелочь. С тела? Но ведь одежда еще не снята и будет снята лишь после ее увлажнения? Поразмыслив, редактор решил, что автор советует сначала смыть кислоту или щелочь с одежды, чтобы прекратить процесс проникания их через нее к телу, но забыл указать, откуда именно их смывают. Автор, вероятно, согласится с этим редакторским замечанием и поправит фразу хотя бы так:

Если кислота или щелочь попали на кожу через одежду, то надо сначала смыть их водой с одежды, а потом осторожно ее разрезать и снять с пострадавшего.

Представление о том, каким предположительно будет результат чтения произведения теми, кому оно адресовано, и есть цель редакторского анализа. А представление редактора о том, каким желательно быть результату чтения, сопоставляемое с этим предположением, и позволяет произведение оценить и при необходимости исправить до того, как оно попадет к читателю.

Таким образом, редакторский анализ в самом общем виде можно рассматривать как обоснованное предположение реальных результатов чтения потенциальным читателем.

В чем же конкретно процесс такого предположения состоит, как протекает, каким образом редактору удастся более или менее верно решить стоящие перед ним сложные задачи?

2.2. Предмет редакторского анализа и оценки текста

Редакторский анализ текста предпринимается в первую очередь для того, чтобы оценить его пригодность к изданию,

степень удовлетворения им потребностей читателя. Какая же из сторон произведения является предметом редакторского анализа?

На первый взгляд, вопрос о том, *что* нужно оценивать в рукописи редактору, кажется надуманным. Всё необходимо оценивать. Только всесторонняя оценка рукописи не даст ошибиться. Однако при этом остается неясным, какая из оцениваемых сторон является для редактора ведущей, определяющей.

Текст произведения — объект изучения многих научных дисциплин: логики, лингвистики, психологии, психолингвистики, типологии книги и т.д. Каждая из научных дисциплин исследует в произведении ту сторону, которая является ее специфическим предметом.

Может быть, редактору достаточно оценить идеологическую сторону рукописи — с точки зрения философии, специально-предметную сторону — с точки зрения отрасли знания (астрофизики, или ботаники, или литературоведения), логическую сторону — с точки зрения логики и т.д.? И всесторонняя редакторская оценка есть сумма оценок рукописи с каждой из всех ее сторон? И никакой специфически редакторской стороны в оценке рукописи просто не существует?

Это было бы так, если бы упомянутая сумма оценок позволяла оценить литературное произведение и с точки зрения выдержанности его функционального и читательского назначения. И в этом отношении нельзя не признать справедливым одно из важнейших требований к издательской работе, выдвинутое постановлением ЦК ВКП(б) от 15 августа 1931 г.: «Тип книги, ее содержание, язык должны отвечать специальному назначению ее, уровню и потребностям той группы читателей, для которых она предназначена» (О партийной и советской печати. М., 1954. С. 419).

С этой стороны литературное произведение не изучает ни одна наука. Даже типология книги рассматривает лишь наиболее общие особенности самых крупных групп изданий. Именно эта сторона произведения, которую мы вслед за А. Я. Черняком (см.: Сов. библиография. 1974. № 5) будем называть общественным назначением произведения, и является специфически редакторской. Она определяет все остальные стороны произведения: специальное содержание,

идеологические, политические, логические, стилистические и иные качества.

Ценным можно признать только такое произведение, которое во всех отношениях отвечает своему общественному (т.е. интегральному — функциональному и читательскому) назначению. Это позволяет определить предмет редакторской оценки как степень соответствия содержания и формы произведения, предназначенного к изданию, и каждой его стороны, части, элемента конкретному общественному назначению издания.

Это нужно для того, чтобы не допустить выхода произведения, содержание и форма которого не отвечают его общественному назначению, помочь автору в случаях тех или иных расхождений между ними добиться как можно большего их соответствия.

Ответить на вопрос о том, в какой степени содержание и форма произведения отвечают его общественному назначению, можно, лишь зная, каково оно, т.е. *что* желательно получить потенциальному кругу читателей от намечаемого к изданию произведения и *что* оно даст читателю в том виде, в каком его представил в издательство автор. Или иначе: каким именно будет результат чтения произведения и каким ему желательно быть, исходя из его общественного назначения.

Именно *реальный результат чтения* (т.е. такой, каким он предположительно будет в действительности) и *результат желательный, т.е., отвечающий общественному назначению произведения, и есть конечный предмет редакторского анализа, редакторского изучения рукописи.*

Итак, редакторский анализ в полном соответствии с его общим определением в подразделе 2.1,— это прогностическое изучение того, как будет функционировать произведение в читательской среде и как ему функционировать желательно, исходя из потребностей потенциальных читателей и особенностей произведения.

2.3. Механизм процессов редакторского анализа и оценки текста

Оценка — это процесс приложения к оцениваемому объекту общественно выработанных мерок (требований).

Л. И. Беляева в работе «К вопросу о типологии читателей» процесс осознанной оценки произведения определяет как «умственную деятельность, направленную на выяснение соответствия или противоречия между должным, желаемым и наличным» (Проблемы социологии и психологии чтения. М., 1975. С. 156). В этом определении, в сущности, уже раскрыт механизм редакторской оценки. Редактор сопоставляет компоненты содержания и формы рукописи с общественно выработанными мерками и мерками индивидуальными, продиктованными особенностями автора и произведения. Сами мерки ценности рукописи определяются тем, какие потребности читателей она должна удовлетворять.

Редактор сопоставляет предполагаемый результат восприятия компонентов содержания и формы рукописи потенциальным читателем с результатом, который бы в наиболее полной мере отвечал потребностям этого читателя. Сопоставление предвидимого результата с желаемым и позволяет оценивать рукопись (работу автора).

Таков в самом общем виде механизм редакторской оценки.

Какие аргументы в пользу такого представления, кроме чисто логических?

Первый — практика, опыт выдающихся редакторов. Изучая его, нельзя не заметить, что основанием для критики и правки всегда было предвидение результатов чтения потенциальным читателем и сопоставление их с результатом желаемым.

Второй аргумент в пользу нашего подхода к раскрытию механизма редакторской оценки — сходные выводы психолингвистики. Ее представители считают, что говорящий (автор) должен представлять себе смысловое поле реципиента (читателя) в момент воздействия и после него, т.е. представлять себе характер и направление тех изменений в смысловом поле читателя, которых он должен добиться в результате воздействия. И пишут о необходимости моделирования смыслового поля реципиента (двойном моделировании — наличного и желаемого состояния этого смыслового поля).

У редакторского анализа две главные задачи.

Во-первых, прогнозировать на основе глубокого изучения текста и определения важнейших признаков читателя (уровня его знаний, целей, побуждающих его браться за книгу, деятельности, в которой будут использоваться извлеченные им из произведения знания, и т.д.), каким будет предположительный результат чтения произведения в том виде, в каком его создал автор.

Механизм такого прогноза — сопоставление сознания, чувств, деятельности потенциального читателя до и после чтения произведения.

Во-вторых, изучив текст, читателя и установив общественное назначение издания, выяснить, какого результата чтения желательно достигнуть (*что* необходимо получить читателю в пределах реальных возможностей литературы на данной стадии ее развития). После этого, опираясь на выработанные общие требования, сформулировать такие конкретные требования к тексту в целом и ко всем его частям, при соблюдении которых он наиболее полно удовлетворит потребности читателя, то, чего этот читатель ждет от издания и что желательно ему дать.

Сложность этих задач очевидна: редактор располагает лишь текстом, а данные, которые ему надо добыть, не лежат на поверхности этого текста. Больше того, извлечь их из одного текста невозможно. Для этого редактору надо изучить не только текст, но и предполагаемое его взаимодействие с читателями, которым этот текст нужен. Только тогда редактор сможет предвидеть общественное назначение издания, требования к нему, взятые не с потолка, а выясненные в итоге изучения (см. выше).

До того как произведение не вышло в свет, не попало к своим читателям, не стало реально удовлетворять их потребности, узнать, насколько хорошо оно это будет делать, можно, естественно, только предположительно, гипотетически.

И потому есть основания рассматривать редакторский анализ, т.е. мыслительную деятельность редактора, который стремится выяснить, насколько хорошо будут удовлетворены читательские потребности, как своеобразный мысленный

эксперимент. Он состоит в том, что мысленно (в мышлении редактора) осуществляется то, что еще реально произойти не может, а именно взаимодействие читателя и текста. Цель — сравнить сознание и деятельность читателя, обратившегося к этому изданию с целью удовлетворить какие-то свои потребности (мысленную модель читателя), с сознанием и деятельностью этого же читателя, вобравшего в себя содержание произведения.

Редактор проигрывает, имитирует в своем сознании процесс чтения произведения потенциальным читателем.

Могут спросить, как редактор может вообразить себя потенциальным читателем, если читателей много и каждый — индивидуальность. И действительно, как показывают психологи, даже среди ста испытуемых есть несколько групп по способу мышления и мыслительных действий. Как же редактор может вообразить себя читателем, поставить себя в его положение, если единого читателя не существует? Ведь различия в мышлении и действиях проявляются при выполнении даже одной задачи — инструкции экспериментатора. Но тут есть все же разница. Редактор ставит себя в положение читателя не вообще, чтобы мыслить и действовать, как он (мыслит и действует почти каждый читатель по-своему), а с точки зрения ожиданий, которые побудили читателя взять именно эту книгу. Некоторые основные ожидания и запросы объединяют всех потенциальных читателей и делают возможным представить некоего усредненного читателя, результат чтения будущей книги которым надо определить редактору. Дело это, конечно, очень тонкое и очень трудное, но в общих чертах все же психологически осуществимое для артистической натуры, какой должна быть натура у редактора, натуры, способной к перевоплощению в читателя и автора по некоторым внешним параметрам и по способности к сопереживанию.

Нельзя также отрицать общие закономерности смыслового восприятия текста. Они и позволяют автору, как справедливо пишет Б.С.Мучник в своей книге «Человек и текст» (М., 1985), «предвосхищать результат такого восприятия текста читающими и, основываясь на этом, управлять процессом стилистического конструирования текста» (с. 23). И еще:

«...операция контроля (предвидение будущего результата восприятия текста и сравнение его с замыслом) входит у квалифицированного пишущего в процесс конструирования текста» (с. 27). Такими же могут быть действия редактора, но не для того, чтобы конструировать текст, а чтобы проверять, хорошо ли он сконструирован.

Не случайно Лев Толстой писал к В. П. Боткину:

Вы знаете мое убеждение в необходимости воображаемого читателя. Вы мой любимый воображаемый читатель. Писать Вам мне так же легко, как думать; я знаю, что всякая моя мысль, всякое мое впечатление воспринимается Вами чище, яснее и выше, чем оно выражено мною. Я знаю, что условия писателя другие, да бог с ними — я не писатель. Мне только одного хочется, когда я пишу, чтоб другой человек, и близкий мне по сердцу человек, порадовался бы тому, чему я радуюсь, позлился бы тому, что меня злит, или поплакал бы теми же слезами, которыми я плачу. Я не знаю потребности сказать что-нибудь всему миру, но знаю боль одинокого наслаждения, плача [?], страданья (Полн. собр. соч. : в 90 т. М., 1928. Т. 60. С. 214).

О воображаемом читателе пишет также не художник, а ученый, историк А. Я. Гуревич в своей книге «История историка» (М., 2004):

По моему убеждению, крепнувшему в 60–70-е годы, одним из существенных условий работы историка является более или менее ясное представление об аудитории, к которой он обращается. Возможно, есть ученые, работающие в «башне из слоновой кости», перед умственным взором которых не витает образ их будущего читателя. Я же всегда ощущал острую потребность представить себе, для кого я пишу. Разумеется, когда занимаешься частным вопросом, выясняешь специфические, узкопрофессиональные проблемы, без чего немислимо ремесло историка, адресуешься к коллегам, которые тоже могут быть в этом заинтересованы; их всегда немного, и с ними идет спокойный профессиональный разговор. Но когда я писал «Проблемы генезиса феодализма» и «Категории средневековой культуры», я уже прекрасно понимал, что к коллегам — медиевистам старшего или среднего поколения мне обращаться незачем и не с чем. Мне были достаточно понятны научные ориентации многих из них и их позиции в научной, околonaучной или антинаучной жизни. Искать с ними общий язык не имело смысла. Идти на компромиссы, вуалировать свою мысль и стараться говорить с ними не на своем, а на их языке или на каком-то волапоке, противоестественном гибриде, составленном из их и моей мыслительной фразеологии и терминологии? («...»)

Дорог мне всегда был молодой читатель и слушатель — студент, аспирант, начинающий ученый, увлекающийся в процесс научного творчества, способный воспринять, прислушаться. Я знал, кому адресую «Проблемы генезиса феодализма» и в еще большей мере — «Категории средневековой культуры». Этой молодой аудитории я настойчиво хочу объяснить: «Ребята, то, что вы слышали в лекциях, и то, что вы читаете в учебниках истории Средних веков, — это вовсе не то Средневековье, о котором говорит современная историческая наука, а обедненный, обесцвеченный, обесчеловеченный, кастрированный образ огромной важности исторической эпохи протяженностью в тысячу лет. Я хочу вам рассказать о другом Средневековье...» (с. 184–185).

Эту мысль А. Я. Гуревич повторяет и в конце книги:

Я уже не раз говорил, что при написании той или иной статьи или книги для меня важно было представить себе читательскую аудиторию (с. 275).

Уместно здесь привести также советы Н. В. Гоголя К. С. Аксакову в письме к С.Т.Аксакову, как улучшить слог с помощью воображаемого или даже реального читателя:

Но вот беда: у Константина Сергеевича нет вовсе слога. Всё, о чем ни выражается он ясно на словах, выходит у него темно, когда напишется на бумаге. Если бы он был в силах схватить тот склад речи, который выражается у него в разговоре, он был бы жив и силен в письме, стало быть имел бы непременно читателей и почитателей. Но это ему менее возможно, чем кому-либо другому. Искусство следить за собой, ловить и поймать самого себя редко кому удается. А слог все-таки ему нужно приобрести; ему нужно непременно спуститься хотя двумя ступенями ниже с той педантской книжности, которая у него образовалась и беспрестанно мешает с живыми и не педантскими словами. Есть один только для него способ, и если Константин Сергеевич точно так умен, как я думаю, то он его не бросит. Что бы он ни написал, ему следует, перед тем как он принимается за перо, вообразить себе живо личность тех, кому и для кого он пишет. Он пишет к публике, личность публики себе трудно представить, пусть же он на место публики посадит кого-нибудь из своих знакомых, живо представит себе его ум, способности, степень понятливости и развития и говорит, соображаясь со всем этим и снисходя к нему, — слово его непременно будет яснее. Чем он возьмет менее понятливого человека, чем этот человек будет менее сведущ, тем он более выиграет. Лучше всего, если он посадит вместо публики маленькую свою сестрицу и станет ей рассказывать (это особенно будет полезно в филологических статьях и произведениях слов, которые требуют необыкновенной ясности слога), и если он сумеет так рассказать или написать, что во время чтения маленькой сестрице не будет скучно и все понят-

но, тогда смело можно печатать статью, она понравится всем: старикам, гегелистам, щелкоперам, дамам, профессорам, учителям, и всякий подумает, что писано для него. Притом, зная, что пишет маленькой сестрице, Константин Сергеевич никак не зарাপортуется, а если бы случилось ему написать производство слов: муж и жена (что он производит очень умно, я бы его прямо списал с его слов), он бы удержался в одних филологических границах, тогда как если бы села на место маленькой сестрицы, положим, Ховрина или кто другой, брошен бы был религиозный взгляд на образ и на высшее значение его, — дело, конечно, тоже в своем роде умное, но годное для другой статьи. Словом, этот способ я предлагал Константину Сергеевичу как самый действительный, как бы он ни показался ему с виду ничтожным и незначущим. Я браню себя за свою недогадливость и глупость, что не схватился за него пораньше, я бы гораздо больше сказал дела и даже больше бы написал. Этот пустяк слишком важная вещь: только от нее приобретается слог и получается физиогномия слога. Это уже давно было сказано на свете, что слог у писателя образуется, когда он знает хорошо того, кому пишет (Полн. собр. соч. Т. 12. С. 497–498).

Писатель Л. Пантелеев выписал в свой дневник как очень важные слова В. Хлебникова:

Одна из тайн творчества — видеть перед собой тот народ, для которого пишешь (Пантелеев В. Приоткрытая дверь... Л., 1960. С. 348).

Конечно, вообразить потенциального читателя вовсе не просто, и попытки некоторых редакторов оправдать свои неблаговидные действия, свой произвол ссылкой на интересы читателя едко высмеял А. Жолковский в своей книге «Эросипед и другие виньетки» (М., 2003):

Более слабой формой утверждения своей власти над текстом являются всевозможные эзотерические соображения... об ориентации на читателя, вкусы и потребности которого Редактору якобы точно известны. (Один писатель как-то сказал мне, что послушать некоего знакомого нам обоим Главного, — читатель сидит у него прямо в шкафу, и он в любую минуту может с ним проконсультироваться (Виньетка «О редакторах», с. 508).

У наиболее обостренно чувствующих писателей стремление писать для воображаемого читателя, которому адресуется текст, перерастает в потребность видеть впечатление читателя-слушателя от написанного. Таким был И. А. Гончаров, если судить по его письму к редактору-издателю «Вестника Европы» М. М. Стасюлевичу:

Его [чтение 5-й части «Обрыва»] нужно учредить у Вас, чтобы и Любовь Исааковна [жена М. М. Стасюлевича] и София Александровна [жена А. К. Толстого] присутствовали: мне не столько нужны рассуждения, сколько впечатление других.

Я хотел еще Тютчева Ф. И. — он очень впечатлителен... и еще кого-нибудь — чтобы забегающие вперед газеты не дали слишком одностороннего взгляда публике, пристрастного к одному поколению, в ущерб другому (Стасюлевич и его современники в их переписке : в 5 т. СПб., 1911–1913. Т. 4. С. 71).

И еще одно соображение. Лингвисты пришли к выводу, что для точной оценки, например, стилистических качеств текста необходимо рассмотреть его с двух точек зрения — пишущего и читающего. Об этом пишет Б. С. Мучник в уже упоминавшейся книге «Человек и текст». Он на основе экспериментов убедительно доказывает, что есть общие закономерности восприятия текста у самых разных читателей.

Выясненные в ходе редакторского анализа как мысленного эксперимента изменения в сознании и деятельности читателя под влиянием текста произведения и служат материалом для сопоставления с теми изменениями, на которые редактор вправе рассчитывать, исходя из замысла издательства и автора, исходя из общественного назначения книги. На основе такого сопоставления и выносятся приговор, оценка.

Рукопись, правда, может быть обсуждена с представителями читателей. Известно, что Чарли Чаплин перед тем, как выпустить свой фильм на широкий экран, показывал его в одном из кинотеатров, следил за реакцией зрителей и вносил изменения, если она оказывалась не той, какой он ожидал и добивался.

Обсуждение рукописи также способно многое дать редактору, но мнения отдельных читателей при всей их ценности служат лишь дополнительным, хотя и очень важным материалом для более уверенного мысленного экспериментирования. К тому же организовать обсуждение рукописи совсем не просто, да у редактора и нет возможности обсуждать с будущими читателями каждую рукопись. Так что этот способ реально применим лишь для некоторых, например самых ответственных, рукописей.

Потребности и ожидания читателей желательно выяснять и в ходе конкретно-социологических исследований читателей и чтения.

Например, при исследовании чтения жителей небольших городов, проведенном научными сотрудниками Российской государственной библиотеки, читателям был задан вопрос: «Какие качества вы цените в литературе по своей специальности?» Выяснилось, что основные требования этих читателей к печатным источникам: 1) современный научный уровень; 2) сочетание теории с практикой; 3) новизна материала; 4) хорошее знание автором нужд практики; 5) насыщенность справочными данными; 6) доступность и конкретность изложения.

Эти критерии оценки нельзя сбрасывать со счета.

Итак, механизм редакторского анализа — сопоставление сознания, чувств, деятельности усредненного читателя группы, на которую рассчитано произведение, до и после чтения.

Установив предмет и механизм редакторского анализа и оценки рукописи, мы можем на этой основе углубить определение редактирования, данное выше.

Редактирование текста, по нашему мнению, может мыслиться как процесс установления степени общественной ценности произведения, предназначенного к изданию, а также процесс помощи автору в совершенствовании произведения ради того, чтобы максимально сократить разницу между предполагаемым и желаемым результатом чтения.

2.4. Общее представление о структуре редакторского анализа

До сих пор произведение и анализ его представляли в наших рассуждениях как одно нерасчлененное целое. Мы отвлекались от того, что в действительности одномоментно объять произведение никому не по силам: оно воспринимается любым читателем (и редактором в том числе) не сразу, а по текстовым элементам и частям, взаимосвязанным и обладающим многими качествами.

Мы пренебрегали (ради выяснения главной сути редактирования и редакторского анализа) и тем, что конечные цели анализа и оценки недостижимы сразу, что прежде чем оценить и найти способ улучшить рукопись, надо решить ряд промежуточных задач, каждая из которых достаточно слож-

на. Надо подвергнуть мысленной обработке из целой цепи действий каждый элемент и часть текста. Только решив промежуточные задачи, можно овладеть информацией, необходимой для оценки рукописи и ее улучшения.

Наконец, мы рассматривали произведение плоскостно, как однокачественное, хотя на самом деле оно объемно и обладает, как и каждая его часть и каждый элемент, многими качествами, и каждое из этих качеств требует самостоятельного анализа и оценки.

Таким образом, редакторский анализ — сложнейший мыслительный процесс, и структура его (составные части и связи между ними) очень сложна.

Редакторский анализ протекает как бы в трех плоскостях, трех разрезах.

Во-первых, он делится на части, поскольку само произведение состоит из многих элементов и частей (единиц текста), каждая из которых требует самостоятельного анализа.

Во-вторых, как показывает осмысление опыта, он членится на части потому, что единицы текста подвергаются не одной, а многим мыслительным операциям, у каждой из которых своя цель:

- глубоко овладеть смыслом того, о чем пишет автор, т.е. понять текст, и уяснить, какими формальными средствами пользовался автор для передачи смысла;

- убедиться в том, что глубокое понимание текста действительно достигнуто;

- выяснить, какому читателю адресован текст по сути его содержания и формы и что представляет собой этот читатель, каковы его наиболее существенные особенности именно как читателя;

- представить, как поймет текст потенциальный читатель;

- определить, на что текст реально нацелен и на что нацелить его желательно;

- установить, какими общими, особенными и индивидуальными чертами обладает произведение, каков замысел автора;

- вообразить, как изменится читатель под влиянием прочитанного текста, каким будет результат чтения.

После этого текст оценивается. И если оценка сниженная, то процесс анализа продолжается для того, чтобы, во-

первых, проверить правильность оценки произведения, и, во-вторых, помочь автору найти пути улучшения текста.

Цели последующих мыслительных операций:

- предвосхитить возможные возражения автора против первоначальной редакторской оценки и суметь обоснованно их отвести или, согласившись с ними, изменить оценку;

- если оценка и при этом осталась сниженной, выяснить, почему результат чтения оказался не тем, что желателен, почему исполнение разошлось с замыслом;

- отыскать рациональные средства, позволяющие устранить причины несовершенства текста, и предложить автору изменить текст с помощью этих средств или тех, что он найдет сам;

- проверить, действительно ли результат чтения измененного текста достигает поставленной цели, и, если цель не достигнута, снова повторить всю цепь действий.

Как видно из сказанного, редакторский анализ делится на виды, одни из которых нацелены на оценку рукописи, а другие — на помощь автору в ее улучшении.

Наконец, *в-третьих*, процесс редакторского анализа состоит из мелких частей потому, что у каждой единицы и части текста много содержательных и формальных качеств (идеологических, политических, специально-предметных, фактических, логических, стилистических и т.д.), и каждая требует сложного самостоятельного редакторского разбора и оценки.

Итак, каждая единица текста анализируется и оценивается:

- 1) как структурно-логическая его часть (первая группа видов анализа);

- 2) как обладающая смыслом, вытекающим из авторского замысла, а также читательским функционально-целевым назначением, реальным (реализуемым) и идеальным, к которому желательно максимально приблизиться (вторая группа видов анализа);

- 3) наконец, как имеющая много содержательных и формальных качеств (третья группа видов анализа).

Или иначе: редакторский анализ — это:

- 1) анализ по текстовым единицам;

- 2) анализ по разноцелевым мыслительным операциям,

которым подвергается каждая единица текста и текст в целом ради оценки и улучшения;

3) анализ по качествам (сторонам) каждой единицы текста и текста в целом.

Все эти разнообразные виды редакторского анализа сливаются в единый сложный процесс. Детально каждый вид рассматривается в следующих главах.

Глава 3

СТРУКТУРА РЕДАКТОРСКОГО АНАЛИЗА ПО ЕДИНИЦАМ ТЕКСТА

Текст — это, безусловно, такое единство,
в котором все взаимосвязанно.

Х. Вайнрих

Структура текста необычайно сложна. Его единицы могут быть выделены не по одному, а по многим признакам.

Во-первых, текст произведения — это запечатленная речь, выраженная языковыми средствами. И как таковой он складывается из единиц речи — высказываний, представленных единицами языка — словами, словосочетаниями, предложениями, фразами. В последних слова и предложения связаны между собой синтаксически.

Во-вторых, текст произведения — это запечатленная мысль. И как таковой он складывается из единиц мышления, или логических единиц: понятий (имен), суждений (высказываний), умозаключений и их систем (в частности, доказательств или опровержений), связанных логическими отношениями.

В-третьих, текст произведения — это не случайный набор фраз, а композиционное целое, в котором фразы связаны между собой композиционными, структурно-логическими отношениями и образуют разного ранга сверхфразовые единства. Каждое такое единство потому и называется единством, что все входящие в его состав фразы объединены в целое общей темой и следуют одна за другой в порядке, который определяется либо временной последовательностью отражаемых в речи событий (повествование), либо структурными связями между сторонами, частями, элементами отражаемого в речи объекта, предмета, явления (опис-

сание), либо отношениями логического следования (рассуждение).

Группа сверхфразовых единств (описаний, повествований, рассуждений), в свою очередь, объединяется в сверхфразовое единство старшего ранга общей более крупной темой в порядке, который определяется теми же принципами, что и в элементарном сверхфразовом единстве, т.е. как части либо повествования, либо описания, либо рассуждения.

В-четвертых, текст произведения — это рубрикационно-графически оформленное сочетание слов, предложений, фраз и т.д. В этом качестве текст состоит из абзацев, параграфов, глав, разделов, частей.

Таким образом, текст состоит из речевых, логических, композиционных и рубрикационных единиц. Они могут частично между собою совпадать (слово и понятие, предложение и суждение, сверхфразовое единство старшего ранга и параграф, элементарное сверхфразовое единство и абзац), но совпадают далеко не всегда (понятием, например, может быть и слово и словосочетание, предложение может и не быть суждением и т. д.).

Кроме того, указанные единицы текста объединяются и разделяются на другие единицы по самым различным признакам, которыми характеризуется текст (см. об этом ниже).

Изучая текст, редактор подвергает анализу сначала слово как единицу речи и как логическую единицу или ее составную часть, затем словосочетание, предложение, фразу и благодаря этому усваивает смысл указанных частей текста.

Сверхфразовое единство выступает для редактора как целое, состоящее не просто из речевых единиц, а из речевых единиц, объединенных композиционной связью (темой и отношениями следования как своеобразным преломлением развития этой темы).

На каком-то этапе сверхфразовое единство старшего ранга становится и рубрикационной единицей (параграфом или главой), хотя не исключено, что так может быть и с элементарным сверхфразовым единством. Рубрикационное членение текста графически выражает и закрепляет его композиционное членение на высших ступенях (их соответствие необходимо).

Редакторский анализ более крупных, чем фраза, частей текста и всего произведения в целом никак не может быть сведен к сумме анализов составляющих их фраз. Да и анализ фразы не может быть полноценным, если ведется изолированно, без учета ее связей с другими фразами текста, а через группу объединенных одной темой фраз с другими группами и далее с текстом всего произведения.

Смысл отрывка текста, фразы которого объединены общей темой, — это не сумма смыслов фраз этого отрывка, а новое качество, новый смысл, который рождается из смысла этих фраз и связей между ними. Смысл каждой фразы вливается в целое, преобразуясь в нем.

«Аналогично тому, как смысл целого предложения не равен сумме значений отдельных слов, — пишет А. Р. Лурия в «Основных проблемах нейролингвистики» (М., 1976), — смысл целого высказывания не исчерпывается значением отдельных предложений» (с. 149).

И в другом месте: «Всякий связанный отрывок текста представляет собой не просто последовательность фраз, а заключает *общую мысль*, являющуюся выводом из всего содержания в целом. Поэтому понимания значения каждой отдельной фразы еще недостаточно для понимания смысла всего текста. Для того чтобы достигнуть этого конечного результата, субъект, воспринимающий сообщение, должен выполнить определенную работу: он должен проанализировать и сопоставить включенные в текст части, выделить ведущие („ключевые“) компоненты текста и, наконец, усмотреть в отдельных „кусках“ информации, предлагаемой в изолированных фразах, общую мысль и подтекст сообщения» (с. 44).

Итак, можно выделить три основных элемента структуры текста и соответственно структуры его редакторского анализа:

1) слово (оно же может выступать как понятие или его часть, т.е. в качестве логической единицы);

2) предложение (оно же может выступать как высказывание, т.е. единица речи, и как суждение, т.е. в качестве логической единицы);

3) сверхфразовое единство (оно, переходя от низшего ранга к высшим, может становиться и рубрикационной единицей, например параграфом).

Анализ каждой из этих единиц текста зависит от анализа других единиц, так как между ними существует тесная связь и взаимозависимость.

Значение и смысл слов становятся до конца понятными только во взаимосвязи этого слова с другими в составе предложения. Получается, что анализ предложения невозможен без анализа составляющих его слов, анализ же слов — без понимания их роли, места в предложении, связей с другими словами, т.е. без анализа предложения. Предложение тоже не может быть глубоко понято без анализа его связей с другими предложениями фразы, а последняя — без анализа составляющих его предложений. Точно так же и фраза не может быть глубоко понята без понимания ее места и роли в сверхфразовом единстве, в которое она входит, без анализа ее связей с другими фразами этого единства. Для понимания сверхфразового единства требуется анализ каждой из составляющих его фраз. Анализ же сверхфразового единства старшего ранга, в состав которого анализируемое сверхфразовое единство входит, требует анализа всех составляющих его сверхфразовых единств. Даже смысл текста произведения в целом надо извлекать самостоятельно, отдельно, ибо он не складывается механически из смысла составных частей.

Эта взаимосвязь и взаимозависимость единиц текста предопределяет структуру и схему редакторского анализа. Он протекает по единицам текста разного уровня таким образом, что анализируемая единица постоянно соотносится с другими, одноранговыми и старшими, а также с составляющими ее единицами. Например, с чтением каждой фразы происходит не только движение вниз, к ее единицам, но и движение вверх, к предшествующим и последующим фразам. Изучая и оценивая очередную фразу, редактору необходимо соотносить ее с предыдущей (предыдущими), чтобы уяснить, в каких связях они находятся — объединены ли в сверхфразовое единство, являются ли частями единого структурного целого, или последняя фраза уже не входит в прежнее единство, а начинается собой новое. Закончив чтение выявленного им сверхфразового единства, уяснив его смысл, редактор соотносит его с предшествующими, чтобы определить, не образуют ли они сверхфразовое единство старшего ранга, и

уточнить место и роль в этом последнем анализируемого единства, что помогает глубже понять его. И так далее.

В литературном произведении каждая часть — это новое содержание, и редактор постоянно его синтезирует и обобщает его, переходя от элементарных единиц к более крупным и снова к мелким и от обобщений элементарных ко все более глубоким и важным, охватывающим главные идеи произведения.

Редакторское изучение рукописи ограничивается нередко частностями именно потому, что редактор не синтезирует содержания ее крупных сверхфразовых единств и подразделов, не объединяет частности, детали в обобщенное целое, которое нуждается в анализе и оценке не в меньшей мере, чем деталь. Из-за этого детали остаются для редактора главным в произведении, а не частями целого. Их исследование и оценка оказываются неполными и нередко мелкими, ибо их роль в составе целого не вскрывается, а само целое редактор не строит, не видит и не исследует. Редактор в результате выполняет лишь элементарные свои функции.

Итак, необычайная сложность структуры текста произведения (см. ниже ее схему) — в том, что он состоит из мно-

Структурная схема текста

гообразных единиц, которые делятся на самые мелкие и объединяются в крупные наподобие того, как сложные вещества делятся на более простые, те — на молекулы, молекулы — на атомы, атомы — на элементарные частицы, и, наоборот, частицы соединяются, синтезируются в атомы, атомы — в молекулы, молекулы — в простые вещества, а те во все более и более сложные. Каждая единица текста, обладая известной самостоятельностью, — в то же время часть более крупной (сложной) единицы и всего произведения в целом. Все это и предопределяет сложность структуры редакторского анализа текста по его единицам.

Ко всем описанным сложностям структуры текста добавляется еще и та, что единицы текста неравнозначны по роли в тексте и его частях (главах, параграфах, сверхфразовых единствах). Так, текст делится на части, собственно несущие содержание, и части, с помощью которых автор управляет вниманием читателя, организует чтение, помогает выделить смысловые композиционные части, поддерживает интерес к содержанию произведения. Автор, например, остро и ярко ставит вопрос, ответа на который читатель, скорее всего, не знает, но в силу важности или остроты этого вопроса узнать захочет. Кроме того, различаются по роли в тексте вступительные и заключительные его части. В срединной, основной части текста нельзя не отделять центральные для содержания, важнейшие части от частей второстепенных.

Глава 4

СТРУКТУРА РЕДАКТОРСКОГО АНАЛИЗА ПО ЦЕЛЯМ АНАЛИТИЧЕСКИХ ДЕЙСТВИЙ (ПРИ ОЦЕНКЕ РУКОПИСИ)

4.1. Понимание текста и осознание формальных средств передачи содержания

Чтобы свободно и правильно оперировать текстом, как того требует редакторский анализ, редактору прежде всего нужно глубоко освоить его содержание и форму, а значит, в первую очередь адекватно определить для себя значение и смысл текста. Вначале осмыслить надо то, что написал автор (не то, что он задумал выразить, а то, что реально у него получилось, хотя понять замысел автора тоже необходимо, но это последующая задача).

Вроде бы просто. Разве не то же самое делает любой читатель, взявший книгу или другое произведение печати. И тем не менее нельзя не согласиться с М. Д. Феллером, который, опираясь на факты читательской и издательской практики, пишет в статье «О литературном редактировании...», что «не только слабо подготовленный читатель, но и посредственный редактор часто видит в тексте совсем не то, что там написано» (Книга: Исслед. и материалы. М., 1968. Сб. 16. С. 35).

Легкость понимания текста кажущаяся. То, что опытному читателю кажется легким, почти не требующим умственных усилий, на самом деле результат многообразных умственных операций, протекающих свернуто, а потому им не замечаемых. Текст, если он несложен, понимается как бы сам собой, а в действительности всегда лишь в процессе мышления, сопутствующем этому чтению. В простых случаях этот процесс совершается автоматически, а в сложных вынужда-

ет читателя рассуждать, проводить разного рода мыслительные операции, без которых смысл текста остается для читающего механическим набором слов и словосочетаний. Даже для того, чтобы хорошо понять значение слова, считают ученые, надо соотнести его (словесный знак) с тем предметом, который этим словом именуется. Это и есть элементарный акт понимания. И он возможен лишь при активных умственных действиях читателя.

«При наиболее простых сообщениях,— пишет об этом А. Р. Лурия в «Основных проблемах нейролингвистики» (М., 1975),— декодирование (понимание. — А.М.) совершается автоматически и не требует специальных усилий; декодирование сложных сообщений требует иногда очень значительной работы, направленной на сопоставление отдельных фрагментов сообщения, на анализ их логико-грамматических связей и на проникновение в основную мысль сообщения» (с. 187).

Анализ текста ради его глубокого понимания — первый вид редакторского анализа, редакторского изучения текста. На этот вид опираются все его остальные виды. Это основа основ, фундамент редакторского анализа в целом.

Как показывает А.Р.Лурия в упомянутой выше книге, понимание (декодирование) текста есть процесс, обратный кодированию, т.е. для того, чтобы понять текст, надо суметь добраться до мысли и мотива, которые этот текст породили, пройти все этапы кодирования текста в обратном порядке. Путь от речи к мысли, по мнению А.Р.Лурии, основанному на многочисленных исследованиях и их обобщении, идет от внешнего речевого высказывания, его поверхностно-синтаксической структуры к глубинно-синтаксической, далее к внутренней речи (сгустку смысла, породившего текст), общему замыслу и к мотиву.

Процесс понимания речевого высказывания предстает, таким образом, как «процесс перехода от воспринимаемой... речи к ее значению, а затем и к внутреннему смыслу» (с. 40).

Даже в самом общем виде структура процесса понимания речи показывает его сложность.

«Процесс декодирования сложного речевого сообщения, — читаем мы в работе А. Р. Лурии, — имеет сложное строение и состоит по крайней мере из трех звеньев: выделения точного

значения отдельных *лексических элементов* (слов); усвоения тех *синтаксических отношений*, в которые эти слова вступают, образуя более сложные образования — поверхностно- и глубинно-синтаксические структуры; и, наконец, выделения *общего смысла сообщения*» (Там же. С. 230).

Каждое из названных звеньев — не разовая операция, а процесс. Так, чтобы раскрыть значение слова, требуется, по мнению А.Р.Лурии, не только отнести его значение к соответствующей категории, но и оценить его, исходя из позиции, которую слово занимает в фразе, из контекста (чтобы определить единственное значение обычно многозначного слова именно в данном случае), учесть связи читаемой фразы с предшествующими, ибо в связном тексте «каждая следующая фраза должна сохранять в своем составе элементы предшествующей фразы» (Там же. С. 41).

Психологически понимание текста это результат свертывания речи до усвоения ее общего смысла. Превращение развернутого речевого изложения в сокращенную и обобщенную схему составляет существенное условие понимания материала.

Итак, обычное понимание текста редактором — сложный процесс, имеющий собственную цель — дойти до смысла и мотива прочитанного текста. Достигают этой цели только путем комплекса смысловых операций и действий, необходимость в которых и существование которых подтверждены психологическими, психолингвистическими и нейролингвистическими исследованиями (см. об этих действиях и операциях ниже).

В ходе понимания текста редактору нужно также раскрыть, каким образом, какими средствами и формальными приемами (языково-стилистическими, композиционными, логическими и т.д.) автору удалось передать именно это, а не иное содержание, этот смысл.

Отчетливо осознавать формальные качества текста редактору необходимо потому, что это помогает в дальнейшем проверить, соблюдены ли автором обоснованные требования к использованному им формальному средству, соответствует ли исполнение замыслу и при расхождении определить, почему исполнение отошло от замысла и как такое расхождение устранить.

Допустим, сверхфразовое единство по своей логической форме опровержение или противопоставление. Осознав это, редактор обязан в последующем проверить, соблюдены ли логические правила этой формы мышления.

Кроме того, если в ходе анализа понадобится выяснить, почему содержание текста расходится с замыслом автора, то редактору, хорошо разобравшемуся в формальных особенностях текста, легче будет выяснить причину такого расхождения, если она вызвана несовершенством формы.

4.2. Мыслительные приемы, ведущие к глубокому пониманию текста

Редактору для глубокого понимания и тем более для критики текста необходимо, чтобы этот текст стал объектом его мыслительной деятельности, активно вошел в редакторское сознание. А это возможно только в том случае, когда редактор оперирует содержанием этого текста, манипулирует им так, что благодаря этому смысл, вложенный в текст автором, адекватно понимается редактором, что все стороны содержания раскрываются ему в полной мере.

Психологи экспериментально изучали ход мышления десятков людей при чтении, которое принудительно требует глубины и отчетливости понимания прочитанного, — а именно при чтении текста, который нужно запомнить (не заучить механически, а запомнить, чтобы суметь свободно воспроизвести, когда понадобится). В ходе экспериментов они открыли, что для углубленного понимания текста в целом и во всех деталях человек прибегает к определенным мыслительным приемам. Это и есть приемы манипулирования текстом.

Что же это за приемы?

А. А. Смирнов выделяет и описывает в своей книге «Психология запоминания» (М.: Л., 1948. 328 с.; 2-е изд. — Проблемы психологии памяти. М., 1966) пять таких приемов:

1. Мысленное составление плана текста (структурно-логический его анализ).

2. Соотнесение содержания текста с теми знаниями, которыми уже владеет читатель, включение содержания текста в систему знаний, сложившуюся у читателя.

3. Соотнесение разных частей текста: той, что читается, с теми, что уже прочитаны, но не по структуре, как при составлении плана, а по содержанию.

4. Использование наглядных представлений, образов описываемого в тексте.

5. «Перевод» содержания текста на «свой» язык.

К этим пяти надо добавить еще два:

6. Антиципация — предвосхищение, угадывание последующего изложения.

О ней пишут Л. И. Каплан в работе «Психологический анализ понимания научного текста» (Ученые зап. Мгнитогор. пед ин-та. 1957. Вып. 4. С. 35—56) и Л. П. Добраев в книге «Вопросы понимания учебного текста» (Саратов, 1965. 92 с.).

7. Постановка читателем предваряющих изложение вопросов. Этому приему посвящает ряд страниц упомянутой книги Л. П. Добраев.

Используя указанные приемы, читатель достигает глубокого и отчетливого понимания текста и лучше, острее замечает всякого рода несообразности в нем. Тем полезнее они для редактора.

4.2.1. Мысленное составление плана текста

Это сложный прием, который, по наблюдениям А. А. Смирнова, складывается из нескольких операций — звеньев:

1) читая, человек делит текст на части по смыслу (каждая часть — группа тесно связанных мыслей, имеющих общую микротему);

2) выделяет в каждой части смысловый опорный пункт (самое существенное, характерное в ней);

3) выявляет среди частей главные и второстепенные, устанавливая их соподчиненность, их связь, соотношение.

Первое звено составления плана текста — разбивку его на части — А. А. Смирнов назвал **смысловой группировкой материала**.

По его наблюдениям, смысловая группировка материала не обязательно протекает как отдельное мыслительное действие. Часто она неотрывна от чтения, сливается с ним. В этих случаях деление на части сводится к осознанию переходов от одной части к другой.

Именно так, в ходе самого чтения, делят на части тексты, написанные, например, по какой-либо хорошо известной читателю типовой схеме или вообще по схеме настолько простой и прозрачной, что смысловая группировка как бы предусмотрена и не требует больших усилий.

В случаях же, когда смысловая группировка затруднена, она непременно должна протекать как особое действие, отделимо от чтения, в отрыве от него.

К таким трудным для смысловой группировки текстам А. А. Смирнов относит тексты с логически запутанным изложением (повторами, возвратами и т.п.); с большим количеством микрочастей, плохо поддающихся объединению; с большими по объему частями, далее не делимыми.

То, что в простых по структуре текстах можно было сделать походя, в перечисленных выше сложных текстах и им подобных требует времени на обдумывание. Иначе границы каждой части не определить.

И в тех и других случаях без выделения смысловых групп, смысловых частей добиться глубокого понимания текста очень трудно.

Руководствуясь этим экспериментально полученным выводом психолога, редактору следует всегда ставить перед собой задачу делить читаемый текст на смысловые части. В простых по структуре текстах отмечать переходы от одной части к другой в ходе самого чтения, в сложных — мысленно, а подчас и письменно выделять смысловые группы после чтения.

Такая установка, поначалу произвольная, принудительная, с течением времени превратит смысловую группировку текста в редакторский навык — будет действовать произвольно, т.е. редактор всегда будет не просто читать текст, а обдумывать его по смысловым частям.

До тех же пор, пока смысловая группировка текста не стала еще навыком, редактору надо самому сознательно, пользуясь установкой на эту группировку, вводить ее в процесс своей работы, независимо от того, понимается ли текст легко или требует для этого больших умственных усилий.

Обобщая, можно сформулировать одно из главных положений психологии редакторского труда: *понимание тек-*

ста при редактировании в основе своей должно быть произвольным, т.е. достигаться в результате использования сознательно выработанных редактором приемов умственной деятельности.

А. А. Смирнов отмечает одну очень существенную для редактора особенность смысловой группировки. Несмотря на общие объективные закономерности разбивки текста на смысловые группы, полного сходства в его членении у разных людей не бывает. Более того, индивидуальные различия в смысловой группировке нередко весьма значительны. Между тем каждый склонен считать свою группировку единственно возможной, единственно правильной. Здесь кроется один из источников конфликтов между редактором и автором. Если редактор мыслит жестко, негибко, то он, случается, настаивает на композиционных исправлениях только потому, что его группировка расходится с авторской, хотя последняя тоже вполне допустима. Без самокритичности, без стремления понять замысел автора редактор всегда рискует выступить неправою стороной.

Второе звено мысленного составления плана — выделение смысловых опорных пунктов — неразрывно связано с первым.

Смысловой опорный пункт — это тезис, формулировка темы, имя, термин, яркая цифра и т.д., которыми читающий как бы замещает содержание выделенной смысловой группы. Опираясь на такой пункт, читатель обычно легко воспроизводит содержание всей смысловой группы. Благодаря смысловым опорным пунктам читателю нетрудно удержать в голове план всего текста (например, параграфа). Текст как бы свертывается читателем, переводится с помощью смысловых опорных пунктов во внутреннюю речь.

Таким образом, при чтении одновременно с членением текста на смысловые группы надо мысленно выделять в каждой группе опорный пункт.

Чтобы выделить в сознании смысловой опорный пункт какой-то части текста, нужно хорошо вникнуть в ее содержание, определить, что в ней главное. В процессе такой мыслительной работы читатель поневоле более глубоко постигает смысл текста. Понимание приходит не само по себе,

а в ходе смысловой группировки и выделения смысловых опорных пунктов.

Чтение без составления плана (когда читающий не делит текст на смысловые части и не выделяет смысловых опорных пунктов), по-видимому, не может быть признано специфически редакторским. И чем текст труднее для понимания, тем роль мысленного составления плана значительнее.

Как показали эксперименты другого отечественного психолога, П. И. Зинченко (см. его работу «Непроизвольное запоминание». М., 1961. 562 с.), если испытуемые составляли план самостоятельно в случаях, когда текст труден для понимания, такой план всегда оказывался более эффективным для его осмысления, чем, например, готовый план. Все дело в том, объяснял причину такого преимущества П.И.Зинченко, что самостоятельно составленный план позволил вскрыть в содержании текста более глубокие связи, чем план готовый. Сам процесс самостоятельного составления плана активизировал осмысливание текста.

Итак, совершенно ясно, что умением членить текст на смысловые части и выделять в каждой смысловые опорные пункты редактору надо владеть в совершенстве. Это одно из важнейших редакторских умений.

Как же этому научиться? Как освоить такое умение?

Психологи на основе опытов пришли к выводу, что обучаться составлению плана надо путем логического анализа текста с помощью последовательно задаваемых вопросов:

- о ком или о чем говорится в данной части текста;
- что именно говорится,

т.е. вопросов о логическом субъекте и логическом предикате каждой смысловой части.

Сначала такой анализ протекает как максимально развернутый. Затем постепенно свертывается, автоматизируется. Читающий обобщает про себя содержание материала каждой части в кратко сформулированный пункт плана. Происходит переход от развернутого содержания к его все более краткому и обобщенному обозначению.

Ближние выводы из экспериментальных наблюдений над тем, как протекает процесс понимания научного текста, сде-

ланы в уже упоминавшейся работе Л.И.Каплан «Психологический анализ понимания научного текста» (см. с. 71).

Л. И. Каплан считает, что без логического анализа текста, т.е. без выделения логического субъекта (того, о чем идет речь, предмета мысли) и логического предиката (высказывания об этом предмете мысли), истинное понимание текста вообще невозможно. Отыскание в первую очередь предмета мысли (логического субъекта) и высказывания о нем (логического предиката) — это основной акт в процессе понимания и отдельного предложения, и смысловых частей разного объема, и, наконец, текста в целом*.

Третье звено составления плана текста — **выявление соподчиненности, связи, соотношения выделенных смысловых групп** — так же неразрывно связано с первыми двумя звеньями, как они связаны между собой. Говоря выше о членении текста на смысловые группы, мы отвлекались от того, что они могут быть разной значимости, мы рассматривали простейший случай деления текста на равнозначные смысловые группы. Но так бывает редко. Текст — обычно сложная система, в которой различаются крупные части, каждая из которых в свою очередь состоит из более мелких частей, и т.д. Поэтому, читая текст и логически анализируя его, мы как бы проникаем во все более мелкие единицы этой системы и в то же время мысленно объединяем их в группы, группы — в разделы и т. д.

Как пишет Л. И. Каплан, мыслительная работа при чтении текста состоит также в том, что читатель соотносит между собой предмет мысли предложения, смысловой части и текста в целом, выявляя зависимость между ними. В более сложном по логической структуре тексте читателю, естественно, приходится выявлять зависимость и между смысловыми частями разных рангов.

Таким образом, составление плана текста — это по сути дела не один прием, а целый комплекс мыслительных приемов, сознательно используя которые редактор может глубже проникнуть в содержание текста.

* См. также: *Доблаев Л.П.* Логико-психологический анализ текста: (На материале школьных учебников). [Саратов], 1969. 172 с.

4.2.2. Соотнесение содержания текста с собственными знаниями

Такое соотнесение имеет глубокое психологическое основание, блестяще сформулированное И. М. Сеченовым, который писал, что усваивать — это значит «сливать продукты чужого опыта с показаниями собственного» (Избр. произведения. М.; Л., 1952. Т. 1. С. 365).

Отлично сказал об этом и К. Д. Ушинский: «...если бы нам представился какой-нибудь новый предмет, которого мы не могли бы ни к чему приравнять и ни от чего отличить (если бы такой предмет был возможен), то мы не могли бы составить об этом предмете ни одной мысли и не могли бы сказать о нем ни одного слова» (Избр. пед. соч. М., 1945. С. 448).

Соотнесение, о котором идет речь, по мнению А.А.Смирнова, и есть неосознаваемая основа понимания того, что мы читаем. Без такого соотнесения понимание текста вовсе невозможно.

При этом чем богаче знания, с которыми мы соотносим читаемое, чем существеннее связи между читаемым материалом и накопленными ранее знаниями, чем более отчетливо осознаются эти связи, тем понимание текста глубже.

Богатство и разнообразие связей помогают читающему более полно и разносторонне осознать специфические особенности материала, глубже проникнуть в его смысл. Здесь, как и при составлении плана, подчеркивает А. А. Смирнов, для нас важен не продукт соотнесения сам по себе, а процесс соотнесения. Именно в процессе соотнесения мы лучше знакомимся с новым в тексте, глубже вникаем в его суть, яснее и четче воспринимаем его особенности, острее видим ошибки.

Например, редактор читает фразу:

Наивысшего расцвета картография достигла в античной Греции.

Чтобы лучше понять ее, он старается включить содержание фразы в систему своих знаний, развивая мысль автора: «Наивысший расцвет — пик, выше которого не подняться. Значит, если согласиться с автором, то надо признать, что картография со времен античной Греции уже не развивалась. Но это противоречит фактам. В чем дело? Видимо, в

отсутствии временны́х границ в тексте. Если ввести временно́е ограничение «в древнем мире», неточность фразы исчезнет:

Наивысшего расцвета в древнем мире картография достигла в античной Греции.

Так соотнесение со своими знаниями углубляет понимание фразы редактором, обнажает ее неточность и помогает ее устранить.

Любопытно, что, по экспериментальным наблюдениям Л. И. Каплан, читатель при чтении научного текста для лучшего его понимания стремится осмыслить значения слов с помощью других, близких по значению. Значение слова в тексте как бы освещается через значение другого слова или даже нескольких слов. Такая подстановка — своеобразный вид соотнесения, помогающий лучше усвоить суть текста. В ряду близких по значению слов лучше понимается, осмысливается и слово в тексте.

«Мы лучше понимаем, — считает и П. И. Зинченко в «Непроизвольном запоминании» (М., 1961), — когда содержание можно выразить иначе, другими словами. Сами попытки „выразить содержание иначе“ являются одним из средств понимания. Не случайно „хорошо понятое“ менее зависимо от определенной речевой формы, а плохо понятое — как бы сковано ею».

С. Л. Рубинштейн в своей книге «Принципы и пути развития психологии» (М., 1959) писал, что «процесс облачения мысли в слова есть процесс развития и более содержательного определения самой мысли» (с. 112). Здесь содержится зерно еще одного значения приема включения редактором содержания текста в систему собственных знаний. В ходе этого приема (его логическая форма — цепь рассуждений, переформулирований мысли автора) редактору нередко удастся ее развить и более содержательно определить. А тем самым и убедиться, что та словесная форма, в какой мысль автора запечатлена в тексте, еще несовершенна, недостаточно развита, не отвечает в полной мере замыслу автора, т.е. прием служит толчком и для совершенствования текста.

Ясно, что редактор поступит правильно, если будет привлекать при чтении широкий и разнообразный круг знаний

для соотнесения с ними читаемого текста. Не бежать вперед по строчкам текста, а останавливаясь, сознательно соотносить его содержание с той системой знаний, в которую оно должно быть включено, развивать мысль автора — вот что важно для редактора. Это позволит не только лучше осмыслить текст, но и проверить его точность и фактическую правильность (подробнее см. в гл. 11).

4.2.3. Соотнесение по содержанию разных частей текста

Без такого соотнесения мы не смогли бы понять текст как целое. Ранее прочитанное и понятое служит фундаментом для понимания того, что читается сейчас, поскольку содержание разных частей произведения всегда так или иначе взаимосвязано. Но одно дело, когда части текста соотносят неосознанно, ненамеренно, и совсем другое, когда их соотносят сознательно и целенаправленно. В первом случае связи частей текста по содержанию читателем не обдумываются, глубоко осмыслению не подвергаются, во втором — он специально их анализирует, достигая благодаря этому большей глубины и отчетливости понимания.

Ведь понимание с точки зрения психологии и есть, собственно, осознание существенных связей в тексте.

«Предметом понимания,— писал П. И. Зинченко в своем труде «Непроизвольное запоминание» (М., 1961),— всегда является раскрытие определенных связей и отношений в материале. Завершающим в понимании всегда является синтез, объединение в целое» (с. 322).

Как утверждает А. П. Соколов в статье «Внутренняя речь и понимание» (Ученые зап. / Гос. НИИ психологии. М., 1941. Т. 2. С. 99—146), на которую опираются в своих исследованиях многие психологи: «Непонимание есть отсутствие объединения».

Благодаря сознательному соотнесению частей текста по содержанию редактор не только лучше, глубже понимает его, но и легче, быстрее обнаруживает в нем повторы, противоречия, всякого рода несоответствия.

Простейший пример. Редактор читает такой текст:

Первую литературную известность принесла Брехту «Легенда о мертвом солдате» — саркастическая и печальная песня о том, как погибшего солдата военные медики поднимают из могилы и заставляют снова идти на фронт.

В 1918–1919 гг. выходят еще две пьесы — «Ваал» (1918) и «Барабанный бой в ночи» (1919).

Редактор без труда заметит здесь грубую неточность, если, читая последнюю фразу, соотнесет ее по содержанию с предыдущей. «Еще две пьесы, — отметит редактор про себя. — Значит, до этого были другие? Но раньше как будто о пьесах речи не было. В самом деле, до этого в тексте говорилось о песне. Песня не пьеса. Слово *еще*, по-видимому, вставлено по ошибке или в первом абзаце опечатка и вместо *песня* должно стоять *пьеса*». Проверка покажет, какой должна быть поправка.

Так или примерно так, соотнося содержание второй фразы с содержанием первой, редактор обнаруживает противоречие и нащупывает путь, на котором его можно преодолеть. Конечно, соотнесение это на практике происходит не столь развернуто, не столь оформлено в речевом плане. Обычно это отрывочная внутренняя речь, в которой нет законченных фраз с подлежащим и сказуемым, а мелькают лишь отдельные наиболее важные, опорные слова, вбирающие в себя для мыслящего все необходимое содержание, подобно тому как для составляющего план смысловые опорные пункты вбирают в себя содержание смысловых частей текста. Вот почему соотнесение частей текста по содержанию протекает относительно быстро. Впрочем, если текст труден для понимания, редактору целесообразно развернуть процесс соотнесения его частей по содержанию, отвести для этого специальное время после чтения, так как хорошо выполнить этот процесс в ходе самого чтения сложно.

Прием внутреннего соотнесения частей текста по содержанию помогает редактору обнаруживать и вскрывать ошибки и фактические и логические (противоречия, бездоказательность). Поэтому так необходимо, чтобы прием этот стал навыком редакторской работы.

В двух изданиях «Одноэтажной Америки» И. Ильфа и Е. Петрова (в их собрании сочинений 1961 г. в т. 4 на с. 112 и в издании 2003 г. /изд-ва «Текст»/ на с. 107) было напечатано:

Человек этот приехал в Соединенные Штаты лет тридцать тому назад из маленькой деревушки в Волынской губернии. Сейчас эта деревушка находится на польской территории. Сперва он работал в штатах, копал уголь. Потом пошел на ферму батраком.

Соотнеся части предпоследней фразы по содержанию, нельзя не задать вопрос: «Почему этот человек копал уголь в штатах? Не заменено ли здесь слово “шахты” близким по звучанию словом “штаты”?». Скорее всего, это ошибка машинистки или наборщика под влиянием часто повторявшихся в тексте слов «Соединенные Штаты» или «штаты».

К сожалению, страницы изданий дают массу примеров, свидетельствующих о неосвоенности очень многими редакторами приема соотнесения частей текста по содержанию. Приводить эти примеры можно бесконечно (см. такие в гл. 11 и 12).

Обычно при анализе текста редко можно обойтись только одним из приемов соотнесения. Чаще приходится сочетать оба приема — соотносить содержание читаемой части текста с содержанием предшествующей его части и с собственными знаниями, как это видно из только что процитированного текста из «Одноэтажной Америки», где замечавший ошибку сделал это и благодаря сопоставлению рядом стоящих слов, и благодаря тому, что знал: уголь копают в шахтах. Шахты, конечно, могут находиться в Штатах, но копал человек, все же в шахтах, потому что ни о каких других странах он не говорил.

4.2.4. Предвосхищение последующего содержания или плана текста и предваряющие чтение вопросы

Приемы мыслительной деятельности при чтении неравнозначны. Если одни из них (например, те, что уже описаны) непосредственно служат осмыслению текста, то такие, как *антиципация* (предвосхищение) и предваряющие чтение вопросы, активизируют мыслительную деятельность опосредствованно, принуждая читателя мысленно составлять план текста, соотносить содержание текста с собственными знаниями, соотносить по содержанию разные части текста и благодаря этому углублять его понимание.

Антиципация. С помощью антиципации — догадки, мысленного предвосхищения содержания и плана последующего изложения — читатель забегает мыслью вперед. Он не только понимает то, о чем говорит автор в тексте, читаемом в данный момент, но и предполагает, догадывается — по логике развития мысли автора, — о чем тот должен сказать вслед за этим. Редактор-читатель превращается в своеобразного соавтора. Он сам «продолжает» авторский текст, сам мысленно «пишет» продолжение. Такая позиция необыкновенно выгодна для редактора, поскольку вызывает высокую интеллектуальную активность, не позволяет терять нить изложения, ход мысли автора, помогает замечать все отклонения, все неожиданные ходы и оттенки, невольно настраивает на критический лад во всех случаях расхождений между догадкой и действительным ходом мысли автора.

Психолог Л. И. Каплан отмечает, что уже чтение заглавия текста вызывало у испытуемых стремление сформулировать нечто подобное «гипотезе» о дальнейшем содержании. В таких случаях процесс чтения принимал характер как бы проверки этого предположения. Оправдывалась ли эта «гипотеза» или нет, она всегда способствовала лучшему пониманию текста.

Если обнаруживалось несовпадение «гипотезы» с данными, извлекаемыми из текста, появлялось критическое отношение к своей «гипотезе» и к тому, как было понято прочитанное. Процесс понимания активизировался, становился целенаправленным.

Строя гипотезу, читатель привлекал запас своих знаний по данному вопросу. Благодаря этому он заранее входил в круг обсуждаемых проблем, а затем активно сравнивал то, что высказано в тексте, с тем, что он знает из прошлого своего опыта.

Антиципацию по ходу чтения текста детально рассматривает в своей книге «Вопросы психологии понимания учебного текста» Л. П. Доблаев (Саратов, 1965).

Л. П. Доблаев различает несколько видов антиципации. Два основных таковы:

1) предвосхищение *плана* последующего изложения; оно помогает контролировать композицию произведения, осмысливать его логическую структуру;

2) предвосхищение *содержания* последующего изложения; оно помогает соотносить части текста по содержанию, контролировать содержательные связи в тексте.

При этом предвосхищение содержания последующего изложения Л. П. Доблаев рассматривает как мыслительный процесс обобщения или конкретизации в зависимости от способа изложения текста, т.е. от того, как развивается мысль автора: ведет ли она к обобщению или к обоснованию общего положения.

Если автор описывает конкретные факты, значит, он ведет читателя к их обобщению, к выводу из них, и читатель предвосхищает этот вывод, догадывается о нем (предвосхищение вывода).

Если же автор сформулировал общее положение, сказал о каком-либо предмете в общей форме, значит, вслед за этим он, вероятно, будет разъяснять его, обосновывать, конкретизировать. Читатель ожидает разъяснения и, забегаая вперед, строит догадки о нем (предвосхищение обоснования).

Вот один пример. Автор написал:

В 60-х годах прошлого столетия к идее наборных машин был проявлен интерес и в России.

Редактор, читая фразу, настораживается лишь из-за того, что отмечает эту фразу про себя как общее положение, за которым может последовать конкретизация. Забегая вперед, он делает предположение — «интерес к идее наборных машин» — значит, речь пойдет, вероятно, о публикациях в русской печати, посвященных идее механизации набора. Но дальше следует:

Студент Казанского университета П. П. Княгининский изобрел машину, названную им «автомат-наборщик». Это была первая попытка создания автоматической наборной машины...

Текст оказался иным, чем предполагал редактор. Это обостряет то сопоставление факта с общим положением, к которому он приготовился благодаря антиципации. В чем дело? Почему предвосхищенное содержание разошлось с авторским? Неужели общее положение было неверно понято? Он еще раз вдумывается в его смысл, соотносит с ним разъяснение автора и свое, сделанное по догадке, и прихо-

дит к выводу, что в данном случае общее положение не вполне отвечает конкретизирующему факту. Последний представляет собой нечто большее, чем проявление интереса, т.е. внимания, к идее наборных машин. В результате рождается редакторское замечание, которое должно привести к улучшению текста.

Из примера видно, что антиципация принуждает редактора соотносить части текста по содержанию, привлекать собственные знания для правильного понимания связей и отношений в тексте. Итог — высокая интеллектуальная активность, столь необходимая редактору. Текст осмысливается глубоко и критически, что, собственно, и требовалось.

Предваряющие чтение вопросы. Изучая процесс понимания учащимися учебного текста, Л.П.Доблаев пришел к выводу, что многие из них лучше, глубже осмысливают текст благодаря тому, что в процессе чтения ставят вопросы, ответ на которые должен последовать в дальнейшем изложении. Такие предваряющие изложение вопросы побуждают читающего искать в тексте ответ, сопоставлять его с вопросом и с собственными знаниями о предмете, т.е. активизируют мыслительную деятельность.

Вопросы возникают обычно тогда, когда в тексте встречаются трудные для понимания, проблемные места. Вызываются вопросы и общими особенностями текста, в частности логическими и иными погрешностями в нем (нарушения доказательности или последовательности, усложненная доступность изложения). Причиной вопросов бывает также естественная ограниченность текста: 1) мысль в тексте раскрывается не сразу, а постепенно и, будучи незаконченной, побуждает ставить вопрос; 2) мысль в тексте раскрывается неполностью, так как опущено то, что, по мнению автора, хорошо известно читателю.

Например, в экспериментах девятиклассники, прочитав в главе «Экономическое развитие Англии» из учебника «Новая история» (9, ч. 2) фразу: *Особенно зорко охраняли англичане морской путь в Индию*, — спрашивали себя: «Почему?» Ответ они находили в дальнейшем тексте.

Многое дадут редактору вопросы, связанные со смыслом и ролью отдельных слов. Например, действительно ли су-

существует то отношение между частями текста, которое устанавливает слово, служащее связующим звеном между ними.

Достаточно вспомнить для этого пример из статьи о Брехте (см. с. 79), где слово *еще* связывало фразу с предшествующим текстом. Естествен был вопрос: «Еще две пьесы? Значит, были и до них пьесы? Какие? Почему о них ничего не сказано в тексте?» В итоге редактор вскрыл и устранил ошибку.

Способность замечать, выделять характерные смысловые детали текста, т.е. способность к его смысловому микроанализу, особенно важна для редактора. Л.П.Доблаев справедливо расценивает ее как одно из проявлений той критичности ума, без которой редактор немислим.

Он приводит любопытные примеры. Ученики, склонные к смысловому микроанализу текста, прочитав фразу: *Некоторые удобрения вносят вместе с посевом семян в рядки и гнезда*, — выделили сразу слово *некоторые* и мысленно спросили: «Какие именно некоторые? Почему именно эти вносят вместе с семенами?»

Критичность ума не позволила ученикам удовольствоваться простым усвоением того, что дано в тексте, а побудила искать то, что осталось за его пределами.

Способность задавать такого рода вопросы очень многое даст редактору. В частности, поможет ему предвосхитить вопросы читателя и обяжет просить автора ответить на них, если он почему-либо не сумел это сделать.

4.2.5. Наглядные представления

Образы того, что описывается в тексте, нередко произвольно возникают у читателя. Однако, как пишет А. А. Смирнов в «Психологии запоминания», если читающий не ставит перед собой задачи закрепить эти образы в памяти, они быстро стираются и углубленному пониманию текста не служат. Другое дело, когда читающий ставит перед собой задачу вызвать и закрепить в памяти наглядные представления описываемого в тексте. В этом случае читающий их ищет, а сами эти образы, не будучи побочными, как при обычном чтении, иллюстрируют содержание текста и в наибольшей степени отвечают ему.

Видя в своем зрительном воображении описываемое в тексте, читающий, естественно, глубже, яснее понимает существо текста, лучше закрепляет в памяти прочитанное, облегчая себе всякого рода сопоставления.

Зрительные наглядные представления нередко помогают редактору вскрывать ошибки в тексте. О таком случае рассказывает, например, Г. Д. Каплан в своей книге «Редактирование отраслевой литературы» (М., 1961). Вот что он пишет:

В одной из работ, рассказывая о достижениях крупного теплично-парникового комбината, автор подробно остановился на описании внутрихозяйственной подсобной дороги, которую он все время называл узкоколейкой... Но вот внимание его [редактора] задержала следующая фраза:

При погрузке тележка-вагончик с помощью висячей стойки поддерживает-ся в устойчивом положении.

Что же насторожило редактора, что заставило сработать тот, пока еще не получивший точного определения психический механизм, который некоторые склонны называть редакторским чутьем?

...Все обстоит просто.

Верный испытанному приему, редактор воссоздал в своем представлении картину погрузки клады в упомянутую тележку-вагончик. Мысленным взором он видел, как эта тележка своими четырьмя колесами прочно опирается на два рельса узкоколейки. И у него возник естественный вопрос: зачем же тогда понадобились какие-то приспособления для поддержания тележки в устойчивом положении?

...Редактор обратился к автору.

И что же выяснилось? Автор имел в виду однорельсовую дорогу, но в силу какого-то непонятного для него самого заблуждения упорно называл ее узкоколейкой (с. 70–71).

Г. Д. Каплан явно применил прием наглядного представления описываемого в тексте и благодаря этому избавил текст от грубой ошибки.

Наглядные представления — превосходное средство проверки того, насколько точен автор в описании.

Редактор встретил, например, такой текст:

Из листа бумаги вдоль двух перпендикулярных сторон вырезают полосы одинаковой длины и ширины. Полоски складывают друг с другом и зажимают с одного конца пальцами.

Мысленно попробовав выполнить эти действия, редактор сразу же столкнулся с трудностями. Как именно вырезают? Каков размер листа бумаги? Что означает *одинаковой длины и ширины*? Длина равна ширине, а ширина — длине? Вряд ли. Тогда это были бы не полоски, а полосы. Вот так наглядное представление рекомендуемого действия вскрыло неточности в его описании. Эти вопросы, заданные автору, должны были превратить этот невнятный текст в точный понятный читателю.

В авторском оригинале пособия, посвященного оформлению газеты, было написано:

Примерную площадь будущего клише можно быстро определить с помощью старого номера газеты, в которой нужно поместить иллюстрацию. Для этого оригинал накладывают на газетную полосу так, чтобы его нижний и левый края совместились с нижним и левым краями полосы. Проводят из нижнего левого угла полосы диагональ через верхний правый угол оригинала. Длина заключенных между диагональю и нижним краем полосы отрезков вертикальных линеек или пробелов, разделяющих стандартные текстовые колонки, будет соответствовать высоте будущего клише в газетных строках.

Не представив себе всю описанную операцию зрительно, не проделав ее мысленно, редактор вряд ли сумеет правильно оценить приведенный текст. В этом легко убедиться, выполнив рекомендуемый прием.

Как только редактор, читавший текст, сделал попытку мысленно представить себе все действия, которые описывал автор, он сразу же столкнулся с рядом трудностей.

Во-первых, как можно провести диагональ через угол оригинала иллюстрации? Ведь пачкать оригинал нельзя. Значит, автор забыл, видимо, упомянуть, что, после того как отмечен верхний правый угол оригинала точкой на газетной полосе, оригинал снимают и лишь затем точку соединяют прямой линией с нижним левым углом газетной полосы.

Во-вторых, оригинал иллюстрации — это, как правило, изображение с полями (фотография наклеена на плотную бумагу, рисунок сделан не под обрез). Но на газетной полосе место займет только изображение. Если отметить угол именно оригинала, то будет определена площадь большая, чем нужно для клише. Значит, надо отмечать на полосе верхний правый угол изображения, а не оригинала.

В-третьих, между диагональю и нижним краем полосы может оказаться несколько пробелов или линеек между колонками (при ширине изображения на оригинале в три колонки и больше). Какая же из них определит высоту клише? Конечно, путем несложных рассуждений редактор мог прийти к выводу, что это будет зависеть от того, каким редакция газеты захочет сделать клише: одно-, двух- или трех-колонным. Но ведь до этого нужно додуматься, а между тем автор старается втолковать читателю вещи гораздо более простые.

В-четвертых, следовало предупредить читателя, что накладывать оригинал нужно на такой угол газетной полосы, который занят стандартными текстовыми колонками. Это выясняется косвенно только в конце текста, а читателю лучше знать это сразу.

В-пятых, пробелы или линейки между колонками вертикальны и, значит, точнее говорить об их высоте, а не о длине.

Так, наглядно представив себе описываемую операцию, редактор убедился, что авторский текст неточен. Намеченные в нем исправления преследовали цель устранить неточности.

Возможный вариант исправленного текста:

Примерную площадь будущего клише можно быстро определить с помощью старого номера газеты, в которой нужно поместить иллюстрацию. Для этого оригинал накладывают на нижний угол газетной полосы со стандартными текстовыми колонками так, чтобы нижний левый край изображения совпал с нижним левым краем полосы газеты. Отметив точкой на полосе верхний правый угол изображения и сняв оригинал, из нижнего левого угла полосы проводят через точку линию. Шириной клише будет выбранное число колонок, высотой — высота линейки или пробела, отделяющего последнюю, считала слева, колонку до проведенной линии.

Общий вывод для редактора ясен: всегда, когда это возможно, надо сознательно вызывать при чтении наглядный образ описываемого в тексте.

4.2.6. Соотнесение авторского текста с его задачами

Как ни очевидна польза для редактора от применения описанных выше приемов, ведущих к глубокому пониманию тек-

ста, нельзя не задаться вопросом: достаточно ли их для редактора? Или надо их дополнить специфически редакторским приемом осмысления текста? Если вспомнить главную задачу редакторского анализа, то на последний вопрос надо ответить положительно.

К описанным выше приемам целесообразно добавить специфически редакторское мыслительное действие — соотношение того, что написано автором, с задачей, которая стоит перед произведением как в целом, так и в деталях, а также с интенцией, намерением автора.

Текст нужно читать в сопоставлении с его конкретной целью. Нужно проверить, насколько удачно решил автору ту задачу, которую он ставил перед собой в рассматриваемом фрагменте соотносительно с задачей всего произведения.

И если автор в чем-то пошел по неверному пути, допустил ошибку (т.е. решает свою задачу не лучшим образом), тут и требуется редакторское искусство, редакторская критика в помощь.

Лучше всего, если редактор сумеет поставить себя в положение читателя, который обратился к данному изданию со своими вопросами, ищет в нем ответы на свои запросы. В этом случае у редактора возникнет то активное отношение к тексту, тот внутренний интерес к нему, без которого критический анализ будет пассивным, лишенным остроты.

Можно смело утверждать, что редакторы многих инструкций по пользованию бытовыми приборами и машинами, не подвергают текст такому контролю, ибо попытки читателей следовать содержащимся там советам и рекомендациям сопряжены обычно с трудностями понимания. Выполнить эти рекомендации необычайно сложно. Например, рекомендацию, как следует натягивать нитку в швейной машине. Эти сложности подобны тем, которые испытывал бы оформитель газеты, читая рекомендацию, как определить площадь будущего клише в авторском варианте (см. выше).

При чтении оригинала будущего учебника редактору полезно выяснить, получит ли учащийся сведения, необходимые для уверенного четкого ответа на основной вопрос, рассматриваемый автором в данном фрагменте.

Редактор одного школьного учебника, видимо, не стремился решать такую задачу, читая следующий текст.

Самопроизвольное движение молекул является свойством всех газов и жидкостей. Благодаря этому движению происходит проникновение одного газа в другой и одной жидкости в другую жидкость. Это явление называется диффузией.

На поверхностный взгляд, здесь все в порядке. Но стоит углубиться в этот текст с позиций ученика, сопоставить смысл фраз, установить их связь, и редактор непременно заметит двусмысленность связей между фразами и отсюда возможность неверного понимания учеником самого главного: какое именно явление называется диффузией? Диффузия — это проникновение одного газа в другой или одной жидкости в другую? Или диффузия — это самопроизвольное движение молекул газов и жидкостей? Автор, наверно, согласился бы с таким замечанием и заменил бы слово *явление* в начале последней фразы словосочетанием *Такое проникновение...* или исправил бы иначе. Но возможность того, что ученики неверно поймут определение диффузии, была бы исключена.

4.3. Проверка точности и глубины понимания текста

Как ни действенны приемы углубленного понимания текста, редактор может считать, что текст понят им действительно глубоко и точно, лишь получив объективное подтверждение этого.

Такова цель второй операции редакторского анализа убедиться, исходя из объективных критериев, в том, что понимание текста (цель первой аналитической операции) достигнуто.

Это необходимо потому, что субъективная уверенность редактора — «текст понят» — оказывается часто неоправданной. Если попросить этого редактора изложить содержание прочитанного, то может неожиданно выясниться, что он не в состоянии этого сделать без ошибок, без подсматривания в тексте, без дополнительного его чтения и продумывания.

Субъективная уверенность в том, что прочитанный текст понят, может быть самообманом. Подобный самообман испытал и красочно описал Виктор Конецкий:

О теории относительности я читал раз пятьдесят. Тайна физической картины мироздания тянет, как край бездны. И когда ныне я читаю Планка или Эйнш-

тейна, мне кажется, что я уже кое-что понимаю. И я даже испытываю наслаждение, и оно иногда даже пронзительнее, таинственнее и шире, чем от знакомства с прекрасным в искусстве и в жизни.

Парадокс в том, что стоит только закрыть книгу, как наслаждение исчезает, и я уже не способен объяснить понятое мною другому человеку. Понятое выскальзывает из головы со скоростью света или даже тахионов (Конецкий В. Соленый лед : Путевые заметки. Новые главы из книги // Звезда. 1969. № 7. С. 11–12).

Каковы же объективные критерии понимания?

Один такой критерий, по А. А. Смирнову, — свободное оперирование основными идеями и фактами текста в отрыве от него, умение передать содержание текста «своими» словами, т.е. в формулировке не автора, а своей.

А. А. Смирнов называет этот прием-критерий **переводом на свой язык**.

Он писал, что «переход на более высокую ступень понимания характеризуется освобождением от скованности словесной формулировкой». Такова же точка зрения А. А. Потебни: «Понимание есть упрощение мысли, переложение ее... на другой язык».

Сами попытки выразить содержание текста иначе, иными словами, чем автор, — одно из средств проверки осмысления текста, его понимания. Если текст не понят, этого не сделаешь.

Текст, свернутый при чтении во внутреннюю речь (превращенный в своеобразный мысленный конспект, мысленный план высказывания), читатель сравнительно легко может развернуть по-своему, своими словами в речь устную или письменную.

Психологически понимание текста — это результат свертывания речи до ее общего смысла.

Деля текст на группы мыслей, выделяя смысловые опорные пункты, устанавливая структурную связь между ними, соотнося содержание текста с собственными знаниями и части текста по содержанию между собой, сознательно вызывая образ того, что описывается в тексте, редактор создает условия для «перевода» текста «на свой язык». «Перевод» завершает весь мыслительный процесс понимания текста. В нем объективно выражаются результаты тех мыслительных действий с текстом, которые совершал редактор.

Редактор, привыкший делать это, никогда не пропустит в набор и печать ни одного словосочетания, ни одной строчки, смысл которых не был бы им понят до конца. Он не будет скользить по строкам текста, схватывая лишь приблизительный их смысл. Он не двинется по тексту дальше, пока не прояснит для себя во всех тонкостях мысль, которую хочет передать читателю автор. Он не станет торопиться в расчете на то, что автор, мол, знает, о чем пишет. Самый добросовестный автор допускает порой промахи, которым потом, после выхода издания в свет, безмерно удивляется и которые больно ударяют по нему самому.

Вот почему, столкнувшись в тексте с чем-либо непонятным или недостаточно понятным, опытный редактор не торопится, а настойчиво и целеустремленно, включая и мысленный пересказ для себя, разбирается в ситуации, чтобы на основе анализа прийти к какому-то выводу или в крайнем случае задать автору ряд вопросов, которые могли бы прояснить положение. Он стремится убедиться либо в том, что ошибки нет и все в тексте верно, а смутное понимание было вызвано несовершенством его мышления или недостатком знаний, либо в том, что ошибка налицо и что все дело в недостатках изложения или в иной причине, которую можно найти и устранить.

Таким образом, прием «перевода текста на свой язык» — это одновременно и средство для лучшего понимания текста, и критерий, признак его понимания.

Американские ученые Грей и Лири (см.: Методика исследования восприятия информации. М., 1977. С. 19) в дополнение к сказанному выше называют в качестве критерия понимания умение после чтения правильно действовать на основе прочитанного (припоминать детали, рекомендации текста для решения практических задач).

Таким образом, редактор обязан не ограничиваться простым ощущением того, что текст понят, а проверять, соответствует ли это ощущение действительности, т.е. подвергать прочитанный текст мысленной обработке для того, чтобы выразить его суть обобщенным образом; пытаться мысленно передавать содержание текста по-своему; решать практические задачи, требующие применения конкретных рекомендаций в тексте.

Любопытный критерий понимания называет в своей монографии «Текстовая деятельность в структуре социальной коммуникации» Т. М. Дридзе (М., 1984). Она полагает, что смысловое истолкование текста можно считать адекватным только в том случае, если оно отвечает замыслу, основному коммуникативному намерению создателя текста. Такой критерий особенно важен для редактора, поскольку он озабочен тем, чтобы наилучшим образом воплотить в издании замысел автора.

4.4. Определение значимых для оценки текста признаков читателя и прогноз понимания им текста

Редактору мало понять текст как индивиду. Ему насущно необходимо определить, как поймет текст читатель.

Редактор крайне редко принадлежит к числу читателей, которым редактируемый им текст адресуется.

Читатель — ребенок, редактор — взрослый.

Читатель — неспециалист, редактор — специалист.

Читатель — специалист узкого профиля, редактор — широкого.

Читатель — учащийся, редактор — дипломированный специалист. И так далее.

Значит, редактор не вправе в основу анализа и оценки текста положить свое читательское восприятие и понимание текста. Он обязан поставить себя на место того читателя, которому текст адресуется, попытаться воспринять текст глазами этого читателя, понять его так, как поймет наиболее типичный представитель группы людей, называемой кругом читателей.

Только в этом случае можно будет оценить, доступен ли текст читателю, учитывает ли автор уровень читательских познаний и читательских ожиданий и т.д.

Подкрепляет этот вывод редакторская практика вообще и А.М.Горького, в частности.

Так, оценивая прочитанную им рукопись статьи Р. Ш. Миллер-Будницкой «Бернард Шоу», написанной для журнала «Литературная учеба», Горький сообщает редакции журнала:

«Для „Литучебы“ эта статья [о] Шоу едва ли приемлема, ибо она предполагает у читателя наличие знаний, которых у него нет» (Горький и советская печать. М.. 1965. Кн. 2. С. 326).

Познакомившись с рукописями материалов для журнала «Колхозник», Горький пишет в редакцию этого журнала:

Два с половиной десятка рукописей, прочитанных мною, говорят о том же, о чем говорили и рукописи, читанные прежде, а именно:

сотрудники журнала не имеют ясного представления о людях, для которых они пишут (Там же. С. 340).

Чтобы понять текст так, как поймет его читатель, а также узнать в последующем, какие изменения в его сознании, чувствах и деятельности текст вызовет, редактору надо знать читателя, его главные признаки. На это нацелена третья аналитическая операция — *установить значимые для оценки текста признаки читателя*: 1) его образовательный уровень (основа багажа знаний); 2) запас его знаний вообще и по теме произведения (по теме каждого фрагмента текста, в частности); 3) круг общих ожиданий, увлечений, настроений; 4) степень интереса к содержанию текста; 5) характер использования читателем почерпнутых из текста знаний, уровень развитости этой деятельности.

Короче говоря, редактору надо более или менее досконально знать духовный мир и деятельность читателя. И не только того читателя, каким он предстает сегодня, но и того, каким он будет завтра. Ведь текст попадет к уже изменившемуся читателю, поскольку авторский оригинал произведения превращается в книгу не в один миг, а книга живет не один месяц, т.е. редактору нужно уловить и учесть тенденции развития читателя, предвосхитить, как будет развиваться его сознание, какие изменения будут происходить в его деятельности.

Уточненное представление о читателе позволит редактору перевоплотиться в него в ходе чтения. Без такого перевоплощения редакторский анализ и оценка текста не могут быть доброкачественными.

Хороший редактор стремится постоянно встречаться с читателями книг, которые он готовит к изданию, чтобы изучать их, знать, как они оценивают ранее выпущенные книги, устанавливать эффективность влияния на них этих книг не

только по их субъективным оценкам, но и по объективным результатам и в зависимости от меняющихся условий. Кроме того, редактор знает общую читательско-целевую задачу издания, обычно формулируемую автором.

Изучение авторского текста позволяет либо уточнить и конкретизировать читательский адрес, либо сделать вывод о неопределенности этого адреса, о противоречивых читательских параметрах текста.

Допустим, редактор читает рукопись статьи «Проблематика и методика в исследовании распространенности чтения», включенной в научный сборник «Проблемы социологии и психологии чтения». Сборник по замыслу адресован главным образом исследователям чтения — социологам, психологам, психолингвистам, а также научным библиотечным работникам, преподавателям, аспирантам и студентам вузов, в которых психология и социология чтения изучаются, наконец, практическим работникам различных отраслей книжного дела, стремящимся для повышения квалификации и совершенствования своей деятельности знакомиться с достижениями упомянутых дисциплин. Чтение статей сборника подтверждает выдержанность указанного адреса (просветительский характер изложения текста без снижения глубины разработки и освещения проблем делает его равно интересным крайним подгруппам читателей всего перечня).

Судя по тексту статьи «Проблематика и методика в исследовании распространенности чтения», она нужна исследователям чтения и тем из практиков книжного дела, кто намерен изучать чтение в районе деятельности своего учреждения или организации (библиотекарь с научными устремлениями, пропагандист книги), т.е. читательский адрес ее несколько уже, чем всего сборника. Сочетание двух разных групп читателей оправдано издательскими возможностями (выпуск двух сборников при сравнительно небольшом числе исследователей практически нерационален для издательства).

При чтении каждой статьи из ее текста «извлекается» намерение автора, его стремление подчинить текст определенному читательскому и целевому назначению. Если этого сделать нельзя, значит, текст неполноценный. Не случайно Л. П. Маслова, основываясь на экспериментах, пишет в работе «Динамика информационных ожиданий при чтении тек-

ста учебника», что вдумчивый автор, создавая произведение, стремится предугадывать степень знакомства читателя с проблемой, определять контуры его ожиданий, нащупать основные семантические оппозиции, закрепляющиеся в сознании читателя. Значит, на тексте не могут не отразиться черты этих устремлений автора и его представлений о читателе.

При отчетливом представлении о читателе редактор может решить еще одну задачу, выполнить еще один вид редакторского анализа — понять текст так, как предположительно поймет его читатель.

Конечно, когда текст несложен и редактор начинает его анализировать уже после того, как ознакомился с ним в общих чертах, он понимает текст одновременно и как личность и как человек, перевоплотившийся в читателя. Два процесса понимания сливаются в один.

Если же понимание текста наталкивается на трудности, процессы понимания расчлняются. Редактор старается понять текст в роли читателя после того, как поймет текст сам.

Простейший случай прогноза понимания текста читателем — вывод редактора о том, что то или иное слово неизвестно читателю и значение его он не сможет определить по контексту, хотя самому редактору это слово может быть известно и понятно (см. примеры в подразделе 11.6.5).

4.5. Определение общих, особенных, индивидуальных черт произведения и постижение замысла автора

Характеристические черты произведения редактор обычно определяет при первом знакомстве с текстом. Цель этой аналитической операции — уяснить, что общего у произведения с широкой группой ему близких, чем оно от них отличается, что выделяет его из ряда наиболее схожих с ним.

Благодаря такому анализу, во-первых, накапливается материал для точной оценки того, насколько содержание и форма текста отвечают типовым требованиям и какие типовые требования в силу индивидуальных особенностей произведения к нему неприменимы; во-вторых, снижается вероятность, что редактор не заметит, где автор изменяет самому себе или выбранному им типу (роду, жанру); в-третьих, по-

выпадает уверенность в том, что замысел автора будет постигнут глубоко и точно.

Стараясь определить общие, особенные и индивидуальные черты произведения, редактор устанавливает специфические особенности манеры мышления и изложения автора, его полезные и вредные речевые пристрастия, потенциально неиспользованные возможности, сильные и слабые стороны. Все это помогает познать текст и мотивы его порождения, целенаправленно совершенствовать содержание и форму текста.

Замысел автора так или иначе пронизывает содержание и форму каждого фрагмента текста. Как показывают ученые, например А. Р. Лурия, постижение замысла автора — конечный итог глубокого понимания текста.

Если общий замысел всего текста автор обычно формулирует в заявке, предисловии и он известен редактору, то замысел каждого фрагмента текста, представляющий собой частицу общего замысла, словесно автором может быть и не определен ни в тексте, ни за его пределами. Именно в этих случаях редактору и требуется сформулировать этот замысел, опираясь на элементы текста, в которых замысел сказался в наибольшей степени, на разбросанные в тексте штрихи, черты замысла. Они помогают редактору определить авторский мотив, который породил данный фрагмент текста, без чего и понимание текста не может считаться полным.

«Хорошо известно,— пишет А. Р. Лурия в «Основных проблемах нейролингвистики» (М., 1975),— что отношение „внешнего“ значения фраз, входящих в состав высказывания, с его подтекстом, или смыслом, далеко не всегда является простым. Известно, что за вопросом *Который час?* может скрываться мысль *Уже поздно, пора уходить*, а за фразой Чацкого, которой кончается Грибоедовское „Горе от ума“: *Карету мне, карету!* — скрывается подтекст: „Я не гожусь для этого общества, я хочу уйти от него, покинуть его“.

Переход от внешнего значения целого высказывания к его внутреннему подтексту (смыслу) является, следовательно, весьма непростым, и „глубина прочтения“ текста, о которой хорошо знают литературоведы и психологи, может быть очень различной» (с. 149).

Любопытен пример Дж. Миллера в статье «Психолингвисты» (рус. пер. в кн.: Теория речевой деятельности. М., 1968. С. 245—266). Приведа фразу:

Муж, встреченный у двери словами: «Я купила сегодня несколько электрических лампочек»,

Миллер спрашивает:

Как вы думаете — какой смысл у этой реплики жены?

И сам же отвечает, как должен понять это сообщение муж:

[Он] не должен ограничиваться их буквальным истолкованием; он должен понять, что ему надо пойти на кухню и заменить перегоревшие лампочки. Такая информация лежит вне грамматики или лексики (с. 249).

Перечисляя компоненты специальной работы над текстом, которая требуется для его понимания, А. Р. Лурия называет наряду с «выделением существенных смысловых компонентов, их сопоставлением друг с другом, использованием вспомогательных трансформаций» также «создание гипотезы о смысле высказывания и, наконец, принятие окончательного решения об этом смысле» (Там же. С. 183).

Редактору постичь замысел автора, мотив, породивший высказывание, важно, однако, не только для полного и глубокого понимания текста, но и для того, чтобы оценить в последующем, насколько плодотворен и правилен этот замысел, насколько исполнение отвечает замыслу. Расхождения между исполнением и замыслом снижают ценность самого прекрасного замысла, а иногда и вовсе обесценивают его. Естественно, что вскрыть эти расхождения можно лишь в том случае, если известен сам замысел и если его можно сопоставить с реальным результатом чтения текста.

Именно поэтому так уместно сравнивать редактора с актером, который одновременно исполняет две роли:

— читателя, чтобы, перевоплотившись в него, наиболее четко осознать, оценить, чем удовлетворит и чем огорчит того редактируемое произведение и при каких условиях оно принесет максимальное удовлетворение;

— автора, чтобы, перевоплотившись в него, проникнуть в его замысел до мельчайших тонкостей и при положительной

оценке этого замысла со всей остротой почувствовать, где автор не сумел сделать того, что задумал.

Покажем на небольшом примере, как редактор постигает замысел автора даже в том случае, когда текст объективно сформулирован так, что несет читателю вовсе не тот смысл, который намерен был передать автор.

Редактор читает в авторском оригинале статьи о подготовке библиографических кадров Болгарии фразу:

Такая систематическая подготовка кадров обеспечила не только непрерывный приток квалифицированных библиотечно-библиографических работников, но и способствовала развитию теории библиографии, обобщению и распространению важнейших достижений библиографического дела за границей и прежде всего в СССР.

Анализируя смысл этой фразы, редактор констатирует, что смысл второй ее части (после *но и*) может быть для читателя объективно таким: за границей и в СССР развилась теория библиографии, были обобщены и распространены достижения библиографического дела по той причине, что в Болгарии систематически готовили квалифицированных библиографов.

Вопрос: «Это ли хотел, задумывал сказать автор?» — возникает у редактора с неизбежностью. Прежде всего, потому, что противоречит здравому смыслу (маловероятно, чтобы названная автором причина могла вести к такому следствию, какое получилось в тексте).

Но не только поэтому, но и потому, что, зная, догадываясь по всему предшествующему тексту о том, какой вывод мог и хотел сделать автор в анализируемой фразе, редактор читает не только то, что текст передает, но и то, что он передать должен, а именно:

Систематическая подготовка болгарских библиографов помогла развить в Болгарии теорию библиографии, обобщить и распространить в Болгарии [а не за границей и в СССР] достижения зарубежного, и прежде всего советского, библиографического дела.

В последующем именно понимание истинного замысла автора и понимание того, что текст передает на самом деле, позволит сопоставить исполнение и замысел, оценить качество исполнения и поможет, если нужно, привести содержа-

ние и форму текста в соответствии с замыслом. Предпосылки такого совершенствования текста заложены в самой формулировке замысла, приведенной выше.

Верный авторский замысел в целом и деталях — это, по сути дела, часть общественного назначения текста. Ошибочный или порочный замысел ведет к ущербу для дела, для издательских задач.

Знать, что задумал автор, редактору насущно необходимо. И окончательно познаёт он этот замысел обычно в ходе и в результате глубокого понимания текста, хотя в сложных случаях этой цели приходится добиваться специально.

4.6. Выяснение функционально-целевого назначения текста, формулирование конкретных требований к нему, прогноз воздействия текста на читателя

Для определения общественного назначения текста редактору надо знать не только читателя, которому текст адресуется, но и для чего этот текст данному кругу читателей нужен, с какой целью он создан и будет тиражироваться, т.е. знать функционально-целевое назначение текста. Определить и точно сформулировать это назначение — следующая задача редакторского анализа. Общее функционально-целевое назначение текста автор формулирует в заявке и предисловии, а издательство утверждает его, заключая договор по готовому произведению или заявке и плану-проспекту. Конкретная цель каждого фрагмента текста, его функция в производстве — это то, чего он должен достигнуть, те изменения в сознании, чувствах и деятельности читателя, к которым ему желательно привести.

Исходя из наблюдений некоторых исследователей (см., например, работу Ю. Н. Кулюткина и Г. С. Сухобской «Восприятие информации как проблема психологического воздействия» в сборнике «Определение трудности и ценности учебной информации для взрослых людей» (Л., 1972. С. 5—12) — и работу М. С. Мацковского «Проблема понимания читателями печатных текстов» (М., 1973. 27 с.), можно сформулировать три основные составляющие функционально-целевого назначения научного и делового текста:

1. Что именно текст должен сообщить (сведения о фактах или доказательства, опровержения, объяснения).

2. Для чего текст будет использован (для исследования читателем нового материала, или для регулирования практических действий читателя, или для расширения его знаний об описываемом предмете и т.д.), в какой деятельности (учебной, производственной, научной).

3. На какую читательскую сферу воздействия текст нацелен (логико-познавательную, эмоциональную или инструментальную).

Итак, что именно текст сообщает, для чего будет использован, на какую основную сферу воздействия направлен — три стороны цели, которые важно выяснить редактору, анализируя текст. На основе того, что текст и его фрагменты с этой точки зрения собой представляют, редактор стремится сформулировать и то, какими им по функционально-целевому назначению желательно быть.

Проанализируем для этого такую фразу из упоминавшейся нами статьи о проблематике и методике изучения распространенности чтения:

Мы не считаем верным также ограничивать понятие «читатель» лишь теми, кто обращается к художественной литературе, так как в чтении значительной части людей, особенно специалистов, вероятнее всего, преобладает литература по специальности.

По-видимому, назначение фразы:

1) сообщить, как не нужно и как нужно определять объем понятия «читатель»;

2) либо утвердить тех, кто изучает чтение, в таком подходе к указанному понятию (если их понимание было близко к авторскому), либо изменить их понимание термина (если оно было иным, чем авторское), т.е. изменить сознание читателя или закрепить наметившиеся в его сознании изменения, а также повлиять на практику (методику) его исследовательских действий;

3) воздействовать, как это вытекает из двух первых сторон цели, главным образом на логико-познавательную и частично инструментальную сферу деятельности читателя.

Короче, задача рассматриваемого фрагмента текста — путем опровержения бытующего, но неверного определения

объема понятия «читатель» подвести читателя-специалиста к правильному его определению, заставить полностью отказаться от суженного объема содержания этого понятия.

Так на основе изучения текста его цель конкретизируется в задачу. Последняя формулируется, как бы наполняясь содержанием текста.

Задача текста сформулирована. Можно ли считать ее правомерной? Можно ли сказать, что решение такой задачи действительно отвечает интересам развития социологии чтения?

Общая задача статьи — информировать всех, кто занимается социологическим изучением чтения (т.е. исследователей — научных работников и исследователей-практиков), о современном состоянии методики конкретно-социологического изучения чтения, о том, как необходимо сегодня решать наиболее существенные проблемы и от каких решений следует отказаться. Несомненно, что названные читатели нуждаются в точном знании того, какое содержание сегодня следует вкладывать в понятие «читатель», поскольку это базовое понятие для построения методики. Только верно определив признаки этого понятия, в частности его объем, можно рассчитывать на правильность конкретно-социологических выкладок. Тем более важно опровергнуть ошибочный подход к определению объема этого понятия, если он бытует, и тем предостеречь читателей от ошибок. Но именно такую задачу, как мы показали выше, и решают в цитированной фразе авторы.

Значит, задача верна, и оценить ее можно положительно. Если редактор знает, какую задачу должны решать авторы, то для оценки текста ему остается сформулировать те условия, при которых эта задача может считаться решенной успешно и верно. Сопоставив содержание и форму анализируемого текста с этими условиями, проверив, насколько авторы текста соблюдают эти условия-требования, редактор и сможет объективно оценить качество текста.

Для рассматриваемой фразы, исходя из ее содержания, совершенно обязательно:

1) чтобы авторы опровергали такое определение объема понятия «читатель», которое действительно заслуживает опровержения;

2) чтобы опровержение было логически непротиворечивым, логически правильным.

Так ли обстоит дело в данном случае?

Авторы стараются опровергнуть мнение тех, кто отказывает человеку в праве называться читателем, если он не читает или читает мало художественную литературу. (Правда, отметим попутно, что в первой части фразы не сказано о том, что речь идет о тех, в чьем чтении преобладает художественная литература, и противопоставление получается не вполне четким. Но предположим, что авторы в начале текста имеют в виду именно тех, кто читает преимущественно художественную литературу, и лишь выразились недостаточно определенно.)

Относится ли опровергаемая точка зрения к бытующей и представляющей опасность?

Размышляя, редактор может усомниться в надобности такого опровержения.

В самом деле, неужели находятся специалисты, которые всерьез не считают читателями тех, кто читает главным образом политическую и специальную литературу? Никаких доказательств, что есть такие специальности, в тексте нет.

Между тем если человек вовсе не читает художественную литературу, поглощая горы специальных и политических книг, то действительно могут найтись специалисты, которые выскажутся за то, чтобы не считать такого человека подлинным читателем. И не без основания: подобная односторонность в чтении все же делает его ущербным.

Кроме того, редактор не может не приложить к данному тексту требование логической непротиворечивости. Все ли тут в порядке?

Если человек читает преимущественно специальную литературу, то это не означает, что он вовсе не читает художественной литературы. А раз он ее читает, то как это может опровергнуть неверность ограничения, указанного в первой части фразы? Ведь там сказано: *лишь теми, кто обращается к художественной литературе*, а читающие преимущественно специальную литературу, попадают в число читающих литературу художественную. Ведь специальную литературу они читают только преимущественно.

Значит, текст оценить положительно нельзя. Он не отвечает двум важным условиям, двум важным требованиям, и

авторы не смогут добиться того воздействия на читателя, которого желали.

Разбирая, удовлетворяют ли содержание и форма фразы из научной статьи установленным требованиям, редактор пришел к отрицательной оценке этой фразы. В таком случае уже нет необходимости прогнозировать воздействие текста на читателя. Раз текст не удовлетворяет важным условиям, он не достигнет цели. Но во многих случаях текст может удовлетворять требованиям к нему. Тогда для оценки текста необходимо прогнозировать его воздействие на читателя, сравнить сознание последнего до и после чтения и по тому, окажутся ли реализованными верные намерения автора, сделать вывод о пригодности или непригодности текста к изданию.

На этом редакторский анализ текста для его оценки завершается.

Глава 5

СТРУКТУРА РЕДАКТОРСКОГО АНАЛИЗА ТЕКСТА ПО ЦЕЛЯМ АНАЛИТИЧЕСКИХ ДЕЙСТВИЙ (ДЛЯ УЛУЧШЕНИЯ РУКОПИСИ)

5.1. Опровержение предполагаемых возражений автора и читателя против редакторской оценки

Опытный редактор, изучив текст и придя к его отрицательной (в той или иной степени) оценке, не торопится править текст или безапелляционно требовать исправлений от автора. Он старается проверить справедливость своей оценки, подвергая ее испытанию.

Согласится ли с редакторскими аргументами такой оценки автор? Не найдет ли возражений, способных опрокинуть вывод редактора?

Если же текст оценен положительно, то верность оценки редактор испытывает, стараясь предвидеть вопросы читателя, способные ее поколебать.

Такие испытания помогают укрепить аргументацию оценки или заставляют пересмотреть ее. Именно поэтому у лучших редакторов процесс анализа и оценки на завершающем этапе протекает в диалогичной форме, в мысленных спорах с автором и читателем. Это избавляет редакторский взгляд от односторонности.

Если вернуться к оценке фразы из научной статьи об исследовании чтения, то, вообразив, как воспримут эту оценку авторы, можно предположить такое их возражение: «А почему, собственно, маловероятно, чтобы чтение преимущественно специальной литературы было основанием для исключе-

ния такого человека из ранга читателя? Человек обращается к произведениям печати лишь по производственной необходимости, точно так же, как он обращается за консультацией к специалисту. Нет у него производственных вопросов, производственной надобности — он вообще не читает или почти не читает. Какой же это читатель? Не удивительно, что есть исследователи чтения, которые соглашаются признавать читателями лишь тех, кто не может жить без чтения как насущной жизненной необходимости, как одного из средств нравственно-познавательного и эстетического развития и совершенствования. Такими читателями можно назвать, по их мнению, лишь тех, кто постоянно, а не случайно обращается к художественной литературе, кто читает ее много, а не мало и случайно».

«Но если так, а так действительно может быть: доводы весомые, — вынужден согласиться редактор, отстаивающий интересы исследователей чтения, которые обратятся к статье, — то надо признать, что первоначальная оценка фразы ошибочная».

«В то же время, — продолжает размышлять редактор, — возникает вопрос: чем, собственно, авторы опровергают весомые доводы тех, кто включает в объем понятия „читатель“ только постоянно читающих художественную литературу? Тем, что существуют немало людей, в чтении которых преобладает специальная литература? Но почему это само по себе опрокидывает опровергаемую точку зрения? Отсутствие в тексте доводов и вызвало первоначальное мое сомнение. Значит, требуются дополнительные разъяснения, почему все же нельзя исключать из ранга читателя тех, кто читает главным образом специальную литературу. Только в этом случае читатель статьи станет на позицию ее авторов, и они решат свою задачу».

Оценка текста остается той же, сниженной, но аргументируется она иначе, более основательно. Если редактор в состоянии опровергнуть предполагаемые авторские возражения, он утверждает в собственной правоте, нет — ищет источник собственной ошибки в анализе и оценке.

Но остается в силе замечание о правомерности расположения слова *лишь* в начале фразы. Редактор продолжает размышлять: «Не имели ли авторы в виду все же не *лишь тех, кто обращается к художественной литературе*, а *тех, кто об-*

ращается лишь к художественной литературе или преимущественно к художественной литературе? Те аргументы, которые предположительно они выдвинули, свидетельствуют в пользу такого уточнения. И в самом деле, люди, которые читают только или преимущественно художественную литературу, — односторонние читатели. Они, следовательно, не стремятся совершенствоваться как специалисты, не интересуются общественно-политическими проблемами. Что тут могут возразить авторы? Пожалуй, ничего».

Этот вид редакторского анализа текста помогает искать и находить причину расхождений между предполагаемым и желательным воздействием текста на читателя (или взаимодействием читателя с текстом, как считает М.В.Рац), а также рациональные средства для устранения этой причины.

5.2. Установление причин отрицательной или сниженной оценки и поиски средств ее изменения

Установив расхождение между желательным и предполагаемым воздействием текста на читателя, между требованиями к содержанию и форме текста и теми качествами, которыми последние обладают, между исполнением и замыслом, редактор стремится отыскать причину такого расхождения в тексте.

Это необходимо, прежде всего, потому, что только так можно выяснить, в чем источник неудач автора, обобщить характер такого или таких их источников и тем самым помочь автору наметить программу совершенствования фрагмента текста или текста в целом.

Это необходимо также потому, что в случае, когда редактору приходится помогать автору не только критикой, но и конструктивным советом — предлагать вариант исправления, он может сделать требуемое точно и быстро, лишь хорошо разобравшись в причине названного выше расхождения. Интуитивная, неосмысленная правка, правка на основе субъективных впечатлений, как правило, грешит неточностями, ведет к искажениям авторской мысли.

Отыскать же и точно сформулировать причину расхождения между замыслом и исполнением можно только на основе специального анализа текста.

Если бы, например, редактор счел фразу об определении объема понятия «читатель» не удовлетворяющей требованию непротиворечивости, то ему пришлось бы ее анализировать, чтобы отыскать и сформулировать причину противоречия, несогласованности внутри текста, между двумя частями фразы.

Проведя такой анализ, редактор, вероятнее всего, посчитал бы, что части фразы противоречат друг другу по одной из трех возможных причин:

1. Либо авторы имели вначале в виду тех, кто *преимущественно* читает художественную литературу. Тогда подобное ограничение действительно оказывается несостоятельным именно потому, что многие специалисты читают преимущественно специальную литературу, а из числа читателей их исключить все же трудно.

2. Либо авторы подразумевали в начале фразы ограничение понятия «читатель» не *лишь теми, кто обращается к художественной литературе, а теми, кто обращается лишь к художественной литературе*. Такая логико-стилистическая ошибка относится к числу распространенных, а то, что это, возможно, именно такая ошибка, мы старались показать выше, в конце подраздела 5.1. Парадокс в том, что авторы обычно читают текст, в котором логически акцентирующее слово стоит не на месте, как верно передающее их замысел, хотя на самом деле этого нет (примеры см. также в подразделе 13.3.2).

3. Либо, наконец, авторы выдвинули не то обоснование, и нужно заменить его другим, хотя бы таким: неверно исключать из разряда читателей человека, который читает политическую, публицистическую, специальную литературу, но не раскрывает романы и повести, стихи и поэмы, рассказы и пьесы.

В первых двух случаях неточно сформулировано основное положение, в третьем — его обоснование.

Ограничение объема понятия «читатель» теми, кто читает только художественную литературу, хотя и возможно, но не очень вероятно. Вряд ли вообще люди, читающие исключительно художественную литературу, составляют значительное число: в газеты и журналы заглядывают почти все.

Что же касается обоснования, то мы уже пришли к выводу, что авторское обоснование возможно.

Тогда единственной причиной остается нечеткое ограничение круга читателей в первой части фразы. Речь может и должна идти только о тех, кто *преимущественно читает художественную литературу*.

Обосновывая, в чем причина противоречия между двумя частями фразы, мы уже невольно сформулировали, что надо сделать, чтобы устранить эту причину, — вставить слово *преимущественно* перед словами *художественную литературу* в первой части фразы:

Мы не считали верным также ограничивать понятие «читатель» лишь теми, кто обращается преимущественно к художественной литературе, так как в чтении значительной части людей, особенно специалистов, вероятнее всего, преобладает литература по специальности.

Устранить причину противоречия в разобранный нами фразе было сравнительно просто главным образом потому, что несложно само противоречие, тот недостаток, который вызвал необходимость в исправлении. Но так бывает далеко не всегда, и редактору требуется еще и еще раз анализировать текст, прежде чем будет найдено, каким путем устранить причину расхождения между замыслом и исполнением, между желательным результатом чтения и предполагаемым.

К тому же надо, чтобы этот путь вызывал минимальные изменения текста, как можно меньше отдалял исправленный текст от авторского. Это условие имеет глубокое психологическое обоснование. Каждый человек обладает своим, индивидуальным строем мышления, накладывающим не всегда заметный отпечаток на речь этого лица. Свойственно это и автору и редактору. Их стили мышления и речи полностью совпадать не могут. Зачастую они различаются существенно. И именно поэтому так важно, чтобы редактор проник в особенности стиля автора, отрешился от своих пристрастий и индивидуальных черточек и, наподобие актера, сыграл роль автора, т.е., подыскивая путь, как устранить причину расхождения между замыслом и исполнением, выбирал такие языковые средства, которые сродни авторскому стилю, хотя, может быть, и чужеродны редактору.

Такая задача — уже искусство и искусство очень сложное, требующее от редактора глубокого проникновения в психологию авторскую и свою (см. подробнее в гл. 14).

5.3. Проверка правильности и точности редакционных изменений текста

Анализ текста редактором не кончается и после того, как текст им исправлен. Измененный текст непременно нуждается в анализе ради оценки изменений. Причин несколько.

Во-первых, правка может незаметно изменить в ущерб задачам текста его смысл или оттенки смысла.

Во-вторых, правка может внести в текст такие изменения, которые повлекут за собой новые стилистические отношения между словами и словосочетаниями. Как ни тщательно ищет и отбирает средства исправления недочетов редактор, сразу в полной мере учесть окружение исправляемого фрагмента бывает довольно трудно. Из-за этого что-то могло быть упущено из виду. Вследствие чего подчас исправление одних погрешностей вызывает другие, новые.

В-третьих, необходимо проверить, привели ли изменения к желательному результату, т.е. требуется заново прогнозировать воздействие текста (в измененном виде) на читателя (или взаимодействие читателя и текста) с целью новой оценки.

Данный вид анализа может выполняться не после правки, а в ходе ее, как прямое продолжение анализа с целью поиска наиболее рациональных и подходящих средств исправления, но суть от этого не меняется. У анализа текста ради поиска средств устранения его погрешностей своя цель, у анализа ради оценки самого исправления — своя.

Приемы этого вида анализа описаны в гл. 14, поскольку в ней речь идет о методике правки. Сейчас же мы покажем на небольшом примере только то, как важен анализ ради оценки редакционных или авторских изменений.

Раскритикованная выше фраза из статьи о методике исследования чтения была под влиянием редакторских замечаний исправлена авторами таким образом:

Так как в чтении значительной части людей большое место занимает специальная литература, мы не считали верным сводить понятие «читатель» к понятию «читатель художественной литературы».

Строго говоря, новый вариант трудно признать удачным — содержание понятия «читатель художественной ли-

тературы» не более ясно, чем понятие «те, кто обращается к художественной литературе». Кто может считаться читателем художественной литературы? Тот, кто читает *только* художественную литературу? Или тот, кто читает наряду с произведениями других видов литературы непременно и литературу художественную? А может быть, тот, кто читает постоянно или преимущественно художественную литературу?

Скорее всего, эта последняя категория людей. Но тогда целесообразнее было лишь уточнить начало первого авторского варианта фразы, вставив в него слово *преимущественно*, как было предложено выше, а не заменять фразу с недостаточно ясно выраженной мыслью другим вариантом, ничуть не более ясным.

Мало этого. Мы уже писали, что сама аргументация (в новом варианте — то, что в чтении многих людей большое место занимает специальная литература) не делает точку зрения авторов убедительной. Какое именно большое место? И разве это аргумент — значительность числа людей, в чтении которых большое место занимает специальная литература?

Таким образом, исправленный вариант фразы оказался ничуть не лучше, чем первоначальный. Эта оценка требовала продолжить поиск новых средств исправления, позволяющих улучшить фразу так, чтобы она выполнила свою задачу и оказала желательное воздействие на читателя. Но сделать это в рассматриваемом случае могли только авторы, поскольку аргументировать ошибочность опровергаемого ими понятия «читатель» — дело в первую очередь авторское.

Глава 6

СТРУКТУРА РЕДАКТОРСКОГО АНАЛИЗА ПО СТОРОНАМ (КАЧЕСТВАМ) ТЕКСТА

У текста в целом и у каждой его единицы множество сторон (качеств). Даже у слова (простейшей единицы) число сторон (качеств) необычайно велико.

И ни одна из них не должна быть упущена редактором, если он хочет воспринять и проанализировать текст много-сторонне (а это необходимо).

В самом деле, у каждого слова свое значение и смысл.

Слово грамматически выступает и как часть речи, и как член предложения.

Будучи, например, как часть речи именем существительным, слово может быть:

- именем собственным и нарицательным;
- склоняемым и несклоняемым;
- в форме единственного и множественного числа;
- в прямом и косвенном падеже;
- женского, мужского и среднего рода;
- литературным и просторечным;
- научным термином и многозначным обыденным словом;
- собирательным и обозначающим один предмет;
- простым и сложным;
- полным и сокращенным;
- отвлеченным и вещественным;
- нейтральным к стилям речи и относящимся к определенному стилю;
- отглагольным и иного происхождения;
- одушевленным и неодушевленным;
- архаизмом и неологизмом;
- эмоционально окрашенным и без явной эмоциональной окраски;

— русским и иноязычным по происхождению.

Как член предложения слово может быть главным и второстепенным, соответственно подлежащим и сказуемым, дополнением, приложением и т.д.

Нет смысла составлять перечень всех качеств (сторон) текстовых единиц. Каждая наука, изучающая текст со своей специфической стороны, характеризует качества текстовых единиц, благодаря чему позволяет редактору, овладевшему кругом знаний в области этих наук, выделить, когда необходимо, нужные качества единиц текста, анализировать и оценивать единицу с этой стороны.

В то же время целесообразно дать общую классификацию качеств текстовых единиц, поскольку она помогает представить общую структуру редакторского анализа текста по его качествам (сторонам).

Качества текста можно условно разделить на две большие группы, тесно связанные между собой: 1) качества его содержания; 2) качества его формы.

К важнейшим сторонам содержания текста относятся: 1) идеологическая; 2) политическая; 3) фактическая; 4) специально-предметная; 5) функциональная.

Важнейшие стороны формы текста: 1) композиционная; 2) рубрикационная; 3) логическая; 4) языково-стилистическая; 5) графическая.

Каждая сторона содержания и формы текста должна удовлетворять специфическим требованиям, выработанным соответствующей наукой.

Под требованиями мы понимаем научно или практически установленные мерки (критерии) ценности текста, эффективности его воздействия на читателя с учетом той или иной стороны.

Например, фактическая сторона текста может считаться методологически верной, если факты взяты во всей их совокупности (без исключения тех, которые не помогают доказательству или опровержению); если автор опирается не только на факты прошлого времени; если автор учитывает возможное развитие фактов (подробнее см. в гл. 11). Логические качества не должны нарушать логические правила и закономерности (см. гл. 12). И так далее.

Функциональные качества у разных частей текста неодинаковы. Одни части текста относятся к основным: их функция — непосредственно доносить до читателя идеи и факты произведения; другие части носят вспомогательный характер: их функция — организовать восприятие основного материала, помочь его восприятию и запоминанию.

В основном тексте редактор обычно с учетом функции и значимости выделяет:

- главное и второстепенное,
- выводы и материалы, иллюстрирующие и конкретизирующие общие положения;
- новое, оригинальное и старое, известное, а в известном то, что подвергнуто новой обработке (например, новой систематизации) и потому оказывается шагом в познании, если эта систематизация продвигает нас в понимании изучаемого явления.

Полезно выявлять оригинальное в тексте и пересказ литературных источников — своеобразную компиляцию, нередко подменяющую истинное движение мысли и заставляющую читателя топтаться на месте, зря растрачивая время. Хотя, конечно, есть произведения (например, обзоры, монографии), в функцию которых как раз входит систематизация научных достижений.

Ясно, что нельзя точно оценить качество какой-либо части текста безотносительно к ее функциональной особенности в этом тексте. И содержание, и форма каждой части текста должны отвечать их функциональному назначению.

Определенным требованиям, речь о которых пойдет в гл. 9—13, должны отвечать композиция, рубрикация, фактический материал, логические качества, язык и стиль.

Указанные общие требования, которые далеко не исчерпаны здесь, вместе с другими требованиями конкретизируются применительно к особенностям каждого вида издания и типа литературы (типовые требования), каждого произведения и каждого автора (требования индивидуальные).

Следует оговориться, что применять общие, типовые и тем более индивидуальные требования к конкретному произведению вовсе не просто. Требование — всегда обобщенная формула, и в конкретной типовой ситуации она должна быть

приспособлена ко всем нюансам, делающим, как правило, необходимым уточнение, а иногда и переформулирование самого требования. То, что в полной мере применимо в одних случаях, в других действует лишь частично, а в третьих — с очень большими ограничениями.

Когда редактор анализирует какую-либо единицу текста, то в первую очередь он старается определить, какова ее задача, каким должно быть взаимодействие с ней читателя. Кроме того, он с учетом особенностей содержания и формы старается определить, каким именно условиям (требованиям) она должна удовлетворять, и соотносит особенности текстовой единицы с этими требованиями, сформулированными самим редактором в ходе анализа, что и позволяет ему так или иначе оценить текст. Отклонение текстовой единицы от требований может объяснить причину расхождений между замыслом и исполнением, между желательным воздействием текста на читателя и предполагаемым на основе анализа.

Содержание анализа при переходе от низших единиц к высшим претерпевает изменения, поскольку единицы разного уровня обладают разными качествами.

К слову можно применить одни требования и невозможно другие. Например, само по себе слово должно точно передавать читателю то значение, которое вкладывает в него автор, но это часто зависит не от слова самого по себе (как правило, многозначного по природе), а от того, насколько в данном сочетании слов нужное значение легко вычитывается читателями. К слову можно предъявить требование точности, т.е. это должно быть только то слово, которое требуется в данном случае. К слову нельзя предъявить требование идеологической выдержанности: идею несет не слово, а суждение, предложение и их комплексы, а слово лишь помогает выразить ее точно либо препятствует этому.

Только крупная смысловая часть позволяет судить в целом о концепции автора и может быть соотнесена с требованием доказательности (в частности, фактической точности доказательной базы). К крупной смысловой части не предъявишь требования правильного грамматического согласования ее частей. Это требование действует только на уровне словосочетаний, предложений.

В предложении нет композиционных связей, но есть связи синтаксические. В сверхфразовом единстве между фразами есть связь композиционная, но, как правило, нет синтаксической. Логические связи между предложениями иные, чем между словами (именами) внутри предложения (высказывания).

Таким образом, число требований к каждой данной единице текста ограничивается тем, какая единица подвергается анализу и оценке. Многие требования, которым должно удовлетворять, например, существительное, неприменимы к глаголу. Тем более разнятся фразы — содержанием, составом, структурой. И это делает их анализ избирательным. При одном содержании одни требования, при другом — другие.

Например, предложение может быть простой констатацией факта, или описывать простое действие, или преследовать конструктивную цель. Естественно, что в каждом случае к его содержанию предъявляется тот комплекс требований, который связан с особенностями его содержания.

Проанализируем для иллюстрации этого положения следующую фразу из обзора литературы:

Большой интерес для учителей представляют методики по труду в начальных классах, зоологии, ботанике, анатомии и физиологии человека, физике и другим предметам.

Читая фразу и сопоставляя ее содержание со своими знаниями (что необходимо для ее понимания), редактор не может не задать по ходу чтения вопрос: «А почему большой интерес представляют для учителей именно эти методики? Любая качественная методика полезна и нужна учителю». До читав фразу до конца, он не только не разрешает своих сомнений, но, наоборот, убеждается в их обоснованности: если для учителей представляют большой интерес методики и по другим предметам, то, значит, интересны все методики вообще и лишается смысла выделение некоторых из них в начале фразы.

Таким образом, по ходу чтения и понимания фразы используются приемы соотнесения ее содержания с собственными знаниями и соотнесения частей фразы по смыслу (*особенно интересны некоторые методики в начале фразы и особенно интересны все методики в конце: и другим предметам*), и редактор нащупывает ее слабости. При этом он не переби-

рает все возможные требования к тексту вообще и не соотносит с ними фразу поочередно, а избирает лишь некоторые направления анализа, формулирует только те требования к фразе, которые диктуются ее содержанием и ее особенностями, в данном случае ее слабыми местами, нащупанными в процессе осмысления. Именно осмысление текста обнажает часто его слабые места и заставляет редактора формулировать требования, с ними связанные.

Однако рассчитывать только на процесс понимания, на приемы осмысления текста редактору недостаточно. Ведь при этом сама избирательность приобретает черты стихийности. И потому редактору необходимо с помощью анализа выделить существенные особенности текста, определить его цель. Они и продиктуют, какие требования к единице текста надо предъявлять в данном случае. Установив наиболее существенную особенность фразы (например, здесь автор высказывает главную свою идею), редактор тем самым предопределяет требования к ней и формулирует их уже сознательно, а не только по нащупанным в ходе осмысления слабым местам, подчиняя анализ и оценку своему контролю.

Глава 7

ОБЩАЯ СХЕМА РЕДАКТОРСКОГО АНАЛИЗА И РЕДАКТИРОВАНИЯ

В предшествующих главах были вскрыты структурные звенья редакторского анализа в трех его разрезах. Делалось это в значительной мере безотносительно к тому, как эти звенья реально, на практике, складываются в единый процесс редакторского анализа, оценки и совершенствования текста, какова их последовательность, связь и взаимодействие. Редактору же мало знать, какие аналитические действия он должен предпринять для оценки и совершенствования рукописи и в чем они состоят — ему надо целесообразно связать их в единый процесс анализа и оценки.

Это по ряду причин необычайно сложная задача.

Во-первых, редактирование как практический процесс требует от исполнителя искусства перевоплощения, искусства применения общих положений к конкретному материалу. А любое искусство всегда субъективно и окрашено личностью исполнителя.

Во-вторых, необходимость знать и выделять каждую цель, которую требуется достичь на пути к конечным целям редакторского анализа, вовсе не означает, что при редактировании рукописи редактору надо решать каждую из выделенных задач отдельно и в строгой последовательности. Виды анализа на практике переплетаются, сливаются, объединяются. Например, приемы осмысления текста, с помощью которых редактор достигает глубокого его понимания, нередко позволяют сразу, в ходе этого процесса, установить несоответствие фактов текста фактам действительности, увидеть нарушение фактической достоверности текста, одного из важнейших требований к нему.

А. М. Горький, прочитав в рукописи повести С. Бондарина фразу: «Мама садилась, раскрыв веер, усыпанный чешуйчатым бисером», — подчеркнул слова *чешуйчатый бисер* и написал: «Нет такого бисера» (см.: Редактор и книга. 1963. Вып. 4. С. 192), т.е. оценил текст с точки зрения его фактической достоверности. Горький пропустил бы такую мелочь, если бы не сопоставлял при чтении качество, характеристику бисера (чешуйчатый) со своими знаниями о внешнем виде бисера. Но ведь сопоставление почерпнутого в тексте со своими знаниями, включение его в систему своих знаний и есть один из приемов осмысления текста, описанный А. А. Смирновым. Именно так перед читателем раскрывается значение слов текста. Читая слово *чешуйчатый*, Горький, чтобы осознать его значение, должен был мысленно отметить что-нибудь вроде «из чешуи, пластинок», а читая дальше слово *бисер* подумать: «мелкие шарики», и коль скоро так происходило освоение текста, он уже не мог не заметить, что одно противоречит другому, и поэтому оценил текст как фактически неверный. Здесь анализ с целью понимания слился с анализом ради оценки текста с точки зрения фактической точности.

Происходит одна из тех трансформаций деятельности, о которых пишет А. Н. Леонтьев в книге «Деятельность, сознание, личность» (М., 1975):

«Подвижность отдельных „образующих“ системы деятельности выражается... в том, что каждая из них может становиться либо более дробной или, наоборот, включать в себя единицы, прежде относительно самостоятельные. Так, в ходе достижения выделявшейся общей цели может происходить выделение промежуточных целей, в результате чего целостное действие дробится на ряд отдельных последовательных действий; это особенно характерно для случаев, когда действие протекает в условиях, затрудняющих его выполнение с помощью уже сформировавшихся операций. Противоположный процесс состоит в укрупнении выделяемых единиц деятельности. Это случай, когда объективно достигаемые промежуточные результаты сливаются между собой и перестают сознаться субъектом» (с. 110—111).

Сливаются, переплетаются не только виды анализа, но и анализ текста с его оценкой. Например, текст анализируется с целью сформулировать требования к нему — условия, при которых он может решить поставленную перед ним задачу вообще или более эффективно, чем в случае, когда эти условия не соблюдаются. В реальной практике не формулируют сначала все требования к тексту, а затем последовательно каждое из них соотносят с текстом, с воздействием его на читателя и на этой основе текст оценивают. На практике редактор, сформулировав очередное требование к тексту, оценивает, удовлетворяет ли он этому требованию или нет. И так с каждым требованием. Оценка, таким образом, вплетается в анализ, а не следует за ним, точнее за комплексом его видов.

Все эти соображения и замечания не отменяют, однако, целесообразности для каждого редактора (с учетом индивидуального своеобразия процесса редактирования) придерживаться рациональной общей схемы действий, позволяющей соблюдать общие условия процесса редакторского анализа и редактирования. Только пренебрегая этими условиями, можно провозглашать полную свободу действий для каждого редактора. Считаться с ними — значит предпочитать некий общий порядок действий, не препятствующий творчеству и не замыкающий редакторское искусство в жесткие рамки неподвижной схемы.

Как же увязать все многообразные действия и операции процесса редактирования в единую логичную и в то же время очень гибкую, подвижную схему?

Прежде всего, надо учитывать, что редактор, как правило, читает рукопись не один раз. Когда он получает рукопись, то знакомится с ней и после этого направляет на рецензию или сам рецензирует ее, читая повторно. Обычно автору приходится исправлять рукопись по замечаниям рецензента и редактора, после чего последнему предстоит оценить, насколько автор сумел выполнить редакционные требования, т.е. снова читать. И если рукопись одобрена, читать ее четвертый раз, чтобы окончательно подготовить к изданию.

И коль скоро редактор читает рукопись не один раз и каждое чтение преследует свои специфические цели, то, следовательно, можно и целесообразно рационально распределить

решения разных редакционных задач между несколькими этими чтениями.

Опыт и наблюдения исследователей редактирования (например, К. И. Былинского в «Литературном редактировании», написанном совместно с Д. Э. Розенталем (2-е изд., перераб. и доп. М., 1961), показывают, что среди многих редакторских чтений рукописи выделяются три основных: 1) ознакомительное; 2) рецензентское, оценочное; 3) шлифовочное, отделочное чтение.

1. Ознакомительное чтение. Его основная функция — общая познавательная ориентировка в содержании и форме произведения. Она позволяет понять его в целом и при дальнейшем, углубленном чтении осознавать место и роль каждой единицы текста в содержании всего редактируемого произведения. Она помогает построить общую модель читателя, определить главное функциональное назначение издания, сформулировать важнейшие особенности произведения и автора.

2. Рецензентское, оценочное чтение. Его функции — углубленное осознание, проработка, анализ, оценка и критика текстовых единиц (от малых до самых крупных) и всего текста в целом по основным принципиальным вопросам содержания и формы редактируемого произведения.

3. Шлифовочное чтение. Его функции — анализ и оценка одобренного, признанного пригодным к изданию произведения, поиск средств устранения причин частных несовершенств, использование этих средств и контроль за их влиянием на текст, на прогнозируемый результат чтения потенциального читателя.

Рациональность такого деления очевидна, если учесть многосторонность и сложность стоящих перед редактором задач, решать которые за одно чтение (при сложности структуры и многоаспектности содержания и формы текста) необычайно трудно, а порой и просто невозможно.

На основе такого членения и всей структуры редакторского анализа можно наметить общую схему редактирования и редакторского анализа, состоящую из трех схем: 1) схемы ознакомительного чтения; 2) схемы рецензентского, оценочного чтения; 3) схемы шлифовочного чтения при непосредственной подготовке оригинала произведения к изданию.

ОБЩАЯ СХЕМА РЕДАКТОРСКОГО АНАЛИЗА И РЕДАКТИРОВАНИЯ

1) Схема ознакомительного чтения

(основные действия)

1. Познавательнo сориентироваться в содержании и форме текста, прежде всего в связях и взаимозависимостях крупных структурных единиц текста (как они связаны, какую систему образуют, как раскрывают тему произведения) и на этой основе осмыслить текст в целом.
2. Определить читательское назначение произведения и важнейшие признаки читателя.
3. Сформулировать главный результат чтения (общее функциональное назначение издания).
4. Определить самые важные особенности произведения и автора (возможно, и путем знакомства с прежним его творчеством).

2) Схема рецензентского, оценочного чтения

(основная цель — оценка рукописи преимущественно с главных, принципиальных сторон; поэтому упор делается на анализ и оценку крупных структурных единиц текста)

- I Ориентировочное чтение 1-й рубрикационной единицы низшего ранга (например, параграфа), состоящее из действий, цель которых:

- ↓
- 1 Восстановить в памяти содержание или ознакомиться с ним в общих чертах
 - ↓
 - 2 Выделить основные структурно-логические единицы (сверхфразовые единства), их место и роль в параграфе
 - ↓
 - 3 Установить мысленно (возможно с помощью рабочего оглавления) связи параграфа с другими параграфами главы, с главой в целом, а через нее с произведением в целом для уяснения места и роли параграфа в содержании главы и произведения
- ↓

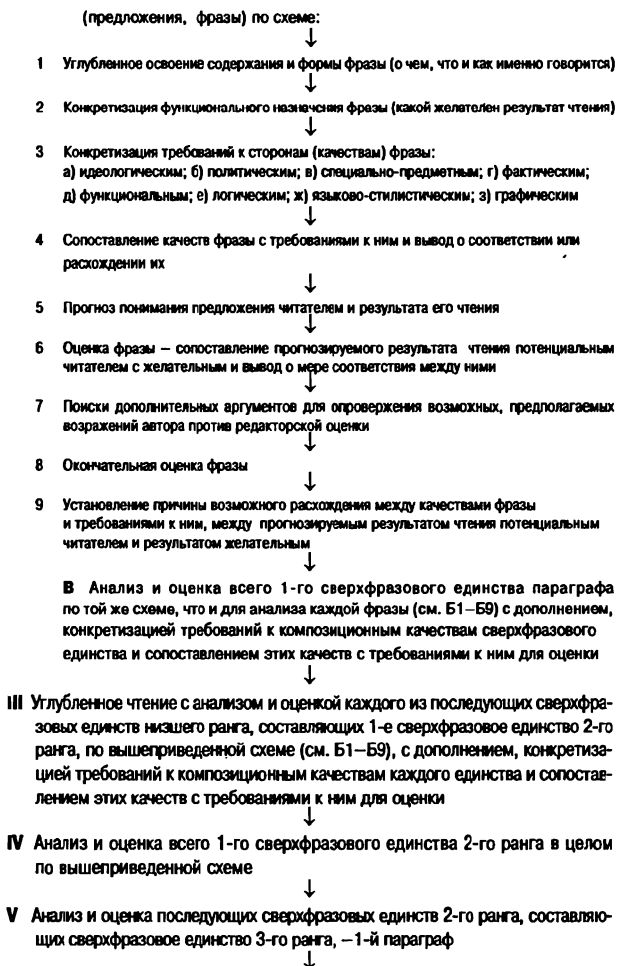
- II Углубленное чтение с анализом и оценкой 1-го в параграфе элементарного сверхфразового единства (единства низшего ранга)

↓

А Углубленное чтение с анализом и оценкой сверхфразового единства (свертывание до основной мысли — о чем и что говорится)

↓

Б Анализ и оценка каждой составной части сверхфразового единства

- VI Анализ и оценка всего 1-го параграфа в целом по вышеприведенной схеме (см. Б1– Б9), с дополнением, конкретизацией требований к композиционным и рубрикационным качествам в сопоставлении этих качеств с требованиями к ним для оценки
- ↓
- VII Анализ и оценка последующих параграфов 1-й главы по той же схеме, что и 1-го параграфа
- ↓
- VIII Анализ и оценка всей 1-й главы
- ↓
- IX Анализ и оценка последующих глав, составляющих произведение, так же, как и 1-й главы
- ↓
- X Анализ и оценка всего произведения в целом по той же схеме, что и других крупных единиц текста

3) Схема шлифовочного чтения

*при непосредственной подготовке рукописи к изданию
(протекает по схеме рецензентского, оценочного
редакторского чтения, но с добавлением действий,
цель которых – помочь автору в совершенствовании текста
в деталях; упор делается на анализ и оценку низших
структурных единиц текста)*

- 1 Поиск наиболее рациональных средств устранения причин расхождения между качествами каждой единицы текста и требованиями к ней, между прогнозируемым результатом чтения потенциальным читателем и результатом желательным
- 2 Проверка точности и правильности редакционных предложений и изменений, прогнозируемого результата чтения измененного текста и результата желательного и в случае необходимости дальнейшие поиски средств улучшения текста
- 3 Согласование с автором всех изменений в тексте и в случае необходимости совместный или отдельный (автора и редактора) поиск новых средств улучшения текста

Конечно, руководствоваться приведенной схемой надо гибко, с учетом того, что редакторский анализ проводится избирательно, а не путем перебора всех аналитико-оценочных действий, включенных в состав того или иного редакторского чтения. Пользуясь схемой, опираясь на нее, редак-

тор может дисциплинировать и упорядочить свою работу, не упустить решения важных задач, целенаправленно выполнять свои аналитико-оценочные действия. В этом ее смысл. Схема помогает также увидеть процесс редактирования в целом.

Здесь уместно упомянуть об опубликованной в сборнике «Книга. Исследования и материалы» (М., 1994. Сб. 67) значительно позже выхода 2-го издания «Методики редактирования текста», где впервые была напечатана приводимая выше схема процесса редактирования и редакторского анализа, о содержательной статье Е. В. Шлюпер «Редакторский анализ как система : (к постановке вопроса)».

Е. В. Шлюпер, справедливо считая, что редакторский анализ должен быть системным, выдвигает в связи с этим два основных требования, при соблюдении которых системность исследования рукописи будет соблюдена:

- «1) система (а не схема!) построения анализа,
- 2) система (а не набор!) оценочных критериев» (с. 73).

Почему же Е. В. Шлюпер так ополчилась против схемы редакторского анализа?

Причину неудовлетворенности схемой она объяснила так: «...сам термин „схема“ предполагает нечто жесткое, застывшее, статичное» (с. 74). Подводя же итоги в конце статьи, она добавила к этому еще и такой коренной недостаток схемы, как то, что она раз и навсегда унифицирует структуру живой сложной системы редакторского анализа, подчиняет исследование любого текста однажды заданному алгоритму.

Критика схемы как средства в статье Е. В. Шлюпер представляется недостаточно обоснованной. Схема должна точно и верно представлять ход процесса, но применять ее нужно гибко. Противопоставлять схему системе некорректно. Ведь когда Е. В. Шлюпер пишет об оценочных критериях разных уровней (общего, частного и единичного), она тоже представляет их в виде схемы, только схемы словесной, предупреждая затем о необходимости гибкого взаимосвязанного применения критериев разных уровней.

Хорошая схема тоже есть выражение системности. Ведь система, как считают авторы книги «Системы и модели» Ю. А. Шрейдер и А. А. Шаров (М., 1982), — это «упорядоченное образование, закономерная совокупность, связанное в целое множество элементов». Признаки системности, по мне-

нию авторов этой книги, — не аморфность, а организованность, не случайность, а закономерность, целостность, тотальность.

Е. В. Шлюпер рассматривает в статье не приведенную выше схему, а «общепризнанную схему редакторского анализа». Состав и содержание этой общепринятой схемы Е. В. Шлюпер излагает так:

«Она [схема] определяет, на какие основные элементы расчленяется текст и в какой последовательности они рассматриваются. Так, в первую очередь разделяются “характеристика содержания” и “характеристика формы произведения”; затем внутри первой части характеризуются “тематика и проблематика”, “фактический материал” и т.п., а во второй — “композиция”, “приемы изложения”, “язык и стиль”. Каждый такой компонент дробится на более мелкие — например, в составе “языка и стиля” могут быть выделены “терминология” или “образные средства”.

Заметим, что схема эта отнюдь не противоречит системным принципам. Ведь она сконструирована не произвольно, а отражает и закономерную последовательность этапов авторского творчества, и методологию оценки его результатов, и требования формальной логики» (с. 73—74).

Ниже (с. 74) Е. В. Шлюпер называет эту схему и бытующей в повседневной издательской практике, хотя, строго говоря, схема эта принята тоже не всеми, а лишь в традиционных учебных курсах редактирования. Да и признать ее характеристику в статье точной трудно. Каким образом, например, она отражает последовательность этапов авторского творчества? Автор ведь не делит свою работу на работу над содержанием и на работу над формой: у него это не расчлененный, а единый целостный процесс, в котором форма служит для выражения содержания, а содержание выливается в форму.

А вот в чем Е. В. Шлюпер права, так это в том, что применение любой схемы редакторского изучения рукописи должно быть системным. В этом пафос ее статьи, и его можно только приветствовать.

Под системностью анализа Е. В. Шлюпер понимает, во-первых, необходимость синтеза после анализа отдельных частей, поскольку литературное произведение — целостный объект, система, и все его части взаимосвязаны и взаимосвя-

висимы; во-вторых, необходимость рассматривать сами эти связи и зависимости; в-третьих, необходимость применять для оценки систему взаимосвязанных критериев трех основных уровней (общего, частного, единичного). Все разъяснения автора на этот счет разумны и убедительны. Непонятно только, почему она не нашла нужным рассмотреть и приведенную выше схему, которая несколько по-иному, чем «общепринятая» схема, представляет процесс редакторского анализа, но никак не противостоит системности ее применения.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

МЕТОДИКА И ТЕХНИКА РЕДАКТИРОВАНИЯ И ПРАВКИ ТЕКСТА

- **Основные условия высокого качества
и эффективности редактирования 131**
- **Анализ и оценка композиции произведения 146**
- **Анализ и оценка рубрикации 179**
- **Анализ и оценка фактического материала 225**
- **Анализ и оценка текста с логической стороны 312**
- **Анализ и оценка языка и стиля 352**
- **Методика правки текста471**

Глава 8

ОСНОВНЫЕ УСЛОВИЯ ВЫСОКОГО КАЧЕСТВА И ЭФФЕКТИВНОСТИ РЕДАКТИРОВАНИЯ

Сопоставьте работу двух редакторов: хорошего и средней руки.

В первом случае поражает точность и тонкость замечаний и исправлений (казалось бы, все в тексте правильно, а редактор видит скрытый изъян, и вы уже удивляетесь тому, как не заметили его сами).

Во втором случае то и дело огорчает правка необязательная, субъективная, не вызванная необходимостью, продиктованная чисто внешними, поверхностными соображениями, или правка преимущественно нормативно-стилистическая.

Один сумел вникнуть в содержание глубоко, другой держится на поверхности. Один если и упускает что-либо, то упущения эти третьестепенной важности, другой если и добивается успеха, то главным образом в устранении распространенных недостатков стиля.

Чем же вызвана большая глубина редакторского анализа в первом случае? Что делает работу первого редактора лучше?

Проще всего сказать: он умнее, у него больше знаний, выше способности. Бесспорно, и ум, и знания, и способности не могут не сказываться на результатах работы, однако в них ли только дело?

Вель бывает так, что редактор со скромными способностями работает глубже, плодотворнее, чем редактор одаренный. Да и редакторы равных интеллектуальных возможностей, с равным багажом знаний показывают нередко далеко не одинаковые результаты.

Почему? В чем причина успешности редакторского анализа произведения? Что нужно делать редактору, чтобы достигнуть наибольшей глубины в своей работе? Как научиться не скользить по поверхности текста, а вникать в самое существо редактируемого произведения?

Если исходить из психологических закономерностей, связанных с умственной деятельностью, из сущности, природы редактирования, то глубина редакторского критического анализа произведения определяется:

1. Тем, чем является для редактора критикуемое произведение, какой смысл имеет для него содержание этого произведения. Чем этот смысл для редактора жизненно важнее, чем более содержательны мотивы критики, тем она глубже и действеннее.

2. Активностью умственных действий редактора с текстом, тем, насколько овладел он рациональными приемами, ведущими к глубокому осознанию содержания произведения. Чем активнее умственные действия редактора с текстом, чем более умело пользуется он указанными приемами, тем шире возможности для критики глубокой и плодотворной.

3. Широтой круга специфических навыков критического анализа, которыми овладел редактор. Чем большим числом навыков владеет редактор, тем благоприятнее условия для плодотворной критики.

4. Тем, насколько тщательно изучен и познан редактором будущий читатель произведения. Чем глубже и точнее это знание, тем точнее редакторский анализ — предвидение взаимодействия читателя и текста — и оценка текста.

5. Тем, насколько хорошо знает редактор индивидуальные особенности духовного мира автора. Чем полнее это знание, тем лучше он ориентируется в нюансах общего и частных замыслов автора и видит за строками текста авторский замысел и мотив.

6. Тем, насколько хорошо редактор знает собственный психический склад, свои интеллектуально-эмоциональные особенности. Без этого невозможно отделить субъективно-пристрастное в критике от объективно необходимого.

7. Тем, насколько хорошо знает редактор проблемы и проблемные ситуации в той области знаний, к которой произве-

дение относится, и в том виде литературы, к которой произведение принадлежит.

8. Тем, насколько изучена редактором литература, тематически, содержательно предшествующая редактируемому произведению. Чем полнее и глубже эти знания, тем легче редактору определить, что новое вносит анализируемое произведение в литературу. Тем вернее он сможет установить, насколько оно отвечает насущным задачам области знания или отрасли деятельности и развития литературы, насколько отвечает оно интересам и ожиданиям читателя. Тем вернее его представление о предполагаемом воздействии текста на читателя (или их взаимодействии), а значит, и оценка произведения.

8.1. Высокие общественные мотивы редакторской деятельности

Глубоко содержательные мотивы редактирования как деятельности — главный фактор редакторского успеха. Он определяется психологическими закономерностями.

Выдающийся отечественный психолог А. Н. Леонтьев в статье «Психологические вопросы сознательности учения» (Известия АПН РСФСР. 1946. Вып. 7) писал:

То... какой смысл имеет для меня создаваемое, определяется мотивом деятельности, в которую включено данное мое действие.

Это значит применительно к редактированию, что глубина осознания содержания редактируемого произведения зависит от мотива, который к этой деятельности побуждает.

А. Н. Леонтьев приводит пример. Человек читает учебник анатомии. Цель чтения — изучить анатомию. Значение действия (что дает знание анатомии) тоже понятно. Но психологическая природа данного чтения не будет ясна до тех пор, пока мы не узнаем, что побуждает этого человека учить анатомию, какой смысл ему это делать. Он может изучать анатомию ради своей исследовательской работы, а может это делать потому, что хочет, например, вернуться к профессии врача и ему требуется восстановить свои медицинские знания. Смысл действия будет меняться с изменением мотива — побуждающей силы. Действие остается тем же, но при ином мотиве оно пси-

хологически уже иное (иначе протекает, по-иному развивается, ведет к другим объективным следствиям, занимает другое место в жизни личности).

Редактор читает рукопись. Цель его чтения — определить пригодность рукописи к изданию, выяснить ее достоинства и недостатки, чтобы помочь автору улучшить произведение, если оно к изданию пригодно. Но что, какая сила побуждает его это делать?

Если служебная, должностная обязанность, и только, один смысл будет у его чтения и один результат.

Если порожденное всей прошлой жизнью редактора стремление помочь произведением решить те жизненные, производственные, научные, культурные задачи области знаний или отрасли деятельности, другим будет смысл его чтения и другим — результат.

По-настоящему творческим чтение рукописи будет только у редактора с глубокими жизненными мотивами своей деятельности.

Какое место в жизни редактора занимает тема, содержание рукописи, насколько она важна для него, заинтересован ли он лично в наилучшем раскрытии темы или равнодушен к ней, — вот от чего прежде всего зависит глубина редакторского анализа, успешность редактирования.

Такова одна из основных психологических закономерностей редакторской деятельности.

Что же, какие выводы вытекают из этой закономерности для редактора?

А то, что его профессиональные действия, если он хочет добиться подлинного успеха, должны побуждаться глубокими, общественно значимыми мотивами. Мотив формирует смысл, пишет в упомянутой статье А. Н. Леонтьев и приходит к выводу, что с рождением новых мотивов, формирующих новые смыслы, раскрываются новые возможности и в сфере интеллекта:

То, для чего открыто сердце, не может составить тайны и для разума.

Но как этого добиться? Ведь мотивы не могут возникнуть произвольно, по желанию. Одного сознания объективной значимости дела, которым занят редактор, еще недостаточно для того, чтобы у него возникла глубокая, пристрастная

заинтересованность в наилучшем воплощении содержания рукописи.

Мотивы возникают не по желанию, не по воле человека, а под влиянием всех условий его жизни. Они развиваются, пишет А.Н.Леонтьев, в результате развития реальных отношений человека к миру, определяемых объективно-историческими условиями его жизни и деятельности.

Поэтому ни один редактор не может рассчитывать на то, что стоит ему захотеть — и появится интерес к предмету рукописи, к ее содержанию, ее целям и задачам.

Для того чтобы возбудить интерес, поясняет А.Н.Леонтьев, нужно не указывать цель, а затем пытаться мотивационно оправдать действие в направлении этой цели, но нужно, наоборот, создать мотив, который побуждал бы к поискам и нахождению цели (чаще всего цепи целей).

Только тогда, когда задачи и интересы той области знаний или отрасли деятельности, которой посвящены редактируемые книги, станут для редактора жизненно важными, станут помыслами его души и сердца, превратятся в главный мотив его редакторских действий, — только тогда можно ожидать необходимой глубины критического анализа произведений.

Редактирование поэтому и должно быть общественной, культурной деятельностью, а профессиональная деятельность редактора — продолжением этой деятельности.

8.2. Мыслительная активность редактора и овладение широким кругом навыков редакторского анализа

Редактору, если он хочет глубоко осознать и осмыслить содержание произведения, необходимо активно работать с этим содержанием, а не пассивно воспринимать его. На этом кардинальном положении психологии зиждется методика редакторского чтения.

«Наши факты свидетельствуют, — писал в своем труде «Непроизвольное запоминание» (М., 1961) П. И. Зинченко, подытоживая сотни экспериментов, — о необходимости взаимодействия человека с объектом для его запечатления, запоминания, о недостаточности для этого только воздействия

на органы чувств» (с. 157). Или иначе: «...необходимым условием фиксации в мозгу каких-либо объектов является *взаимодействие* субъекта с ними» (с. 170).

Познавательная деятельность возможна только при организации взаимодействий человека с разными сторонами познаваемого объекта в разных условиях с целью «вычерпывания» из него нового. Это общепризнанное положение современной психологии.

Приемы, ведущие к глубокому пониманию текста (охарактеризованы выше, в подразделе 4.2), — это средства такой познавательной активности.

Человек, познавая произведение, совмещает приходящие в мозг сигналы (новые сведения) и прошлые знания. Под влиянием новой информации прошлый опыт перестраивается, изменяется, но не сам собой, а только при активном сопоставлении нового с прошлым опытом, при переработке человеком и нового, и прошлого опыта.

Не пассивно воспринимать содержание читаемого произведения, а активно работать с ним, перерабатывать его мысленно — одно из главных правил редакторского изучения произведения.

Замечательно в нескольких словах выразил эту особенность редакторского чтения Г.Д.Гачев. По его мнению, вопрос: *Почему не иначе?* — чисто редакторский (Гачев Г. Д. Содержательность художественных форм. М., 1968. С. 11). И действительно, такой вопрос не позволяет принимать читаемое на веру, заставляет размышлять над тем, что прочитано. Толкает на сопоставление фактов и положений текста с фактами и положениями действительности, заставляет мысленно активно работать с текстом. Он не дает воспринимать текст пассивно. И потому очень полезен. Как полезны и следующие вопросы, заставляющие манипулировать с содержанием текста, требующие активной работы с ним

О чем говорит фрагмент текста — сверхфразовое единство (т.е. какова тема его) и что именно говорит?

Без мысленных трансформаций текста на эти вопросы не ответишь. В этом их польза для редактора.

Как согласуется содержание текста с тем, что известно из прошлого опыта и накопленных знаний?

К какому классу явлений относится читаемое?

Как согласуется читаемый текст с предшествующим?

О чем пойдет речь дальше? К чему ведет автор? Какой вывод напрашивается?

Как выглядит объект, описываемый автором?

Что извлечет читатель из текста, взявшись читать его с определенной целью? Как повлияет на него? Что в нем изменит? Приведет ли к желательным результатам?

Итак, без мыслительной активности редактору никогда не добиться успеха. Это второе условие успеха и эффективности редактирования (первое раскрыто в подразделе 8.1).

В основе третьего условия лежит психологическая закономерность, суть которой сводится к тому, что предметом наиболее острого, или, как называют психологи, актуального, сознания может стать только тот материал, который выступает объектом, целью действия. Применительно к редактированию это тот материал, на который направлено действие редактора.

Из этого следует, что если редактор хочет, чтобы какой-либо предмет (материал) стал объектом сознания, подконтрольным сознанию, он должен сделать этот предмет объектом своей деятельности, целью своих действий.

П. И. Зинченко, проводя эксперименты, пришел к выводу, что наиболее хорошо запоминается, а значит, отчетливо осознается, отпечатывается в мозгу, тот воспринимаемый человеком материал, который входит в содержание основной цели действия, а не в условия (способ) ее достижения.

Например, ученик решает цифровую задачу. Он действует с цифрами, они объект его воздействия. Но действия с цифрами — лишь способ решения задачи, а не цель, и цифры запоминаются плохо.

Ученик составляет цифровую задачу. Он действует с цифрами, они объект его воздействия. Но операции с цифрами — здесь не способ решения задачи, а цель действия: подобрать цифры под условие задачи и означает составить задачу. Цифры входят в содержание цели действия и запоминаются гораздо лучше.

Когда редактор читает текст рукописи, он тоже решает какую-либо задачу. Например, он хочет удостовериться в точности указанных автором дат. Цель его действия — проверка

точности дат. Даты становятся объектом действий редактора, входят в содержание цели действия и хорошо осознаются. Ошибка в дате при этом вряд ли будет допущена. Или, например, редактор читает текст, стремясь удостовериться в правильности логических связей и взаимоотношений в нем. Логические связи — это как раз и есть в данном случае тот материал, который входит в содержание цели действия. Они и будут осознаваться лучше всего.

Между тем текст, т.е. материал, с которым имеет дело редактор, очень сложен по структуре. В нем десятки, если не сотни объектов, которые редактор обязан осознать, чтобы выполнить свое предназначение.

Как же редактору все эти многочисленные объекты сделать неизменным предметом своего сознания? Как добиться того, чтобы каждый из них был глубоко осмыслен?

Если исходить из основной психологической закономерности, согласно которой по-настоящему актуально может осознаваться только тот материал, который выступает объектом, целью действия, материалом, на который направлено действие редактора, то получается, что надо последовательно делать объектом редакторского аналитического действия все компоненты текста, один за другим и, значит, читать произведение столько раз, сколько в нем объектов анализа. Одновременно направить действие на все объекты как на основную цель невозможно. Если же при чтении объектом действия станет лишь одна сторона (скажем, только языковая форма или только логическая структура текста), то другие окажутся не осознанными и, естественно, критически не осмысленными. Многократное же чтение недопустимо затянуло бы редакционный процесс.

Как же быть? Как за одно или несколько чтений пропустить через контроль сознания, сделать объектом анализа все компоненты произведения? Возможно ли это?

Психология мышления, к счастью, отвечает на этот вопрос положительно.

Оказывается, попадать в сферу сознания и контролироваться им может не только тот объект, то содержание, которое выступает для редактора в качестве непосредственной цели действия, но и одновременно с ним другие объекты.

В уже упоминавшейся статье «Психологические вопросы сознательности учения» А. Н. Леонтьев пишет:

...чтобы то или иное содержание могло быть сознательно контролируемым в условиях, когда актуально создаваемым является другое содержание, нужно, чтобы оно раньше занимало структурное место непосредственной цели действия (с. 23).

Допустим, что таким содержанием (не актуально создаваемым) будет для редактора одна из многообразных синтаксических связей в предложении (правильность этих связей должна контролироваться редактором непременно). Например, согласование причастного оборота со словом, от которого он зависит, или подлежащего со сказуемым.

Проконтролировать правильность этих связей в то время, как мозг редактора занят, предположим, проверкой соответствия фактов методологическим требованиям к ним, очень трудно. Тем не менее опытный редактор делает это непринужденно.

Почему?

Потому что эта операция — контроль за правильностью согласования членов предложения — ранее неоднократно выполнялась опытным редактором специально, была его целенаправленным действием. Эта связь уже была объектом, целью его действия. Теперь же эта операция выполняется подсознательно, так как стала навыком, автоматизированным действием. Для ее выполнения редактору уже не нужно, чтобы данный объект был актуально создаваемым.

Когда какое-либо действие, как свидетельствует П. И. Зинченко, достигает уровня не только умения, но и навыка, то оно начинает терять характер специально целенаправленного и, что очень важно, не требует для выполнения особой умственной активности. Это позволяет направить умственную активность на другие объекты, а все действия-навыки выполнять, пользуясь пассивными умственными усилиями.

О том же писал Иван Петрович Павлов:

Разве это не обычная вещь, что мы, занятые главным образом одним делом, одной мыслью, можем одновременно исполнять другое дело, очень привычное для нас, т.е. работать теми частями полушарий, которые находятся в известной степени торможения... так как пункт полушария, связан-

ный с нашим главным делом, конечно, является тогда сильно возбужденным (Полн. собр. соч. М., 1951. Т. 4. С. 428).

Например, редактор читает текст:

Вокруг хакеров существует множество мифов, самый распространенный из которых рисует их этакими гениями, сидящими где-нибудь в подвале и из идейных соображений взламывающих серверы военных ведомств.

Если малоопытный редактор еще не делал предметом своих целенаправленных действий проверку согласования каждого причастия со словом, от которого оно зависит, то, анализируя, оценивая фактическую правильность содержания фразы, он в ходе этого анализа, увлеченный им, ошибку в согласовании в этой фразе не заметит. Он обратит на нее внимание, если специально станет проверять правильность согласования, т.е. поставит перед собой именно такую конкретную цель.

Другое дело редактор опытный, владеющий таким навыком. Читая каждое причастие, он будет автоматически подставлять вопрос в том падеже, в каком причастие должно стоять — в данном случае вопрос *какими?* (поскольку *гениями*): *сидящими — какими?* — все правильно; *взламывающих — какими?* — но здесь *каких*. Значит, неверно: нужно *взламывающими*. Ошибка замечена и устранена, хотя редактор анализировал фразу по существу содержания. Вполне вероятно, он рассуждал: «Действительно ли это миф и при этом самый распространенный? А может быть, самый распространенный рисует хакеров мошенниками, грабящими банки? Нет, это не миф, а действительность. Миф же, о котором упоминает автор в анализируемой фразе, облагораживает хакеров, делает их сказочными героями, борцами с засильем военных. Так что автор, видимо, прав». Рассуждая так, редактор походя, не затрачивая существенных умственных усилий и времени, благодаря навыку заметил и устранил ошибку в согласовании.

Из рассматриваемой психологической закономерности вытекает одно из важнейших условий редакторского анализа: редактору нужна выработка значительного числа навыков, чтобы суметь в процессе нескольких чтений сделать подконтрольными все компоненты содержания и формы редактируемого произведения.

Каждый навык можно выработать лишь сознательным целенаправленным действием. Из этого следует, что редактору требуется проделать значительное число упражнений, чтобы разнообразные умения стали навыками. Такие упражнения еще не разработаны, и редакторы лишь в процессе длительной практики, ошибаясь и спотыкаясь, постепенно овладевают разнообразными навыками. Большинство их формируют допущенные редакторами ошибки. Неприятности, которые, как правило, за этими ошибками следуют, приводят обычно к тому, что все подобные ошибки начинают сами «выпирать» из текста, и редактор уже не может не заметить их. Но, конечно, лучше формировать навыки упражнениями, а не ошибками.

Главная ценность навыков в том, что редактор, который овладел ими, наряду со сложными содержательными задачами без затраты специальных умственных усилий параллельно с первыми будет решать и задачи типовые, избавляя текст от распространенных ошибок.

На базе редакторских навыков, которые рассматриваются в последующих главах книги, вырабатывается такое специфическое редакторское свойство, как критическая настороженность, постоянное ожидание, а в некоторых местах предчувствие ошибки.

Это качество помогает редактору увереннее выполнять действия-навыки, создает атмосферу, в которой эти действия протекают лучше. Не удивительно, что многие редакторы с большим опытом работы даже при обычном чтении замечают всякого рода погрешности.

По сути дела, использование навыков редакторского анализа и оценки текста есть автоматизация части этого процесса, благодаря тому, что опытному редактору хорошо известны типичные (распространенные) отклонения от установленных требований и норм.

8.3. Прочие условия эффективности и качества редакторского анализа

Тщательное изучение и знание будущего читателя издания, результатов воздействия на него аналогичных изданий — еще одно важное условие эффективности и качества редакторского анализа, редактирования.

Коль скоро редакторский анализ является мысленным экспериментом, он должен удовлетворять условиям выполнения мысленных экспериментов.

Это означает прежде всего, что подлинный успех в редакторском анализе возможен лишь в том случае, если редактор в состоянии построить модель читателя. А в состоянии сделать это он только тогда, когда располагает объективными данными о читателе. К таким данным можно отнести уровень знаний потенциальным читателем предмета редактируемого произведения, представление о том, что этот читатель ожидает от подобного произведения, что побуждает его браться за чтение этого произведения. Значение могут иметь также знание характера и особенностей той деятельности на настоящем и предвидимом этапах, в которую могут быть включены почерпнутые из этого произведения знания.

Каковы же пути и средства добывания этих знаний?

Применительно к школьным учебникам кое-что на этом пути сделано. Так, Н. А. Менчинская в работе «Психологические требования к учебнику» (см.: Методические, психологические и гигиенические требования к учебнику для средней школы. М., 1955. С. 143—168) предложила применить к изучению читателя школьного учебника научные методы наблюдения, беседы, естественного эксперимента и сформулировала требования к процессу такого изучения.

В случаях, когда потенциальные читатели издания — строго ограниченная группа, доступная изучению, приемы и методы, предлагаемые Н. А. Менчинской, вполне могут быть распространены на их изучение.

Стать на позицию читателя, во всех своих действиях исходить из их интересов и потребностей нельзя, если ограничиваться только изучением читательских откликов на аналогичные издания, их писем, устных отзывов, выступлений на обсуждениях книг и их презентациях. Более или менее точно судить о качестве книги, о том, насколько она удовлетворяет читателей, можно только по таким объективным показателям, как эффективность применения полученных из книги знаний в практической деятельности (у школьников, например, к решению учебных задач).

Н. А. Менчинская предлагает учителям накапливать объективные документы результатов наблюдений (конс-

пекты уроков, указания учителя к самостоятельной проработке учениками материала учебника, записи вопросов учеников по учебным изданиям, ошибки ответов после выполнения домашнего задания, письменные работы учеников). Эти документы помогут оценить качество учебника.

Рекомендуются также беседы с учащимися по специальной методике (вопросы, ответы на которые должны показать, насколько понял ученик причинно-следственные зависимости или насколько ясно он представляет себе внешнюю сторону описаний; задания на сравнение материалов учебника, задачи на проверку их усвоения).

Цель естественного эксперимента — выяснить, что именно является причиной трудности усвоения материала учебника: содержание текста или приемы его изложения. Для такого эксперимента строят серии упражнений с постоянным содержанием текста, но с вариантами его изложения.

Только объединенными усилиями нескольких или многих однотипных издательств можно провести исследования восприятия и понимания читателями выпускаемой ими литературы, степени удовлетворения ею их интересов. Это может дать неоценимое знание читателей и увеличить точность анализа и оценки подготавливаемых к изданию книг.

Эффективность редакторского анализа зависит также от степени знания *редактором индивидуальных особенностей духовного мира автора*. Такое знание позволяет редактору хорошо ориентироваться в нюансах авторских замыслов, постоянно видеть за строками текста авторский мотив. Это знание дает также возможность правильно строить взаимоотношения с автором, с учетом его психического склада. То, что подходит для одного, недопустимо для другого и может повлечь за собой трудно разрешимый конфликт.

Анализируя произведение, нельзя не считаться с тем, кто его автор, как сказывается на тексте его личность, что в тексте от него, а что привнесено случайно, не органично для его текста, что идет от замысла и мотива автора, а что вросло в произведение помимо них.

Необходимо редактору и *знание собственных индивидуальных особенностей*. Не может редактор точно и обоснованно критиковать собственные замечания и рассуждения, не зная хорошо себя, свой психический склад. Редактор, который

плохо знает свои индивидуальные особенности, не сумеет отделить в своих замечаниях и предложениях автору чисто субъективное от объективно необходимого, будет допускать ошибки.

Так что изучать и знать своего читателя, своего автора и самого себя редактору насущно необходимо ради точности и правильности анализа и оценки подготавливаемого к изданию произведения.

Еще одно условие успеха редакторского анализа — *знание редактором тех проблем и проблемных ситуаций, которые создались или могут возникнуть в той области знаний или отрасли деятельности, ради развития и совершенствования которой создается редактируемое произведение*, а также *знание литературы, тематически и содержательно предшествующей редактируемому произведению*.

Без такого знания трудно выявить все устаревшее и новое в тексте, установить уголовно наказуемый плагиат.

Последнее условие эффективности и качества редакторского анализа относится не столько к редактируемому произведению, сколько к произведениям аналогичного содержания и назначения, которые будут подготавливаться к изданию в последующем.

Его суть в желательности *обобщать в работе над одним, сегодняшним изданием все принципиально важное для совершенствования целой группы однотипных изданий или произведений одного вида*.

Успех в издательском деле лежит и в направляющем влиянии издательств на литературный процесс, на творчество авторов.

Уместно здесь напомнить исполненные глубокого смысла слова С. Я. Маршака, немало потрудившегося на издательской ниве:

Правильно поставленная редакционная работа неминуемо приводит к теоретическим обобщениям.

Редактор, критикуя то произведение, которое он сегодня готовит к изданию, не всегда в состоянии реализовать то, что объективно принесло бы пользу изданию и читателю и даже, может быть, сделало его в чем-то новаторским.

Причины таковы:

1. Автор вправе отклонить предложения редактора, если они не вытекают из договора.

2. Редактор связан сроками подготовки издания к производству, а существенное совершенствование произведения требует дополнительного времени.

3. Невозможно не считаться и с устоявшимися традициями. Через некоторое время они могут быть поколеблены, что создаст благоприятные условия для реализации полезных редакторских новаций.

4. Наконец, не всегда возможности данного автора делают посильной для него реализацию редакторских предложений, но это может быть вполне по силам авторам следующих подобных работ.

Обобщать сегодняшнюю практику важно для того, чтобы выдвинуть перед авторами следующих книг той же группы новые задачи, сформулировать новые требования, сегодня еще не осуществимые, но вполне осуществимые завтра.

Каждое редактируемое произведение в таком случае станет для редактора звеном в цепи предшествующих и последующих изданий одной группы. Ему полезно видеть в сегодняшнем произведении и издании прообраз будущих произведений и изданий, которые лишены еще не преодолимых сегодня слабостей и обогащены новыми качествами, намеченными сегодня. Редактирование и редакторский анализ начинается, таким образом, еще до того, как произведение легло на редакторский стол.

Глава 9

АНАЛИЗ И ОЦЕНКА КОМПОЗИЦИИ ПРОИЗВЕДЕНИЯ

Разбор качеств текста мы начинаем с композиции не случайно. Это важнейшее качество текста, от которого зависит его ясность и доходчивость. Композиция определяет, насколько полно будет раскрыта тема, легко ли поймет читатель то, что хочет донести до него автор, или запутается в тексте, как запутался сам автор, осядет ли прочитанное прочно в сознании читателя или скользнет по нему, не оставив следа. Причины такого значения композиции будут раскрываться по мере развития текста данной главы.

Есть и методическая причина. Если в результате анализа композиции окажется, что текст нуждается в перестройке, то рациональнее сначала перестроить текст, а уж потом анализировать и оценивать его стиль, так как после перестройки возникнут новые связи и не исключена и новая корректировка текста.

Наконец, начинать анализ и оценку текста с его композиции лучше всего и потому, что это позволяет редактору полнее и глубже освоить содержание произведения.

9.1. Выбор композиции

Главная задача редактора при анализе и оценке композиции — установить, верно ли выбран автором план постройки произведения, позволил ли он автору полностью раскрыть тему, дал ли возможность рационально использовать объем или привел к повторам и дублированию материала, помог ли читателю эффективно использовать те сведения, которые нужно сообщить ему, или, наоборот, заставил читателя самому заниматься мысленной обработкой материала для лучшего его понимания и восприятия.

Композицию нельзя рассматривать как нечто внешнее по отношению к содержанию, лишь как простую последовательность частей текста, которые можно переставлять без какого бы то ни было влияния на содержание произведения. Содержание меняется с изменением композиции.

Можно без сомнений утверждать, что композиция во многом предопределяет результат, к которому автор приведет читателя.

Выбрать ту или иную композицию, тот или иной план изложения — это все равно что выбрать путь раскрытия темы. По одному пути раскроется одно содержание и будут видны лишь немногие ближайшие пункты, по другому — другое содержание и будет открыто многое неведомое.

Маркс в «Капитале» дал образец истинного пути исследования. Композиция «Капитала» — это не что-то внешнее по отношению к его содержанию, это путь анализа, путь восхождения от абстрактного к конкретному. Исходный путь исследования — самая абстрактная категория — товар. Именно товар абстрактнее всего характеризует капиталистическое производство. В то же время это и самая простая категория. Из нее развиваются все остальные. В ней заложены противоречия целого.

Дальнейшее движение исследователя и есть восхождение от абстрактного к конкретному: каждый следующий этап — анализ все менее абстрактной категории. У Маркса в «Капитале»: товар, труд, стоимость, деньги, капитал, прибавочная стоимость, заработная плата. Не технологическая последовательность (труд порождает товар), а по степени нисходящей абстракции. Такая последовательность, возможно, общая закономерность расположения материала при диалектическом исследовании сложного явления. Это не только способ исследования, но и определенная структура. Она делает ясными отношения явлений действительности. Предмет исследования — благодаря тому что вскрываются его внутренние противоречия — предстает как живое целое. Иная последовательность сделала бы отношения менее ясными, а могла и запутать их.

Композиция того типа, который использовал Маркс, необходима, быть может, и в других случаях исследования сложного явления.

Пример «Капитала» показывает: как композиция зависит от содержания, так и содержание в некоторой степени зависит от композиции. Содержание, выливаясь в форму, в том числе и композиционную, меняется от этого в большей или меньшей степени по существу.

Так что лучше всего, если композиция определяется задачей текста, поставленной автором. Чего он хочет достичь и что по ходу дела выяснить — это во многом зависит от выбранного пути, выбранного плана и способа рассмотрения темы.

Удача или неудача произведения во многом зависит от композиции.

Если композиция принципиально не подходит для текста (не отвечает его целям и задачам), произведение вряд ли получится полноценным по содержанию и уж, во всяком случае, читатель не сможет извлечь из него столько, сколько из произведения, построенного в полном согласии с его целями и задачами.

С этой точки зрения интересно взглянуть на работу автора над композицией относительно небольшого параграфа на тему «Сокращения» для учебника корректуры.

Первоначально параграф был написан по такому плану:

Виды сокращений

Графические сокращения

Буквенные аббревиатуры

Сложносокращенные слова

Графические сокращения

Общепринятые графические сокращения

Употребляемые самостоятельно

Употребляемые с именами людей

Употребляемые с географическими названиями

Употребляемые при датах

Употребляемые с числами

Специальные графические сокращения

Индивидуальные графические сокращения

Буквенные аббревиатуры

Виды

Правила написания

Особенности употребления

Сложносокращенные слова

Сокращенные обозначения единиц величин

Плану параграфа не откажешь в логичности и стройности. В основу его композиции положен классификационный принцип. Сначала рассматривается сама классификация, а затем сообщаются сведения о каждом классе, каждой группе сокращений.

И все же при всей логичности и стройности план не подходил для параграфа учебника, где основной упор надо было сделать на методике корректуры: что проверять, в какой последовательности, на что обращать главное внимание. В представленном же виде материал был скомпонован так, что по нему удобно наводить справки, но технология, методика работы корректора над текстом с сокращениями оказалась отодвинутой на задний план. Более того, именно из-за такого построения параграфа собственно методических рекомендаций в нем оказалось очень мало.

Естественно, что редактор попросил автора переработать параграф, написать его по другому плану, более отвечающему задачам учебника. Автор не мог не согласиться с такой просьбой и переписал параграф, построив его иначе (см. ниже на с. 150).

Нетрудно заметить, как при новом построении параграфа акцент сместился в сторону методики работы: даже заголовки сразу нацеливают на то, что нужно делать, а текст раскрывает, как именно это делать. Композиция приведена в соответствии с задачами книги, она нацелила автора на то, чтобы четко сформулировать методические рекомендации.

Конечно, это пример простой, задача автора была сравнительно нетрудной, но решать ее автору пришлось не без усилий. Зато эффект налицо.

Еще одно требование к композиции: она должна исключать повторы и дублирование материала, чтобы экономить объем и труд читателя.

Например, в статье обзорного типа автор рассматривает, как одну и ту же проблему решают в разных странах, и строит свою работу по странам: в одной — так, в другой — иначе, в третьей — еще по-особому. Повторы неизбежны, так как в ряде стран часть решений не может не совпадать. Поэтому более подходящей для такой статьи будет композиция по проблемам: такое-то решение проблемы в такой-то группе стран, другое решение в другой группе стран и т.д. Повторов не будет, и статья получится более обобщенной и удобной для читателя.

1. Виды сокращений по форме и области употребления
2. Определение уместности сокращения
 - а) Круг употребления общепринятых сокращений
 - б) Круг употребления специальных сокращений (в том числе сокращенных обозначений единиц величин)
 - в) Круг употребления индивидуальных сокращений
3. Определение понятности и благозвучности сокращений
4. Методика проверки единообразия сокращения слов и словосочетаний
5. Проверка соблюдения редакционно-технических правил употребления и написания сокращенных слов
 - а) Правила о границах употребления графических сокращений
 - б) Правила об употреблении сокращений в сочетаниях с несколькими числами, датами, именами собственными
 - в) Правила написания сокращений
 - Форма написания графических сокращений
 - Употребление точки как знака сокращения
 - Употребление прописных и строчных букв в буквенных аббревиатурах и сложносокращенных словах
6. Заключение (подытоживает задачи корректора при чтении текста с сокращениями)

Другой пример. Автор представил в редакцию рукопись брошюры о технике редакционно-издательской правки сверстаных корректурных оттисков, позволяющей избежать перверстки. В основу композиции автор положил различные элементы издания: обычный сплошной текст, примечания, таблицы, формулы, иллюстрации. И применительно к каждому из указанных элементов стал описывать, как восполнить несколько выброшенных строк или втиснуть несколько вставленных. А так как приемы во всех случаях одни и те же — вгонка и выгонка строк разными способами, то в каждом разделе пособия неизбежны были повторы. Объем книги составил 4 авторских листа, а при перестройке по способам вгонки и выгонки строк для компенсации выбросок или вставок автор мог бы уложиться в 1 авторский лист. И брошюра обоснованно превратилась бы в полезную статью, не отнимающую у читателя лишнего времени и сжато посвящающую его в технику редакционно-издательской правки.

Композиция может так организовать материал, что он будет лучше восприниматься и запоминаться, а может обрекать читателя на мысленную перестройку материала.

Приведу в качестве примера фрагмент текста — краткий перечень обязанностей председателя первичной организации Всесоюзного добровольного общества любителей книги из справочного издания, посвященного этому обществу:

Председатель первичной организации общества готовит и созывает общие собрания первичной организации и заседания бюро, дает задания членам общества по вопросам пропаганды книги и распространению литературы. Он поддерживает постоянную связь с другими организациями, совместно с ними разрабатывает и проводит в жизнь мероприятия, отвечающие задачам общества.

Подписывает и вручает членам общества членские билеты, организует выполнение плана работы первичной организации, решений и постановлений руководящих органов общества, бюро и собраний первичной организации.

Уловить систему в изложении обязанностей председателя первичной организации общества, как ни старайся, читатель не сумеет. Естественно, что и читателю — председателю первичной организации общества трудно разобраться, что для него самое важное из того, что он должен делать. Читателю придется проводить дополнительную обработку текста, чтобы отделить главное от второстепенного. По-видимому, автору следовало классифицировать каждую группу обязанностей по значимости, поскольку такое расположение в данном случае наиболее целесообразно. В тексте можно обнаружить два комплекса обязанностей: 1) важнейшие организационно-содержательные обязанности; 2) чисто организационные. Причем первой стоит не самая значимая из обязанностей, второй — наименее значимая, третьей — наиболее значимая. Лучше установить порядок от самой значимой обязанности ко все менее значимой. Если следовать этому плану, то текст может приобрести такой вид (если не менять стиль):

Председатель первичной организации общества:

- организует проведение в жизнь решений и постановлений руководящих органов общества, выполнение решений бюро и собраний первичной организации, плана работы первичной организации;
- готовит и созывает общие собрания первичной организации и заседания бюро, дает задания членам общества по пропаганде и распространению литературы;
- поддерживает связь с другими организациями, совместно с ними разрабатывает и проводит в жизнь мероприятия, отвечающие задачам общества;
- подписывает и вручает членам общества членские билеты.

Ясность достигнута, и руководствоваться уставными обязанностями читателю проще, и запомнить их легче.

9.2. Типы построения текста

Неудовлетворенность редактора композицией произведения и композиционная правка авторского оригинала — вещи обычные в практике редакционной работы. Тут почти каждый считает себя мастером. Но стоит только спросить того, кто исправляет композицию, почему он переставляет части текста именно так, а не иначе, то в лучшем случае будет названа частная причина композиционной погрешности: близкие по теме части разъединены или не выдерживается тема смысловой части (например, сверхфразового единства). Конечно, хорошо, когда редактор может хотя бы объяснить, почему он изменяет композицию. Однако учел ли он, что та композиционная погрешность, которая заставила его взяться за перо, может быть устранена по-разному. Например, близкие по теме части могут быть соединены перестановкой и первой части ко второй, и второй к первой. Какой же вариант выбрать и почему?

Рассмотрим, например, такой фрагмент технического рекламного проспекта «Цементные заводы»:

Известняк, погруженный с помощью экскаватора в железнодорожные вагоны или автосамосвалы большой емкости, транспортируется к дробильному отделению завода. Автосамосвалы используются в тех случаях, когда карьеры известняка находятся в непосредственной близости (до 5 км) от дробильной установки.

Подача мела в приемные устройства дробильных установок предусматривается непосредственно из забоя карьера без перевалочных промежуточных устройств. Если карьерные разработки сырья удалены от завода на расстояние от 5 до 10 км, мел транспортируется в железнодорожных вагонах.

Судить о композиции текста лучше всего по плану (мысленному или письменному). План такого, нерубрицированного текста (не разбитого заголовками на разделы — рубрики) дает возможность наглядно обозреть связь и взаимоотношение различных смысловых частей, разобраться в композиционной системе.

Каков же план рассматриваемого текстового фрагмента?

Составить его нетрудно, выделив и озаглавив смысловые части:

1. Способ доставки известняка к дробильному отделению завода (1-я фраза) – автосамосвалами или по железной дороге.
2. В каких случаях применяются автосамосвалы (2-я фраза).
3. Метод доставки известняка к дробильному отделению завода (3-я фраза) – без перевалочных промежуточных устройств.
4. В каких случаях известняк перевозят по железной дороге (последняя фраза).

Удовлетворителен ли этот план, а значит, и композиция фрагмента?

Даже начинающий редактор ответит на такой вопрос отрицательно. В самом деле, бессистемность изложения бросается в глаза: сведения об условиях выбора транспорта разделены. Нарушено старое правило, согласно которому, как пишет М. В. Ломоносов, «...должно опасаться... чтобы... идеи, речи, вместе быть должны, не были одна от другой далеке разметаны...» (Полн. собр. соч. Т. 7. С. 67).

И хотя каждая фраза текста сама по себе ясна, понимание его при такой последовательности фраз явно усложнилось. Читатель вынужден будет мысленно перестраивать этот текст, чтобы привести его в систему.

В столь небольшом и простом отрывке устранить бессистемность изложения легко. Для этого достаточно п. 3 плана поставить первым:

1. Метод доставки – без перевалки.
2. Способ доставки – самосвалами или по железной дороге.
3. В каких случаях применяются самосвалы.
4. В каких случаях известняк перевозят по железной дороге.

Можно ли считать такое построение этого текста единственно верным? Или в равной мере допустимо п. 1 (первоначально п. 3) поставить не первым, а, например, вторым? Чем, какими принципами надо руководствоваться редактору, оценивая композицию, изменяя ее при непоследовательности?

В общей форме на эти вопросы можно ответить так. Если перестановки не только устраняют явную разбросанность

пунктов плана, их непоследовательность и нелогичность расположения, но и приводят композицию в соответствие с той системой, с тем планом изложения, которые выбраны автором или должны быть им выбраны исходя из задач текста, то такие композиционные изменения объективны, обоснованы. Следовательно, чтобы ответить на эти вопросы, надо знать типы и разновидности построения текста.

Что делает текст цельным, не набором фраз, а единством? Ведь фразы в сверхфразовом единстве (СФЕ), сверхфразовые единства в параграфе ничего не связывает. В то же время в одних случаях фразу не вынешь из текста, не переставишь: текст окажется хотя бы частично разрушенным. В других, наоборот, можно без всякого ущерба переставить фразу — и с текстом ничего не произойдет.

В первом случае текст выстроен, во втором это механическое соединение фраз, их последовательность случайна.

Авторы не художественных произведений овладевают авторским ремеслом, как правило, опираясь главным образом на опыт своих предшественников. Иногда они отдают себе отчет о принципах, которыми руководствуются, строя текст произведения, но чаще делают это неосознанно — либо интуитивно правильно, либо как бог на душу положит, порой с грубыми погрешностями.

Чтобы строить произведение осмысленно и целенаправленно, надо понять сущность и закономерность структурно-логических связей между фразами и большими единицами текста, тем более что внешне эти связи никак не выражены. На самом же деле они существуют.

Итак, в чем же суть связей, объединяющих части текста в целое?

Несколько упрощая, можно сказать, что части текста (фразы в СФЕ, параграфы в главах, главы в произведении) соединяет в целое та же самая связь, которая существует между явлениями и предметами действительности, получившими отражение в данном тексте или его части.

В зависимости от характера объекта действительности, отражаемого произведением или его частью, и находится тип построения:

1) если объект — действие во времени, тип построения *повествование*;

2) если объект — части или стороны единого объекта в его статике, тип построения *описание*;

3) если объект — движущаяся к выводу развивающаяся мысль, тип построения *рассуждение*.

Иначе: единицы текста объединяет то, что они выступают в нем как отражение частей события (повествование), предмета (описание), движения авторской мысли к выводу (рассуждение).

Эти стабильные речевые структуры давно известны, изучены, хотя, наверно, далеко не в полной мере. Об этих структурах писал, в частности, М. В. Ломоносов, называя их так же, как они названы выше.

Если между событиями, явлениями действительности существует хронологическая (по времени) связь, то эта связь должна устанавливаться между фразами текста, отражающего эти явления. Такой текст должен строиться в виде повествования, в котором фразы стоят в порядке, определяемом связью во времени описываемых в них событий.

М. В. Ломоносов писал об этом очень выразительно:

«Те, что прежде были, располагаются впереди, а которые следуют за ними — сзади. Сначала рассказывают о Пунической войне, а затем о Македонской» (Т. 7. С. 294). Другой его пример — утро, день, вечер, ночь.

При этом Ломоносов допускает и другие формы повествования: текст может, считает он, начинаться не с начала всего деяния (см. т. 7, с. 354), а с самого интересного события, затем же всё идти в натуральной последовательности, по времени происшествия. Нарушение естественной временной последовательности в таких случаях оправдано стремлением заострить внимание читателя. Зная итоговое или центральное событие, читатель будет двигаться от фразы к фразе (от одного события к следующим за ним), понимая их направление и потому обостренное, четче их воспринимая.

Другой тип композиционных отношений — связь между фразами или большими единицами текста на основе пространственных, функциональных или иных отношений между частями отражаемого в речи объекта. Таковы отношения (связи) между частями описания.

Третьи явления действительности связываются причинно-следственными выводными отношениями: одно — осно-

вание другого, другое — следствие первого и основание третьего и т.д. Этому типу отношений отвечает тип построения, названный *рассуждением*. В нем порядок фраз определяется отношениями между основанием и следствием, следствием и основанием, между тезисом, аргументами и выводом.

В любом тексте или в его части, состоящей из фраз и представляющей собой единство, ведущим или преобладающим является один из указанных выше типов построения. Он обуславливает последовательность и структурно-логическую связь фраз в сверхфразовом единстве (СФЕ), сверхфразовых единств в параграфе, параграфов в главе.

Только зная тип построения сверхфразового единства или старшей композиционной единицы текста, а значит, и характер связей между их составными частями, можно разбирать и оценивать композиционные качества этих единиц.

В одном произведении могут встречаться и встречаются все типы речи или, по крайней мере, не только один из них. Каждая единица текста свыше фразы строится тем или иным образом. СФЕ 2-го ранга может строиться иначе, чем входящие в него СФЕ 1-го ранга. Все произведение может быть построено как описание, а его главы — и как описание, и как повествование, и как рассуждение.

Важно, чтобы в основе построения одной композиционной единицы лежал один тип речи. Зная, какой тип речи лежит в основе композиционной единицы, редактору проще увидеть, где автор последователен, а где он нарушает закономерности композиции без достаточного основания. Ему будет легче видеть, откуда происходят такие композиционные недостатки текста, как отсутствие цельности, логической последовательности, связности, отсутствие на ударном месте главного, несоразмерность частей, противоречивость изложения.

Итак, составные части текстовых единиц должны следовать одна за другой на основе главной закономерности (типа структурной связи, свойственной типу речи — повествованию, описанию, рассуждению) и одной из разновидностей типов речи, у каждой из которых своя внутренняя логика, свой принцип следования частей.

Можно назвать следующие наиболее распространенные разновидности основных структурных связей:

В повествовании:

- прямая хронология;
- обратная хронология;
- прямая хронология с отступлениями.

В описании:

- движение взора наблюдателя по объекту описания, его составным частям (слева направо, сверху вниз, снизу вверх, от головы животного к его хвосту и т.д.)
- движение обрабатываемой детали по технологической цепочке (повествовательно-описательный тип);
- маршрут движения (например, в путеводителе, также повествовательно-описательный тип);
- классификационный принцип с различным основанием деления на части (по изучаемому объекту, по методу исследования, по структуре изучаемого объекта, по свойствам объекта, по территориям и т.д.);
- убывание или возрастание признака: а) от низшего к высшему или наоборот; б) от простого к сложному; в) от самого значимого ко все менее значимому; г) от определяющего к определяемому; от наиболее общего ко все более конкретному и т.д.

Описательно построенные тексты различаются также по месту общей части описания (общей характеристики объекта описания): у одних эта часть начинает текст, у других — завершает, у третьих находится и в начале и в конце. М. В. Ломоносов называл первую разновидность описания *разделительным* описанием (представляет род или вид в целом, потом части отдельно), а вторую — *соединительным* (прежде о частях целого, а потом род или целое — описываются части здания, а затем все здание в целом).

Психологи пришли к выводу, что предпочтительным является третий вид, *разделительно-соединительный*, как наиболее эффективный для восприятия, понимания и запоминания. Части описания объекта более понятны, когда уже известно, каков объект в целом, а заключительное описание объекта в целом, основанное на знании частей, прочнее закрепит представление об описанном объекте.

Разнообразие разновидностей описания, как видно из примерного перечня, очень велико.

В рассуждении:

1) структура умозаключения в доказательстве или опровержении (от посылок к выводу, от тезиса к аргументам и от них к выводу);

2) та или иная закономерность познавательного движения по исследуемому объекту:

- от явления к сущности;
- от фиксирования изменений к анализу их причин;
- от качественных характеристик предмета к изучению его количественных параметров;
- от элементов к их связям;
- от содержания закона к раскрытию его модификаций, форм проявления их в различных условиях;
- от уяснения предмета к его истории;

3) метод восхождения от конкретного к абстрактному;

4) диалектический метод восхождения от абстрактного к конкретному (от наиболее абстрактного простого ко все более конкретному и все более сложному — от товара у Маркса к труду, стоимости, деньгам, капиталу, прибавочной стоимости, заработной плате).

Итак, переход от одной части текста к другой (от одной фразы — к другой, от одного СФЕ — к другому, от одного параграфа — к другому), если текст правильно построен, всегда определяется типом и разновидностью композиционной связи между ними. Так что редактору надо овладевать умением выявлять композиционную связь, ее тип и разновидность. Когда же такой связи нет и текст представляет собой хаотический набор фраз, надо уметь увидеть, какой эта связь может быть и какая разновидность ее подойдет больше всего, исходя из задач текста.

Покажем на примере, как протекает анализ композиции текста. Рассмотрим для этого небольшой текст рекламного проспекта:

ПРИБОР ДЛЯ ОПРЕДЕЛЕНИЯ ТВЕРДОСТИ МЕТАЛЛОВ ТП

Прибор ТП предназначен для определения твердости металлов вдавливанием в испытываемый образец стандартной алмазной пирамиды или стальных закаленных шариков диаметром 2,5 и 5 мм.

Прибор имеет рычажную систему нагружения с ручным приводом. Операции наложения, выдержки и снятия нагрузки осуществляются автоматически

за счет энергии опускающегося груза. Измерение отпечатков производится посредством микроскопа с окулярным винтовым микрометром.

Прибор весьма выгодно применять в тех случаях, когда требуется приложение небольших нагрузок при испытании тонких образцов и изделий с поверхностным твердым слоем.

В электрическую схему прибора включена лампочка с контактным устройством, сигнализирующая о начале и окончании испытания.

Числа твердости в единицах Виккерса или Бринелля вычисляются по таблицам.

В зависимости от твердости испытываемого металла пределы измерения составляют:

при нагрузках 15,6 и 62,5 кг – стальными шариками диаметром 2,5 и 5 мм по шкале Бринелля $H_b = 8-450$;

при нагрузках 5, 10, 20, 30, 50, 100 и 200 кг – алмазной пирамидой по шкале Виккерса $H_v = 8-1000$.

(Далее приводятся основные данные прибора и комплект его поставки.)

Для наглядности анализа композиции текста составим его план:

1. Назначение прибора.
2. Конструктивные особенности прибора.
3. Область применения прибора.
4. Конструктивная особенность прибора.
5. Способ определения значений твердости.
6. Пределы измерений на приборе.

План обнаруживает явное несовершенство композиции (область применения отделила одну конструктивную особенность от других) и позволяет наметить путь устранения недостатка. Перед нами разновидность описания от наиболее общей и важных качеств ко все более конкретным и частным. Поэтому такое общее качество, как область применения прибора, должно предшествовать конструктивным особенностям. Если мы переставим п. 3 после п. 1, т.е. выдвинем общее качество перед конкретными особенностями, мы поступим в соответствии с данной разновидностью описания и устраним такой недостаток композиции, как разъединение сведений о конструктивных особенностях прибора. Нарушает принцип данной разновидности описания и порядок п. 5 и 6.

Пределы измерений на приборе — более общее свойство прибора, чем указание на то, как вычисляются значения твердости. План текста будет выглядеть так:

1. Назначение прибора.
2. Область применения.
3. Конструктивные особенности (п. 2 и 4).
4. Пределы измерения.
5. Способ определения значения твердости.

Теперь можно вернуться к начальному примеру — тексту проспекта «Цементные заводы» — и, пользуясь методом анализа композиции по типу речи и ее разновидности, проверить, обоснованной ли была предпринятая нами перестройка. Тип построения текстового фрагмента — описание (по особенностям доставки сырья). Принцип расположения частей — по степени конкретизации (от самой общей особенности ко все более конкретным), а именно: как транспортируется сырье (метод доставки — непосредственно или с перевалкой); в чем транспортируется сырье (каким видом транспорта — в автосамосвалах и по железной дороге); в каких случаях какой вид транспорта используется. Более общая особенность определяет более конкретную, а более конкретная подчиняется более общей. Поэтому перестройка текстового фрагмента должна быть именно такой, какая была интуитивно верно выбрана в начале главы, а текст в результате ее мог приобрести такой вид:

Известняк доставляют в приемные устройства дробильных установок непосредственно из забоя карьера без перевалочных промежуточных устройств. Если карьер находится в непосредственной близости от завода (менее 5 км), известняк транспортируют в автосамосвалах большой емкости. Если расстояние до завода превышает 5 км, известняк доставляют по железной дороге.

Благодаря перестройке ушли также повторы, и текст сжался.

Ясно, что анализировать и оценивать композицию непросто. Однако сложность анализа композиции изложенным выше не исчерпывается. Композиция конкретного произведения, помимо функционально-смыслового типа речи, определяется речевым жанром этого произведения, его особен-

ностями. О речевом жанре пишет в работе «Проблема речевых жанров» М. М. Бахтин:

«Определенная функция (научная, техническая, публицистическая, деловая, бытовая) и определенные специфические для каждой сферы [человеческой деятельности] условия речевого общения порождают определенные жанры, то есть определенные, относительно устойчивые тематические, композиционные и стилистические типы высказываний» (Бахтин М. М. Эстетика словесного творчества. М., 1979. С. 241—242).

Бахтин в качестве их примеров называет бытовые жанры приветствий, прощаний, поздравлений, пожеланий.

Устойчивый композиционный тип высказывания обязывает редактора рассматривать его как требование к композиции редактируемого им текста, что сделать сложно хотя бы потому, что речевые жанры изучены недостаточно и соответственно определять, какова устойчивая композиция данного речевого жанра, редактор сможет, лишь если сам изучит некоторое число произведений этого жанра и особенности их композиции или найдет эти сведения в литературе.

Приходится учитывать и то, что смысловые части произведения не равнозначны. Среди них композиционно выделяются зачин (вступительная часть), основная часть содержания, заключение (итоговая часть). Следует также различать смысловые части, несущие основное содержание, и так называемый «упаковочный» материал, т.е. части, введенные автором, чтобы управлять чтением, давать читателю передышку, помогать читателю лучше воспринимать текст.

Связность текста определяется еще и связями между предложениями грамматического и коммуникативного характера. Н. С. Валгина в «Теории текста» (М., 2003) пишет (с. 43), ссылаясь на исследователей, о такой связности, называя ее *локальной*: она выражается в межфразовых синтаксических связях, образуемых вводно-модальными и местоименными словами, видо-временными формами глаголов, лексическими повторами, порядком слов, союзами. Эта связь потому и названа локальной, местной потому, что не может прочно связать фразы всего текста, а лишь небольшие его фрагменты.

Кроме того, как пишет Н. С. Валгина: «Каждое высказывание в коммуникативном плане связано с предшествующим и продвигает сообщение от известного к новому, от данного, исходного к ядру. В результате образуется тема-рематическая последовательность, цепочка. Текст как коммуникативная единица предполагает такое соединение высказываний, в котором каждое из последующих содержит какую-то минимальную информацию, уже имевшуюся в предыдущем высказывании» (Там же. С. 30).

Французский лингвист Клод Ажеж в своей книге «Человек говорящий» (М., 2003) различает два вида связи повтором слов: 1) анафорические слова, т.е. отсылающие к ранее сказанному, повторяющие предыдущую часть текста; 2) катафорические слова, предвосхищающие последующую часть текста.

Иногда авторы из боязни распада текста, стараясь восполнить общую невыстроенность текста, злоупотребляют средствами локальной связи, на что обращали внимание наши писатели-классики.

В. Г. Короленко писал О. В. Алтекману:

Я надеюсь, Вы разрешили бы кое-где сократить повторения и особенно «приступы» (вроде *мы уже изложили то-то, теперь изложим то-то*). Это как бы недоверие и к себе и к читателю (Собр. соч. : в 10 т. М., 1956. Т. 10. С. 441).

Л. Н. Толстой замечал А. Фету:

Когда вы будете переделывать, не забудьте еще выправить приемы связей отдельных частей статьи. У вас часто встречаются излишние вступления, как, например: «Теперь мы обратимся...» или «взглянем...» и т.п. Главное, разумеется, в расположении частей относительно фокуса, и когда правильно расположено, всё ненужное, лишнее само собой отпадает и всё выигрывает в огромных степенях (Полн. собр. соч. : в 90 т. Т. 62. С. 441).

Конечно, нельзя принимать эти замечания писателей как рекомендацию всегда и везде избавляться от таких связей. Но эти связи не должны быть способом отсутствия между частями произведения связи, определяемой типом речи, благодаря каркасу, который должен незримо проглядывать для читателя сквозь текст, не проявляясь предметно. Ведут локальные связи и к избыточности.

Локальная связь предложений союзами требует особого внимания редактора, так как смысл союзной связи нередко противоречит логике вещей. Например, автор статьи о флексографских печатных машинах, перечислив их достоинства, добавляет:

Однако не только упаковка может быть напечатана на флексографских машинах. Сфера их применения стремительно расширяется. Сегодня множество различных видов полиграфической продукции печатают флексографским способом.

Почему автор связал это дополнительное достоинство флексографских машин с перечнем других достоинств союзом *однако*, он бы, наверно, и сам не сумел объяснить. Ведь никакого противопоставления этого достоинства названным выше нет. Вероятнее всего, ему показалось, что без *однако* связь между фразами была бы нарушена, хотя как раз именно этот союз тут менее всего уместен. Подобные ошибки подробно рассматриваются в гл. 12.

Интересно об одном случае локальной связи написала Е. В. Падучева в статье «О структуре абзаца» (Тр. по знаковым системам. Т. 12. Тарту, 1965. С. 284—291).

Автор вводит понятие доминированного (т.е. преобладающего, господствующего) имени. Имя в фразе является доминированным при двух условиях: 1) если оно обозначает предмет, который уже упоминался в предыдущих фразах данного текста (непосредственная доминированность); 2) если оно в целом обозначает предмет, который еще не упоминался, но содержит в своем составе другое имя, и это имя обозначает предмет, который уже упоминался (косвенная доминированность). Имя, благодаря которому данное имя оказывается доминированным, автор называет доминирующим.

Закономерность, которую Е. В. Падучева считает для описательных текстов основной, касается именно начального имени, т.е. первого имени фразы: во всех фразах абзаца, кроме первой, начальное имя не может выбираться произвольно. Имя может быть начальным в данной фразе только в том случае, если оно доминировано. Пример автора статьи:

Через базарную площадь идет полицейский надзиратель Очумелов в новой шинели с узелком в руке. За ним шагает рыжий городской с решетом, доверху

наполненным конфискованным крыжовником. Кругом тишина... На площади ни души.

Комментарий к примеру автора статьи такой. Все начальные имена непосредственно доминированы. Вынос доминированного имени на первое место в фразе очевидным образом связан с ее так называемым актуальным членением и обусловлен естественностью такого построения фразы, когда известные элементы ее содержания выносятся в начало, а неизвестные — те, на которых сосредоточено логическое ударение,— группируются ближе к концу.

Е. В. Падучева считает, что текст, в котором соблюдается требование доминированности начального имени, должен автоматически восприниматься как связный. По ее мнению, есть много текстов, в которых соблюдение этого требования является почти единственным проявлением связности, которое можно обнаружить. Она сравнивает два варианта текста из двух соседних фраз:

Не курите в комнате, где находятся дети. Табачный дым особенно вреден детям.

Не курите в комнате, где находятся дети. Детям табачный дым особенно вреден.

Второй вариант автор считает в стилистическом отношении более удачным. Не заметив, правда, что во втором варианте напрашивается замена первого слова второй фразы местоимением *им*, чтобы избежать назойливого повторения слова *дети* и сжать текст.

В подтверждение правоты Е. В. Падучевой можно привести и уже цитировавшийся пример из статьи о флексографских машинах, где связь первой фразы со второй усилена местоимением *их*, замещающим словосочетание *флексографских машин*. Именно поэтому автор произвольно закончил первую фразу этим словосочетанием, приблизив его к местоимению *их*. Между тем логическое ударение в первой фразе должно по смыслу падать не на сочетание *флексографских машинах*, а на слово *упаковка*, так как именно это тот вид продукции, который перестал быть единственным из тех, что печатаются на этих машинах. Так что целесообразно в первой фразе изменить порядок слов хотя бы так:

На флексографских машинах может быть напечатана не только упаковка. Сфера их применения стремительно расширяется. Сегодня флексографским способом печатают множество различных видов полиграфической продукции.

Связь второй фразы с первой местоимением *их* от этого не нарушилась, а благодаря измененному порядку слов логика всей мысли абзаца усилилась. Абзац стал более цельным.

Анализ и совершенствование композиции касается не только локальной, но и глобальной связности, которая зависит от выдержанности типа речи и «проявляется, — как пишет Н. С. Валгина, — также через ключевые слова, тематически и концептуально объединяющие текст в целом или его фрагменты» (Валгина Н.С. Теория текста. С. 43).

Для редактора это означает необходимость контроля и за всеми этими показателями связности текста.

9.3. Логичность композиции

9.3.1. Логические средства проверки композиции

Проверять при анализе и оценке композиции, удовлетворяет ли она требованиям логичности, необходимо потому, что обычно отклонения композиции от этих требований — верный признак композиционных ошибок.

Тему каждого произведения или его части, превышающей фразу, можно рассматривать как понятие, а правильно членить, делить понятие (тему) на составные части можно, только соблюдая логические правила деления.

Деление понятия — это логическая операция, посредством которой раскрывается его объем, т.е. в первом приближении число предметов, охватываемых понятием и входящих в данный класс.

Для того чтобы деление понятия (темы) на части (подтемы) было правильным, оно должно быть:

— *обоснованным*, т.е. проводиться только по одному принципу (признаку), который лежит в основе видовых различий частей (подтем), — правило обоснованности деления;

— *адекватным* (по объему), т.е. сумма объемов частей текста (видовых членов деления) должна быть равна объему всего

текста (родового понятия) — правило соразмерности:

— доведенным до конца, т.е. деленным на такие части, каждая из которых исключает другие, — правило взаимоисключения;

— непрерывным, т.е. текст (родовое понятие) должен быть сначала разделен на части (виды), для которых он является ближайшим родом, а затем уж на более мелкие части (подвиды), для которых каждый вид выступает как род, — правило непрерывности деления.

Правило обоснованности деления. Это главное правило деления понятий. Нарушено оно (оснований деления не одно, а несколько) — как следствие возникают ошибки:

— в несоразмерности деления (объем оказывается либо уже, либо шире темы);

— в незавершенности деления (части перекрещиваются, не исключают друг друга);

— в непрерывности деления (тема делится на подвиды, минуя виды).

Вот, например, как выглядит рабочее оглавление рекомендательного библиографического указателя «Фотоинкографу»:

Литература для рабочих, осваивающих специальность

Литература для рабочих, повышающих квалификацию

Репродукционная фотосъемка

Копировальный процесс

Травление клише

Научная организация труда

Охрана труда и техника безопасности

Справочная литература

В основу деления указателя на разделы здесь положены три разных признака, а не один, как полагалось бы по правилу обоснованности деления понятий: первые два раздела выделены по читательскому назначению, следующие два — тематически, последний — по виду литературы. При таком построении указателя трудно избежать перекрещивания. Непонятно также, кому адресована литература по научной организации труда, по охране труда и технике безопасности и справочная литература — для рабочих, осваивающих специальность, или рабочих, повышающих квалификацию.

По-видимому, в основание деления следовало положить вид издания по функциональному назначению, поскольку все разделы до последнего охватывают издания производственной литературы, и тогда композиция, представленная в виде рабочего оглавления, может приобрести такой вид:

Производственная литература

Технология изготовления клише

Литература для рабочих, осваивающих специальность

Литература для рабочих, повышающих квалификацию

Научная организация труда

Охрана труда и техника безопасности

Справочная литература

Единственное, в чем формально можно упрекнуть новую композицию указателя, так это в том, что в разделах о научной организации труда, об охране труда и технике безопасности, о справочной литературе нет деления литературы по читательскому назначению, такого же, как в разделе о производственной литературе. Но это объясняется только тем, что сведения об этих предметах в изданиях не делятся на простые и сложные, одни — для начинающих, другие — для опытных. Они адресуются и тем и другим в равной мере.

Проверить, как соблюдено при построении произведения правило обоснованности деления понятий, бывает совсем не просто. Рассмотрим такой фрагмент текста из учебного пособия:

ВИДЫ ТЕХНИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Всю техническую литературу можно разделить на четыре основных вида: историко-техническую, научно-техническую, популярно-техническую и производственно-техническую.

Историко-техническая литература освещает развитие технической мысли в различных исторических условиях, прослеживает процессы технического прогресса с древнейших времен до наших дней. В историко-технических работах мы встречаем описание и графическое изображение средств труда, приемов труда, организации производственных процессов, воспроизведение различных документов, дающих точные сведения о прошлом, характеристики и биографии деятелей науки и техники, авторов технических трудов и другие сведения.

Научно-техническая литература рассматривает в свете последних достижений науки и техники проблемные вопросы современного производства, технической политики государства.

Популярно-техническая литература освещает отдельные вопросы, касающиеся в связи с общими проблемами технического прогресса какой-либо специальности, профессии, области трудовой деятельности людей. Это может быть книга, рассказывающая об основах фрезерного или токарного дела, об устройстве счетно-аналитических машин, об автоматических линиях.

Производственно-техническая литература адресована непосредственно людям, занятым производственной деятельностью. В ней обобщается и распространяется трудовой опыт. В работах производственно-технического характера, как правило, не отражаются техника, технология, организация труда прошлого. Они строятся на фактах современного производства. В отличие от научно-технических изданий книги такого рода главным образом рассматривают не перспективы развития, а то, что уже достигнуто, устойчиво реализовано...

На первый взгляд, здесь разговор ведется по видам технической литературы, выделенным по одному основанию — по назначению книги. В самом деле, одни призваны освещать историю техники (историко-техническая литература), другие — освещать научные проблемы техники (научно-техническая литература), третьи — популяризировать технику (популярно-техническая литература), четвертые — помогать производству (производственно-техническая литература).

Но это только на первый взгляд. При более пристальном и глубоком анализе этого фрагмента текста нельзя не заметить, что автор делит техническую литературу на виды по разным основаниям.

В первом случае во внимание берется предмет освещения — история техники. Форма неизвестна — научная или популярная, хотя книги по истории техники могут быть и научными и популярными.

Во втором случае назван предмет, определяющий форму (научную), и обозначено время — современность, хотя признать это верным трудно, потому что научные книги по истории техники вовсе не исключены и такие книги известны.

В третьем случае предмет освещения общий для всей технической литературы и в конечном счете популярно-техническую литературу отличает от всех остальных видов техни-

ческой литературы только форма — популярная. Период освещения во внимание не принят, хотя популярные книги по истории техники вовсе не исключены.

В четвертом — определены предмет и цель, но форма не указана.

Таким образом, единого основания у деления текста на виды литературы, по которому ведется изложение, нет. Поэтому виды литературы перекрещиваются, одни не исключают другие. Историко-техническая книга может быть и научной, и популярной. Значит, в последующих разделах нужно либо необоснованно не писать о ней, либо дублировать первую главу. Популярно-техническая литература может популяризировать и научно-технические и производственно-технические проблемы.

Из-за неверно выбранного основания для построения текста из освещения выпали учебные и нормативные издания по технике.

Как же следовало перестроить текст, не меняя принцип композиции по видам литературы, но выбрав одно основание для деления? Таким основанием можно было выбрать главную функцию разных технических книг. Тогда текст был бы построен по следующим видам изданий:

1. Научная книга по технике. Выпускается для развития науки о технике.
2. Научно-популярная книга по технике. Выпускается для популяризации техники.
3. Производственная книга по технике. Выпускается для практической помощи производству.
4. Справочная книга по технике. Выпускается для наведения справок о технике.
5. Учебная книга по технике. Выпускается для изучения учебных дисциплин о технике.
6. Нормативная книга по технике. Выпускается для нормативного регулирования применения техники.

Внутри этих групп можно при необходимости выделить книги по современным проблемам и книги исторического содержания.

Единое основание исключает перекрещивание и дублирование. Помогает оно и характеристику каждого вида сделать существенной. Между тем в авторском варианте существенные

черты подменены внешними, поверхностными особенностями вида. Так, то обстоятельство, что в историко-технических работах встречаются описание и графическое изображение средств труда, мало существенно для представления этого вида литературы. Да и в изданиях других видов литературы по технике это тоже не исключено. Перечень тем популярно-технической литературы также носит случайный характер, не говоря уже о том, что популярно-технические книги вполне могут быть посвящены и технике в целом, а не только отдельным темам. И почему, собственно, исключать освещение техники прошлого в производственно-технической литературе?

Пример показывает, что для проверки композиции с точки зрения правила обоснованности деления надо: 1) найти основание деления текста на части; 2) убедиться, что оно охватывает весь текст, что основание единственное. На этом примере также хорошо видно, как неверно выбранное построение текста, с нарушением правила обоснованности деления, наносит урон и содержанию.

Правило соразмерности. При несоблюдении этого правила произведение или его часть бывает уже или шире их темы. Автор либо пропускает какие-то части темы или включает в текст то, что к теме не имеет отношения. В первом случае тема оказывается раскрытой неполностью, во втором ее границы размываются (а это мешает пониманию и усвоению текста). Выход за пределы темы — ошибка более частая. Ее причины:

1) обилие собранного автором материала (его так много, что он с трудом поддается систематизации, и автор невольно выходит за пределы темы: жалко исключать собранное);

2) нехватка материала из-за неразработанности темы (чтобы заполнить пробелы, автор невольно подменяет ту или иную часть темы близким к ней материалом, хотя он относится к теме в лучшем случае лишь косвенно);

3) автор теряет ориентировку в материале из-за большого объема произведения, которому надлежит стать книгой, особенно при работе над оригиналом урывками; он не проверяет соответствие излагаемого материала теме, выраженной в заголовке. Отсюда отклонения от темы или неполнота ее освещения. Вот почему так важно редактору, прочитав раздел, главу, параграф, вернуться к их заголовкам, чтобы сопоста-

вить с ними содержание подразделов. В этом случае меньше вероятность, что книга выйдет с нарушенным правилом соразмерности.

Следует, правда, предостеречь против формального подхода при проверке соответствия материала подраздела его заголовку. Л.П.Доблаев в книге «Логико-психологический анализ текста» (Саратов, 1969), анализируя параграф «Восстание крестьян и рабов» из учебника истории с тремя подпараграфами («Положение крестьян и рабов», «Жизнь знати», «Восстание 1750 года до н.э.»), справедливо пишет о том, что непосредственно тема параграфа раскрывается только в третьем подпараграфе, однако первые два тоже связаны с темой — в них говорится об условиях, причинах восстаний: это своего рода вступление к непосредственному раскрытию темы. При формальном же подходе можно посчитать, что тема в заголовке сужена или что в тексте есть отступление от темы.

Правило взаимноисключения. При нарушении этого правила неизбежны повторы из-за перекрещивания, композиционная нечеткость. Это было видно на примере фрагмента о видах технической литературы. Покажем еще на одном примере.

В книге об иллюстрациях глава о научно-познавательных иллюстрациях была построена следующим образом:

Чертежи
Рисунки
Фотографии
Документальные иллюстрации
Схемы

В основу построения положен классификационный принцип деления иллюстраций на виды по характеру изображения. Но этот принцип деления выдержан не до конца, поскольку документальные иллюстрации выделяются в качестве вида не по характеру изображения, а по содержательной задаче быть образительным документом. Такие иллюстрации — документальное свидетельство исторического прошлого. Ими могут быть и чертежи, и фотографии, и схемы, и рисунки, т.е. они не исключают других видов. Так что ставить документальные иллюстрации в один ряд с иллюстрациями по характеру изображения неверно. По-видимому, надо было

параграфы о видах иллюстраций по характеру изображения объединить в одну часть, а главу о документальных иллюстрациях сделать второй частью. Тогда правило взаимоисключения не было бы нарушено.

Кроме того, в первой части надо было изменить порядок параграфов, поскольку сейчас в нем нет системы. Сначала параграфы следуют в порядке по возрастающей степени схожести изображения с реальным изображаемым предметом. На чертеже изображение лишь отдаленно напоминает воспроизводимый предмет. Рисунок воспроизводит предмет близко к натуре. Фотография изображает предмет почти натурально. Но заканчивается разбор видов иллюстраций схемами, хотя на схеме изображение наиболее отдалено от натуры. Поэтому надо было установить единый системный порядок параграфов — например, по степени близости изображения к натуре, начав с наиболее близких к ней, т.е. фотографий, а затем расположив параграфы по ниспадающей близости к натуре (рисунки, чертежи, схемы):

Оригинальные иллюстрации, различающиеся характером изображения предметов

Фотографии
Рисунки
Чертежи
Схемы

Документальные иллюстрации

Другой вариант — начать с параграфа о наиболее отдаленных от натуры иллюстрациях и затем расположить параграфы по возрастающему сходству с натурой (чертежи, рисунки, фотографии).

Правило непрерывности деления. При нарушении этого правила читателю трудно уловить систему в изложении материала, а значит, сложнее и понять его.

Для примера сравним разделы на одну тему в двух книгах: «Основы технического редактирования советской книги» И. Ф. Бельчикова (М., 1958) и «Оформление советской книги» Г. Г. Гильо и Д. В. Константинова (М.; Л., 1939). Речь в разделах идет о техническом редактировании различных видов текста. Вот как выглядит оглавление этих разделов в той и другой книге:

Книга И. Ф. БельчиковаТехническое редактирование текстов

Виды текстов в книге
 Простой сплошной текст и текст
 с выделениями
 Стихотворный текст
 Текст драматических произведений
 Формулы
 Библиографический текст
 Лингвистический текст
 Шахматно-шашечный текст
 Таблицы
 Выводы
 Цитаты
 Примечания и сноски
 Оглавление и содержание
 Указатели
 Эпиграфы, посвящение, девиз, лозунг

Книга Г.Г.Гильо и Д. В. КонстантиноваГлава V. Внутритекстовыевыделения

1. Постановка вопроса
2. Перечень приемов оформления выделений
3. Шрифтовые выделения
4. Нешрифтовые выделения
5. Комбинированные выделения
6. Тип книги и выделения
7. Выбор системы выделения

Глава VI. Оформление особых видов набора

- A. Табличный материал
- Б. Формульный материал
- В. Оформление стихов
- Г. Оформление рис

Глава VII. РубрикацииГлава VIII. Дополнительные и вспомогательные текстыA. Дополнительные тексты

1. Общие указания
2. Предисловие
3. Редакционная аннотация
4. Примечания
5. Отделительные тексты
6. Приложения

Б. Вспомогательные тексты

7. Общие положения
8. Оглавление
9. Библиографические материалы
10. Резюме
11. Указатели
12. Список иллюстраций

Какие выводы напрашиваются из сопоставления двух построений, двух планов?

В плане И. Ф. Бельчикова есть упущения, он беднее плана двух авторов. Например, у него нет разделов *Приложения*, *Резюме*, *Список иллюстраций*, *Предисловие*, *Редакционная аннотация*, *Отделительные тексты*. Кроме того, по плану Бельчикова очень трудно уловить систему изложения, понять, почему выбрана именно такая, а не иная последовательность. Авторы же второго пособия не просто дали перечень различных элементов книги, об особенностях в оформлении которых надо сообщить техническому редактору, — они, соблюдая правило непрерывности деления, сгруппировали элемен-

ты по видам. Правда, и у них нельзя признать композицию совершенной. Трудно, например, понять логику последовательности глав. Логичнее было бы излагать этот материал по такому плану:

I. Тексты основные

1. Тексты простые по набору
2. Тексты сложные по набору

II. Тексты дополнительные и вспомогательные

Но главное состоит в том, что из сопоставления хорошо видно: при соблюдении непрерывности деления читателю (кстати, и редактору) легче разбираться в материале, в системе изложения. Уменьшается и вероятность пропусков, непоследовательности. Рискнем также предположить, что в книге Бельчикова читателям вряд ли будет понятен смысл тех элементов текста, оформить которые им необходимо, а в книге двух авторов они не просто узнают приемы оформления, но и смогут осмыслить их, чтобы не быть слепыми техническими исполнителями, а понимающими то, что им приходится делать.

Возможно, хотя и реже, также другое нарушение непрерывности — включение подвидов в один ряд с видами, что, естественно, снижает качество текста, усложняя читателю понимание материала и, быть может, внушая ему ошибочное представление о предмете.

**9.3.2. Логичность композиции
как редакционное требование**

Используя для проверки композиции логические правила деления понятий, редактор добивается строгой логичности построения текста. Он исходит при этом из мысли, что строгая логичность построения текста произведения научного или делового типа безусловно полезна и необходима, а любые отклонения от нее вредны.

Но так ли это в действительности? Не превращается ли забота о строгой логичной композиции текста в то разжевывание умственной пищи для читателя, которое позволяет ему проглатывать содержание произведения без ощутимых ин-

теллектуальных усилий, без умственного напряжения? И не снизит ли пассивная умственная работа читателя эффективность восприятия им текста?

Эксперименты психологов позволяют ответить на этот вопрос вполне обоснованно: логичность построения необходима; благодаря логическим способам организации материала его легче запомнить и удержать в памяти на длительное время.

Изучая, как школьники усваивают учебник истории, Р. Е. Колчина показала, сколь различны результаты при логически обработанном и не обработанном тексте. Один результат был в случаях, когда факты, предшествующие общенному выводу, сгруппированы, основные факты, непосредственно ведущие к выводу, выделены, частные выводы сформулированы. Другим был результат в том случае, когда факты не сгруппированы, различные по степени важности факты даны в одном ряду, частные выводы не сделаны.

В первом случае школьники хорошо запоминали и воспроизводили на высоком уровне обобщения основной вывод, во втором — уровень обобщения материала был низок, запоминались отдельные факты, порой несущественные, а значимость важных фактов не оценивалась.

Обнажая связи между частями текста, логичное построение способствует лучшему, более глубокому пониманию произведения (ведь понимание приходит в результате раскрытия этих связей).

Что же касается того, не лучше ли заставить читателя потрудиться над логической обработкой материала, недостаточно логически организованного, то, хотя такая обработка и даст высокие результаты понимания, рассчитывать на нее нельзя: во-первых, не всякий читатель поставит перед собой подобную задачу и захочет или сумеет ее решать; во-вторых, гораздо целесообразнее, чтобы текст ставил перед читателем не проблему его перестройки по правилам логики, а проблему, для решения которой надо владеть знаниями, извлеченными из предшествующего текста, и уметь применять их на практике, благодаря чему они лучше, прочнее усваиваются.

Хотя логически организованный текст читать и понимать легче, возможности логичной композиции не следует пере-

оценивать. Одной стройности для того, чтобы интеллектуальная активность читателя была предельно высокой, еще недостаточно. Активной мысль читателя становится только тогда, когда текст ставит перед ним интересные, субъективно важные для него задачи, или, как говорят психологи, проблемные ситуации. Стремясь вместе с автором решить проблему, человек увлеченно читает текст. А организация этого текста в стройную систему помогает лучше воспринимать и понимать его. Так что текст нужно организовывать не только композиционно, но и по методу изложения.

9.4. Методика и навыки редакторского анализа композиции

Итак, необходимо, чтобы композиция:

- 1) соответствовала содержательной задаче произведения и его фрагментов, способствуя лучшему ее решению;
- 2) подчинялась логике типа и подтипа построения текста, обоснованно выбранных автором или редактором (если автор написал бессистемно), объективно диктуемых содержанием и назначением текста;
- 3) была логически безупречной (отвечающей логическим правилам деления понятий во всех случаях, когда эти правила применимы).

Эти основные требования и предопределяют методику и навыки редакторского анализа композиции текста.

Читая текст, не разделенный на словесно обозначенные части, редактор составляет его мысленный план, используя приемы, описанные в подразделе 4.2.1 (осознает переход от одной смысловой группы к другой, выделяет смысловые опорные пункты, выявляет связь и взаимозависимость смысловых групп). Благодаря этому наглядный композиционный каркас текста будет постоянно в поле его зрения, облегчая анализ и оценку композиции.

При анализе и оценке произведения в целом или его рубрицированных частей лучше всего пользоваться для той же цели так называемым рабочим оглавлением (перечень всех без исключения заголовков, выписанных так, чтобы по их расположению можно было судить об их соподчиненности,

т.е. о связи и взаимозависимости; о рабочем оглавлении см. подраздел 10.4).

Мысленный (в сложных случаях письменный) план и рабочее оглавление — это наглядные модели строения текста, технические средства, облегчающие анализ и оценку композиции.

Сам же анализ целесообразно начинать с проверки соответствия выбранной автором композиции содержательной задаче текста. Только выяснив, не препятствует ли построение текста решению его содержательной задачи, не ведет ли к нерациональному использованию объема, можно перейти к анализу и оценке композиции текста с точки зрения соответствия ее типу и подтипу построения, лежащим в основе плана. В нужных случаях надо проконтролировать и соблюдение логических правил деления понятия.

Обычно (особенно в простых случаях), мысленно составляя план, редактор сразу же определяет, с каким типом построения он имеет дело (описание, повествование, рассуждение), какой внутритиповой разновидности построения подчинен порядок фраз и СФЕ. Он даже подмечает непоследовательность, отклонения от выбранной автором композиционной схемы, но к тщательному анализу композиции с этой точки зрения приступать еще преждевременно. Затратив вначале много сил и времени на такую проверку, редактор затем может прийти к выводу, что композиция текста не отвечает его содержательной задаче, что, построив текст иначе, можно значительно углубить его содержание. Поэтому осмысливать логичность композиции, последовательность частей целесообразно лишь после анализа и оценки построения текста с важнейшей стороны. Конечно, если редактор успевает проанализировать и оценить построение текста уже в ходе мысленного составления плана, методика анализа оказывается свернутой. Во многом этому способствуют навыки композиционного анализа.

Можно выделить три основные группы таких навыков:

1-я группа — навыки мысленного составления плана текста:

- а) навык отмечать переход от одного СФЕ к другому;
- б) навык мысленно формулировать тему каждого завершённого СФЕ;
- в) навык определять место и роль СФЕ в СФЕ старшего ранга или в параграфе.

2-я группа — навыки определения типа и подтипа построения текста:

а) навык определять тип построения по ходу мысленного составления плана текста;

б) навык видеть и формулировать разновидность типа построения, последовательности фраз.

3-я группа — навыки проверки логичности композиции (соблюдения логических правил деления понятий):

а) навык определять в ходе чтения и мысленного составления плана текста основание его деления на составные композиционные единицы;

б) навык сопоставлять каждый пункт плана с этим основанием;

в) навык соотносить содержание каждого фрагмента текста с общей темой той части, в которую этот фрагмент входит.

Овладев этими навыками, редактор получает возможность быстрее определять, выдерживается ли тип и подтип построения текста, отвечает ли композиция текста требованиям логичности, а главное, он может сосредоточиться на самом важном и существенном в анализе композиции — на соотношении композиции с содержательной задачей произведения или его фрагмента. Ему в меньшей степени нужно будет отвлекаться на техническую сторону анализа композиции.

На этапе заключения договора заказа с автором по плану, плану-проспекту редактору в соответствии с изложенной методикой анализа композиции надо проверить, даст ли композиционное решение тот содержательный эффект, который от произведения следует ожидать (при одной композиции — одно содержание, при другой — иное).

На этапе анализа и оценки готового произведения задача несколько иная — оценить, насколько удалось автору реализовать принципиально задуманное и одобренное издательством при заключении договора; отыскать то в исполнении, что помешало осуществить замысел в полной мере, и найти причины этого, чтобы посоветовать автору их устранить.

На этапе подготовки оригинала к производству композицию совершенствуют лишь в частностях, деталях.

Глава 10

АНАЛИЗ И ОЦЕНКА РУБРИКАЦИИ

10.1. Значение рубрикации и задачи ее редакторского анализа и оценки

Слово *рубрикация* образовано от слова *рубрика*. Это последнее обозначает так или иначе озаглавленный или обозначенный подраздел текста — часть, раздел, главу, параграф — и одновременно заголовок подраздела (рубрики). Поскольку термин должен быть однозначным, в дальнейшем под словом *рубрика* будет иметься в виду только подраздел текста, а не заголовок рубрики (подраздела).

Рубрикация — система взаимосвязи и соподчинения рубрик издания, внешне выражающаяся во взаимосвязи и соподчинении заголовков этих рубрик.

Одни рубрики (старшие, например разделы) состоят из других (подчиненных, младших, например глав). Эти младшие, в свою очередь, складываются из еще менее значимых (например, параграфов). Одни по значимости равны, другие — меньше или больше их. Главы состоят из параграфов, части — из глав. Главы равнозначны. Части старше глав, главы старше параграфов.

Все это известно любому редактору по его книжному опыту, но далеко не всегда осмыслено как специалистом.

Графически рубрикацию представляет *рабочее оглавление*, в котором заголовки рубрик выписаны в соответствии со своей значимостью (подробнее см. подраздел 10.4).

В издании же взаимосвязь и соподчинение рубрик, т.е. рубрикация, выражается оформлением заголовков, а также их расположением на полосе и по отношению к тексту. Одни заголовки набраны крупнее, насыщеннее, другие — мельче и светлее. Одни расположены на отдельной полосе без текста, другие — вверху полосы и отделены от текста большим про-

белом, третьи — разрезают текст, расположены между частями текста, четвертые — на поле или в окошке, образованном укороченными строками текста (в так называемой оборке). И всё для того, чтобы показать читателю соотносительную значимость рубрик. Читатель, который видит это, лучше понимает связь и взаимозависимость рубрик, т.е. частей произведения и издания, а это основа для лучшего понимания и текста как целого, его строения.

Значение рубрикации можно пояснить через значение заголовков рубрик. Через эти заголовки рубрикация и проявляется.

Значение заголовков рубрик в издании многообразно.

Во-первых, заголовки организуют, направляют чтение. Те из них, что имеют словесную форму, предупреждают, о чем пойдет разговор в тексте, подчиненном заголовку, и тем самым готовят читателя к восприятию текста. Все заголовки, прерывая текст или обозначая конец одной рубрики и начало следующей, заставляют читателя сделать паузу и задуматься над тем, что прочитано, прежде чем перейти к новому тексту.

Во-вторых, заголовки углубляют понимание произведения. Вместе они раскрывают его строение. Различаясь по рисунку, размеру и начертанию шрифта, местоположению, они показывают связь и взаимозависимость рубрик (разделов и подразделов) произведения (входит ли рубрика в состав другой или равноправна ей).

В-третьих, благодаря заголовкам читателю проще найти в книге нужный материал, использовать книгу выборочно.

Таким образом, рубрикация для книги весьма значима как система, определяемая композицией произведения (издания) и ее выражающая. *Выявляя* композицию произведения, обозначая так или иначе его составные части, а также связи и отношения между ними, рубрикация помогает читателю лучше ориентироваться в содержании текста, глубже понимать его.

В редакторском анализе и оценке рубрикации можно выделить две стороны, определяющие задачи редактора.

Одна сторона касается собственно членения текста на рубрики и соответствия этого членения и сложности соподчинения рубрик подготовке читателя. Редактору надлежит ответить на вопросы:

1) насколько удобно для читателя выбранное автором членение текста на рубрики, т.е. хороши ли порции чтения (а рубрики можно рассматривать как порции чтения), исходя из содержания текста, его сложности и функционально-целевого назначения;

2) соответствует ли сложность рубрикации (в частности, число рубрик разной значимости) подготовке читателя.

Другая сторона касается собственно правильности рубрикации:

1) выдержана ли соподчиненность заголовков, а значит, и рубрик;

2) хорошо ли показана эта соподчиненность, чтобы читатель мог ее увидеть как средство для точного восприятия и углубленного понимания связей и взаимозависимости частей текста, хорошо ли выбраны средства выражения рубрикации из тех, что накоплены издателями за многие века;

3) соответствует ли заголовок содержанию своего текста и, наоборот, содержание текста — своему заголовку.

10.2. Дробность рубрикации

Нужно ли каждое произведение делить на структурные единицы (разделы, подразделы) с заголовками? И чем определяется дробность рубрикации? В каких случаях автору надо вводить рубрики на каждой странице, а в каких — с гораздо большим интервалом? Существуют ли закономерности, исходя из которых следует считать наиболее подходящим для данного произведения данного автора частое, а для другого редкое членение текста на рубрики? Или это дело авторского вкуса, а редактору следует безоговорочно принимать рубрикацию такой дробности, какой она получилась у автора?

Сложные вопросы, но найти ответ на них необходимо, поскольку это первая задача редакторского анализа и оценки рубрикации.

Как ни индивидуально авторское творчество, как ни различны авторские вкусы и пристрастия, некоторые особенности восприятия и понимания текста, а также степень подготовки читателя, функционально-целевое назначение издания и условия пользования им объективно требуют

большей или меньшей дробности членения текста на рубрики.

Прежде всего, нельзя не считаться с *объемом и структурой текста*. Если он невелик, т.е. в нем не больше *семи* сверхфразовых единств (СФЕ), членить его на рубрики, как правило, нет необходимости.

Почему семи? Таков объективный порог объема кратковременной памяти, установленный еще в конце XIX в. Р. Эббингаузом. Он открыл, что если ряд единиц не слишком велик — содержит их семь или меньше, то его удастся запомнить, прочитав один раз. Уже 8 единиц запомнить сразу не удастся (требуется повторное чтение). Впоследствии Д. Миллер свел эту закономерность к ставшей широко известной формуле: «*Магическое Число Семь плюс или минус два*». Эта формула означает, что число структурных единиц, которое человек может удержать в памяти и припомнить, не делая ошибок, равно примерно семи. Именно поэтому текст, в котором число СФЕ больше семи, лучше разделить на рубрики. При этом несколько СФЕ низшего ранга, составляющих СФЕ 2-го ранга, можно объединить в одну рубрику, другие несколько СФЕ низшего ранга, составляющих другое СФЕ, — в другую рубрику и т.д. Если СФЕ низшего ранга просты и легко объединяются читателем в СФЕ следующего ранга, он запоминает последнее в целом, при необходимости быстро восстанавливая его состав.

Не может не влиять на дробность членения текста и *вид издания, его функционально-целевое назначение*.

Например, справочные издания или издания, которыми будут пользоваться для справок (инструктивно-производственные), требуют частых рубрик — так легче навести справку. Поэтому такие издания, даже небольшого объема, лучше расчленить на частые рубрики.

В качестве отрицательного примера можно привести брошюру В. Н. Баскакова «Справочно-библиографические источники в собраниях Пушкинского дома» (Л.: Наука, 1987. 48 с.). Автор не разбил текст на рубрики потому, видимо, что и объем брошюры невелик, и основная цель ее чисто просветительская, а не справочная. Однако если бы автор и редактор не забыли при этом о вероятности поиска читателем сведений об одном из справочно-библиографических источни-

ков Пушкинского дома, они хотя бы выделили графически (курсивом или полужирным) названия рассматриваемых источников в том месте текста, где приводится их характеристика. Это позволило бы поместить в брошюре небольшой указатель содержания и тем упростить читателю выборочное чтение (даже при таком небольшом объеме оно вполне возможно, а значит, следовало позаботиться об экономии времени читателя). Членение текста этой брошюры предложенным выше способом не увеличило бы ее объем, но сделало издание более удобным для читателя.

Другой отрицательный пример — издание Л. М. Добровольского «Запрещенная книга в России, 1825—1904. Архивно-библиографические разыскания» (М.: Изд-во Всесоюз. кн. палаты, 1962. 253 с.). Ее основной текст — описания уничтоженных книг и краткая история их запрета и уничтожения. Эти описания занимают свыше 200 с. Ни один заголовок их не разделяет. Есть, правда, алфавитный указатель книг. Но читатель, который захотел бы узнать, какие книги были, например, запрещены в 1861 г. или в 1860-е гг., вынужден был бы долго листать книгу, чтобы по выходным данным в библиографических описаниях найти искомую книгу или книги. Думающий о читателе издатель-редактор разбил бы основной текст заголовками-датами, которые позволили бы поместить в книге оглавление такого примерно вида:

1820-е годы	30—31 (№ 1—3)
1830-е годы	31—34 (№ 4—7)
1840-е годы	35—45 (№ 8—20)

и т.д.

Тогда поиск записей за год или одно из десятилетий был бы мгновенным.

Еще один пример — фрагмент текста из технической книги «Ремонт электроподвижного состава железных дорог. Посobie мастеру депо» (М.: Транспорт, 1988):

§ 18. Пересылка электроподвижного состава

Электровозы, электропоезда и электросекции, направляемые на другие дороги в порядке регулировки и пополнения парка, а также перемещаемые внутри дороги или следующие на заводы для ремонта и обратно в депо приписки, если маршрут их следования проходит по непрерывным электрифици-

рованным путем с напряжением в контактной сети, соответствующим рабочему напряжению, как правило, разрешается отправлять в действующем состоянии с поездом или резервом. Во всех остальных случаях разрешается осуществлять пересылку э.п.с. в недействующем состоянии.

Общие требования. Локомотивы, электропоезда и электросекции, пересылаемые в недействующем состоянии, по своему техническому состоянию должны обеспечить полную безопасность движения поездов в соответствии с ПТЭ.

Запрещается пересылать локомотивы, электропоезда и электросекции с прокатом бандажей, износом гребней и другими частями механической части, размеры которых в пути следования могут превысить предельно допускаемые нормы.

Все снятые части локомотивов, электропоездов и электросекций и другие предметы, перевозимые на недействующих локомотивах, для предотвращения их подвижности, возможности выхода за габарит подвижного состава или падения на путь должны быть укреплены. Для предупреждения коррозии все неработающие части машин и аппаратов должны быть смазаны техническим вазелином.

Техническое обслуживание (ТО-2) пересылаемых локомотивов, электропоездов и электросекций с постановкой на смотровые канавы производят слесари комплексных бригад с участием проводников. Затрата времени составляет не более 1 ч на локомотив или электросекцию.

Неисправности, возникшие в пути следования, которые не могут быть устранены силами проводников, ликвидируются на ближайших пунктах технического обслуживания или в депо.

Локомотивы, электропоезда и электросекции, отправляемые из депо дорог в недействующем состоянии на ТР-3 и КР-1, КР-2, должны быть осмотрены комиссией в составе начальника или заместителя начальника депо (председатель), приемщика локомотивов (а при его отсутствии мастера депо), помощника ревизора по безопасности движения на отделении дороги и проводников.

Обнаруженные дефекты, препятствующие безопасному следованию, должны быть устранены, после чего комиссия составляет в трех экземплярах акт формы ТУ-25. Одновременно комиссия составляет в двух экземплярах инвентарную опись наличия на отправляемом локомотиве, электровозе, электросекции запасных частей, инструмента, инвентаря и сигнальных принадлежностей. Первые экземпляры акта и описи остаются в депо или на заводе, вторые вручаются проводнику под расписку, а третий экземпляр используется для заявки станции на отправление недействующего локомотива.

При сдаче локомотива, электропоезда, электросекции в пункте назначения проверяют их состояние и наличие инструмента и инвентаря, запасных

частей и сигнальных принадлежностей в соответствии с описью, составленной в пункте их отправления. При обнаружении повреждений, происшедших в пути следования по вине проводника, а также установлении фактов расхищения деталей и запасных частей составляют соответствующий акт, который высылается в пункт их отправки.

Администрация депо или завода, отправившая локомотив, электропоезд, электросекцию, обязана по возвращении сопровождающего проводника проверить документы, удостоверяющие сдачу подвижного состава в пункте назначения, после чего оформить командировочное удостоверение.

Перед отправкой электровоза или электропоезда в недействующем состоянии необходимо:

- резервуары управления и резервуары токоприемников перекрыть и запломбировать;

- разъединители главные, вспомогательных цепей, отключатели двигателей выключить, а ножи и захваты смазать техническим вазелином;

- предохранители аккумуляторной батареи снять и хранить в кабине машиниста;

- вентиляционные отверстия тяговых двигателей в зимнее время закрыть снегозащитными кожухами согласно утвержденным чертежам и заклеить мешковиной или закрыть деревянными пробками, щетки тяговых двигателей снять и оставить в депо (при пересылке в ТР-3, КР-1, КР-2). При пересылке по неравномерности движения в пределах плеч обслуживания щетки не снимать. При пересылке з.п.с. с заводов и с одной дороги на другую щетки тяговых двигателей снять, промаркировать и уложить в специальные ящики в кабине машиниста;

- закрепить токоприемники, закрыть и запереть жалюзи, люки, двери, окна и лестницы подъема на крышу;

- заправить смазкой кожухи тяговой зубчатой передачи;

- осмотреть и заправить смазкой моторно-осевые и буксовые подшипники;

- в холодное время года все пенные огнетушители упаковать в деревянные ящики и в вертикальном положении установить в отапливаемой кабине.

Даже при беглом просмотре этого фрагмента можно заметить, что текст не структурирован, и читателю — мастеру депо из-за этого трудно будет находить нужную норму или рекомендацию. Их необходимо выискивать в относительно большом массиве текста. Иное дело текст системно структурированный, с заголовками, помогающими быстро наводить нужную справку.

Понимавший это редактор предложил автору такой вариант того же фрагмента текста.

§ 18. Пересылка электроподвижного состава (э.п.с.)

ПЕРЕСЫЛКА В ДЕЙСТВУЮЩЕМ СОСТОЯНИИ

Выполняется при маршруте следования по электрифицированном путях с напряжением в контактной сети, соответствующим рабочему напряжению.

ПЕРЕСЫЛКА В НЕДЕЙСТВУЮЩЕМ СОСТОЯНИИ

Выполняется, когда невозможна пересылка э. п. с. (локомотивы, электропоезда, электросекции) в действующем состоянии.

Требования техники безопасности. Техническое состояние, обеспечивающее полную безопасность движения поездов в соответствии с ПТЭ.

Запрещается: пересылать э.п.с. с прокатом бандажей, износом гребней, с элементами механической части, размеры которых могут превысить предельно допускаемые нормы, с незакрепленными частями и другими предметами, которые могут выйти за габарит подвижного состава или упасть на путь.

ТО-2 э.п.с. перед пересылкой.

Состав бригады. Слесари комплексных бригад с участием проводников.

Операции ТО-2:

- все неработающие части машин и аппаратов смазать во избежание коррозии техническим вазелином;

- резервуары управления и токоприемники перекрыть и запломбировать;
- разъединители главные, вспомогательных цепей, отключатели двигателей выключить;

- предохранители аккумуляторной батареи снять и хранить в кабине машиниста;

- вентиляционные отверстия тяговых двигателей в зимнее время закрыть снегозащитными кожухами согласно утвержденным чертежам и заклеить мешковиной или закрыть деревянными пробками;

- щетки тяговых двигателей снять и оставить в депо (при пересылке в ТР-3, КР-1, КР-2), а при пересылке э.п.с. с заводов и с одной дороги на другую снять, промаркировать и уложить в специальные ящики в кабине машиниста; при пересылке по неравномерности движения в пределах плеч обслуживания щетки не снимать;

- токоприемники закрепить;
- жалюзи, люки, двери, окна и лестницы на крышу закрыть и запретить;
- кожухи тяговой зубчатой передачи заправить смазкой;
- моторно-осевые и буксовые подшипники осмотреть и заправить смазкой;
- пенные огнетушители в холодное время года упаковать в деревянные ящики и в вертикальном положении установить в отапливаемой кабине.

Норма времени. Не более 1 ч на алектровоз или секцию.

Осмотр э.п.с. комиссией при отсылке на ТР-3, КР-1, КР-2.

Состав комиссии: начальник или заместитель начальника депо (председатель), приемщик локомотивов (а при его отсутствии мастер депо), помощник ревизора по безопасности движения на отделении дороги, проводники.

Составление акта формы ТУ-23 и инвентарной описи. Акт (в трех экземплярах) составляется после устранения всех отмеченных комиссией недостатков.

Инвентарная опись (в двух экземплярах) включает наличные на э.п.с. запасные части, инструменты и сигнальные принадлежности.

Первые экземпляры акта и описи остаются в депо, вторые вручаются проводнику, третий экземпляр акта используется для заявки на станцию об отправлении э.п.с.

Устранение неисправностей в пути.

Если это не под силу проводнику, то выполняется на ближайших пунктах технического обслуживания или в депо.

Сдача и прием в пункте назначения.

Проверяется техническое состояние э.п.с. и наличие предметов по инвентарной описи. При повреждениях, полученных в пути, и отсутствии предметов по описи об этом составляется акт, высылаемый в пункт отправки.

В переработанном фрагменте текста находить нужную норму и инструкцию, как действовать, намного проще именно благодаря системному структурированию текста и членению его на мелкие рубрики с заголовками. Конечно, такую переработку должен делать автор, а не редактор. Для этого желательно такое требование к тексту подобного издания включать в особые условия договора.

В учебных изданиях объем рубрик ограничен возможностями учащегося — объемом той порции материала, которую он в состоянии воспринять и усвоить за одно чтение. Кроме того, эксперименты П. И. Зинченко показали, что планы, составленные учащимися, у которых была цель запомнить материал, оказались более детализированными, чем планы учащихся, у которых такой цели не было, и число пунктов в первых планах увеличивалось с ростом трудности текста. А раз так, значит, деление текста на рубрики в таких изданиях не должно быть редким. В этом случае издание будет удовлетворять по своей форме условиям и целям работы читателя с ним.

В то же время при делении текста учебника на слишком маленькие рубрики (например, в долю страницы) может быть утрачена целостность материала, предназначенного для изучения и запоминания. При отсутствии же целостности понять, а значит, и запомнить текст подраздела куда сложнее. В программе — тема, в учебнике — глава, такова естественная, как полагают дидактики, разбивка учебника на главы.

В любых изданиях нельзя не считаться с таким третьим фактором, как *подготовка читателя и степень трудности текста для него*. Чем подготовка слабее и текст труднее, тем предпочтительнее более дробная рубрикация.

10.3. Абзацы и перечни

Абзац — фрагмент текста, обозначенный обычно пробелом в его начале (абзацным отступом) и в последней строке (концевым пробелом) — можно рассматривать как своеобразный вид рубрики без заголовка. Каждый абзацный отступ сигнализирует читателю о переходе к тексту на новую микротему или к тексту другого лица в диалоге. Поэтому разбивка текста на абзацы продолжает, в сущности, тему членения текста на рубрики.

Объединяя ряд мыслей (предложений или фраз) в одно целое, абзац в то же время графически выделяет это целое в некую самостоятельную рубрикационную единицу.

Текст делится автором на абзацы в известной мере произвольно. Автор может по желанию сокращать и увеличивать число абзацев. Он связан лишь одним неперменным условием — у текста каждого абзаца должна быть единая тема, абзацный отступ должен обозначать начало новой мысли или новой группы тесно связанных мыслей. Следить за соблюдением этого условия автором — задача редактора. Практически она означает, что редактор при чтении (по его ходу, если выработан навык проверки поабзацного членения, или отдельно, если навык еще не выработан) при переходе к новому абзацу контролирует, действительно ли он начинает новую мысль, новую тему, а завершив его чтение, проверяет, не объединяет ли он мысли, недостаточно связанные, на разные темы. При нарушении этих требований редактор просит

автора изменить поабзацное членение текста, чтобы не усложнять работу читателя.

Однако было бы неверно ограничивать действия редактора только такой проверкой. Когда абзацы слишком велики, отсутствие пауз при чтении затрудняет читателю понимание текста тем больше, чем сложнее содержание. Поэтому, если автор забывает членить текст на абзацы, редактору в интересах читателя желательно обратить внимание автора на это и посоветовать ему разбить непропорционально большие абзацы на несколько меньших.

Конечно, если для такого членения текста на абзацы у автора были обоснованные причины, тогда настаивать на разбивке абзаца не следует.

С другой стороны, слишком частые паузы, когда чуть ли не каждое предложение — абзац, ничуть не лучше. Читателю приходится прерывать чтение, когда в этом нет необходимости, мысленно объединять в тематическое целое тесно связанные, но разъединенные по абзацам мысли, т.е. проделывать дополнительную работу, от которой его мог избавить автор с помощью, если нужно, редактора.

Н. С. Валгина в учебном пособии «Теория текста» (М., 2003) справедливо называет нерасчлененность официального или инструктивного текста на абзацы одной из причин его неясности и снижения доходчивости. Она же формулирует основные причины абзацного членения:

- «1) новизна информации, новая микротема;
- 2) важность информации в рамках данного текста;
- 3) эмоциональное выделение детали;
- 4) невозможность дальнейшего представления информации без нарушения смысла и логичности (в результате линейной несовместимости фраз)» (с. 64).

К этим причинам следовало бы добавить фактор необходимости паузы при чтении для лучшего восприятия и понимания текста, а также выделение детали не только эмоциональное, но и любое другое — например, для лучшего запоминания, как в абзацах-перечнях.

Абзацы-перечни нередко нумеруют или обозначают буквами, чтобы лучше выделить каждый пункт перечня и облегчить понимание и запоминание сложного целого.

Каждый абзац абзаца-перечня представляет собой по сути дела под-абзац (абзац 2-й ступени) большого абзаца. Номера (литеры) абзацев 2-й ступени объединяют их в одно целое.

Так как в научном и деловом тексте абзацы-перечни встречаются порой часто, авторы не всегда удерживаются от соблазна выделять их номерами (буквами) и нумеруют чуть ли не каждое перечисление текстовых элементов. Между тем большое число нумерованных рядов, наслаиваясь один на другой, усложняет, а не упрощает чтение. К тому же номера (буквы) при частом употреблении теряют в значительной мере свою выделительную силу. В таких случаях лучше нумеровать только наиболее важные абзацы-перечни, вовсе не обозначая элементы второстепенных и третьестепенных перечней или обозначая такие элементы другим графическим знаком (тильдой ~, кружком, ромбиком и т.п.), усиливающим разграничение элементов перечня.

Нумеровать желательно элементы тех абзацев-перечней, которые читателю надо запомнить и желательно в том самом порядке, что и в тексте издания.

Иногда абзацы-перечни представляют собой очень сложное целое с внутренней иерархией нумерованных (литерованных) рядов. Принято выражать соподчиненность таких рядов следующим образом (в общем случае):

I. Первый ряд абзацев.

А. Второй ряд абзацев внутри каждого обозначенного римской цифрой абзаца или некоторых из них.

1. Третий ряд абзацев внутри каждого обозначенного прописной буквой ряда или некоторых из них:

а) четвертый ряд абзацев внутри каждого обозначенного арабской цифрой или некоторых из них.

II. Первый ряд абзацев

и т.д.

Как видно из примера, чтобы лучше различать каждый ряд, цифры перемежаются буквами. Для пунктуационного оформления характерно, что, как правило, точка после цифры или литеры соответствует точке в конце абзаца, закрывающей скобке — точка с запятой.

Перечни разной значимости могут встретиться в тексте позрнъ. Но и в этом случае лучше самые значительные (из

больших по объему абзацев) обозначать римскими цифрами с точкой, самые мелкие и небольшие по объему — строчными буквами с закрывающей скобкой и т.д.

10.4. Рабочее оглавление

Анализировать и оценивать рубрикацию, как и композицию, легче всего по рабочему оглавлению. В нем заголовки одной значимости пишутся от одной, «своей» вертикали. Вертикаль каждой меньшей по значимости группы заголовков начинается отступом вправо от вертикали предшествующей старшей группы.

Технически это делается так. На листе бумаги проводят несколько вертикальных линий сверху донизу с отступом 1,5—2 см одна от другой и выписывают из оригинала произведения все без исключения заголовки, каждый — от своей вертикали.

Выписывать необходимо и заголовки в подбор с текстом, и заголовки — внутритекстовые выделения (скрытые в тексте). Заголовки этих ступеней также могут нарушать соподчиненность рубрикаций — без рабочего оглавления за этим не уследишь.

Вертикали, как правило, нумеруют слева направо римскими или арабскими цифрами. Каждую вертикаль в издательской практике называли *ступенями*. Все заголовки наибольшей значимости (выписанные от первой вертикальной линейки, с номером 1) получают наименование заголовков 1-й ступени, заголовки, следующие по значимости (выписанные от второй вертикальной линейки с номером 2) — 2-й ступени и т.д.

Иногда вместо нумерации вертикальных линеек (ступеней) вертикаль 1-й ступени обозначают одинарной линейкой, вертикаль 2-й ступени — двойной линейкой, вертикаль 3-й ступени — тройной линейкой. Используют на практике и разноцветные линейки.

Но эти приемы уступают описанному первым. Обозначать числом линеек заголовки сверх 3-й ступени непрактично потому, что пересчет числа линеек сложен сам по себе. И в разноцветных линейках не запутаешься, только если у рубрикации не больше двух-трех ступеней.

Нумерация вертикальных линеек — самый простой, надежный и потому рекомендуемый способ техники составления рабочего оглавления.

Если рабочее оглавление не умещается на одной странице, то на каждой следующей странице нужно вычерчивать все вертикальные линейки, как и на первой, чтобы сразу было видно при переходе со страницы на страницу, какой ступени заголовки выписаны на последующих страницах рабочего оглавления.

В качестве примера на с. 193 воспроизведен фрагмент рабочего оглавления настоящей книги (он относится к началу главы 13 «Анализ и оценка языка и стиля» — первым трем ее параграфам).

Номера страниц оригинала в этом фрагменте рабочего оглавления указаны условные, только для того, чтобы показать, что они нужны: без них не сопоставишь рубрики по объему, что иногда немаловажно для оценки композиции и рубрикации.

Как видно из примера фрагмента рабочего оглавления, оно дает наглядное представление о системе заголовков (и соответственно рубрик), легко обобщаемую картину рубрикации, благодаря чему упрощает анализ рубрикации под разными углами зрения.

Следует порекомендовать для внесистемных заголовков (например, частей не основного текста, а частей аппарата) проводить отдельные, специальные вертикали, не приравнивая их к какой-либо ступени заголовков основного текста. Эти заголовки, как заголовки вспомогательного текста, следует оформлять по-иному. Отсюда необходимость и специальной вертикали для них, как сигнала для оформителя об ином их оформлении (см. об этом в подразделе 10.8, с. 216). Можно, например, проводить линейку другого цвета между линейками ступеней системных заголовков, поскольку они по значимости уступают главным, системным заголовкам: ведь внесистемные заголовки — это заголовки вспомогательного, а не основного текста.

Рабочее оглавление, по которому редактор анализирует и оценивает композицию и рубрикацию произведения, можно назвать *редакционным*. Его представляет автор вместе с оригиналом, если издательство позаботилось вставить такое условие в договор, в чем есть смысл хотя бы потому, что ав-

Фрагмент рабочего оглавления настоящей книги

5	1	2	3	4	5	6
	Часть	вторая	Методика и техника	редактирования и правки текста	113	
			Глава	13. Анализ и оценка языка и стиля	256	
			13.1.	Основные методические требования к анализу	256	
				Первое требование...	256	
				Второе требование...	259	
				Третье требование...	263	
				Четвертое требование...	264	
				Пятое требование...	265	
			13.2.	Приемы, помогающие устранить распространенные ошибки – нарушения норм грамматической стилистики	266	
			13.2.1.	Соотнесение между собой грамматически связанных слов для устранения ошибок согласования и управления	266	
				Соотнесение членов предложения, требующих согласования	266	
				Соотнесение управляющего слова с каждым из управляемых	267	
				Соотнесение каждого из нескольких управляющих слов со словом, ими управляемым	268	
				Выделение отыменных предлогов, не полностью утративших значения слов, от которых они образованы (типа <i>благодаря</i> , <i>за счет</i>)	269	
				Семантизация синтаксических связей в сложных фразах	271	
			13.2.2.	Замена местоимения словами, им замещаемым	273	
			13.2.3.	Выделение и связывание одинаковых, однокоренных и противостоящих по смыслу слов	274	
6	1	2	3	4	5	6
			13.3.	Приемы выявления стилистических ошибок, влекущих за собой смысловую неясность текста	276	
			13.3.1.	Приемы выявления ошибочной смысловой связи	276	
				Соотнесение слова <i>который</i> придаточного определительного со всеми соотносимыми словами в главном предложении	277	
				Соотнесение причастия со всеми соотносимыми словами предшествующего текста	279	
				Соотнесение по смыслу вводного оборота с тем словом в предложении, которое этим оборотом поясняется	280	
				Соотнесение сложных однородных членов предложения с общим словом	281	
				Соотнесение предлога со всеми словами, которыми он формально управляет	282	
				Соотнесение по смыслу грамматически связанных слов	283	
			13.3.2.	Приемы выявления ошибочного логического ударения	287	
				Выделение слов, логически акцентированных своим местом в предложении	287	
				Соотнесение логически акцентирующих слов со словами, которые они акцентируют	290	

тор благодаря необходимости составить рабочее оглавление может по нему увидеть свои композиционные и рубрикационные промахи и устранить их еще до представления оригинала в издательство.

Если же авторское рабочее оглавление отсутствует, его составляет редактор, причем именно с этого ему лучше всего начинать работу над оригиналом, поскольку первым, как уже указывалось выше, целесообразно анализировать композицию произведения, а делать это лучше с помощью рабочего оглавления.

Следует предупредить о довольно распространенной ошибке, допускаемой при составлении рабочего оглавления. Переходя к выписыванию заголовков следующей ступени, нередко механически относят их к следующей по номеру, хотя они могут на самом деле относиться к ступени через номер или два номера. Если взглянуть на рабочее оглавление главы 13 настоящей книги (см. выше), так могло бы случиться, если бы, выписывая заголовки подраздела 13.1 (*Первое требование*, *Второе требование*), отнесли бы их не к 6-й ступени, а механически к 4-й ступени, следующей после заголовка 13.1, относящегося к 3-й ступени. На самом же деле эти заголовки по значимости относятся к 6-й ступени, последней в рубрикации книги.

Исправленное, уточненное редактором рабочее оглавление, которое вместе с оригиналом передается художественному и техническому редакторам для разметки оформления заголовков в соответствии с их значимостью, ступенью рубрикации. Его можно назвать *исполнительным*, или *оформительским* рабочим оглавлением.

Редакционное — это первоначальное рабочее оглавление, оформительское (исполнительное) — окончательное, исправленное после редакторского анализа и оценки композиции и рубрикации.

10.5. Число ступеней рубрик

Точно определить, каким должно быть число ступеней рубрик в рубрикации каждого произведения, конечно, невозможно. Однако уметь установить, в каких случаях число ступеней находится в соответствии с характером произведе-

ния (издания) и с подготовкой читателя, а в каких это соответствие нарушено, редактор обязан.

Одно из основных положений, которым можно руководствоваться:

Чем больше ступеней в рубрикации, тем сложнее разбираться в связях и взаимозависимости рубрик.

С другой стороны, при одной ступени в большом по объему тексте может быть слишком много заголовков, и охватить их все и тем более запомнить (вспомним волшебное число СЕМЬ) будет сложно.

Чтобы облегчить в таких случаях восприятие, понимание и запоминание сложного большого по объему текста, группы заголовков низшей ступени объединяют старшими заголовками, т.е. несколько параграфов объединяют в главу, затем следующие несколько параграфов в другую главу и т.д. При большом числе глав их объединяют по группам в разделы.

Стоит запомнить разделы, а затем в первом разделе его главы, во втором — его главы и т.д., и структурная картина текста будет складываться в более или менее цельную картину в голове читателя именно благодаря двуступенной рубрикации.

То же самое по отношению к главам и параграфам.

Общий вывод может быть таким:

Чем слабее подготовка читателя, тем желательнее менее развитая рубрификация, из одной-двух ступеней.

И наоборот: **чем более подготовлен читатель, тем более возможно увеличение числа ступеней рубрик, если это требуется для лучшей передачи взаимосвязей и взаимозависимости рубрик текста.**

Автор, который хочет сделать свое даже сложное произведение доступным не только специалистам, но и широкому кругу читателей, старается применять не более двух ступеней рубрикации.

Читатель, еще не обладающий большим опытом работы над книгой, нуждается, естественно, в рубрикации из малого числа ступеней, простой и легко понятной. Именно поэтому в школьных учебниках для первых — третьих классов рубрификация главным образом двуступенная (главы и параграфы). Немного ступеней рубрикации и в изданиях научно-попу-

лярной литературы, в большинстве случаев рассчитанных на широкий круг читателей, в том числе и малоподготовленных.

Если читатель хорошо подготовлен, решает дело *содержание произведения*. Чем более широкий и многообразный круг вопросов охватывает автор, чем сложнее отношения между ними, тем больше оснований для многоступенной рубрикации, дающей возможность соблюсти правило непрерывности деления и передать взаимосвязи смысловых частей произведения.

В связи с тем, что число ступеней рубрик может оказаться не соответствующим характеру произведения и подготовке читателя, редактору надо владеть приемами уменьшения числа ступеней рубрик или его увеличения, чтобы при необходимости предложить их автору.

Приемы сокращения числа ступеней рубрик. В книжной практике известны два таких приема.

Первый прием. Снять объединяющую рубрику, поставив ее у каждой подрубрики. Вот элементарный пример из учебника арифметики для 2-го класса:

Сложение и вычитание в пределах 100 (без перехода через десяток)

Сложение и вычитание в пределах 100 (с переходом через десяток)

Двуступенная рубрикация выглядела бы так:

Сложение и вычитание в пределах 100

Без перехода через десяток

С переходом через десяток

Но поскольку ученики 2-го класса вряд ли различат значимость заголовков разных ступеней, авторы справедливо отказались от второй ступени, но сохранили дробность членения. Для этого они поставили объединяющий заголовок у каждого подчиненного.

То же самое сделал Ф.Энгельс в «Анти-Дюринге». Вместо двух ступеней рубрик такого вида:

IX. МОРАЛЬ И ПРАВО

а. Вечные истины

б. Равенство

в. Свобода и необходимость

X. ДИАЛЕКТИКА

а. Количество и качество

б. Отрицание отрицания и т.д.

Энгельс предпочел одноступенную рубрикацию:

- IX. МОРАЛЬ И ПРАВО. Вечные истины
- IX. МОРАЛЬ И ПРАВО. Равенство
- IX. МОРАЛЬ И ПРАВО. Свобода и необходимость
- X. ДИАЛЕКТИКА. Количество и качество
- X. ДИАЛЕКТИКА. Отрицание отрицания

Прием тот же самый — подстановка объединяющего заголовка к каждому подчиненному. Вместо глав и параграфов только главы или только параграфы. Дополнительное преимущество такой рубрикации — читателю не нужно разыскивать старший заголовок, чтобы связать воедино тему и подтему: они стоят рядом.

Второй прием. Полностью отказаться от объединяющих рубрик или от рубрик подчиненных.

Например, такой прием можно применить при следующей рубрикации:

- А. Ручной набор
- Б. Механизированный набор
 - Глава 1. Строкоотливной набор
 - Глава 2. Буквоотливной набор
 - Глава 3. Крупнокегельный набор

Превратив раздел А в главу и сняв объединяющий заголовок, редактор обратил двуступенную рубрикацию в одноступенную:

- Глава 1. Ручной набор
- Глава 2. Строкоотливной набор
- Глава 3. Буквоотливной набор
- Глава 4. Крупнокегельный набор

Естественно, что такой прием доступен лишь в том случае, когда объединяющий заголовок не так важен для читателя.

Затруднения при снятии объединяющих рубрик может вызвать вводный текст к нескольким подразделам. Например, в приведенном примере раздел *Б. Механизированный набор* начинался вводным текстом перед главой 1 ко всем трем главам раздела Б. Куда же поместить этот текст, коль скоро заголовок, после которого он шел, снят? В главу «Ручной набор»? Но ведь текст о наборе механизированном. В главу

«Строкоотливной набор»? Но ведь текст относится и к главам о буквоотливном и крупнокегельном наборе.

Оба решения возможны, если их словесно оправдать. Например, можно закончить главу о ручном наборе характеристикой недостатков этого вида набора, рассказать о настойчивых попытках его механизировать, завершившихся изобретением всех механизированных видов набора, которым посвящены следующие главы. Можно начать главу о строкоотливном наборе словами о том, что это один из видов механизированного набора, показав место строкоотливного набора среди других видов механизированного набора, которым посвящены следующие главы.

Отказ от подчиненных заголовков и рубрик применяется реже, так как разъединенный заголовками материал надо связать органичными переходами в единую стройную композицию, а сделать это, как правило, нелегко. Например, в рубрикации текста о видах набора в принципе можно изменить рубрикацию так:

Глава 1. Ручной набор

Глава 2. Механизированный набор

Но этому препятствуют несоразмерность глав 1 и 2 по объему и усложнение восприятия текста главы 2 из-за его нерасчлененности.

Приемы увеличения числа ступеней рубрик. Известны два таких приема, обратных приемам сокращения числа ступеней рубрик, описанных выше.

Первый прием. Объединяют ряд рубрик дополнительным заголовком старшей ступени. Прием используют, когда рубрик одной ступени слишком много и ориентироваться в них трудно.

Например, в первоначальном варианте авторского оригинала рубрикация раздела о вспомогательных указателях выглядела так:

Классификация

Что отличает конкретный указатель от другого

От чего зависит выбор вида указателя

Предметный указатель

Тематический указатель

Именной указатель

Указатели названий
 Указатели нетекстовых элементов книги
 Указатели выделяемых элементов книги
 Однообъектный указатель
 Двух- и многообъектный указатель
 Алфавитный указатель
 Систематический указатель
 Хронологический указатель
 Нумерационный указатель
 Дополненный указатель
 Аналитический указатель
 Аннотированный указатель
 Комментированный указатель
 Формальный указатель
 Содержательный указатель
 Всеохватный указатель
 Неполноохватный указатель
 Подробный указатель
 Обобщенный указатель

Разобраться, почему эти параграфы следуют один за другим именно в таком, а не ином порядке, очень трудно, так же трудно, как и запомнить все эти виды (их число намного превышает волшебное число СЕМЬ).

Объединив их группы дополнительными старшими заголовками, автор лучше ориентирует читателей в видах указателей, а именно:

ВИДЫ УКАЗАТЕЛЕЙ

Классификация указателей

Что отличает конкретный указатель от других

ВЫБОР ВИДА УКАЗАТЕЛЯ ПО ОБЪЕКТУ ПОИСКА

Предметный указатель

Тематический указатель

Именной указатель

Указатель названий

Указатель нетекстовых элементов текста

Указатель выделяемых элементов текста

ВЫБОР ВИДА УКАЗАТЕЛЯ ПО ЧИСЛУ ОБЪЕКТОВ ПОИСКА

Однообъектный указатель

Двух- и многообъектный указатель

ВЫБОР ВИДА УКАЗАТЕЛЯ ПО ПРИНЦИПУ РАСПОЛОЖЕНИЯ РУБРИК

- Алфавитный указатель
- Систематический указатель
- Хронологический указатель
- Нумерационный указатель

ВЫБОР ВИДА УКАЗАТЕЛЯ ПО СОСТАВУ И СТРУКТУРЕ РУБРИК

- Дополненный указатель
- Аналитический указатель
- Аннотированный указатель
- Комментированный указатель

ВЫБОР ВИДА УКАЗАТЕЛЯ ПО СПОСОБУ АНАЛИЗА ТЕКСТА

- Формальный указатель
- Содержательный указатель

ВЫБОР ВИДА УКАЗАТЕЛЯ ПО СТЕПЕНИ ОХВАТА МАТЕРИАЛА КНИГИ

- Всеохватный указатель
- Неполноохватный указатель

ВЫБОР ВИДА УКАЗАТЕЛЯ ПО СТЕПЕНИ ДЕТАЛИЗАЦИИ ОБЪЕКТОВ ПОИСКА

- Подробный указатель
- Обобщенный указатель

Сопоставляя оба варианта рубрикации главы о видах указателей, мы видим, что 2-й вариант делает ясной систему, в которой всдется изложение, в то время как по 1-му варианту это понять трудно, и даже тот, кто хорошо разбирается в указателях, сможет понять эту систему далеко не сразу. Еще труднее запомнить по 1-му варианту виды указателей. Их более двадцати. Запомнить же по группам 2-го варианта намного легче. Групп-то всего семь! В приведенном примере необходимость развить рубрикацию, увеличить число ступеней рубрик вызвана сложностью самого материала.

Второй прием. Озаглавливают части не расчлененного на рубрики текста, вводя новую, низшую ступень рубрик. Скрыто такие рубрики в тексте присутствуют, но не выделены заголовками. А это бывает необходимо, когда помогает усваивать текст (из-за его большого объема), или запоминать его, или наводить по нему справки. В примере рубрикации текста о видах набора это, в частности, понадобилось, если бы глава о механизированных видах набора разрослась по объему. Тогда бы ее целесообразно было разбить на рубрики: *Строкоотливной набор; Буквоотливной набор; Крупнокегельный набор.*

10.6. Классификация рубрик и их заголовков

Классификация рубрик и их заголовков значима не сама по себе, а лишь как тот инструмент в руках автора и издателя, который помогает наилучшим образом организовать чтение, улучшить условия восприятия, понимания и запоминания текста.

Классификация рубрик и особенно их заголовков достаточно развита, и досконально знать ее редактору необходимо для анализа и оценки того, насколько хорошо автор использовал ее возможности.

Рубрики произведения имеют *родовые названия*. Вот они (по нисходящей значимости):

Том → Книга → Часть → Раздел → Подраздел → Глава → Параграф → Подпараграф

Том и книга могут меняться местами, т.е. книга (произведение) может быть издана в нескольких томах, а не том — в нескольких книгах.

Свои названия имеют и заголовки рубрик, различающиеся *расположением на полосе и по отношению к тексту*, этим выражающие значимость рубрик, а именно:

Шмуцтитул

(заголовок на лицевой странице книжного листа без основного текста; например, заголовки частей 1-й и 2-й в настоящей книге)

Шапка

(заголовок вверху начальной полосы, отделенный от текста пробелом, т.н. спуском; например, заголовки глав в настоящей книге)

Заголовок на спуске

(в середине спускового пробела начальной спусковой полосы)

Начальный заголовок в разрез текста

(первый заголовок из тех, что разрезают текст, расположенный, в отличие от трех предыдущих видов, непосредственно над текстом; например, заголовок подраздела 10.1 настоящей главы)

Рядовой заголовок в разрез текста

(каждый из заголовков, разрезающих текст, кроме начального заголовка той же значимости; например, каждый заголовок подразделов настоящей главы, кроме первого — 10.1)

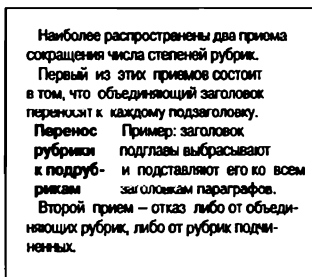
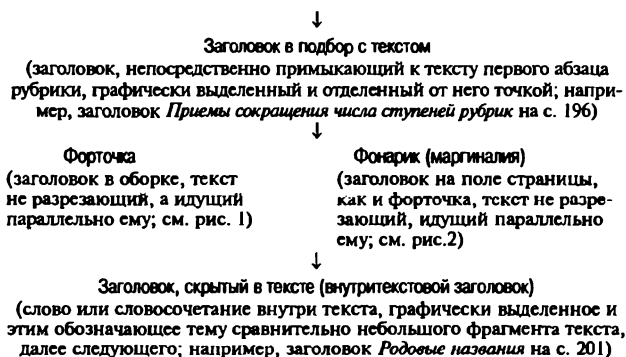

Рис. 1. Форточка

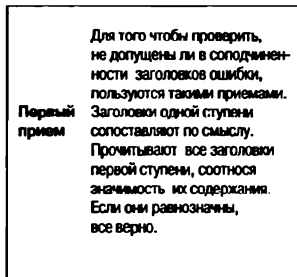

Рис. 2. Фонарик

Среди видов заголовков по расположению на полосе можно выделить две группы по характеру взаимодействия с текстом:

- первая группа — *прерывающие текст*;
- вторая — *параллельные тексту*, его не прерывающие (форточка, фонарик, скрытый в тексте заголовок).

Различаются заголовки и *по степени содержательности*. По этому признаку выделяют следующие их виды:

1. Тематические заголовки (словесно выражают тему, содержание рубрики, событие в ее тексте).
2. Родовые заголовки (*том, книга, часть, раздел, глава*) (выражают только значимость рубрики).

3. Нумерационные заголовки (из одной цифры, порядкового номера рубрики в ряду однозначных).

4. Литерные заголовки (заголовки-буквы в алфавитно построенных изданиях или их частях).

5. Смешанные заголовки (комбинированные из первых четырех видов: *родо-нумерационно-тематические*: Глава 10. Рубрикация; *родо-литерные*: Раздел А; *родо-литерно-тематические*: Раздел А. Элементы текста; *родо-нумерационные*: Глава 1; *нумерационно-тематические*: 5. Таблицы; *литерно-тематические*: Б. Примечания).

6. Графические заголовки (изображение или знак, поставленные в начале и конце рубрики и обозначающие ее начало и конец; может изобразительно выражать тему, содержание, событие в тексте рубрики: *заставка*; *концовка*; *виньетка*; *кончик* — короткая линейка или часть бордюра; *астериск* — три звездочки в ряд или в виде треугольника острием вверх).

7. Немые заголовки (пробелом обозначающие начало и конец рубрики: *пробельная строка*, *спусковой пробел*, *концевой пробел*).

У тематических заголовков два подвида: а) *индивидуальные* (обозначают тему только своей рубрикой); б) *типовые* (обозначают рубрики одинакового назначения и характера: *Введение*, *Заключение* и т.п.).

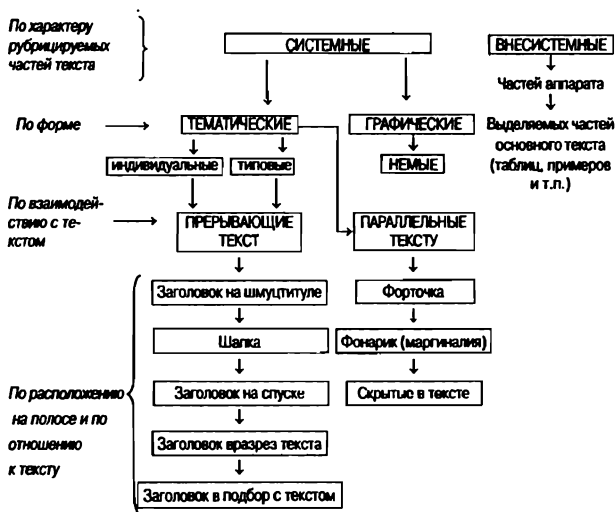
Первые пять видов могут различаться также оформительски, т.е. быть набранными: а) крупнее или мельче (различаться кеглем — высотой букв); б) шрифтами, разными по рисунку (различаться шрифтовой гарнитурой); в) шрифтами, разными по начертанию — *постановке очка*: прямой, *курсив*, *наклонный* шрифт; по *насыщенности очка*, отличного от нормального светлого: *полужирный*, *жирный*; по *плотности*, или ширине, *очка*, отличного от нормального по ширине: узкий, широкий.

Все заголовки могут различаться и нумерационно: заголовки, одинаково пронумерованные или обозначенные одинаковыми по рисунку и характеру буквами

По отношению к видам текста, которые заголовки обозначают, заголовки, как и рубрики, делятся на две группы: 1) *системные* (относятся к основному тексту произведения); 2) *внесистемные*, которые невозможно соотнести по значимости с системными рубриками: одна их группа относится к вспомогательному тексту: заголовки аппаратных частей — вступительных статей, предисловий, послесловий и т.д., дру-

гая группа — это заголовки специфических элементов основного текста: таблиц, примеров и т.п., которые композицию основного текста не выражают, а лишь отделяют от него части специфического назначения.

Все разнообразие перечисленных видов можно свести в единую классификационную схему:

10.7. Проверка соподчиненности рубрик и деления рубрик на подрубрики

Нарушения соподчиненности выражаются главным образом в том, что в один ряд ставят рубрики разной значимости, неправомерно относят их к одной ступени рубрикации, и в разные ряды — рубрики равной значимости, относят их к разным ступеням рубрикации.

И то и другое недопустимо, так как запутывает истинные смысловые взаимоотношения и связи.

Методика проверки соподчиненности рубрик. Проверяют соподчиненность рубрик по рабочему оглавлению прочитанного оригинала:

1. Сначала прочитывают заголовки 1-й ступени (например, глав), соотнося значимость каждой рубрики по ее заголовку. Они должны исключать друг друга, ни один не должен входить в другой по содержанию.

2. Затем читают заголовки 2-й ступени, подчиненные первому заголовку 1-й ступени (заголовки параграфов первой главы):

а) сопоставляя по значимости каждый заголовок параграфа с заголовком своей, первой главы и проверяя, входит ли он в его объем, подчиняется ли ему по смыслу;

б) сопоставляя заголовок каждого параграфа с другими заголовками той же ступени (заголовками других параграфов первой главы) и проверяя, исключают ли они друг друга — не входит ли какой-либо из них в содержание другого.

3. Повторяют все действия по п. 2 с заголовками 2-й ступени, подчиненными второму заголовку 1-й ступени (заголовками параграфов второй главы). И так по всем главам и их параграфам.

4. Читают заголовки 3-й ступени (подпараграфов), проделывая те же операции, что и в п. 2 и 3 (сопоставляя подпараграфы каждого параграфа между собой и с параграфом, в который они входят).

И так до последнего заголовка рабочего оглавления.

5. Еще одна необходимая операция — сопоставление заголовков одной ступени (например, параграфов) не только внутри своей главы, но и со всеми заголовками той же ступени других глав, чтобы не оказалось, что в разных главах они стоят на разных ступенях, хотя являются равнозначными.

Проверим эту методику по рабочему оглавлению раздела «Ножевые фальцевальные машины» (из книги о фальцевальных машинах), воспроизведенному на с. 209.

Для тех, кто незнаком с технологией полиграфического производства, поясняем: фальц — это сгиб. Фальцевальные машины сгибают отпечатанный лист в книжную тетрадь из 8, 16 или 32 страниц.

Ниже помещен детальный разбор рубрикации раздела по приведенному рабочему оглавлению. Читателю, вероятно, скучно будет читать весь этот разбор, но без этого нельзя овладеть методикой анализа и оценки рубрикации по рабочему оглавлению. Так что стоит набраться терпения для медленного, а не обычного по темпу чтения.

Заголовок раздела единственный в этом фрагменте рабочего оглавления всей книги. Это нормально, так как есть еще равнозначный раздел «Кассетные фальцевальные машины».

Ненормально другое. Текст раздела расчленен на две рубрики. Первая была бы оправдана, если бы в разделе описывались другие ножевые фальцмашины, но этого нет: весь раздел посвящен одной машине. Получается, что первый заголовок 2-й ступени покрывает то же содержание, что и заголовок 1-й ступени.

Как выйти из положения?

Первый вариант: сузить название раздела — заменить заголовок *Ножевые фальцевальные машины* (содержание раздела не оправдывается таким заголовком) более узким *Ножевая фальцевальная машина БФА-2*.

Второй вариант: объединить заголовок раздела с заголовком первого подраздела *Ножевые фальцевальные машины (на примере машины БФА-2)*.

Сопоставляя два заголовка 2-й ступени между собой, мы не можем не заключить, что второй раздел по содержанию входит в 1-й, так как в нем тоже речь идет о той же машине БФА-2, что и в первом разделе. Соподчиненность явно нарушена. Почему? И что делать, чтобы устранить этот недостаток?

При внимательном анализе рабочего оглавления нельзя не прийти к выводу, что второй раздел равнозначен не первому разделу (он его часть), а первому подразделу 3-й ступени *Описание конструкции машины*. И если раздел *Наладка и регулировка фальцевальной машины БФА-2* сделать вторым подразделом раздела *Ножевая фальцевальная машина БФА-2*, то в соподчиненности будет наведен порядок: сначала описывается конструкция машины, а затем ее наладка и регулировка. Обе темы примерно равны по значимости. Заголовок *Наладка и регулировка фальцевальной машины БФА-2* был в книге неправомерно поставлен на вторую ступень, что нарушило смысловую соподчиненность. Соответственно все подчинен-

ные заголовки также должны быть сдвинуты на следующую ступень (4-ю).

Сопоставляя заголовки 4-й ступени внутри первого заголовка 3-й ступени, редактор не мог не задать автору вопрос: «Как же так, почему внутри общей рубрики с заголовком *Ножевая фальцевальная машина БФА-2* рядом с *Самонакладом* появилась как бы еще одна фальцевальная машина? Либо машина БФА-2 состоит из самонаклада и второй части, где происходит собственно фальцевание, либо надо признать, что самонаклад — самостоятельный механизм, который в состав фальцевальной машины БФА-2 не входит? Если признать первое, тогда надо для второго подраздела найти более точный заголовок, например *Фальцевальное устройство*. Если признать второе, тогда надо ввести в 3-ю ступень заголовок: *Конструкция самонаклада*.

Автор предпочтет, вероятно, первое предложение редактора.

Спускаясь дальше по ступеням рубрикации, редактор обратит внимание на заголовок *Электрооборудование*. «Получается, — подумал он, — что у фальцевального устройства электрооборудование (привод) есть, а у самонаклада — нет. Как же он работает?» А если у обоих устройств одно электрооборудование, то описание его не должно входить в состав описания только фальцевального устройства, тем более что в содержание его входит и привод. Это третий самостоятельный подраздел описания конструкции: 1) *Самонаклад*; 2) *Фальцевальное устройство*; 3) *Электрооборудование*.

Внутри подраздела *Наладка и регулировка* обращает на себя внимание лишь одна особенность, требующая корректировки. При передвижке заголовка этого подраздела в 3-ю ступень подчиненные ему заголовки мы передвинем в 4-ю ступень. И все было бы хорошо, если бы не получалось, что внутри первого подраздела аналогичные по значимости заголовки (части механизмов самонаклада и фальцевального устройства) стоят на 5-й ступени, и их нужно уравнивать с подчиненными заголовками второго подраздела. Это нетрудно сделать, если заголовки первого раздела передвинуть на 4-ю ступень и ввести объединяющие заголовки 3-й ступени: *Наладка машины БФА-2 по формату* и *Регулировка машины БФА-2*, а все другие заголовки сдвинуть на 4-ю ступень.

Продолжая спуск по ступеням рабочего оглавления, редактор доходит до заголовков, стоящих рядом на соседних ступенях: *Регулировка фальцевальных валиков* и *Неполадки при работе на машине БФА-2...* Явный абсурд: второй заголовок, относящийся к работе на машине в целом, подчинен заголовку, относящемуся к одной из частных регулировок. Если передвинуть этот второй заголовок на вторую ступень, сделать его равнозначным другим заголовкам этой ступени, относящимся к машине в целом, соподчиненность будет приведена в соответствие со здравым смыслом.

Итак, в результате анализа и оценки рабочего оглавления нельзя не признать ущербность рубрикации в выпущенной книге. Если бы редактор проанализировал рубрикацию в оригинале, он бы, несомненно, в соответствии с аналогичным разбором исправил бы ее следующим образом (см. исправленный редактором вариант на с. 209 внизу).

Теперь рубрикация правильно передает соподчиненность рубрик и помогает читателю, а не запутывает его.

К сожалению, немало книг выходят с неверной соподчиненностью рубрик.

Например, в книге И. Паперно «Николай Чернышевский: человек эпохи реализма» (М., 1996) на одной ступени стоят заголовки разной значимости (все они набраны шрифтом одного кегля и начертания):

«Что делать?» 148

Снятие противоречий 148

Двойники 157

Двойной счет 160

Иллюзии и реальность 163

Новое Евангелие 166

Катехизис русского атеизма 169

Богословская основа романа «Что делать?» 174

Четвертый сон Веры Павловны. Царство Небесное 177

Евангельские таинства в позитивном ключе 180

Для того чтобы понять, что все заголовки после первого есть заголовки параграфов главы, посвященной роману «Что делать?», не нужно углубляться в содержание этих параграфов. Об этот достаточно красноречиво говорят сами заголовки *Богословская основа романа «Что делать?»* и *Четвертый сон Веры Павловны. Царство Небесное*. Ясно, что здесь заголовки главы и заголовки параграфов неправомерно поставлены оформителем на одну ступень. Видимо, потому, что ему не дали рабочее оглавление, а оформлял он заголовки, не вдумываясь в смысл. Это, конечно, брак в издательской работе. Но неточностей в соподчиненности заголовков в со-

**Рабочее отглавление раздела «Ножевые фальцевальные машины»
по авторскому оригиналу**

1	2	3	4	5
1	НОЖЕВЫЕ ФАЛЬЦЕВАЛЬНЫЕ МАШИНЫ			
	Ножевая фальцевальная машина БФА-2			
	Описание конструкции машины			
	Самонаклад			
	Выпускающий аппарат			
	Механизм расчесов			
	Механизм прожима			
	Механизм подачи бумаги			
	Фальцевальная машина			
	Механизм резиновых роликов			
	Транспортеры листов			
	Механизм ровнения			
	Фальцевальный аппарат			
	Приемные устройства			
	Привод			
	Электрооборудование			
	Наладка и регулировка фальцевальной машины БФА-2			
	Наладка самонаклада по формату			
	Наладка фальцмашины по формату			
	Регулировка механизма подачи листов			
	Регулировка механизма расчесов			
	Регулировка механизма прожима			
	Регулировка выводных резиновых роликов			
	Регулировка механизма ровнения			
	Регулировка фальцножей			
	Регулировка фальцевальных валиков			
	Неполадки при работе на машине БФА-2, их причины и способы их устранения			

Исправленный редактором вариант рабочего отглавления того же раздела

1	2	3	4	5
1	НОЖЕВЫЕ ФАЛЬЦЕВАЛЬНЫЕ МАШИНЫ (на примере машины БФА-2)			
	Конструкция машины БФА-2			
	Самонаклад			
	Выпускающий аппарат			
				
	Фальцевальное устройство			
	Механизм резиновых валиков			
				
	Электрооборудование			
	Наладка и регулировка фальцевальной машины БФА-2			
	Наладка машины БФА-2 по формату			
	Наладка самонаклада			
	Наладка фальцевального устройства			
	Регулировка машины БФА-2			
	Механизм подачи листов			
				
	Неполадки при работе на машине БФА-2, их причины и способы устранения			

временных книгах встречается немало, что свидетельствует об отсутствии контроля за соподчиненностью и неверной постановке работы в издательствах.

Методика проверки деления рубрики на подрубрики. Это правило можно сформулировать примерно так:

Текст рубрики нельзя делить менее чем на две подрубрики.

Так что если в рубрике только одна подрубрика, это ошибка, которую надлежит исправить. Не должна глава состоять из одного параграфа, раздел — из одной главы, часть — из одного раздела. При делении целого на составные единицы всегда должны получаться по крайней мере две единицы. Иначе это не деление.

Однако на практике такого рода ложное деление встречается не так уж редко, причем в двух видах:

1. Младшая, подчиненная рубрика полностью покрывает содержание старшей.

Пример — небольшая книга Г. В. Колшанского «Паралингвистика» (М. Наука, 1974). Она открывается заголовком-шапкой *Языкознание и паралингвистика*. Он полностью дублирует заглавие брошюры. Второго равного ему по значимости заголовка в брошюре нет. Таким образом, у текста оказываются два заголовка: один — заглавие на титульном листе и обложке, другой — заголовок-шапка на первой странице текста.

Такого же рода ошибку допустили автор и редактор книги «Фальцевальные машины». В этом мы убедились, разбирая рабочее оглавление раздела о ножевых фальцевальных машинах, где заголовок подраздела *Ножевая фальцевальная машина БФА-2* полностью дублировал заголовок раздела *Ножевые фальцевальные машины*. Там же было показано, как эту ошибку устранить. Средство простое — снять один из дублирующих заголовков.

2. Первую часть текста рубрики оставляют не озаглавленной, отделяя от нее заголовком только вторую часть. Тоже получается одна рубрика внутри другой, старшей.

Пример — книга Ю. Н. Давыдова «Критика социально-философских воззрений Франкфуртской школы» (М. Наука, 1977).

На с. 272 этой книги напечатан такой сложный заголовок в пробеле спуска:

Заключение

Научно-техническая революция
и Франкфуртская школа

Значит ли это, что тема *Заключения* — *Научно-техническая революция и Франкфуртская школа*? Судя по тому, что так же оформлены заголовки глав, например:

Глава первая

От «критической теории общества»
к пессимистической философии истории

наше предположение можно считать вполне обоснованным.

Далее, до с. 294 заключения, следует текст без заголовков. На с. 294 текст заключения разделен заголовком *Франкфуртская школа и современная леворадикальная социология*.

Что это значит? Можно предположить, что заключение делится на две части, у каждой из которых своя тема, но озаглавлена лишь вторая часть заключения. Странно только то, что если тема заключения *Научно-техническая революция и Франкфуртская школа*, то как с нею соотносится тема второй части. Связь уловить трудно.

Тогда приходится заключить, что от нашего первоначального предположения о теме заключения надо отказаться и что тематический заголовок, поставленный рядом с типовым заголовком *Заключение*, — это тема не заключения, а первой его части. Видимо, оформитель просто невсрно понял его значимость — поставил его рядом с заголовком *Заключение*, а нужно было разместить его непосредственно перед текстом первой части заключения. Если бы редактор обратил внимание на то, что заключение оказалось поделенным на одну часть, он бы поправил оформителя.

Такого же рода ошибка была допущена в обзоре «Редактирование информационных изданий» Б. Г. Тяпкина (М.: Книга, 1975). Вот как выглядит рабочее оглавление обзора:

Редактирование информационных изданий

Введение

Редактирование информационных изданий и документов

1. Несколько предварительных замечаний
2. Издания библиографической информации
3. Издания реферативной информации
4. Издания экспресс-информации
5. Издания обзорной информации
6. Издания каталожно-справочной информации
7. Издания по научно-технической (технической) и производственной пропаганде

Заключение

Список литературы

Здесь заголовок основного раздела повторяет заглавие всего обзора, более того, он даже шире заглавия, что, конечно, недопустимая ошибка. Практически же, если пренебречь *Введением* и *Заключением*, у текста обзора лишь один заголовок — *Редактирование информационных изданий и документов*, расширенно дублирующий заглавие издания. На самом деле перед этим единственным заголовком идет не озаглавленный текст вступительного характера на тему «Общие основы редактирования». Расхождение между заглавием издания и заголовком основного и неправомерно единственного тематического заголовка обзора объясняется неточностью заглавия. Если сопоставить содержание обзора по его внутренним заголовкам с заглавием, то нетрудно увидеть, что автор рассматривает редактирование не только информационных изданий, но и других изданий органов информации (каталожно-справочных изданий, изданий технической и производственной пропаганды). С учетом всех замечаний рубрикацию обзора следовало изменить хотя бы таким образом:

Редактирование изданий органов информации

Введение

Общие основы редактирования

Особенности редактирования видов информационных изданий

Издавания библиографической информации

Издавания реферативной информации

Издавания экспресс-информации

Издавания обзорной информации

Особенности редактирования других изданий органов информации

Издавания каталожно-справочной информации

Издавания по научно-технической, технической и производственной пропаганде

10.8. Анализ и оценка оформительских средств выражения соподчиненности заголовков

Различную значимость рубрик, различие их заголовков в соответствии с принадлежностью к разным ступеням рубрикации нужно графически очень точно выразить, чтобы читатель сразу знал, рубрику какой ступени он начинает читать. Особенно сложна задача оформителя при многоступенной рубрикации. Читатель может спросить: при чем тут редактор и редактирование, ведь это забота художника книги и художественного или технического редактора? Да, конечно, главную роль тут играет оформитель, но контролировать его решения лучше всего может именно редактор, которому яснее других смысловое различие заголовков по ступеням рубрикации.

Заголовки разных ступеней графически различают *размером (кеглем) шрифта* (чем он больше, тем выше ступень рубрикации) и его *начертанием* (чем шрифт насыщеннее, тем выше ступень рубрикации). Однако возможности этих графических характеристик ограничены. Практически можно использовать не более пяти-шести кеглей (8, 9, 10, 11, 12, 14 п.). Меньшие кегли недопустимы гигиенически, большие — непропорционально велики для полосы средних книжных форматов. Конечно, с внедрением в практику компьютерного набора возможности шрифтовых размерных различий

расширились. Но нужно принять во внимание и то, что различить размеры заголовков, набранных шрифтами близких кеглей, довольно трудно. Вот тут-то и выручает начертание шрифта: набрав заголовки старших рубрик еще и шрифтом полужирного начертания, можно повысить графическую различимость заголовков соседних ступеней рубрикации.

Увеличивает число вариантов набор заголовков прописными и строчными буквами. Однако заголовки, набранные прописными и строчными буквами разных кеглей, плохо сочетаются. Прописной большего кегля оказывается слишком большим, а снизить его кегль мешает то, что начальная прописная буква заголовка, набранного строчным, окажется больше букв заголовка, набранного прописными буквами. В следующем примере трех заголовков хорошо видны все эти особенности

ЗАГОЛОВОК Заголовок ЗАГОЛОВОК

Первый заголовок в примере хорош, но заголовок, набранный строчным более высокого кегля, из-за начальной прописной буквы оказывается графически не менее значимым, чем заголовок, набранный прописным меньшего кегля. Из-за этого порой приходится набирать заголовки всех ступеней одной книги только прописными или только строчными буквами, благодаря чему графическая разница между заголовками разных ступеней не вызывает сомнений. Правда, это возможно при ограниченном числе ступеней.

На этом разговор об анализе и оценке редактором оформительских средств выражения соподчиненности можно было бы завершить, поскольку разбор этих средств явно оказался бы вторжением в чужую область — оформление книги, область творчества художника книги. Мы не будем сопоставлять разные оформительские средства по их художественным качествам. Мы просто отошлем редакторов к подразделу 10.6, где представлены все виды рубрик, которые могут быть использованы при большом числе ступеней рубрик. Это средства и для художника, и для редактора, и для автора.

Редактору важно помнить два основных требования к оформлению рубрикации: во-первых, чтобы заголовки руб-

рик разных ступеней четко различались и читатель мог сразу определить, с рубрикой какой ступени он имеет дело; во-вторых, чтобы выбранные виды рубрик были функционально и экономически целесообразными.

Для лучшего различения заголовков соседних рубрик можно воспользоваться видами заголовков, различающихся по положению на полосе и по отношению к тексту (шмуцтитул, шапка, заголовок на спуске, заголовок в разрез текста, заголовок в подбор с текстом, форточка, фонарик, скрытый в тексте заголовок). Все они позволяют разнообразить различие рубрик разных ступеней по заголовкам.

Шмуцтитулы функционально очень хороши, поскольку резко отделяют новую рубрику от предшествующей, но они неэкономичны, причем тем больше, чем их больше, а также чем больше формат издания и его тираж. При большом числе шмуцтитулов, большом формате издания и тираже снижаются коэффициенты использования площади бумаги и емкости печатного листа, т.е. страдает издательская экономика. Замена шмуцтитулов шапкой, тоже достаточно выразительным заголовком, может сэкономить до одного бумажного листа и в любом случае увеличить оба названных выше коэффициента. Бесспусковая рубрикация (т.е. когда начальные рубрики расположены не на спусковой полосе) экономичнее спусковой, так как повышается коэффициент использования площади бумаги и коэффициент емкости печатного листа (нет спусковых пробелов). Таким образом, при выборе системы рубрикации надо находить компромисс между функциональными и экономическими требованиями.

Единственное, чем стоит дополнить перечень этих видов в подразделе 10.6, так это подвидами некоторых из них, которые в подразделе 10.6 не рассматривались.

Так, у заголовка в разрез текста могут быть несколько разновидностей. Они могут различаться:

1) по размеру отбивки от левого края набора (те, у которых отбивка больше, могут рассматриваться как подчиненные другим, у которых отбивка меньше, хотя это не очень разительное отличие);

2) по отбивкам от предшествующего и последующего текста (обычно такие заголовки отбивают и сверху и снизу, но

иногда отказываются от нижней отбивки для заголовков рубрик следующей, нижней ступени).

Заголовок в подбор с текстом можно набрать полужирным шрифтом (заголовки старшей ступени) и курсивом (заголовки подчиненной ступени). Может быть такой заголовок набран и вразрядку, но какой из заголовков в этом случае старший, а какой подчиненный, определить сложно.

Необходимо также отдельно рассмотреть внесистемные заголовки, так как на практике их часто приравнивают к одной из ступеней системных заголовков. Хорошо если не к 1-й ступени, а то нередко случается, что заголовок *Предисловие* оформляют так же, как заголовки частей основного текста: он идет первым, и только по этой причине его выписывают в рабочем оглавлении от 1-й вертикали, хотя это не соответствует его значимости. В этом отношении он не равен ни частям, ни главам, ни параграфам основного текста. Он относится совсем к иной системе, аппаратной. Соответственно для заголовков элементов этой системы надо найти свой стиль оформления, отличный от стиля оформления заголовков основного текста. На практике оформители внесистемные заголовки набирают светлым шрифтом, если системные заголовки набраны полужирным, или строчными буквами, если системные набраны прописными буквами. Но способ оформления может быть любым, лишь бы не совпадал со способом оформления системных заголовков. Тут руки оформителя связывать нельзя. Единственное условие, которое ему не стоит нарушать, это различие в оформлении системных и внесистемных заголовков. Для этого и рекомендовалось при составлении рабочего оглавления выписывать внесистемные заголовки от специальных вертикалей.

При использовании такого немого заголовка, как пробельная строка, надо иметь в виду, что он может попасть на стык полос, и тогда практически исчезнет для читателя. Поэтому надо просить оформителя найти способ дополнительного обозначения начала текста после немого заголовка. Например, начинать первое слово этого текста с инициала (буквицы) или набирать первое слово прописными буквами. Тогда даже на стыке полос рубрика с немым заголовком не исчезнет.

10.9. Нумерация заголовков и родовые обозначения рубрик

Номера, литеры, родовые обозначения рубрик перед тематической частью заголовка ставят для того, чтобы, во-первых, резко разграничить для читателя рубрики разных ступеней и четко выделить рубрики одной ступени (благодаря этому легче ориентироваться, к какой ступени относится рубрика и ее заголовок, особенно когда по оформлению заголовки близких ступеней недостаточно различимы); во-вторых, упростить и сделать лаконичными ссылки на рубрики внутри текста: можно указывать только номер или родовое обозначение с номером, опуская тематическую часть: (см. подразд. 12, см. гл. 5).

Словесное или условное обозначение рода рубрики (*часть, раздел, глава, §*) необходимо при нумерации только арабскими цифрами нескольких ступеней подряд и при недостаточной графической различимости заголовков соседних ступеней. Родовые обозначения перед заголовками одной из этих ступеней помогут лучше различать заголовки разных ступеней. Кроме того, словесное или условное графическое обозначение рода рубрики упрощает ссылки на рубрики внутри текста, поскольку единое словесное обозначение любой рубрики слово *подраздел* (сокращенно *подразд.*) длинное и неудобопроизносимое.

Соподчиненность цифр, букв (литер), родовых обозначений. Арабские, римские цифры, буквы, числа прописью в сочетании с родовым названием рубрики соподчиняются, как правило, следующим образом:

I

A

1

a)

Таким образом, римские цифры старше прописных букв, прописные буквы старше арабских цифр, арабские цифры старше строчных букв с закрывающей скобкой.

III. Аппарат издания

В. Выходные сведения

18. Назначение, состав выходных сведений и общие требования к ним

а) Назначение и состав выходных сведений

Если необходимо пронумеровать заголовки при большем числе ступеней, используют дополнительно номера прописью в сочетании с родовым обозначением рубрики (*Часть третья; Раздел второй; Глава восьмая* и т.п.).

Родовые обозначения соподчиняются так: *Часть*→*Раздел*→*Глава*→*§*.

Системы нумераций (литераций) заголовков. В книгах используются следующие системы нумерации заголовков:

1. *Сквозная* от первой до последней рубрики во всех ступенях. Например:

КНИГА ПЕРВАЯ	§ 7
ЧАСТЬ ПЕРВАЯ	§ 8
Раздел А	ЧАСТЬ ВТОРАЯ
Глава 1	Раздел Б
§ 1	Глава 4
§ 2	§ 9
§ 3	§ 10
Глава 2	§ 11
§ 4	Глава 5
§ 5	§ 12
§ 6	§ 13
Глава 3	§ 14

Такая система удобна для книг с большим числом ссылок на рубрики внутри текста: всегда можно сослаться только на номер параграфа, в какой бы главе он ни находился.

2. *Поглавная или пораздельная нумерация.* Заголовки в каждой новой главе или другом подразделе нумеруются с первого номера. Таким образом, сквозной нумерация будет только в пределах главы или другого подраздела (например, глав внутри раздела, разделов внутри части и т.п.). Например:

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ	Раздел Б
Раздел А	Глава 1
Глава 1	§ 1
§ 1	§ 2
§ 2	Глава 2
Глава 2	§ 1
§ 1	§ 2

§ 2	ЧАСТЬ ВТОРАЯ
§ 3	Раздел А
Глава 3	Глава 1
§ 1	§ 1
§ 2	§ 2

Как видно из примера, при этой системе заголовки каждой ступени нумеруются только внутри старшей рубрики: заголовок каждого раздела внутри своей части начинается с начальной буквы алфавита (и в *части первой* первым идет *раздел А*, и в *части второй* — *раздел А*), заголовок каждой главы внутри раздела начинается с первого номера (и в *разделе А* первой идет *глава 1*, и в *разделе Б* — *глава 1*); заголовок каждого параграфа внутри любой главы также начинается с первого номера (и в главе 1 первым идет § 1, и в главе 2 — § 1 и т.д.).

Эта система не подходит для изданий с большим числом ссылок на заголовки разных ступеней, так как при ссылке, например, на § 2 главы 1 раздела А части второй сама ссылка оказалась бы сложной и многоступенной:

(см. § 2 гл. 1 разд. А части второй) или
(см. часть вторая, разд. А, гл. 1, § 2).

3. *Сквозная нумерация в сочетании с пораздельной (поглавной).* Сгладить недостаток чисто пораздельной (поглавной) нумерации может смешанная нумерация (литерация), когда одни заголовки, основных рубрик, проходящих через все издание (например, глав), нумеруют насквозь, что упрощает ссылки на них (только на них и делают ссылки). Например:

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ	Раздел Б
Раздел А	Глава 4
Глава 1	§ 1
§ 1	§ 2
§ 2	Глава 5
Глава 2	§ 1
§ 1	§ 2

§ 2	ЧАСТЬ ВТОРАЯ
§ 3	Раздел А
Глава 3	Глава 6
§ 1	§ 1
§ 2	§ 2

Эта система удобна для изданий, где нет ссылок внутри текста на несквозные заголовки. Так, если бы в этом примере рубрикации встречались главы, не разделенные на параграфы, то сквозная нумерация именно глав, а не параграфов была бы наиболее подходящей. Но могло быть и так, что в произведении налицо разделы, не разбитые на главы, но нет ни одной главы, не разделенной на параграфы. Тогда предпочтительной была бы сквозная нумерация параграфов.

4. Индексационная система. При ней перед каждым заголовком всех ступеней, за исключением, может быть, самых старших (частей и разделов) и самых младших (подпараграфов), ставят индекс из номера этого заголовка старшей рубрики (например, главы) и через точку номера заголовков рубрик, которые в эту рубрику входят (параграфы и подпараграфы).

Пример таких индексов — в заголовках внутри глав настоящей книги:

10.2. Дробность рубрикации (10 — номер главы; 2 — номер параграфа в ней).

11.6.7. Приемы, предупреждающие от недостатков ускоренного чтения (11 — номер главы, 6 — номер 6-го параграфа в главе 11; 7 — номер 7-го подпараграфа в параграфе 6).

Достоинства индексационной системы:

1) заголовки соседних ступеней при них не спутаешь, даже если графически они мало различимы; более того, индексы сами по себе могут быть различительным средством даже при одинаковом оформлении заголовков рубрик соседних ступеней;

2) упрощается подготовка оригинала коллективом авторов, так как каждый может нумеровать заголовки своих рубрик независимо от других.

Такую же систему нумерации обычно используют не только для заголовков рубрик, но и для всех нумерационных рядов (таблиц, иллюстраций и т.п.).

Все же это система для подготовленного читателя, и она чаще находит себе применение в научной книге, в учебниках для высшего и среднего специального образования.

Проверка нумерационных рядов. Какая бы система нумерации ни использовалась, редактору надлежит проверить правильность самой нумерации — отсутствие пропусков и повторений номеров. Наиболее удобно это делать при составлении или проверке рабочего оглавления.

10.10. Содержание и словесная форма заголовков рубрик

Чтобы тематический заголовок сыграл ту главную ориентирующую роль, которая ему отводится, он прежде всего должен быть *точным*. Это элементарное, казалось бы, требование на практике нарушается довольно часто.

Иногда заголовок обещает не совсем то, что на самом деле содержится в тексте рубрики. Например, в книге раздел называется «Взаимосвязь описания для каталогов и библиографических указателей», а в тексте преимущественно говорится о различиях двух этих видов описания.

Ясно, что редактор не сопоставлял содержание текста с заголовком по смыслу. А если бы он это делал, то постарался бы сам или попросил автора либо уточнить заголовок, либо дополнить текст описанием той самой взаимосвязи, о которой оповещал заголовок.

Сопоставление заголовка и текста по смыслу должно стать навыком редакторской работы: читая текст, все время мысленно держать в поле зрения заголовок, а закончив читать, подвести итоги — оценить соответствие заголовка и текста. Возврат к заголовку после того, как текст соответствующей рубрики прочитан, также важно сделать навыком редакторского анализа рубрикации.

В книге В. М. Жирмунского «Теория стиха» (Л.: Сов. писатель, 1975) после шмуцтитла *Примечания* следуют такие разделы: *Библиографический список цитируемой литерату-*

ры; Библиографический список цитируемых изданий русской классики; Примечания; Библиографический список трудов В. М. Жирмунского по поэтике и теории стиха. Расхождение резкое и даже странное.

Конечно, большую часть объема раздела с таким шумцитулом действительно занимают примечания, но три списка литературы к примечаниям никак не отнесешь. Ошибка носит главным образом формальный характер, но культуру издания снижает. Старший заголовок должен охватывать все подчиненные ему рубрики и материалы.

Надо было либо расширить заголовок на шумцитуле аппарата издания:

Библиографические списки
Примечания

либо вообще не объединять различные части общим заголовком.

Еще одно требование к тематическим заголовкам — *соответствие их формы цели чтения*.

П. И. Зинченко в книге «Непроизвольное запоминание» выделяет три основные формы заглавий (заголовков): 1) названия темы; 2) тезисы; 3) вопросы.

Ставя перед одной группой студентов-испытуемых задачу с помощью плана запомнить предложенный им текст, а перед другой — лишь разобраться в существе излагаемого в этом тексте материала, П. И. Зинченко сопоставлял и анализировал составленные представителями обеих групп планы.

Оказалось, что в планах, составленных для запоминания текста (мнемических), значительно больше заголовков-тезисов, чем в планах читавших лишь с познавательной целью (познавательных).

Вот как по-разному выглядят планы описательного текста «Курганская область»:

Познавательный план

1. Географическое положение Курганской области
2. Характер поверхности области

Мнемический план

1. Расположение области (Западно-Сибирская низменность)
2. Поверхности области (высота над уровнем моря от 200–207 до 120–150 м)

3. Ее ископаемые богатства	3. Месторождения области (мергели, глина, строительный песок, торф 18 тыс. га)
8. Типы почв	8. Почва (солонцы, солончаки)

И т.д.

Итак, по экспериментальным данным, в тех случаях, когда текст читается для запоминания, в пунктах плана (заголовках) преобладают конкретные положения текста и факты, а не только название темы. Когда же при чтении преследуются чисто познавательные цели, в планах больше заголовков-тем (без краткого обозначения положений и фактов текста).

По-видимому, из этого надо сделать вывод, что в изданиях, текст которых предназначен для запоминания читателем (например, в учебных изданиях), предпочтительны заголовки низших ступеней рубрикации в форме тезисов (с главными конкретными положениями текста и главными анализируемыми фактами). Подобного рода заголовки помогают читателю лучше запомнить текст и дольше удержать его в памяти. Такие заголовки выполняют роль смысловых опорных пунктов. И эта роль тем более значительна, чем они более конкретны и выразительны.

Заголовки-вопросы подходят для тех случаев, когда требуется сделать их возбудителем познавательных интересов читателя, особенно читателя юного (в популярных книгах и учебных изданиях).

Е. И. Перовский в своей работе «Методическое построение и язык учебника для средней школы» (Изв. АПН РСФСР. 1955. Вып. 63), сопоставляя два заголовка параграфа в учебнике («Как управляли народом в Древнем Египте» и «Государственный строй Египта»), справедливо отдает предпочтение не сухой форме назывного предложения, а заголовку-вопросу, поскольку, на его взгляд, школьник с большим интересом прочтет параграф с первым, а не вторым заголовком).

Наряду с такими общими требованиями, как *ясность* и *грамотность* к тематическим заголовкам предъявляются требования максимально возможной *краткости* и *выразительности*. Это качества, которые способны усилить воздействие заголовка на читателя и облегчить его запоминание, а значит, и понимание и запоминание содержания текста.

Именно в силу требования краткости в редакционной практике нашел применение прием сокращения в заголовках низших ступеней слов, которые дублируют слова заголовка старшей ступени. Например, в оригинале книги «Внешнее оформление советской книги»

Заголовки в авторском оригинале до обработки редактором

Исторический очерк оформления внешних элементов книги

Глава 1. Оформление внешних элементов дореволюционной русской книги

Глава 2. Оформление внешних элементов советской книги

Проблемы методики оформления внешних элементов советской книги

Глава 3. Вопросы издательского проектирования элементов внешнего оформления книги

Глава 4. Проблемы образного отражения содержания книги в ее внешнем оформлении

Заголовки в издательском оригинале после обработки редактором

Исторический очерк

Глава 1. Дореволюционная русская книга

Глава 2. Советская книга

Проблемы методики

Глава 3. Издательское проектирование

Глава 4. Образное отражение содержания книги

Выразительность заголовков во втором варианте явно повысилась. Они проще, их легче запомнить, а тему они выражают не менее точно.

Выразительность заголовков нередко снижается из-за однообразия, построения их по одному типу. Редактор выполняет свою миссию, если предостережет от этого автора.

Нетерпимы, естественно, двусмысленные заголовки вроде *Преследования хунты* (то ли хунта преследует, то ли ее преследуют — попробуй разберись).

Глава 11

АНАЛИЗ И ОЦЕНКА ФАКТИЧЕСКОГО МАТЕРИАЛА

Фактический материал произведения — это не только числа, имена, названия, даты, как пороку думают.

Вот автор рекомендует читателю:

Особое внимание обращают на аннотации, по которым судят о содержании заказываемых изданий, их объеме, цене.

В этой фразе нет ни цифр, ни дат, ни фамилий или названий, но она несет читателю информацию, причем неточную. Это станет ясно каждому, кто попытается выяснить: «А можно ли судить о цене и объеме издания по аннотации? Сообщает ли аннотация такие сведения?» В самом деле, эти данные можно найти в библиографическом описании издания, предшествующем аннотации в макете аннотированной каталожной карточки, но не в аннотации.

Факты в произведении печати — это отраженные в сознании автора элементы действительности. Они, как правило, составляют основу содержания произведения и тем самым предопределяют сложность их анализа и оценки редактором.

11.1. Нужно ли редактору оценивать фактический материал?

Вопрос такой возникает обычно у тех, кто видит противоречие между трудоемкой редакторской проверкой точности и достоверности фактического материала и тезисом: *за всё отвечает автор*. Раз отвечает, пусть сам и проверяет. Нужно издателям выбирать авторов добросовестных, ответственных, и все будет в порядке и без редакторской проверки фактического материала.

Доводы эти трудно признать состоятельными.

Во-первых, не исключено, что автор, даже зарекомендовавший себя с самой лучшей стороны, в данном случае изменил себе. И без проверки этого не узнаешь.

Во-вторых, кроме испытанных авторов в издательства стучатся и авторы начинающие. Что же, отказаться от них?

В-третьих, ошибаться свойственно даже великим. Так что лучше помочь автору избежать даже мелких ошибок, подрывающих доверие к нему читателей, чем ради экономии сил и средств отказаться от анализа и оценки фактического материала.

Великие — Лев Толстой, Достоевский, Чехов, Короленко и другие — свидетельствуют в пользу последнего нашего контрдовода. Они были озабочены фактической точностью текста своих произведений и готовы были, не жалея сил, проверять его сами или прибегая к помощи знатоков.

Лев Толстой просит М. Н. Каткова:

В присылаемых теперь главах речь идет [о Петергофе?] и местностях под Петербургом, которые я плохо помню. Я боюсь, что там географические ошибки. Будьте так добры, поправьте, если они есть (1...20 марта 1875 г. // Полн. собр. соч.: в 90 т. Т. 62. С. 160);

сообщает жене:

...я желаю, и мне нужно, прочесть несколько глав исторических Погодину, Соболевскому, Самарину, Щербальскому. Завтра я поеду собирать этих господ (Там же. Т. 83. С. 144);

считает нужным написать П. В. Засодимскому после знакомства с его произведением:

...у новорожденных не бывает голубых глаз (Толстой Л. Н. Переписка: в 2 т. 2-е изд., доп. М., 1978. Т. 2. С. 401).

Ф. М. Достоевский просит редакцию «Русского вестника»:

Покорнейше прошу многоуважаемую редакцию пересмотреть французские фразы в романе [«Бесы»]. Мне кажется, что нет ошибок, но я могу ошибиться. Равно попрошу покорно сверить мой эпиграф из Пушкина с изданием Пушкина. Я припоминал наизусть (Полн. собр. соч. и писем. Письма. Т. 29, кн. 1. С. 140);

сообщает Н. А. Любимову, редактору:

Задерживают разные мелочи, например надо перечитать всё одному бывшему (провинциальному) прокурору, чтоб не случилось какой важной ошибки или абсурда в изложении *Предварительного следствия*, хотя я писал все время, советуясь с этим же прокурором (Там же. Письма. Т. 4. С. 127).

Почему Достоевский был так внимателен к фактической стороне дела, он объяснил сам:

...я вывел неотразимое заключение, что писатель – художественный, кроме поэмы, должен знать до мельчайшей тонкости (исторической и текущей) изображаемую действительность (Там же. Письма: в 4 т. М.: Л., 1939. Т. 3. С. 206).

В. Г. Короленко просит Н. К. Михайловского, редактора журнала:

Покорнейшая просьба обратить внимание на корректуру (не попадетсЯ ли несообразностей, особенно с именем: *Степан* у меня прежде называлсЯ *Василий*) (Короленко В. Г. Письма, 1888–1921. С. 63).

Лев Толстой, получив от Афанасия Фета рукопись стихотворения «В дымке-невидимке...», написал в ответ одобрительное письмо, но с небольшим замечанием:

Стихотворение ваше крошечное прекрасно. Это новое, никогда не увлеченное прежде чувство боли от красоты, выражено прелестно. У вас весной поднимаются поэтические дрожжи, а у меня восприимчивость к поэзии. Одно – не из двух ли разных периодов весны 1) соловей у розы и 2) плачет старый камень, в пруд роняя слезы. Это первая весна – апрель, а то – май конец. Впрочем, это, может быть, придирка (Полн. собр. соч. : в 90 т. Т. 62. С. 26),

Фет в первой же публикации стихотворения исправил замеченную Л. Толстым неточность.

У Фета в рукописи было:

ИстерзалсЯ песней
Соловей у розы.
Плачет старый камень,
В пруд роняя слезы.

Фет напечатал последние две строки:

ИстерзалсЯ песней
Соловей без розы.

И. С. Тургенев в письме к М. М. Стасюлевичу, издателю и редактору «Вестника Европы», благодарит А. Ф. Кони за указание на анахронизм в романе «Новь». Писатель упоминал в нем нелегальную народническую брошюру «Хитрая механика», изданную в 1874 г., хотя действие в романе происходит в 1868—1870 гг. Стасюлевич заменил упоминание этой брошюры другой, аналогичной — «Сказкой о четырех братьях», вышедшей в 1868 г. Тургенев одобряет действие Стасюлевича:

Вы, следовательно, переименовали заглавие «Хитрой механики» — хорошо сделали (Полн. собр. соч. и писем. Письма. Т. 12, кн. 1. С. 49).

Возможно, такое внимание великих писателей к фактическим мелочам, не имеющим заметного значения для художественного результата, покажется чрезмерным педантизмом, но для них важно было не сфальшивить даже в мелочах, ни в чем не обмануть читателя.

И выступая в качестве редакторов или рецензентов, великие писатели были очень придирчивы к фактической точности, непременно указывая на фактические опшибки.

А. С. Пушкин не пропускал без замечаний ни одной фактической неточности в произведениях своих друзей.

Он пишет К. Ф. Рылееву:

Ты напрасно не поправил в Олеге герба России. Древний герб, святой Георгий, не мог находиться на щите язычника Олега; новейший, двуглавый орел, есть герб византийский и принят у нас во время Иоанна III. Не прежде. Летописец просто говорит: Также повеси щит свой на вратах на показание победы (Полн. собр. соч.: в 16 т. Т. 13. С. 175—176);

сообщает А. А. Бестужеву свое нелицеприятное мнение:

Твой Владимир говорит языком немецкой драмы, смотрит на солнце в полночь, etc. (Там же. С. 180).

Фактические неточности в печатных текстах так досажали Пушкину, что он стал думать о необходимости борьбы с этим злом, о чем сообщил брату Льву:

Душа моя, как перевести по-русски *bévués*? — должно бы издавать у нас журнал *Revue des Bévués*. Мы поместили бы там выписки из критик Воейкова. Полудневную денницу Рылеева, его же герб российский на вратах византийс-

ких – (во время Олега, герба российского не было – а двуглавый орел есть герб византийский и значит разделение Империи на Западную и Восточную – у нас же он ничего не значит). Поверишь ли, мой милый, что нельзя прочесть ни одной статьи [из] ваших журналов, чтоб не найти с десяток таких *bévue*s, поговори об этом с нашими... (Там же. С. 54).

А. П. Чехов пишет Киселевой, оценивая ее рассказы «Калоши» и «Кто счастливей?»:

В «Калошах» много ошибок вроде «дом № 49». В Москве нумерация в адресах не существует... Возвращаясь к предыдущему рассказу [«Кто счастливей?»], упомяну, кстати, что Лентовский совсем неуместен. Он вовсе не так популярен в Москве, как у Алексея Сергеевича [Суворина], за что-то любящего его (Полн. собр. соч. и писем. Письма. Т. 1. С. 271);

критикует Н. А. Лейкина:

...у Вас «На охоте» охотники стреляют куропаток в лесу. Куропатки бывают на опушке леса, а в лесу на деревьях никогда (Там же. Письма. Т. 2. С. 127);

не дает спуска начинающему писателю Н. А. Хлопову:

Но вот что совсем не мелочно: где Вы видели церковного *попечителя* Сидоркина? Правда, существуют церковные старосты, или ктитеры, но никакие старосты и попечители, будь они хоть разнанивлятельнейшие купцы, не имеют права и власти переводить дынька с одного места на другое... Это дело архиерейское... Походило бы более на правду, если бы Ваш Иона попросту был переведен из города в деревню за пьянство (...)

В конце рассказа дынька (это очень мило и кстати) поет «Благослови, душе моя, господи, и возрадуется...» Такой молитвы нет. Есть же такая: «Благослови, душе моя, господи и вся внутренняя моя святое его»... (Там же. Письма. Т. 2. С. 200).

Прочитав рукопись Е. М. Шавровой, написал ей:

Попы ни во всенощной, ни в обедне не читают апостола (Там же. Письма. Т. 12. С. 357).

А. Т. Твардовский, редактируя «Новый мир», всегда при­мечал даже мелкие фактические неточности и сообщал о них авторам.

Так, прочитав повесть В. Ф. Пановой «Сережа», он написал ей:

А еще что запомнил из мельчайших неточностей: рожи *сперва* колосится, а потом цветет, а не наоборот, как у Вас; «нарубил кубометр дров» – рубленные

дрова — это хворост, сучья — мелочь, их никто не выкладывает и не считает на кубометры. Ваш мальчик, по-видимому, распилил и поколол, располонил кубометр дров. Но это, конечно, замечания «не свыше сапога» (Собр. соч. : в 6 т. Т. 6. С. 53).

Писателю Б. В. Шинкубе, прочитав его поэму «Скала», А. Т. Твардовский написал:

Говоря о переводе, не могу не отметить некоторые странности. Например, глава называется «Слесарь Яков», но в тексте и набор инструментов, и все, что Яков делает, решительно показывает, что он столяр или плотник, но отнюдь не слесарь. Это нужно будет исправить для отдельного издания. И еще: несколько раз упоминается «наган», а потом — вдруг «два пистолета» из-под монашеской рясы. Но ведь это 905 год, какие же «два пистолета», — т.е. оружие давних времен? (Там же. С. 251).

Так что редактор, чувствующий свою ответственность перед читателем, не станет перекладывать проверку фактической стороны редактируемых произведений на автора, а постарается ему помочь избежать даже мелких ошибок, как это делали великие писатели в роли редактора-рецензента.

Кроме того, фактические ошибки не только подрывают доверие читателя к автору и издателю, но и, главное, мешают последним добиться той цели, которую они ставят перед изданием. А то, что печатные издания выходят с большим числом самых разнообразных фактических ошибок, ни для кого не секрет.

Несколько примеров (а их можно приводить бесконечно).

Автор книги «Николай Крыленко» сообщает читателю, что Вера Засулич убила петербургского градоначальника Трепова, хотя на самом деле он был ею лишь ранен и прожил еще 11 лет.

Е. Полякова в книге «Николай Рерих» (М., 1985) пишет, что Серов и Поленов отказались от звания академика после 9 января 1905 г. Оба же были действительными членами Академии художеств. Академиками называли только действительных членов Российской Академии наук. Поленов же и от звания действительного члена Академии художеств не отказывался.

Насколько опасно возлагать ответственность за достоверность и точность фактов только на автора, демонстрирует,

например, рецензия М.Строганова на кн.: Хечинов Ю. Жизнь и смерть Александра Грибоедова (Новое лит. обозрение. 2004. № 2/66). В рецензии читаем:

Ю.Е.Хечинов пишет: «Грибоедов осуждал казавшиеся ему наивными проекты будущих политических переустройств и тем более способы их достижения.

Он скептически относился к идее вооруженного свержения власти и в одной из бесед с идейным вдохновителем заговорщиков Кондратием Рылеевым иронически заметил:

– Сто поручиков хотят перевернуть Россию?» (с. 131).

Прочитывая Хечинова, рецензент замечает:

Напомню, что сто было прапорщиков, а не поручиков, что фраза эта была произнесена не в Киеве, а на Кавказе, когда туда дошла весть о восстании, что была она сказана не Рылееву и что Рылеев никогда не был идейным вдохновителем южан, как можно неосновательно предположить согласно этому тексту (с. 364).

А ведь читатель книги Хечинова вполне мог всё это принять за чистую монету и запомнить лжефакты как истину.

Особенно же неприятно, когда автор выдает за факты, на которые опираются его выводы, собственные выдумки. Это грубый обман.

Почему же так много фактических ошибок проникает в печатные тексты?

Первая причина. Издательства и редакции целиком доверяют автору и фактическую сторону его текстов не проверяют. Большинство авторов не по злому умыслу, а из-за сложности своего труда полагаются порой на свою память — инструмент весьма несовершенный и ненадежный — или опираются на сомнительные источники. Худший вариант — автор сознательно, в своих неблагоприятных целях, выдает за факты то, что даже к подобиям фактов не отнесешь.

Н. Г. Чернышевский тонко подметил в письме к жене, почему авторы допускают мелкие фактические ошибки:

Он [сын Александр] найдет в этом моем письме к нему, как и во всяком другом, много фактических ошибок. Без них не обойдешься, когда пишешь, не имея под руками большой библиотеки. Память не может удерживать фактических мелочей. Она удерживает общее впечатление от фактов. И того довольно. Место мелочам — не в голове, а в справочных книгах (Полн. собр. соч. : в 16 т. М., 1953. Т. 15. С. 37).

Вторая причина. Анализ и оценка редактором фактического материала поставлены методически неверно. У редакторов не выработаны нужные навыки. Не хватает знаний. Не владеют они приемами проверки точности и достоверности фактов.

11.2. Основные задачи редактора

В редакторском анализе и оценке фактической стороны произведения отчетливо выделяются две части (группы, стороны):

- одна касается существа самих фактов, которые преподносит автор читателю, их новизны, значимости, системности, что и определяет ценность содержания произведения;
- другая сторона связана с точностью, достоверностью, безошибочностью того, что преподносится в качестве фактов, с приемами, которые помогают редактору не прозевать такого рода недостатки.

Непроходимой границы между этими сторонами нет. Недостоверные сообщения, выдаваемые за факты, могут свести на нет всю концепцию автора, если он опирается именно на такие «факты». И все же недостоверность может быть мелкой, на существо содержания почти не влияющей. Но и она нежелательна, так как порождает недоверие читателя к автору и книге.

Эти две стороны и определяют задачи редактора.

Первая задача — оценить, насколько факты, которыми оперирует автор, отвечают основным методологическим требованиям к ним.

Эти требования:

1. Отбирать факты не произвольно (те, что нужны автору, взяты, а те, что мешают, отброшены);
2. Учитывать, что факты в действительности не остаются неизменными, меняются (одни вот-вот исчезнут, другие набирают силу);
3. Не оперировать фактами изолированно от других, с ними связанных.

Выводы автора, не соблюдающего этих требований, будут в лучшем случае ослабленными, в худшем — несостоятельными, лживыми.

Эта задача анализа и оценки связана с первой стороной фактического материала (см. 11.1). Редактор в состоянии выполнить эту задачу (если речь идет о научном труде), только будучи специалистом в той области, которой посвящено произведение. В противном случае он не может и не должен обойтись без помощи специалиста-рецензента или специального научного редактора.

Вторая задача — оценить, насколько факты отвечают той роли, которую они должны играть в каждом данном случае.

Роли эти таковы:

- а) опора, основа для выводов;
- б) чистая информация;
- в) конкретизация общих положений;
- г) иллюстрирование общих положений.

Точно оценить факты безотносительно к их роли невозможно.

Третья задача — оценить достоверность фактического материала.

11.3. Оценка соответствия фактов методологическим требованиям

Эта оценка особенно важна для научных произведений, выдвигающих новые концепции. Но и в произведениях научно-популярной, учебной, производственной литературы не должно быть отклонений от этих требований, иначе читатель может быть введен в заблуждение.

Для анализа и оценки произведения с рассматриваемой точки зрения редактор, естественно, должен обладать специальными знаниями. В противном случае эта задача перекладывается на рецензента, в выборе которого редактору и редакции надо быть очень точным.

К сожалению, когда издательство пренебрегает такой оценкой, читатель узнает о грубых несоответствиях методологическим требованиям из рецензий печатных.

Например, доктор филологических наук Р. М. Фрумкина пишет в рецензии на книгу Н. И. Беззенкина «Философия языка в России» (СПб.: Искусство-СПб, 2001), выпущенную в серии «Территория культуры: философия» (рецензия

напечатана в журнале «Новое лит. обозрение». 2003, № 60, с. 367—368):

Что автор совсем не знает лингвистику как самостоятельную научную дисциплину — ни ее предмет и методы, ни общепринятую терминологию, ни историю лингвистических учений, ни иерархию лингвистических авторитетов, выясняется очень быстро. Вот, например, высказывание, труднопредставимое даже в грамотной студенческой работе: «Современные исследования в области лингвистики подтверждают сделанный К.С.Аксаковым и Н.П.Некрасовым вывод о неразрывной связи языковых форм с формами национальной духовности. В работах А.Вехбицкой, В.В.Колесова, О.Н.Корнилова и других исследователей содержится обширный лингвистический материал, подтверждающий, что русский язык является системой концептов национальной культуры» (с. 124).

Р. М. Фрумкина замечает по этому поводу:

А другие языки?

К тому же я наивно полагала, что с мировидением язык связал еще Вильгельм фон Гумбольдт. Анна Вехбицкая, его последовательница, на материале самых разных языков уже в наши дни показала, как именно в разных языках отражается мировидение говорящих на них народов. Мировидение, в отличие от духовности, нейтральное слово. С точки зрения истории европейской мысли, точнее говоря — с точки зрения *Geistesgeschichte*, славянофилы были такими же романтиками, как Гумбольдт. Их культуротворческая роль в нашей духовной истории несомненна, но зачем приписывать им чужие заслуги?

Какой вклад в русскую лингвистику внес убежденный славянофил профессор Петербургского университета Н.П.Некрасов, я, признаться, не знала, но не узнала и из рецензируемой книги. Однако же при всех обстоятельствах его труд по русскому глаголу, изданный в 1865 г., не мог быть «формалистическим», разве что само слово *формалистический* в данном употреблении имеет некий загадочный, сугубо специальный смысл. Но толкование этого смысла отсутствует, и что здесь и далее имел в виду автор — так и останется неясным. «...»

И уж совсем непонятно, какие эскизы нужно сделать, чтобы представить Фортунатова и Шахматова прямыми последователями славянофилов.

Не будем дальше цитировать рецензию. Для наших целей процитированной части вполне достаточно. Это как раз тот случай, когда рецензия издательству была насуточно необходима, хотя бы потому, что автор, — по всей видимости, философ — взялся писать о языке, пусть философии языка. Но

в своих суждениях о языке он не мог не опираться на данные лингвистики, и можно было предположить (а издательству нужно было предположить), что он, оперируя фактами лингвистики, может допустить неточности. Что и доказала Р.М.Фрумкина. При этом он допускает их не только в силу плохого знания материала лингвистической науки, но и, главное, стремясь доказать ложную идею. Факты, на которые он опирается, подобраны односторонне, без учета всех фактов, которыми располагает наука. Его это устраивало, так как отвечало поставленной им перед собой задаче. Но это искажало истинное положение дел. Издательство, несомненно, допустило брак в работе или, может быть, сознательно пошло на публикацию работы, идеи которой были ему близки, не заботясь об их соответствии действительности.

11.4. Оценка функциональных качеств фактов

Это оценка фактов применительно к той роли, которую они призваны играть в тексте.

Факты, служащие опорой для выводов, должны прежде всего удовлетворять методологическим требованиям, приведенным выше. Только в этом случае они выполняют свою миссию убедительно и честно.

11.4.1. Факты, конкретизирующие общие положения

Если эти факты конкретизируют не выдвинутое общее положение, а имеют к нему очень отдаленное отношение, грош им цена.

Например, автор выдвинул положение о том, что успех и качество научно-исследовательской работы в республиканской библиотеке будут определяться рядом мероприятий и далее приводит их перечень, конкретизируя свое положение.

Первым в ряду стоит такое:

Руководящим документом для всех библиотек станет перспективный координационный план по развитию библиотековедения, теории библиографии и истории библиотечного дела в республике.

Соотнося этот пункт перечня мероприятий с общим положением, редактор не может не спросить: «Разве это мероприятие, определяющее успех и качество научно-исследовательской работы в республиканской библиотеке? Это вообще не мероприятие. Мероприятием была бы разработка такого плана и его реализация. Форма пункта противоречит содержанию. Требуется поправка». Текст будет уточнен благодаря приему соотнесения конкретизирующего общее положение факта с самим этим положением.

Такие несоответствия в тексте не так уж редки. Например, выдвинут тезис, а аргументы доказывают не этот, а совсем другой тезис — известная логическая ошибка, называемая подменой тезиса. Примеры см. в гл. 12.

11.4.2. Иллюстрирующие факты

Основные требования к фактам, привлекаемым ради иллюстрации отвлеченных положений, — яркость, выразительность, наглядность, доступность читателю. Только в этом случае такие факты способны усилить воздействие текста, особенно пропагандистского или популярного. Невыразительность фактического материала всегда ослабляет произведение, снижает силу его воздействия. Замена такого фактического материала другим, отвечающим указанным выше требованиям, способна улучшить произведение.

Непременное требование к иллюстрирующим фактам: они должны иллюстрировать именно то положение, ради которого их приводят. Иначе возникает несоответствие. Наглядный пример такого логического несоответствия:

Главный редактор издательства «Вагриус» А. Костанян считает также, что в связи с увеличением выпуска художественной литературы растет пропорционально и число хороших изданий. Например, его издательство скоро представит объемную энциклопедию «Императрица Мария Федоровна», которая будет существенным вкладом в мировую историческую литературу.

Если бы А. Костанян привел в качестве примера хорошее издание художественной литературы, никаких претензий к тексту не было бы. Он же воспользовался примером энциклопедии исторического характера («существенный вклад в мировую историческую литературу»), т.е. явно неупопад.

11.5. Причины фактических неточностей и недостоверности фактического материала

11.5.1. Фактическая неточность текста

Если произведение содержит фактические неточности, оно может ввести читателя в заблуждение, стать источником его ошибочных действий или неверного, не соответствующего реальности понимания идей.

Поэтому забота о фактической точности и правильности текста — одна из главных в деятельности редактора.

Редактор пропускает фактически неточные утверждения либо потому, что не проверяет, применимы ли они ко всем соотносимым случаям, не ищет противоречащих фактов, либо потому, что считает, как и автор, что читатель и так все поймет правильно.

Например, автор написал:

Переход к рынку означает свободу печати.

Редактор не спросил его: «Как же так? Ведь существуют страны с рыночной экономикой, сохранившие цензуру». Этот вопрос заставил бы автора уточнить свое положение. Вероятно, он имел в виду переход к рынку с одновременной политической демократизацией общества. Именно последняя если не означает, то может предполагать свободу печати.

11.5.2. Недостоверность текста

Как легко проникают в печать грубо ошибочные тексты, демонстрируют приведенные ниже примеры.

В газете «Комсомольская правда» была напечатана заметка об отличной работе «Скорой помощи». В ней содержались такие строки:

Минутная стрелка на больших вокзальных часах не успела пробежать еще и двух кругов, как на пульте оперативного отдела Центральной станции «Скорой помощи» тревожно замигали яркие огоньки. А еще через 45 секунд по Садовому кольцу уже мчалась машина с красным крестом...

Если бы у литературного сотрудника газеты, который был редактором заметки, спросили: «За сколько времени минутная стрелка обегает два круга?» — он бы наверняка возмутился (за первоклассника, что ли, его принимают?).

Но почему же не заметил ошибки, читая заметку?

А можно ли усомниться в том, что редактор записок «Из блокнота натуралиста» в «Известиях» умеет без ошибок считать до двенадцати? И все же он умудрился сбиться со счета именно в этих пределах. Записки начинаются так:

Март в семье своих «двенадцати братьев» самый удивительный месяц...

Вот и получается: то ли месяцев в году тринадцать, то ли март — сам себе брат.

А разве сотрудники «Литературной газеты» не знали, что Ленинград никогда не был захвачен врагом? Тем не менее опубликовали статью с такой фразой:

Вместе с группой советских и американских корреспондентов 30 апреля 1944 года он [Г. Солсбери] посетил выставку, открывшуюся в только что освобожденном Ленинграде.

Автор, вероятно, имел в виду «сразу после прорыва блокады», но получилось не так: словесная неточность повлекла за собой фактическую недостоверность: Ленинград ведь не был занят врагом.

Во всех трех случаях фактическая недостоверность, несоответствие текста действительности — на поверхности. Редактору не требовалось обращаться к энциклопедиям или другим авторитетным изданиям, чтобы обнаружить столь элементарные погрешности. Собственных его познаний было вполне достаточно. Тем не менее он фактических ошибок не заметил. Знал, что не так, а пропустил. Парадокс? Нет, просто, читая, редактор не проверял достоверность написанного, не сопоставлял содержание текста с тем, что ему известно об этом содержании. Больше того. Он, скорее всего, читал, лишь схватывая общий смысл, и не текста, а того, что хотел сказать автор.

Образ не успевшей *обежать* круг стрелки усыпил внимание сотрудника «Комсомольской правды» — безотносительно к словам, из которых он соткан. Образ этот выражает быстротечность события, т.е. как раз то, что нужно. На самом

же деле минутная стрелка вовсе не обегает круг, а движется по нему степенно, не торопясь. Два круга — это два часа, а не две минуты. И, значит, фраза дискредитирует «Скорую помощь», хотя автор искренно хотел ее прославить.

Число *двенадцать* загипнотизировало сотрудников «Известий»: месяцев в году и в самом деле двенадцать. Но март — один из них, и, следовательно, братьев у него *одинадцать*!

А освобожденный Ленинград — кто же не знает, что имеется в виду *прорыв блокады*?

Итак, ошибки в цитированных текстах можно было бы избежать, если бы редакторы, во-первых, читали текст в соответствии с объективным значением составлявших его слов, а во-вторых, поверяли достоверность авторских утверждений известными им фактами.

Примеры наглядно и убедительно демонстрируют: даже в самых простейших случаях, когда факты, казалось бы, не требуют проверки, редактору *нельзя не проверять* их достоверность. Тем более это необходимо в случаях сложных.

Нужно постоянно помнить предостережение Монтеня в его «Опытах»:

Ошибки часто ускользают от нашего взора (кн. 2. М.; Л., 1958. С. 95).

Опасность фактической недостоверности текста подстерегает редактора на каждом шагу.

Один редактор ради опыта сопоставил данные двух путеводителей по Московской области: Памятные места Московской области. 3-е изд. Моск. рабочий, 1960; Подмосковные места. М.: Мысль, 1967. Оказалось, что если, по первому, город Богородск переименован в город Ногинск в 1926 г., то по второму — в 1930-м; наибольшая глубина озера Глубокое соответственно — 36 и 32 метра. Даже надпись, высеченная на одном и том же памятнике в Тарутине, выглядит в тексте этих книг по-разному.

Можно ли усомниться в правдивости И. Долгополова, так описавшего встречу картины Леонардо да Винчи «Портрет дамы с горностаем»:

На одном из вокзалов группа взволнованных людей встречала поезд... К перрону плавно подошел экспресс (Огонек. 1973. № 3. С. 25).

Нет, однако, оснований сомневаться и в правдивости газетной корреспонденции П. Барышева и М. Капустина в «Правде» о том же событии — встрече «Дамы с горностаем»:

Старший сержант милиции Егор Миронов внимательно оглядел наши машины, стоящие у подъезда международного аэропорта Шереметьево... Через каждый километр-два по всему шоссе от Шереметьева до Москвы стояли машины ГАИ. (...) Мы везли «Даму с горностаем»...

Да, нелегко иногда редактору представить, что текст может содержать ошибку. Как же быть? Что делать, чтобы читатель получал текст достоверный, точный?

В последнем случае редактор был обязан проверить источники описаний авторов в том и другом случае (сам ли видел, или пишет со слов очевидцев, или по печатному первоисточнику) и в зависимости от этого решать, насколько источник заслуживает доверия.

Из приведенных и множества других примеров фактических ошибок видно:

- одни ошибки проникают в печать просто потому, что ускользают из поля зрения редактора;

- другие — потому, что редактор не позаботился о том, чтобы узнать, какими источниками пользовался автор;

- третьи — потому, что редактор поленился проверить факты по авторитетным источникам, ограничившись проверкой по источникам ненадежным;

- четвертые — из-за чрезмерного доверия редактора к материалу, который он плохо знает или который по ряду признаков не мог хорошо знать автор.

Значит, надо уметь читать так, чтобы факты не ускользали от редакторского взора, а для этого сделать объектом своих мыслительных действий те элементы текста, в которых ошибки допускаются чаще всего. Это:

- не конкретизированные в тексте положения;
- числа;
- единицы величин;
- даты;
- фамилии, имена;
- названия;
- термины;
- географические сведения;

- решающие для передачи смысла или оттенка смысла слова;
- подписи к иллюстрациям;
- всякого рода ссылки;
- цитаты;
- упоминания о, казалось бы, общеизвестных событиях.

Если редактор будет относиться к этим элементам как к таким, в которых почти наверняка допущена ошибка, то благодаря установке на вероятность ошибки он станет активно искать ее, стараться с разных сторон проверить справедливость авторского утверждения, использовать разные приемы, помогающие вскрывать фактические недочеты текста. Вопросы:

- А так ли это на самом деле?
- А нет ли фактов, противоречащих утверждению автора?
- А совпадает ли сообщение о факте с самим фактом? — редактор, который заботится о фактической достоверности текста, задает постоянно.

Фиксируя и осмысливая дату, или число, или имя и т.д., редактор непроизвольно запоминает их, что позволяет ему сопоставлять повторяющиеся или связанные по смыслу факты, т.е. широко пользоваться одним из самых действенных средств нахождения фактических ошибок.

Сказать, однако, что надо осмысливать факты — значит сказать и слишком общо, и слишком мало. Как их осмысливать, с помощью каких специфических приемов — вот что важнее всего.

Редакционная практика, анализ типичных ошибок позволяют назвать группу приемов осмысления фактов, проверки фактической точности и достоверности текста.

11.6. Приемы проверки фактической точности и достоверности текста

11.6.1. Конкретизация общих положений и уточнение неопределенных

Общие неконкретизированные положения, опирающиеся лишь на часть фактов. Мысленно конкретизируя общее не конкретизированное положение (правило, рекомендацию

и т.п.), подбирая разные случаи его применения, редактор либо убеждается в его справедливости, либо находит в нем погрешности.

Например, автор, не приводя примеров, рекомендует:

Если в таблице имеются повторяющиеся элементы, то их следует выносить в головку таблицы.

Охватывает ли такая рекомендация все случаи? Всегда ли она справедлива? Эти вопросы, требующие конкретизации, естественны для редактора, склонного считать, что в каждой рекомендации автора не исключена ошибка, более того, он наверняка ее допустил.

Прочитав фразу, редактор мысленно представит себе таблицу с повторяющимися элементами. Вот они в графе, например одна и та же единица длины (м, км), которую, конечно же, целесообразно не повторять у каждого числа, а перенести в заголовок графы — головку. А вот та же единица длины у каждого числа в табличной строке. Как быть в этом случае? В головку эту единицу не перенесешь. Ее выносят в заголовок этой строки в боковике таблицы. Но тогда рекомендация как всеобщая сформулирована неточно. Надо исправить одним из двух возможных способов:

1) Если в графе таблицы у каждого или у большинства членов колонки повторяется один и тот же элемент, то его следует выносить в головку таблицы (здесь учтены и другие неточности, которые из экономии места не комментируются).

2) Если в графе или строке таблицы у каждого члена ряда повторяется один и тот же элемент, то его следует вынести в головку (из графы) или в боковик (из строки).

Другой пример:

Если стихи размещаются вподверстку (т.е. на полосу располагается не одно стихотворение)...

Редактор обязан спросить себя: «Значит, вподверстка означает, что на полосу помещается не одно стихотворение? Но ведь стихотворение может целиком занять полосу, может занять несколько полос. Значит, пояснение неточно и его нужно изменить. Как?»

Для размещения стихотворения вподверстку характерно, что, в отличие от верстки каждого стихотворения с новой

полосы, если окончание одного стихотворения не занимает полосу целиком, то начало следующего стихотворения подверстывают к окончанию предыдущего. Так и следовало пояснить:

...(т.е. при наличии места вслед за окончанием на полосе одного стихотворения располагают начало следующего или все его целиком).

Автор написал:

В «Разгроме» Фадеева партизанский отряд пробивается из белогвардейского окружения.

Редактор, прочитав эту фразу, вспоминает сюжет «Разгрома» и мысленно спрашивает: «Как же так, ведь отряд Левинсона окружали и японцы. Значит, окружение не было чисто белогвардейским, и автор допустил небольшую, но неточность. Значит, лучше поправить: хотя бы *из вражеского окружения*».

Итак, суть приема конкретизации — в подыскивании противоречащих утверждению в тексте фактов. Находятся они — автору нужно еще потрудиться над текстом. Нет их — оснований для беспокойства за достоверность выдвинутого автором положения, естественно, меньше.

Владей приемом конкретизации редактор текста с таким положением:

Логичное изложение материала в первичном документе — залог объективности описания предмета исследования,

он бы постарался привести автору пример вполне логичного, но необъективного описания.

Прием конкретизации полезен для выявления *хронологической или количественной неопределенности* в тексте.

Хронологическая неопределенность. В текстах то и дело встречаются расплывчатые, приблизительные указания на время действия (*в настоящее время; недавно; в ближайшее время; в прошлом году; в последнее время* и т.п.). По таким указаниям читатель не может судить, какое время имеет в виду автор. Редактор обычно не может сам их конкретизировать. Но своими вопросами к автору он заставит его конкретизировать подобные указания.

Когда автор в книге пишет: *В прошлом году...* — то редактор не должен пропустить это выражение, не спросив себя, а затем и автора, какой именно год имеется в виду. Между тем временем, когда автор написал фразу с таким указанием времени события, и тем временем, в какое ее читает редактор или в какое будет выпущено издание, может пройти не один год. Не говоря уже о том, что книга также живет не один год, и читатель, открывший ее через несколько лет после года, в который она была написана автором, будет введен в заблуждение этим *прошлым годом*.

Можно ли, например, читателю книги А.Я.Гуревича «История историка» (М., 2004) судить о дате кончины историка С. Д. Сказкина, которую автор указал в такой форме:

Он [С. Д. Сказкин] скончался в апреле этого года на 83-м году... (с. 40).

Редактор обязан был спросить автора: «Какого *этого года?*...» Можно предположить, что это был год, в который А. Я. Гуревич писал или произносил эти строки своей книги. Несмотря на то что в предисловии автор сообщает: «...зимой 1999 года я предложил участникам моего семинара прослушать мои устные мемуары...», это не дает возможности определить, в апреле какого года скончался С. Д. Сказкин. Слушателям семинара это было понятно, а читателю книги в 2004 году и тем более в последующие годы это недоступно. Да и сама дата *зимой 1999 года* расплывчата, поскольку зима — период не одного года, а двух лет: декабря 1999-го и января — февраля 2000 года. Да и нужно ли заставлять читателя проделывать исследовательскую работу — возвращаться к предисловию, если он запомнил, что там автор упомянул дату создания им мемуаров, теряя время, или справляться в справочном издании, когда же скончался С.Д.Сказкин. Ведь можно было попросить автора написать не *в апреле этого года*, а *в апреле 1999 года*... — и всё разрешилось бы очень просто. Правда, энциклопедия сообщает, что С.Д.Сказкин умер в 1973 году. Так что неопределенность даты и необходимость ее уточнить вынудила бы редактора предотвратить фактическую ошибку автора.

Числовая неопределенность. Чаще всего она возникает из-за многозначности предлога *до* перед числом.

Например, в газетном отчете сообщается:

...за прошлый год компания снизила долю краткосрочных долгов в общей структуре долга до 33,7 %, а доля долгосрочных долгов выросла до 30,9 %, или почти в три раза.

Точно понять эти относительные количественные данные довольно трудно. Если доля долгосрочных долгов в общей структуре выросла почти в три раза, а ее рост составил 30,9 %, то доля эта выросла не *до* 30,9 %, а *на* 30,9 %. Поэтому нельзя не спросить: «А доля краткосрочных долгов снизилась *до* или *на* 33,7 %?». Вероятно, все же, что эта доля составляла более 33,7 %, и тогда действительно снизилась до 33,7 %, но, учитывая, что такая путаница в финансово-экономических текстах вовсе не редкость, полностью быть уверенным в верности этого предположения никак нельзя. Впрочем, еще менее вероятно, что доля была снижена втрое. Но зачем, собственно, нам и читателю гадать? Не лучше ли, зная многозначность предлога *до* в таких случаях, изменить текст, сняв количественную неопределенность. Например:

...за прошлый год компания снизила долю краткосрочных долгов, которая составила в общей структуре долга 33,7 %, а доля долгосрочных долгов выросла в три раза, составив в общей структуре 30,9 %.

Трудно понять, каким был относительный количественный рост по такому тексту:

По его словам, прибыль от продаж выросла на 154 %, а чистая прибыль по группе – на 64 % (Время новостей. 2004. 25 июня. С. 8).

Рост + 154 % означает, что если прибыль в предыдущий период была, например, 100 р., то в отчетном году она составила 254 р. (+ 154 %). Так ли это? Возможно. Но если учесть, что авторы нередко путают в подобных случаях рост со 100 до 154 %, т.е. на 54 %, целесообразно просить автора уточнить такие количественные данные.

Еще один вид количественной неопределенности: автор указывает, как изменилось производство продукции в целом, не уточняя, к какой именно величине эти изменения относятся. Например, автор пишет:

20 % мировой книжной продукции составляют издания в мягких обложках.

Редактор ради устранения такой неопределенности обязан спросить у автора: «20 % по тиражу, или по числу изда-

ний, или по листажу? Это ведь всё разные данные». После уточнения читатель получит ясное представление об изменении структуры мировой книжной продукции по внешнему оформлению книг.

11.6.2. Соотнесение фактов

Это один из центральных мыслительных приемов, используемых редактором для лучшего понимания и критического осмысления текста. Он помогает редактору заметить в тексте всякого рода фактические несоответствия.

Собственно говоря, это не один прием, а группа приемов. Соотносят:

- факты в тексте с фактами, хорошо известными редактору;
- одни факты с другими, связанными по смыслу;
- факты повторяемые между собой;
- факты, связанные внутритекстовыми ссылками;
- факты одного ряда с обобщающим словом.

Факты в тексте и факты, хорошо известные редактору. В книге И. Палперно «Семиотика поведения: Николай Чернышевский — человек эпохи реализма» (М., 1996) на с. 69 напечатано:

Замечательное описание этой коллизии встречается в письме к Белинскому поэта и купца А.В.Козлова...

Культурному и грамотному человеку, изучавшему историю русской литературы, известно, что в ней было не так уж много поэтов-купцов. Среди них на первом месте — Алексей Васильевич Кольцов. Известно, что он переписывался с Белинским и что Белинский был редактором его сочинений. Инициалы неизвестного А. В. Козлова подозрительно совпадают с инициалами Кольцова. Не описка ли? Значит, надо проверить по надежному справочному изданию, существовал ли купец-поэт А. В. Козлов. Если нет, значит, налицо опечатка.

В энциклопедическом словаре «Русские писатели, 1800—1900» есть статьи о четырех Козловых. Правда, один из них, Василий Иванович, поэт, журналист, критик, — сын купца. Но он умер в 1825 г. Так что вряд ли переписывался с Белин-

ским, литературная деятельность которого пришлась на более позднее время. А вот письма Белинского к А. В. Кольцову в том же письме критика напечатаны, как и письма А. В. Кольцова к В. Г. Белинскому в сочинениях поэта. Значит, в книге И. Паперно опечатка, и автор имел в виду не А. В. Козлова — А. В. Кольцова. Фамилии близки по составу букв, что, видимо, и послужило причиной опечатки. А выявить опечатку редактор мог бы только благодаря соотнесению встретившейся в тексте фамилии поэта со своими знаниями истории русской литературы и проверке по надежному источнику.

Именно этот прием мог бы спасти от грубой опечатки редакцию журнала «Наш современник», которая в № 12 за 1971 г. напечатала полосный портрет Александра Фадеева с надписью *К 80-летию со дня рождения*. Неплохой способ поздравления с юбилеем, если бы не одно «но». Мало-мальски культурному человеку не может не быть известно из школьного курса литературы, что А. А. Фадеев юношей участвовал в гражданской войне на Дальнем Востоке и события того времени послужили основой его романа «Разгром». Но юноше в начале 20-х годов XX века не могло быть больше 20 лет. А если так, то, значит, Фадеев — ровесник века. А ровеснику века в 1971 году никак не могло исполниться 80 лет. И действительно, в 1971 году Фадеев отмечал 70-летие, а не 80-летие. Плохо поздравили Фадеева журналисты «Нашего современника». А владея они приемом соотнесения возраста писателя с собственными знаниями, избежали бы непростительной ошибки.

Таким образом, не зная, насколько достоверна дата или число, редактор все же может приблизительно оценить их правильность, если при чтении будет соотносить их с другими известными ему датами или числами, в достоверности которых он не сомневается благодаря накопленным ранее знаниям.

Конечно, описанный прием не может и не должен заменить проверку даты, числа, названия по авторитетным источникам. Но он позволяет выделить наиболее сомнительные факты и, самое главное, не дает проскользнуть мимо сознания редактора ни одной фактической детали: каждая становится предметом его сознательных действий.

Иногда редактору, прочитав фрагмент текста с неточными или недостоверными фактическими данными, стоит толь-

ко поразмыслить: «А могут ли они быть в действительности?» — и, сопоставив их с известными ему фактами более общего характера, с которыми проверяемые факты не согласуются, ответить: «Нет, не могут: они противоречат более общим фактам». Как в следующем примере:

Использование этой машины вызовет снижение стоимости рабочей силы на 25 %, а стоимости бумаги — на 52 % благодаря сокращению отходов.

Первый вопрос: «Может ли более совершенная машина снизить стоимость рабочей силы — заработную плату обслуживающего персонала?».

Ответ: «Может, если на ней будет работать персонал более низкой квалификации, чем на прежней машине, или если уменьшится число рабочих. Но в этих обоих случаях снизится, собственно говоря, не стоимость рабочей силы — уменьшатся расходы на нее владельца типографии».

Второй вопрос: «Может ли измениться цена на бумагу из-за того, что в типографии уменьшатся отходы бумаги на более совершенной, чем прежде, машине?»

Ответ: «Нет, не может. Благодаря тому, что уменьшатся отходы бумаги, на печатание тиража издания потребуются меньшее ее количество, из-за чего снизятся затраты на нее».

Третий вопрос: «Неужели новая машина способна снизить затраты на бумагу более чем вдвое? Реально ли число 52 %?»..

Ответ: «Маловероятно. Возможно, автор имел в виду, что отходы сократятся более чем вдвое. Но даст ли такое сокращение отходов снижение затрат более чем вдвое? Сомнительно».

Таким образом, редактор, соотнеся написанное автором со своими знаниями, попросил автора изменить текст так, чтобы в нем не было фактической неточности:

Использование этой машины снизит расходы типографии на оплату персонала на 25 % и уменьшит отходы бумаги на 52 %, что также снизит себестоимость продукции.

Людмила Телень в книге «Поколение Путина: портреты-интервью» (М., 2004), в беседе с Григорием Явлинским заметила:

Не думаю, чтобы у вас и ваших избирателей не было более амбициозных задач. А вы в первый раз стали четвертым, во второй — третьим.

Г. Явлинский в ответ:

И тем не менее мои избиратели значительно повлияли на ситуацию в стране. И то, что у нас окончательно не наступил фашизм, — их заслуга (с. 14).

Из такого ответа логично сделать вывод: Явлинский считает, что в России наступил фашизм, но, благодаря его партии, не окончательно. Вывод противоречит фактам, действительности. Фашистские проявления в России действительно имеют место, но фашизм, к радости всех нормальных людей, не наступил даже частично. Что стоило автору или редактору книги задать Явлинскому вопрос: на основании каких фактов он сделал такое заключение, и он бы наверняка уточнил текст и не стал подставляться таким нелепым образом.

Газета «Советский спорт» когда-то, знакомя читателей с правилами игры в гандбол, сообщила:

Гандбольный [мяч] самый маленький. Причем у женского диаметр — 54–56 см — на 3–4 см меньше мужского.

«Полуметровый диаметр, да это же гигантский мяч, в несколько раз больше футбольного, а не самый маленький», — должен был сказать автору редактор заметки. Но не сделал этого, и газета была вынуждена в следующем номере признаться, что автор заметки спутал окружность мяча с его диаметром и что подлинный диаметр гандбольного мяча 17–18 см.

Неправдоподобным предстает уголок Одессы в журнале «Вокруг света»:

Дюк стоит лицом к морю, и от его ног начинается та самая широкая лестница с двумя тысячами ступеней.

Две тысячи ступеней. Каждая ступень не меньше 25 см. Значит, протяженность лестницы по горизонтали по крайней мере полкилометра, а то и больше. Реально? Вряд ли! А раз так, без справочника не обойтись.

Другой печатный орган убеждает своих читателей:

Не надо обладать большой фантазией, чтобы представить себе на карте [Магаданской] области в 1200 тысяч квадратных метров десятки горняцких поселков, молодых северных городов, заводов и рудников, колхозов и совхозов.

Нет, надо обладать очень большой фантазией. Прикиньте, какая должна быть длина и ширина области, чтобы получилась указанная площадь. Например, $1000 \text{ м} \times 1200 \text{ м} = 1\,200\,000 \text{ м}^2$ (или $1 \times 1,2 \text{ км}$), т.е. именно такая площадь, которая названа журналистом, хотя представить себе, что на такой площади разместилось столько тех населенных пунктов, которые названы в процитированной фразе, довольно трудно. Явная описка. Нужно было написать: *квадратных километров*.

Рекорд, однако, установила газета «Социалистическая индустрия», сообщившая, что территория Народной Республики Бангладеш занимает 140 000 квадратных метров, т.е. примерно $700 \times 200 \text{ (м)}$. И здесь квадратные километры заменены квадратными метрами. На самом деле площадь Бангладеш 144 000 квадратных километров.

Интересно, что прием прикидки массы предмета с одно-временным зрительным представлением описываемого использовал в редакторской практике А. М. Горький. В письме И. Д. Сургучеву он сообщал:

...я только в одном месте позволил себе заменить «доски» — брусьями, ибо тяжесть в 513 пуд. доски не выдержат, даже и половые: прогнутся, дадут концы вверх, колокол встанет криво.

Прикидка реальности размера, массы, возраста — зрительная и путем несложных подсчетов — вполне надежный заслон против грубо недостоверных данных. Редактор, который владеет таким приемом, никогда не пропустит в печать ни приведенных выше ошибок, ни им подобных.

Букет грубых фактических ошибок преподнесло читателю «Независимое военное обозрение» (2004. № 21. С. 8):

В 1965 г. дельфины впервые начали службу в составе лаборатории на американском военно-морском судне «ТАФФИ-2» водоизмещением 200 футов у берегов Калифорнии.

Фут — единица длины, а водоизмещение измеряется единицами массы (обычно тоннами). Даже если допустить опечатку (футы вместо фунтов), то это будет всего 80 кг, или 0,08 тонны, что вызывает большие сомнения в точности такого водоизмещения, подходящего для небольшого катера, а не военно-морского судна. Самое смешное в том, что эти фак-

тические данные вообще не нужны для раскрытия темы. Ведь водоизмещение судна с лабораторией, использовавшей дельфинов для своих целей, никакого отношения к выдающимся способностям дельфинов не имеет, хотя именно эти особенности — основная тема статьи.

Порой из-за того, что редактор не сопоставляет факты в тексте со своими знаниями, в печать проскальзывают абсурдные утверждения. Например:

Появился он на свет во время новогоднего праздника, когда его родители в семейном и дружеском кругу приветствовали первый день рокового 1939 г.

Как мамаша новорожденного могла во время родов встречать в семейном и дружеском кругу Новый год? Это тайна автора, которую вряд ли сумел бы объяснить и редактор. А всему виной то, что он не соотносил написанное с тем, что он, несомненно, хорошо знал.

Благодаря прикидке реальности датировки не проскочат в печать грубо недостоверные даты.

Не повезло в этом отношении В.Г.Белинскому. Вот что писали о нем две центральные газеты:

Из письма Белинского к матери от 21 мая 1883 г. известно, что издатель «Телескопа» Н. И. Надеждин обратился к попечителю Белорусского учебного округа Г. И. Карташевскому, «чтобы он дал мне место учителя в Белоруссии» (Лит. газ. 1968. 21 февр.).

«...Имею желание поступить учителем в одно из уездных училищ Белорусского учебного округа, а ежели не имеется такого места, то хотя в приходском училище, по крайней моей нужде...»

Эти строки написаны 27 апреля 1883 года рукой В.Г.Белинского (Архив рассказывает о Белинском // Известия. 1968. 29 ноября).

Фантастичность даты (1883 г.) сразу бросится в глаза — стоит только чуть-чуть прикинуть ее реальность. Конечно, в 80-х гг. XIX в. Белинского давно не было в живых. Но как же две газеты, будто сговорившись, отнесли время одного события на 50 лет позднее, чем на самом деле? Не источники ли их подвели? Нет, скорее с ними сыграло шутку человеческое зрение. Машинистки, печатающие с небрежно написанной рукописи, наборщики, набирающие текст с не-

ясной, нечеткой машинописи, нередко принимают тройку за восьмерку и наоборот.

Что это так, подтвердил альманах «Прометей» (1967. Т. 3). В нем было напечатано:

В 80-х годах зародилось и русское социал-демократическое движение.

У истоков его стояла марксистская группа «Освобождение труда», созданная в 1833 году в Женеве Г. В. Плехановым.

Ошибка в дате оговорена редакцией на последней странице тома, но ошибка все же проскользнула в печать, и причина ее несомненна: кто-то — машинистка или наборщик — принял восьмерку за тройку, а непрофессиональное, механическое чтение даты, без прикидки ее реальности довершило дело. Да и в число 80-х 1833 год никак не входит. Так что настороженность к годам да и к другим числам с восьмерками и тройками должна быть у редактора двойная.

В одном современном учебном издании о редактировании автор выдвинул требование к редактору быть «непосредственным исполнителем ее [книги] создания и распространения».

Если бы редактор издания попытался представить себе, что может стоять за таким требованием, исходя из того, что ему известно о создании и распространении книги, то такое требование не вошло бы в учебник. Создает книгу автор. Каким же это образом редактор может стать исполнителем ее создания? Только в качестве соавтора, на что автор вряд ли согласится. Распространяет книгу книготорговец. Каким же это образом редактор станет распространителем книги? Встанет вместе с продавцом книжного магазина за прилавком? Нет, видимо, автор учебника не это хотел сказать, а что-то другое.

Иногда эмоции пишущего настолько перехлестывают через край, что текст становится фантастическим, действительности вовсе не отвечающим:

...нельзя не поддаться обаянию его мысли тогда, когда она клокочет в груди, словно вырвавшаяся из кратера лава.

Так охарактеризовал журналист в театральной рецензии игру актера в спектакле. С точки зрения фактической текст вызывает несколько вопросов:

1. Каким образом мысль может klokотать в груди? До сих пор считалось, что орган мысли мозг, а не грудь.

2. Как можно сравнивать клокочущую в груди мысль с лавой, вырвавшейся из кратера: ведь она не вырвалась, а клокочет внутри?

Правда, некоторые специалисты считают, что как раз не-реальность в подобных случаях усиливает эмоциональное воздействие на читателя. Нам же кажется, что вряд ли это оправдывает столь глупые сравнения в приведенной фразе: они могут читателя, скорее, насмешить, чем взволновать.

Как и соотнесение текстовых данных с фактами, хорошо известными редактору, прикидка реальности массы, размера, возраста и т.п. нужна не только для того, чтобы заметить грубые фактические ошибки. Это прежде всего прием осмысления, осознания фактических деталей текста, и применять его полезно в любом возможном случае для того, чтобы подобные детали не ускользнули от контроля редакторского сознания

Факты в тексте, связанные по смыслу

Любое несоответствие между такими фактами — верный признак ошибки. Поэтому соотносить такие факты — прием для редактора обязательный. У опытного редактора такой прием становится автоматическим, превращается в навык.

а) Соотнесение дат, связанных по смыслу

У К. Чуковского в «Мастерстве Некрасова» (М., 1971) читаем:

Аполлон Григорьев в 1885 году повторил в том же «Москвитинине» ту же эстетскую ложь, заявив, что в стихах Некрасова он не видит поэзии и что это стихи «антипоэтические».

Именно с этого времени, т.е. вскоре после смерти Белинского, в журналистике установился критический штамп о Некрасове как о псевдопоэте, поэте-прозаике, как об изменнике традициям Пушкина.

Даже если не помнить или не знать, что Аполлон Григорьев умер в 1864 г., редактора, который владеет приемом соотнесения связанных по смыслу фактов, не мог не насторожить тот факт в тексте, что Аполлон Григорьев повторил свою ложь «вскоре после смерти Белинского», т.е. задолго до 1885 г., ибо каждый учившийся в школе знает, что Белинский умер в середине, а не в конце века. Один факт про-

тиворечит другому. Здесь, видимо, опечатка в дате 1885. Возможно, при наборе две последние цифры поменялись местами, т.е. должно было стоять: *в 1858 году* (эта дата соответствует словам «вскоре после смерти Белинского»). Во всяком случае, несоответствие требовало от редактора проверить дат по справочникам.

б) Соотнесение даты, определяющей возраст, с событием

Редактор, который читал вступительную статью к изданию трех рассказов Брет Гарта «Three stories» (книга для чтения на английском языке в 7-м классе средней школы), явно не владел указанным приемом. И вот что из-за этого получилось. В середине 1-й страницы напечатано:

Франсис Брет Гарт родился в 1836 году в городе Олбани в штате Нью-Йорк в семье школьного учителя.

А в самом низу той же страницы можно прочесть:

В начале 1845 года Брет Гарт отправляется в Калифорнию, где сначала поступает в школу учителем.

Если соотнести эти два факта, то получается, что писатель поступил учителем в школу в возрасте девяти (!) лет (1845—1936).

В сборнике «Книга. Исследования и материалы» (1985. Сб.51) была опубликована статья Б. Казанкова «Библиофил Павел Викентьевич Губар» с подзаголовком «К 100-летию со дня рождения». Редактору и корректору следовало не просто прочитать заголовок, а мысленно отметить: «Губар родился в 1885 году, раз в 1985-м отмечается его 100-летие». И, читая статью, все даты поверять этим непреложным, казалось бы, фактом.

Тогда, читая следующий текст: «Воспроизводимые ниже ответы на анкету... представляют особую ценность, так как это, по-видимому, единственный документ, составленный собственноручно Павлом Викентьевичем: „Губар Павел Викентьевич —крестьянин. Родился 25 января 1895 года...“» — они не могли бы не удивиться: «Но, значит, тогда либо в 1985 году ему исполнилось только 90, а не 100 лет со дня рождения, либо анкета воспроизведена с опечаткой».

Если бы редакторы журнала «Новое время» пользовались этим приемом, они бы избежали малоприятного замечания

критика А. Агеева. Он написал о статье Ю. Жуковского «Вредная свобода» (Новое время. 2002. 14—29 окт.):

Самая, впрочем, замечательная фраза этой статьи звучит так: «*Нидше, ненавидящего психологию лавочника, всерьез привлекал поначалу Советский Союз*». Понятно, конечно, что Жуковский — человек лисой и не сильно грамотный. Но у «Нового времени», что, редакторов нет? Великий немецкий философ умер в 1900 году, и Советский Союз, возникший в 1922-м, мог его привлекать разве что на том свете (Время МН, 2002. 19 окт.).

в) Соотнесение события с датами жизни лица и его возрастом

Об одной ошибке, проникшей в печать именно потому, что автор и редактор не соотносили событие с датами жизни лица, написал в рецензии на книгу Н. Старосельской «Сухо-во-Кобылин», выпущенную в серии «Жизнь замечательных людей» в 2003 г., В. Фомичев:

Зачем вопрошать, а знал ли драматург о статье театрального критика Л.Я.Гуревич, если эта статья была опубликована уже после его смерти (Новое лит. обозрение. 2004. № 2 / 66. С. 370).

Редактор читает очерк о Б. Шоу. На с. 10 автор пишет:

В 1931 году Бернард Шоу посетил Советский Союз... Здесь он отметил свое семидесятилетие...

Прочитав этот текст, редактор сказал самому себе: «Значит, в 1931 году Шоу было 70 лет, и он родился в 1861 году», — а затем вспомнил, что в начале очерка указывался год его рождения. Был ли это 1861 год? Надо проверить. Но там указано, что Шоу родился в 1856 году. Значит, где-то ошибка. Где? В энциклопедии год рождения Шоу 1856-й. Значит, в 1931 году Шоу исполнилось не 70, а 75 лет, и в Москве он отметил свое семидесятилетие. Возможно, трудное в чтении слово кто-то прочитал неверно и заменил более простым — *семидесятилетием*.

г) Соотнесение века с годом события, относящимся к этому веку

Прием помогает избежать опечаток, относящих дату события не к тому веку, в который оно произошло. Например, в книге «Старопромышленный Северо-Восток» (из географического описания «Советский Союз» в 22 т.) читаем:

Другим замечательным сооружением является белокаменный Спасо-Преображенский собор, который был возведен в XVI столетии (1152–1157 гг.).

А ведь 1152–1157 гг. — это не XVI, а XII столетие. Даты стояли рядом, но их не соотносили, и текст был искажен опечаткой. Первые две цифры года определяют век, к которому этот год относится. У XVI века две первые цифры всех лет — 15.

д) Соотнесение величины и единицы величины

Если выполнять этот прием, тогда не будет рубрика «Горестные заметы» пополняться такими перлами, как в романе Ю. Смолича:

Яма была шириною в два-три квадратных метра...

хотя любому школьнику известно, что ширина измеряется метрами, в квадратных же метрах указывают площадь.

Автор технической статьи, желая показать достоинства лакировальной машины, сообщил:

Машина лакирует печатную продукцию с варьируемой толщиной покрытия (до 50 г/м²).

Между тем г/м² — единица плотности, а единицей толщины может быть только одна из единиц длины (мкм, мм, см). Кстати, по одному числу судить о варьируемости толщины покрытия невозможно.

е) Соотнесение страны и части света, к которой она отнесена в тексте

При таком соотнесении читателю не пришлось бы удивляться неосведомленности редактора и автора, читая на с. 280 книги В. А. Соколова «Символы государственного суверенитета», что Парагвай входит в Федерацию центральноамериканских государств: Парагвай ведь страна южноамериканская.

Или такой пример из газеты «За рубежом»:

Итальянский антрополог Мадзини возглавил экспедицию, которая отправилась на поиски южноафриканского племени карликов, живущих, как предполагают, в горах Пирокса — в 700 км к северу от колумбийской столицы Боготы.

Если дело происходило в Колумбии, то племя было не южноафриканское, а южноамериканское. Соотносил бы редактор страну с указанием ее географического положения, не пропустил бы грубую географическую ошибку.

ж) Соотнесение свойства и вещи

Например:

Такой оригинал должен быть выполнен черной тушью на гладкой белой бумаге, не имеющей какого-либо другого цветного тона.

Белый цвет (цвет бумаги) ахроматический, т.е. без какого-либо цветного тона вообще, а значит, автор хотел написать о недопустимости не *другого* цветного тона, а просто цветного фона, но выразился неточно, а редактор этого не заметил, так как не соотносил свойство (цвет) и белую бумагу (вещь).

з) Соотнесение общего положения и конкретизирующих его фактов

Когда редактор этого не делает, то в издании приходится читать такое:

...города-«мужчины» расположены на правом берегу Волги, а «женщины» – на левом. Правда, город Куйбышев лежит на правом берегу, но ведь он там размещался, когда был Самарой.

Если город-«мужчина» Куйбышев лежит на правом берегу Волги, то это никак не нарушает общего правила в начале фразы (о расположении городов-«мужчин» на правом берегу), а вот как Самара (город-«женщина») он нарушал установленную закономерность: ему надлежало размещаться на левом берегу. На нем он и размещается, и в тексте опечатка: надо было *город Куйбышев лежит на левом берегу*. Опечатка осталась незамеченной сотрудниками издания, поскольку не соотносили конкретизирующие факты с общим положением, что делать обязаны всегда. Не только потому, что благодаря этому в печать не проникнут опечатки, но и потому, что несостоятельным может быть само это общее положение.

и) Соотнесение орудия и действия, которое совершает персонаж

По крайней мере, с 1961 г. многократно переиздавался «Робинзон Крузо» в пересказе К. Чуковского для детей. На с. 212 можно было прочитать:

Между тем Пятница с героической смелостью преследовал бегущих дикарей. В руке у него был топор, другого оружия не было. Этим топором он уже прикончил

трех дикарей, раненных первыми нашими выстрелами, и теперь не щадил никого, кто попадался ему на пути.

Испанец, одолев угрожавшего ему великана, вскочил на ноги, подбежал ко мне, схватил одно из заряженных мною охотничьих ружей и пустился в погоню за двумя дикарями. Он ранил обоих, но так как долго бежать ему было не под силу, оба дикаря успели скрыться в лесу.

За ними, размахивая топором, побегал Пятница. Несмотря на свои раны, один из дикарей бросился в море и пустился вплавь за лодкой: в ней были три дикаря, успевшие отчалить от берега.

Трое дикарей, находившиеся в лодке, работали веслами изо всех сил, стараясь поскорее уйти из-под выстрелов.

Пятница раза два или три выстрелил им вдогонку, но, кажется, не попал.

Загадкой для читателя остается, как вооруженный только топором Пятница сумел выстрелить вдогонку дикарям. Впрочем, это не единственная несуразица в этом фрагменте. Как, например, один из скрывшихся в лесу дикарей бросился в море?

И самое удивительное, что Чуковский пересказал Дефо, не отступив ни на йоту от текста подлинника, если судить по полному переводу академического издания. Там все те же несуразицы налицо. Правда, пересказывая, Корней Чуковский мог привести текст в соответствие со здравым смыслом. Что же касается полного перевода, если его переводчик действительно не отклонился от оригинала, то, видимо, он обязан был оговорить оплошности Дефо в примечании.

к) Соотнесение тех действий персонажей, которые связаны по смыслу, или их разговоры о таких действиях

В рассказе Г. К. Честертона «Проклятая книга» в его сборнике «Рассказы» (М., 1975) на с. 342 напечатано:

Профессор Опеншоу... разговаривал со своим другом, отцом Брауном, у входа в отель, где оба провели ночь и только что позавтракали.

А на следующей странице Опеншоу приглашает Брауна:

– Не позавтракаете ли вы со мной сегодня? (с. 343–344)

А еще через несколько страниц:

Профессор Опеншоу... позвонил Брауну и сказал, что завтрак заменяется обедом, потому что ему надо посетить ученого из Индии (с. 348).

д) Соотнесение связанных закономерностью чисел с этой закономерностью

Например, в одной книге было напечатано:

В народном хозяйстве СССР в 1946 г. было занято 2 262 тыс. специалистов с высшим и специальным средним образованием, в 1959 г. — 8 тыс., а в 1970 г. — уже 16,8 тыс.

Закономерность, которую хотел продемонстрировать автор, — рост числа специалистов с высшим и средним специальным образованием. Но тогда каким образом с 1946 по 1959 г. их число упало с 2,3 млн до 8 тыс., а в 1970 г. составляло только 16,8 тыс.?

Какой мор сократил число образованных специалистов за 13 лет на 2 млн человек? Если бы редактор книги соотносил числа между собой и очевидной закономерностью, которую хотел продемонстрировать автор, он бы ошибку не пропустил. Причина ее скорее всего техническая: тот, кто решил округлить числа с тысяч до миллионов, не довел свое действие до конца: нули вычеркнул, а слово *тыс.* заменить забыл: было 8 000 тыс. и 16 800 тыс. При округлении должно было стать 8 млн и 16,8 млн; но лишь первое число (2 262 тыс.) было округлено в миллионы. Однако чем бы ни вызывалась такая ошибка, прием соотнесения связанных по смыслу фактов выручил бы редактора.

Другой пример того же рода:

На траншейном стенде лидирующее положение сохранил представитель РСФСР Власов. Набрав 281 очко, он одержал победу — первую на столь крупных соревнованиях. В.Зименко и П.Сеничев разделили 2—3-е места (по 287 очков),

Число очков и место спортсмена в соревнованиях по стрельбе связаны по принципу: чем больше очков, тем выше место. Так что, соотнеся 287 очков за 2—3-е места с 281 очком за 1-е место, нельзя не увидеть ошибку.

В «Содержании» книги о П. И. Чайковском А. Алышванга было напечатано:

IX. Годы творческих исканий (1878—1855)

Между тем второй предел периода не мог быть более ранним, чем первый.

В справочнике в табличный ряд вкралась опечатка:

Население земного шара (млн чел.)

1800 г.	1850 г.	1900 г.	1950 г.	1960 г.	На начало 1965 г.
906	1 171	1 608	2 508	2 290	3 250

Читая ряд чисел в этой таблице, редактор без труда заметит простую закономерность их изменения — с годами население земного шара растет. Уяснив себе эту закономерность, он при чтении непременно станет сопоставлять каждое число с предшествующим именно с точки зрения роста. И его не может не удивить, что за 10 лет (с 1950 по 1960 г.) население земного шара уменьшилось на 218 млн человек. Не странно ли? Да еще в сопоставлении с тем, что за последующие пять лет оно увеличилось почти на миллиард человек? Ясно, что числа в таблице сомнительны. И действительно, проверка показала, что население земного шара в 1960 г. составляло 3 010 млн человек, а не 2 290 млн. Книга не вышла бы с опечаткой, если бы редактор и корректор соотносили каждое число с предшествующим для проверки, нет ли отклонений в закономерности изменения ряда чисел.

м) Соотнесение доли числа людей или других одушевленных существ с числом неодушевленных предметов

Если необходимо выяснить, на какое число людей или других одушевленных существ приходится число неодушевленных предметов (например, тонн угля или экземпляров книг), то часто, вопреки реальности, число людей представляют дробным числом, несмотря на всю условность такого дробного числа, его противоестественность.

Например, в сообщении газеты:

В прошлом году погиб 61 шахтер — 0,42 человека на 1 млн тонн. Правда, в советское время гибли больше — один человек на 1 млн тонн.

Звучит кощунственно по отношению к трагически погибшим людям. Между тем можно было соотносить число погибших не с круглым числом тонн угля, а исчислить, сколько тонн добытого угля приходится на одного погибшего шахтера:

В прошлом году погиб 61 шахтер – один погибший на 2,4 млн тонн добычи. Правда, в советское время гибли больше – один человек на 1 млн тонн.

н) Соотнесение связанных по смыслу имен

Если, например, один персонаж — сын другого, тот отчество сына должно быть от имени отца, но в книге В.Лидина «Облачный день над морем» в рассказе «Ясень» сын на с. 67 фигурирует как Кирилл Николаевич, а отца на с. 69 величают Юрием.

о) Соотнесение страны и государственной принадлежности лица

При таком соотнесении газета «Советская Россия» не сообщила бы когда-то о Вии Артмане, что она «работает в Вильнюсе в Академическом театре им. Райниса», потому что Вия Артмане — актриса из Латвии, а не Литвы, как и поминаемый газетой Академический театр, судя хотя бы по тому имени, которое ему присвоено, находится в Риге (Райнис — латышский, а не литовский классик).

А другая газета при таком соотнесении не передавала бы (еще в советские времена) из Праги, что якобы «здесь состоялась сессия Словацкого национального совета», поскольку столицей Словакии и в то время была Братислава и именно в ней, вероятнее всего, состоялась сессия Словацкого национального собрания.

п) Соотнесение подписи к иллюстрации с изображением на ней

При таком соотнесении была бы исключена подпись под рисунком *На снимке*. Ведь рисунок не фотография.

р) Соотнесение общего слова с членами ряда, им объединяемыми

В учебнике для вузов «Основы психолингвистики и теории коммуникации» В. В. Красных (М., 2001) читаем:

Журавлев провел следующий эксперимент: испытуемым (а их было многие сотни, и они представляли различные социальные группы по полу, возрасту, роду занятий) были предложены анкеты, в которых были написаны все «звучащие буквы» русского алфавита, а перпендикулярно буквам располагалась шкала свойств, где были указаны такие характеристики, как *тихий* — *громкий*, *светлый* — *темный*, *сильный* — *слабый*, *тусклый* — *блестящий*, *шероховатый* — *гладкий*, *большой* — *маленький* и т.д. (с. 32).

На первый взгляд, никаких изъянов в этом фрагменте текста нет. Но стоит только соотнести общее слово *различные социальные группы* с признаками, по которым они выделяются, как станет ясно, что автор допустил не замеченную редактором фактическую неточность: группы по полу и возрасту выделены не по социальному признаку. Только род занятий — признак социальной группы. Неточность мелкая, но все же неточность, которая учебник не украшает.

К сожалению, такого рода ошибки очень распространены. Их, видимо, не замечают именно потому, что не соотносят члены ряда с общим или обобщающим словом, считая это педантичным требованием, лишь отнимающим время.

Отсюда и сообщение в газете, что 9 мая будет произведен салют в городах-героях Ленинграде, Волгограде, Севастополе, Одессе, Новосибирске, Керчи. Если бы редактор скрупулезно соотносил каждый город с общим словом *города-герои*, грубая фактическая ошибка не проскользнула бы в печать. Соотнесение могло бы выглядеть так: «Ленинград — город-герой? Да»; «Волгоград — город-герой? Да»; «Севастополь — город-герой? Да»; «Одесса — город-герой? Да»; «Новосибирск — город-герой? Нет, в этом ряду ему не место; вероятно, он попал взамен близкого по звучанию Новороссийска». Ошибка благодаря соотнесению выявлена и устранена.

В грубо конъюнктурном романе Ореста Мальцева «Югославская трагедия» автор написал:

...на карте отмечены были такие месторождения цинка, бронзы, марганца, вольфрама, фосфоритов, олова, меди, угля...

Если бы редактор соотносил каждый член ряда с общим словом *месторождения*, он бы уже на слове *бронза* споткнулся, сказал бы: «Бронза. Как бронза? Это же сплав, так что его месторождения в природе быть не может».

Повторяемые факты

Когда в тексте какой-то факт (имя, название, дата и т.д.) повторяется, то очень часто повторяемый факт отличается от первоначального. Чаше всего просто по забывчивости автора. Это одна из распространенных ошибок, проскальзывающих в печать главным образом потому, что редактор не соотносит такие факты между собой. Примеров — тьма.

Непостижимы анекдотические оплошности в печати.

а) Имена и фамилии

Особенно часто случаются оплошности с именами и фамилиями.

Вот журнал «Юность» печатает в середине номера в рубрике «На стендах „Юности“» заметку художника В. Горяева «Микроскульптура Игоря Морозова», а на внутренней стороне обложки печатает репродукции работ художника, о котором пишет в заметке В. Горяев, но под заголовком «Творчество Игоря Михайлова». Как же на самом деле зовут художника, о творчестве которого редакция решила рассказать и произведения которого посчитала важным показать? Ведь такая путаница с фамилией, хотела или не хотела того редакция, выглядит как знак ее неуважения к скульптору. А всё потому, что никто в редакции не удосужился соотнести повторенную на обложке фамилию художника с фамилией его в заглавии и в тексте заметки В. Горяева внутри журнала.

«Литературная газета», поместив письмо читателя, который в тексте называет себя Василием Черенковым, ставит под письмом подпись: *Валерий Черенков*. Как же зовут его на самом деле? И где допущена ошибка — в тексте письма или в подписи под ним?

В повести А. П. Егорова «Тайна полковника Уранова» один из персонажей получает «от Уранова... отношение, подписанное *Н. Урнов*» — эту тайну полковника автор так и не открывает.

В книге Е. Микулиной «Человек не один» на с. 29 мы знакомимся с мотористкой Екатериной Гончаренко. Через страницу она предстает перед нами уже в качестве Екатерины Демидовны Гончар, а еще через страницу снова оказывается Екатериной Гончаренко.

На с. 164—165 книги А. Д. Урсула «Природа информации» читаем:

...Изучение связи информации и причинности уже начато в философской литературе. Ряд интересных мыслей по этому вопросу был высказан И. Н. Бродским, А. А. Марковым, В. Краевским, Б. С. Украинцевым и др.

А. А. Макаров предложил определить кибернетику как науку о причинных связях...

Редактор, владеющий навыком соотнесения повторяемых элементов, обязательно бы спросил себя: «А. А. Макаров, не

один ли это из тех ученых, кто упомянут в их перечне выше? Скорее всего. Да, но там он Марков. Надо спросить автора». Редактор книги этим навыком не владел, ничего не спросил у автора, и Марков превратился в Макарова. Такие ошибки особенно неприятны, так как они обидны для тех, о ком идет речь в тексте. Хотя и не хотели издатели книг с такими ошибками выказать неуважение к этим людям, они это сделали: их невнимательность объективно означает неуважение к человеку.

В воспоминаниях А. В. Амфитеатрова «Жизнь человека, неудобного для себя и для многих» (В 2 т. М. Новое лит. обозрение, 2004) автор во 2-м томе цитирует письма Чехова к А. С. Суворину о скучных гостях суворинских четвергов. Первая цитата:

Поклон цензору Матвееву. Я Анне Ивановне предлагал пригласить его и Ивана Павловича Казанского в Феодосию на все лето. Они такие весельчаки!

Вторая:

Я пишу водевиль. Действующие лица: Анна Ивановна, Айвазовский, генерал Богданович, Иван Павлович Казанский и цензор Макаров (Алексин, 10 мая 1891 г.).

У редактора, владеющего приемом соотнесения повторяемых фактов, не может не возникнуть вопрос: «Почему цензор, который выше в письме назывался Матвеевым, вдруг превратился в Макарова? Не ошибся ли Амфитеатров?» На всякий случай этот редактор заглянул бы в указатель имен: может быть, там есть и цензор Макаров? Но в указателе налицо только цензор Матвеев со ссылкой на с. 20 (цитируемую) и 24, где он упоминается еще раз. Макарова в указателе имен нет вообще. В чем же дело? В тексте письма в т. 4 Писем Полного собрания сочинений и писем А. П. Чехова (М., 1976) также напечатано: *цензор Макаров*. Ясно, что это описка Чехова, а не Амфитеатрова, которую следовало оговорить и редактору тома писем Чехова, и редактору мемуаров Амфитеатрова, но они этого не сделали. Редактор мемуаров потому, что не владел приемом соотнесения повторяемых фактов. Редактор тома писем потому, что не сопоставлял указатель имен с основным текстом, поскольку рубрика *Макаров* в указателе присутствует со ссылкой на с. 227, где напечата-

но письмо с упоминанием о цензоре Макарове, но в указателе он охарактеризован как *экспедитор редакции петербургской газеты «Новое время»*. Если бы редактор тома писем соотнес упоминание Макарова в письме с характеристикой его в указателе, он бы непременно оговорил в примечании описку Чехова.

Читателю не пришлось бы разгадывать подобные загадки, если бы редакторы, которые подписывали эти тексты в набор и печать, столкнувшись с повторенным именем или фамилией, считали для себя обязательным найти то же имя (фамилию), упоминаемое выше. Все это для того, чтобы соотнести одно написание с другим и убедиться, что между ними нет разницы, а если она есть, то установить, какой же из вариантов правилен.

Вопрос: *А как было раньше?*— должен стать для редактора обязательным. Это техника редакторской безопасности. Казалось бы, очень просто. Но как дорого порой достается редактору эта простота. Между тем после небольшой серии упреждений в обязательном соотношении повторяемых фамилий (имен) или других фактических данных, как бы это ни казалось глупым и ненужным, редактор никогда не зевнет несоответствий.

Нужно также соотносить:

- 1) инициалы лица с развернутым его именем и отчеством;
- 2) имена лица в тексте и в именном указателе;
- 3) имена лица в тексте и в примечании, подстрочном и затекстовом.

Если бы редактор замечательной «Чукоккалы» (М.: Премьера, 1999) соотносил в ней примечание К. Чуковского на с. 277:

Опояз – Общество по изучению языка, в которое входили молодые лингвисты той эпохи – Эйзенбаум, Томашевский, Тынянов, Шкловский, Якубович и другие, – с именным указателем, где рубрика *Якубович* выглядит так:

Якубович Дмитрий Петрович (1897–1940), литературовед 277, –

он бы непременно спросил: «Почему же литературовед Якубович включен в число молодых лингвистов? И был ли Якубович членом Опояза? Что-то в текстах об этом обществе человека с такой фамилией встречать не приходилось». Всё это

привело бы его к «открытию», что членом Оползня был языковед Лев Петрович Якубинский (1892—1945), а не Якубович. Поняв, что это описка Корнея Ивановича Чуковского, которому принадлежит примечание, он постарался бы ее устранить, как и неточность в обозначении специальности всех названных людей: большая их часть (Эйхенбаум, Томашевский, Тынянов, Шкловский) были, строго говоря, не лингвистами, а литературоведами-филологами.

б) Числа, даты, обозначения времени

Редактор, владеющий приемом соотнесения повторяемых элементов и тем более таким же навыком, никогда не пропустит такое несоответствие, каким поразила когда-то газста «Известия»:

С исключительной точностью, невероятным чувством каждого метра дистанции Килли выиграл у своего соотечественника Ги Перрия — 0,8 секунды. Восемь сотых! Миг, которого едва хватит, чтобы поднять руку.

Здесь и соотносить-то числа, казалось бы, проще простого — рядом стоят, однако без навыка соотнесения сделать это, получается, трудно, раз десятые автор почему-то принял за сотые доли. Либо в первом случае ошибка, и тогда *Восемь сотых* верно, либо во втором, и тогда *0,8* верно, а ошибка в восклицании, и нужно *Восемь десятых!*, хотя это менее вероятно.

В учебном пособии «Паронимы в русском языке» О. В. Вишняковой в аннотации на обороте титульного листа напечатано, что в книге характеризуются 500 паронимических пар, а в предисловии — что таких пар 400. Где верно?

В листке, рекламирующем пневматические подъемники, в тексте сообщается, что они могут подавать груз по трубам на высоту 30 м, а в технической характеристике указана высота подачи 35 м.

В книге М. С. Роговина «Введение в психологию» на с. 29 напечатана ссылка на статью Н. А. Соколова «О системе понятий в психологии». Из ссылки следует, что статья опубликована в № 2 журнала «Вопросы психологии» за 1924 г. На следующей странице автор снова ссылается на ту же статью. Но на этот раз читатель узнаёт, что статья опубликована в № 2 того же журнала, но уже за 1964 год. Скорее всего, в первом случае была допущена опечатка. Ее бы устранили, если бы

редактор и корректор владели навыком соотнесения повторяемых элементов, и читателю не пришлось бы недоумевать или потешаться: ведь журнал «Вопросы психологии» издается с 1955 г. Причина ошибки в конечном счете может быть любой, и вина ее не обязательно авторская — важно, чтобы она не проникла на страницы издания, вводя в недоумение читателей.

а) Названия

Та же история, что и с именами.

В «Истории русской архитектуры» на с. 146 читаем:

Выдающимся памятником церковной архитектуры Москвы является церковь Архангела Гавриила, сооруженная арх. И. П. Зарудным в Московской усадьбе А. Д. Меншикова на Чистых прудах (1705–1707 гг.). По мысли заказчика, церковь Гавриила, или, как прозвал ее народа, Меншикова башня, должна была превзойти вышиной все сооружения древней Москвы.

Рядом, на с. 147, в подписи, напечатано:

3. Церковь Мисаила Архангела – «Меншикова башня», 1705–1707 гг.

Рядом-то рядом, но, несмотря на двукратное упоминание названия церкви на с. 146, в подписи стоит иное название, и читатель, который ограничится только просмотром иллюстраций в томе истории архитектуры, будет введен подписью в заблуждение.

«*Лужники аплодируют чемпионам*» — так называлась газетная заметка, в первых строках которой сообщалось: «Вчера во Дворце спорта ЦСКА...»

В авторском оригинале рецензии на сборник пьес в ее начале перечисляются пьесы, написанные драматургом — автором сборника, а затем следует разбор этих пьес. Редактор, владеющий навыком соотнесения повторяемых элементов, выложил страницу с перечнем пьес рядом с оригиналом и, читая очередной разбор, соотносил название разбираемой пьесы в нем с ее названием в предварительном перечне. И что же? Эта предусмотрительность оказалась вовсе не лишней. Если перед разбором пьеса названа «Двухспальная кровать для Адама и Евы», то в перечне стояло название «Супружеская кровать для Адама и Евы». Расхождение в печать не попало.

Во врезке к газетной заметке напечатано:

В Ригу прибыл новый океанский лайнер «Михаил Ломоносов».

В тексте же самой заметки читаем:

Лайнер «Михаил Лермонтов» ошвартовался у причала Рижского судоремонтного завода.

Как же на самом деле назывался лайнер?

2) Должность, национальность, адрес, цвет волос и т.п.

Все эти данные при повторении, естественно, не должны меняться без уважительной на то причины. К сожалению, это законное требование соблюдается далеко не всегда.

Во врезке к письму читателя в «Известиях» он представлен как *подполковник в отставке*, а под письмом значится как *Полковник в отставке В. Мельник*.

В спортивном отчете сначала сообщается, что на полутора километрах победу одержал *норвежец* Пит Клейне, а через 8 строк, что на 10 километров в первой паре бежал *голландец* Пит Клейне. Быстрота перемены национальности конькобежца, пожалуй, опередила быстроту его бега.

В одном переводном произведении персонаж представлен сначала как *светловолосый* англичанин, а затем в портрете он предстает как высокого роста, худой, *темноволосый*.

В заметке о музее — подпольной типографии на Лесной улице в Москве сообщалось:

В эти дни на Лесную, 55 приходят старые и молодые,—

а на помещенной сбоку справке стоял адрес музея: *Лесная, 5*.

3) Фактические данные в основном тексте и в справочных приложениях

Справочные приложения в книгах не такая уж редкость. Фактические данные этих приложений могут встречаться и в основном тексте. Естественно между ними не должно быть расхождений. Поэтому редактору книг со справочными приложениями надлежит перед чтением основного текста внимательно изучить их, чтобы, встретив в тексте данные, вошедшие в приложение, соотнести текст с приложением.

Нелегко порой отрываться от текста, чтобы открыть приложение и соотнести одни и те же данные в нем и в тексте. Нелегко, но необходимо. Расхождения между ними недопустимы.

Например, в рецензии на книгу Н. Старосельской «Сухо-во-Кобылин», выпущенную в серии «Жизнь замечательных людей» в 2003 г., В. Фомичев упрекает автора этой книги как раз за подобные расхождения:

Кое-где сведения, приведенные в основном тексте, вступают в спор с фактами из биографической хроники писателя, напечатанной в конце книги. Полоском, перенос даты рождения Сухо-во-Кобылина на 10 дней раньше, а завершения «Свадьбы Кречинского» — на один день позже (основной текст) можно счесть обычными опечатками, но как быть с прочими расхождениями? На с. 123 Н. Старосельская уверенно утверждает, что «в Париже „Свадьба Кречинского“ так и не была поставлена...» А в хронике читаю нечто иное: «1902— 5 февраля генеральная репетиция „Свадьбы Кречинского“ в Париже на сцене театра „Ренессанс“» (с. 319). Если в основном тексте возобновление «Дала» в Александринском театре почему-то датируется февралем 1892 г., то в биографической канве названа точная дата спектакля — 3 января этого года. Кстати: именно в день премьеры возобновленного «Дала», а не во время Александринского спектакля 1882 г., как думает Н. Старосельская, некоторые зрители, услышав вызовы автора, удивленно переглядывались и замечали, что Сухо-во-Кобылин умер (Новое лит. обозрение. 2004. № 2 / 66. С. 371).

Упрек В. Фомичева можно адресовать и редактору книги «Сухо-во-Кобылин», обязанность которого была сверять основной текст с биографической хроникой и благодаря этому предупредить критические замечания в печати, которые неприятны и для издательства, и для редактора.

Возможно, читатель устал от обилия примеров. Но как еще убедить в том, что соотносить повторяющиеся даты, числа, названия и т.д. необходимо, что это техника безопасности редакторской работы, что нужно упражнениями выработать навык такого соотнесения.

Каким образом?

Во-первых, нужно научиться с помощью несложных приемов запоминать встретившиеся в тексте имя, название, дату. Для того чтобы имя, название и т.д. запали в память, лучше всего мысленно оперировать ими, делая их предметом своих мысленных действий. Например, прочитав имя, вспомнить, у кого еще было такое же; увидев дату, сделать выводы о времени события — значит, это было до того, как произошло то-то, и т.п.).

Во-вторых, дойдя в тексте до имени (даты, названия), уже встречавшегося в тексте ранее, задать себе самому во-

прос: «Таким ли было имя или фамилия выше, в первом случае? Тот ли год упоминавшегося выше события указывался там? Таким ли было написание названия, уже встречавшегося выше?» Подобного рода вопросы — сознательная провокация, на которую надо идти, чтобы заставить себя непременно вернуться к другой странице или строке. Даже при условии полной уверенности в том, что никаких отклонений и расхождений нет. Лучше даже убеждать себя, что автор отклонился от первоначального варианта: «До этого было не так!».

Повторяющиеся элементы технически соотносить проще и быстрее, если пометать их простым карандашом (подчеркивать в тексте и сигнализировать самому себе условным знаком на поле — кружком, квадратиком, ромбиком, галочкой и т.п.).

Иногда — когда повторяемых фактических данных очень много и они часто повторяются — их целесообразно выписывать на карточки (для каждого повторяемого элемента своя карточка), проставляя лишь новые номера страниц при повторении элемента.

Такую особенность текста, как обилие названий, имен, дат, желательно отметить при первоначальном знакомстве с ним, чтобы пометать повторяемые элементы с самого начала чтения оригинала, а не, например, с середины. Во втором случае для поиска первоначальных упоминаний понадобится гораздо больше времени, чем при технике пометок на полях или выписке на карточках.

Постепенно соотношение повторяющихся элементов в ходе шрифтовочного чтения станет автоматическим, превратится в устойчивый редакторский навык. Любое повторение элемента будет для редактора сигналом для соотношения — обязательного, несмотря ни на что.

Общий вывод из множества приведенных примеров — редактор не вправе лениться. Соотносить повторяемые элементы он обязан непременно, как бы ни был уверен в том, что расхождений нет. Лучше, если эту уверенность сменит сомнение, и редактор в результате соотношения элементов исправит сам или с помощью автора расхождения, которые могли бы вызывать недоумение читателей или ввести их в заблуждение: какому же упоминанию верить.

Связанные ссылками факты.

Соотносить такие факты (основной текст и примечания за текстом, основной текст и библиографические ссылки или библиографический список, основной текст и оглавление или содержание) — закон для редакторов: стоит пренебречь им, и ошибок не избежать.

В книге Т. М. Горяевой «Политическая цензура в СССР, 1917—1991» (М., 2002) на с. 190 непосредственно перед таблицей 1 с тематическим заголовком «Книжно-издательская продукция, запрещенная в 1925 г. Главлитом и Ленгублитом» помещена ссылка на нее такого содержания:

Общее количество книг и периодических изданий, разрешенных в 1925 г. с исправлениями по Главлиту и Ленгублиту, продемонстрирована в таблице 1.

Между ссылкой и тематическим заголовком таблицы, а значит, и ее содержанием прямое расхождение (*запрещенная литература* — в тексте, *разрешенная с исправлениями* — в заголовке таблицы). Эту грубую ошибку смягчает лишь то, что ссылка на таблицу и сама таблица размещены рядом на одной странице. Но редактор был не вправе и в этом случае не соотносить одно с другим.

Редактор книги Г. В. Лебедева «Импульсное дождевание и водный обмен растений» не стал утруждать себя сверкой текста с затекстовыми библиографическими ссылками. А между тем инициалы ученого, на работу которого ссылаются в тексте на с. 11 *Л.П.: Как показано Л. П. Бабушкиным (1965)...*, — а в ссылках (с. 238) — *Л.Н.: Бабушкин Л.Н. 1965. Новое в изучении водного режима...*

То же самое в книге «Нервное напряжение и деятельность сердца». На с. 28 дана ссылка на работу Зислиной и Новиковой 1961 г., на с. 72, в ссылках, эта работа (другой статьи тех же авторов в списке нет) датирована 1962 г. На с. 12 автор ссылается на труды Кассиля 1961 и 1966 гг., а в ссылках на с. 72 и 73 описаны труды Г. Н. Кассиля 1949, 1961 и 1963 г.

Как ни утомительна педантичная проверка внутритекстовых ссылок, часто многочисленных, редактор не вправе уклоняться от того, что предстоит делать читателю, т.е. обязан неутомимо идти по адресу, указанному в ссылке, чтобы убедиться в точности адреса и в том, что читатель действительно найдет там то, что ему обещает автор.

Если автор пишет, что на странице такой-то есть сведения о том-то, то редактор проверяет, действительно ли на этой странице напечатаны указанные сведения, или их там нет, или они там иные. Если автор ссылается на раздел такой-то (цитирует его заголовок), то редактор находит этот раздел и смотрит, а как этот раздел называется на самом деле и нет ли расхождений между заголовком в ссылке и в тексте.

Редакторский педантизм обязательно вознаградится искоренением ошибок.

11.6.3. Подсчеты

а) Соответствие суммы частей целому числу

Когда автор оперирует в тексте разными числами, одни из которых входят в состав других, то редактор обязан проверить подсчетом, нет ли расхождений между авторским итогом и тем, который получится у него, например, при сложении чисел, входящих в состав итогового. Делать это нужно потому, что именно в числовых данных очень часто допускаются ошибки.

Вот простейшие примеры.

В книге напечатано:

Современные исследователи выделили триста политических деятелей, которые играли видную роль в событиях 1917 года. Среди них оказались сорок три еврея; тридцать семь из них осудили захват власти большевиками, шестнадцать — стали активными участниками переворота (Кандель Ф. Книга времен и событий. Иерусалим; М., 2002. Т. 3. С. 57).

Редактору следовало усомниться: «Как же так? Евреев было 43. Если 37 не поддержали большевиков, а 16 — наоборот, то, значит, их было не 43, а 53 ($37 + 16 = 53$) либо состав групп был иным — не 37 и 16, а, положим, 27 и 16 или 37 и 6». Пока же этим данным нельзя доверять, и той цели, ради которой они приведены, они не достигнут из-за явной арифметической ошибки. Редакторская проверка чисел простейшим подсчетом помогла бы автору избежать неточности.

Чем больше пестрит числами текст, тем вероятнее в нем ошибки, а значит, и потребность в их тщательной проверке. Например:

Ежегодно издается 82–83 тыс. названий книг и брошюр. Так, в 1984 г. в СССР выпущено 82 790 изданий книг и брошюр, из них: издательствами страны – 49 076; министерствами, государственными комитетами, ведомствами и другими организациями, выпускающими печатную продукцию минувшие издательства, – 33 714; ведомственной литературы, выпускаемой по тематическим планам, согласованным с Госкомиздатом СССР, – 12 533; все-союзными, центральными отраслевыми и территориальными межотраслевыми органами НТИ – 2 885; внутриведомственных и межведомственных служебных материалов – 18 296 изданий.

Здесь общее число изданий 82 790, а далее, если сложить все числа, из которых складывается это общее число, то получится, что выпущено не 82 790, а 116 504 изданий:

$$49\,076 + 33\,714 + 12\,533 + 2\,885 + 18\,296 = 116\,504.$$

Такое расхождение заставило бы редактора искать его причину. А все дело в том, что общее число изданий составляют только две составные части: 1) выпущенные издательствами страны и 2) выпущенные министерствами и другими организациями, минувшие издательства ($49\,076 + 33\,714 = 82\,790$). Все последующие числа — это слагаемые 33 714 изданий, различные виды ведомственной литературы. Поэтому в тексте следовало после числа 33 714 написать: *в том числе*. Проверим получаемую из них сумму: $12\,533 + 2\,885 + 18\,296 = 33\,714$, что доказывает правоту нашей догадки.

б) Соответствие процентного состава целому числу

Если в тексте приводится рецептура в процентах или составные части целого числа в процентах, редактору желательно проверить, даст ли итог 100 %. Например:

По данным компании GFK, компании Canon принадлежит 19 % российского рынка струйных принтеров (для сравнения: HP – 40 %, Epson – 28 %, Lexmark – 12 %), 25 % украинского и 30 % рынка стран Балтии.

Весь российский рынок составляет 100 %, а $19 + 40 + 28 + 12 = 99$. Куда-то пропал 1 % рынка. Нет ли ошибки в числах? Требуется проверка — таков вывод редакторского подсчета, существенного для точности текста.

в) Соответствие авторских итогов повтором действий с числами, которые дали эти итоги

Если какие-либо числа получены автором в результате арифметических действий за пределами текста, а числа, ко-

торами автор оперировал, в тексте налицо, то обязанность редактора проделать те же действия, что и автор, чтобы убедиться, что тот нигде не ошибся в своих расчетах.

В оригинале автор статьи написал:

Объем выпуска самоклеящихся материалов в России составлял 80–90 млн м², а в странах Евросоюза – свыше 3 млрд м². Таким образом, в Европе самоклеящихся этикеток производится в 50 раз больше, чем в России. При этом население Евросоюза составляет 370 млн, а России 145 млн человек, что приблизительно в три раза меньше, чем в ЕС.

Автор оперирует приводимыми им числами, сообщая свои итоги этих действий. Редактор поступит верно, если проверит точность этих действий.

Итак, первый вопрос: действительно ли 3 млрд больше 90 млн в 50 раз?

Если 90 млн умножить на 50, то получится 4,5 млрд:

$$90\,000\,000\,000 \times 50 = 4\,500\,000\,000\,000.$$

Ясно, что авторский подсчет был грубо ошибочным. На самом деле производство самоклеящихся материалов в странах ЕС в 33 раза больше, чем в России:

$$33 \times 90\,000\,000 = 2\,970\,000\,000, \text{ т.е. } - 3\,000\,000\,000.$$

И население России не в три раза меньше населения ЕС, а примерно в 2,7 раза:

$$370 : 3 = 123,3; 370 : 2,66 = 144,5.$$

Так после проверки числовых данных подсчетом редактор изменил текст в соответствии с точным подсчетом:

...Таким образом, в странах ЕС [не в Европе, ибо Россия тоже Европа] самоклеящихся материалов [а не этикеток] производится более чем в 33 раза больше, чем в России. При этом население России (145 млн человек) в 2,7 раза меньше, чем население стран ЕС (370 млн человек).

Т. А. Савицкая, автор книги «Б. М. Кустодиев» (М., 1966) сообщает в начале книги:

Борис Михайлович Кустодиев родился в 1878 г. (с. 8);

В 1927 году Кустодиев заболел воспалением легких... Он умер 26 мая в возрасте пятидесяти девяти лет (с. 136).

Проверяем: с 1878 по 1927 г. прошло 49 лет ($22 + 27 = 49$), так что Кустодиеву никак не могло быть 59 лет в 1927 г.

В книге А. Авдеенко «По следам невидимок» было напечатано:

Кроме того, он не может позволить себе ничего не делать в течение целого часа. Время Харта — бесценное. Ежегодный доход его империи более ста миллионов. Три миллиона в сутки. Сто двадцать пять тысяч в час.

Плохо считал Авдеенко.

Чтобы узнать, сколько составляет доход в сутки, надо разделить:

$$100\,000\,000 : 365 = 273\,972,6.$$

Это гораздо меньше трех миллионов. А в час?

$$273\,972,6 : 24 = 11\,415,5.$$

Не 125 тыс, а меньше 11,5 тыс. Выразительные числа были у автора, но неверные.

В авторском оригинале читаем:

В городах страны проживает 25,1 млн учащихся 1–8-х классов. Основными пунктами обслуживания их книгой являются школьные библиотеки Министерства просвещения СССР и детские библиотеки системы Министерства культуры СССР.

Это на с. 2. А на с. 4 напечатан такой текст:

В 34 крупных и крупнейших городах страны, где проживает 20 % всех городских школьников, функционируют 640 крупных детских библиотек (республиканские, областные, краевые). Одна такая библиотека приходится на 100 тыс. учащихся 1–8-х классов и обслуживает в среднем 2,7 тыс. человек.

Сопоставляя этот текст с прочитанным выше, редактор отмечает: из предшествующего текста известно общее число школьников этих классов и, следовательно, можно проверить арифметически, соответствуют ли одни числа другим.

Если одна библиотека приходится на 100 тыс. учащихся крупных городов, а всего таких библиотек 640, то общее число учащихся в этих городах должно составить $640 \times 100\,000 = 64\,000\,000$, или 64 млн учащихся. В первом же фрагменте указано, что учащихся этих классов во всех городах 25,1 млн. Необходимо спросить автор, где ошибка.

С другой стороны, 20 % (5-я часть) от 25,1 млн составляет 5 020 млн, т.е. чуть больше 5 млн. Значит, на каждую из 640 библиотек в указанных в тексте городах приходится 5 020 000 : 640 = 7 844, т.е. около 8 тыс. учащихся, а не 2,7 тыс., как во втором фрагменте.

Чем больше в тексте количественных данных, тем вероятнее в нем числовые ошибки, а значит, тем выше потребность в редакторской проверке этих данных подсчетом.

2) Соответствие относительных чисел абсолютным

Непреренно надо проверять их соответствие. Например, журнал «Ветеринария» сообщил:

В расчете на 100 га сельскохозяйдй запланировано увеличить производство мяса с 68 до 87 ц, т.е. на 19 %, молока – с 343 до 388,5, или на 45,5 %, яиц – с 21,9 до 27,3 тыс. шт., или на 5,4 %.

Подсчитываем. Если 68 — 100 %, то 87 составит $8700 : 68 = 128$, т.е. рост 28 %, а в тексте 19 %. Почему? То же самое и с другими относительными числами. В чем дело? Когда редактор спросил автора, то выяснилось, что это описка и что он имел в виду рост производства мяса на 19 ц (действительно $87 - 68 = 19$), т.е. рост в абсолютных показателях, но по странному помутнению сознания механически превратил разницу в проценты.

Редактору нельзя себе позволять оставлять без проверки ни одного относительного числа, если в тексте есть абсолютное число, от которого число в процентах образовано. Например, автор пишет:

В 1984 г. было выпущено 23 780 названий научно-технической литературы, что составило 36,3 % от общего количества книг и брошюр.

Выше фигурировало это общее число — 82 790. Проверим: $23\ 780$ — это лишь 28,7 % от 82 790.

Проверка подсчетом была тут обязательна. Ее не сделали, и в результате грубая ошибка.

д) Соответствие части (дробного числа) целому числу

В романе А. Чаковского «Блокада» сначала сообщается о «страдающих от голода двух с половиной миллионах ленинградцев» (с. 17), а на с. 43, что «по плану подлежали эвакуации пятьсот тысяч человек, т.е. почти треть населения Ленинграда». Вот эти два числа редактору надо было соотне-

сти. Если население города 2,5 млн, то треть от этого числа составляет 833 тыс., а не 500 тыс. Кроме того, 500 тыс. от 2,5 млн — это пятая, а не третья часть.

е) Соответствие времени движения транспорта его скорости и расстоянию

Если не контролировать это соответствие, то пропуск ошибок весьма вероятен. Например, газета сообщила в заметке о перевозке на автомобиле 110-тонного груза — станины гигантского пресса — с завода на Павелецкий вокзал. Указывается расстояние перевозки — 14 км, скорость движения — «не более 5 км/ч». Завершается заметка фразой «Отлично организованный рейс занял по времени всего полтора часа».

Стоит только подсчитать, и окажется, что при такой скорости, чтобы преодолеть 14 км, потребуется около трех часов, а полтора часа, которые занял рейс, говорят о несоответствии одних чисел другим и, значит, они нуждаются в проверке и уточнении.

Так что считать редактору необходимо. И даже тогда, когда считать, казалось бы, нечего — пальцев одной или, в крайнем случае, обеих рук достаточно. Тогда репортер «Вечерней Москвы» не уморит читателя таким, например, текстом, передающим слова собеседника:

Помнится мне один случай. Приходит к нам в ОБХСС молодой человек и рассказывает: стоит он с девушкой и видит, как к закрытому магазину подходят четверо. Зашли в магазин. Вскоре один из них вышел. Запер двери на замок, опломбировал их. А двое там остались.

Чем не психологическая головоломка. Куда девался четвертый? Заметим попутно: а как четверо умудрились зайти в закрытый магазин?

Действенность, полезность подсчетов как приема проверки фактической точности текста с числовыми данными очевидна. Если редакторы возьмут его на вооружение, ошибки в размерах, сроках и т.п., бесспорно, пойдут на убыль.

11.6.4. Перестройка ряда фактов по иному принципу

Нередко большое число взаимосвязанных данных образует систему, но в тексте они разбросаны или даны в одном из нескольких возможных систематическом порядке.

Редактор поступит правильно, если постарается привести их в систему или построить из них другой системный ряд.

Характерный давний пример из «Комсомольской правды»:

Итак, сегодня ХМ финал Кубка СССР по футболу. Победителями предыдущих розыгрышей этого приза были: 1946, 1957 гг. — «Локомотив» (Москва); 1937, 1953 гг. — «Динамо» (Москва); 1938, 1939, 1945, 1947, 1950, 1958, 1963, 1965 гг. — «Спартак» (Москва); 1944 г. — «Зенит» (Ленинград); 1945, 1948, 1951, 1955 гг. — ЦСКА; 1949, 1952, 1960 гг. — «Торпедо» (Москва); 1954, 1964, 1966 гг. — «Динамо» (Киев); 1961, 1962 гг. — «Шахтер» (Донецк).

Перечень построен по командам. Чтобы убедиться в его достоверности, полезно перестроить его по годам:

1936 — «Локомотив» (Москва)	1952 — Торпедо (Москва)
1937 — «Динамо» (Москва)	1953 — «Динамо» (Москва)
1938 — «Спартак» (Москва)	1954 — «Динамо» (Киев)
1939 — «Спартак» (Москва)	1955 — ЦСКА (Москва)
1944 — «Зенит» (Ленинград)	1957 — «Локомотив» (Москва)
1945 — «Спартак» (Москва)	1958 — «Спартак» (Москва)
1945 — ЦСКА (Москва)	1960 — «Торпедо» (Москва)
1946 — «Локомотив» (Москва)	1961 — «Шахтер» (Донецк)
1947 — «Спартак» (Москва)	1962 — «Шахтер» (Донецк)
1948 — ЦСКА (Москва)	1963 — «Спартак» (Москва)
1949 — Торпедо (Москва)	1964 — «Динамо» (Киев)
1950 — «Спартак» (Москва)	1965 — «Спартак» (Москва)
1951 — ЦСКА (Москва)	1966 — «Динамо» (Киев)

Сразу выясняется, что в 1945 г. было два обладателя кубка — «Спартак» и ЦСКА, а в 1956 и 1959 гг. ни одного. Так ли? Значит, надо проверить, и ошибка не проскочит в печать.

Перестраивать ряды, если они не очень сложны, можно и мысленно.

11.6.5. Осмысление значения терминов и других слов

То, что простительно шолоховскому деду Щукарю, то непростительно редактору.

Дед Щукарь потешал читателя тем, что вставлял в речь к месту и чаще не к месту иностранные слова, смысл ко-

торых понимал по-своему, очень своеобразно и... превратно.

Редактор не вправе пропускать в набор и тем более в печать текст с терминами и другими словами, о смысле которых имеет лишь смутное представление и точное содержание которых ему неизвестно или им забыто.

Когда же это случается, то приходится читать в книгах и других изданиях удивительные тексты. А.Я.Гуревич в книге «История историка» (М., 2004) привел пример анекдотичного употребления слова *авторизованный*, о чем он пишет с изумлением:

Оказывается, между прочим, что теперь слово «авторизованный» имеет совершенно специфический смысл. Недавно появилась в русском переводе «Жизнь Карла Великого» Эйнхарда, автора начала IX века. И там указано – «авторизованный перевод с латинского». Каким образом переводчику удалось через 1100 лет связаться с Эйнхардом – это для меня большая загадка...

А ведь у книги «Жизнь Карла Великого» был редактор. Объяснить его слепоту можно, вероятно, главным образом тем, что он не отдавал себе отчета о значении слов текста, подписываемого им в печать.

Примеры употребления слов иноязычного происхождения не в их значении привел Георгий Кубатьян в статье «Козлы и козлища: Заметки иностранца», напечатанной в журнале «Знамя» (2003. № 5):

Интервьюер «Литературной газеты» Д.Беловецкий спрашивает полпреда президента РФ в Центральном округе Георгия Полтавченко:

– Еще в Туле под вашим патронажем... пройдет юношеский турнир по дзюдо... (с. 208).

Кубатьян справедливо замечает:

Турнир пройдет под патронажем, ибо патронаж – это медицинское наблюдение за больными, новорожденными детьми, стариками. Патронат же – покровительство. Слова образованы от одного слова, но значение у них разное. Стыдно за журналиста «Литературной газеты».

Самое поразительное, что тот же журнал «Знамя», печатавший Кубатьяна, совершает такую же ошибку:

В начале шестидесятых годов в нашем славном городе состоялось редчайшее событие – Всесоюзная конференция клоунов под патронажем генералов из Союзгосцирка (2004. № 8. С. 106).

Редактору нужно отдавать себе отчет о значении употребленных автором не только иностранных слов, но и других, от которых зависит смысл текста и его понимание читателем. Например, автор пишет:

К концу XIX в. удельный вес переводных изданий составлял только 9 % от общего объема изданий.

Словосочетание *объем изданий* — термин. Он означает общее число листов или страниц в изданиях. Поэтому невозможно представить, что автор имел в виду, когда писал *только 9 % от общего объема изданий*. От числа страниц всех выпущенных к концу XIX века книг? Речь, скорее, должна идти о доле переводных изданий в общем выпуске изданий, и доле не по объему, а, вероятнее всего, по числу изданий. Редактору нужно было определить, какая величина здесь по смыслу могла быть использована, и тогда текст, в котором мало смысла, мог бы его приобрести.

Если бы редактор книги В.Ардаматского владел приемом осмысления значения слов, то он бы не пропустил, подписывая в печать, такой, например, текст:

Говорил он междометиями: «Да», «Да», «Нет», «Да» (Ардаматский В. «Я 11-17»; Ответная операция. М., 1976. С. 55).

Увы, позабыли и автор и редактор школьный курс грамматики. Слова «да» и «нет» никакого отношения к междометиям не имеют. Это утвердительные и отрицательные частицы. А всё потому, что редактор скопировал по тексту, а не осмысливал его. Иначе он бы спросил себя: «А что такое междометия?» И поскольку не помнил значения этого лингвистического термина, то заглянул бы в словарь и поправил бы ошибку автора.

У Б. Полевого в «Повести о настоящем человеке» (М., 1955) написано:

Мересьев услышал в ларингофоне взволнованный голос Петрова: «Девятка», два „мессера“ слева».

Но ларингофоны — это микрофоны. В них говорят. А слышат посредством шлемофонов — телефонов.

Диву даешься, какие несусазицы печатаются из-за неосмысленных авторами и редакторами слов. У Г. Маркова в «Сибири» (М., 1976) напечатано:

Научные интересы профессора простирались и в область растительного мира (перед этим сообщалось, что он собирал экспонаты по геологии и минералогии края, этнографии и археологии. — А.М.). И тут он внес в науку свою лепту, не только дав описания отдельных особей сибирской фауны, но и доставив образцы в университетский гербарий и ботанический сад (с. 46).

Трудно поверить, что автор и редактор не отличают флоры от фауны, но факт налицо. Редактор журнала «Вокруг света» (1969. № 1) также не отдавал себе отчета о значении слов в таком фрагменте текста:

Масаи в основном питаются молоком и кровью, которую они берут у коровы, разрезая у нее вену на шее. Коровы при этом не гибнут, ранка, замазанная глиной, прекращает кровоточить, и коровы быстро нагуливают взятую у них кровь (с. 76).

Разрезанную вену глиной не замажешь. Вероятно, автор хотел написать: *надрезая*, но редактор его описку не заметил и не устранил. Именно потому, что не осмыслил значения решающего для этого текста слова.

В пособии по химии для поступающих в вузы (Минск, 1965) автор Ф. Н. Капуцкий написал:

Ученые-химики постепенно стали отходить от виталистических позиций и склоняться к тому, что и органические вещества человек может получать из неорганических элементов (с. 236).

Между тем химические элементы не могут быть ни органическими, ни неорганическими. Из них состоят и органические и неорганические вещества. Возможно, автор имел в виду неорганические вещества, и это описка. Редактор же не заметил ошибки, потому что не осмысливал значения словосочетания *неорганические элементы*.

Спортивная газета сообщала о конькобежных соревнованиях:

Новый чемпион показал на редкость ровные результаты на всех дистанциях многоборья. Форнесс был четвертым в спринте (42,1), вторым в забегах на 5 000 и 10 000 м (7,38,9 и 15,47,5), третьим — на полукилометровке (2,08,2).

Если бы редактор заметки осмысливал значение слов, то он бы обязательно заметил, что *полукилометровка* — это полкилометра, т.е. 500 метров, или то же самое, что в беге на коньках спринт, результаты которого уже приводились выше. А заметив это, понял бы, что *полукилометровка* — это опечатка: вместо этого слова здесь должно стоять другое — *полторакилометровка* (т.е. 1500 м).

Ошибок подобного рода можно приводить без конца. Но надеюсь, что и выше приведенных достаточно для того, чтобы редакторы, познакомившись с ними, не пропускали в печать ни одного слова, значения которого они не знают или не помнят. Ни одно слово не должно пройти мимо их сознания. Значение терминов и решающих для передачи смысла слов надо мысленно определять по памяти или справляться о нем в словаре.

Возмущенный подобными перлами печати, Лев Толстой писал Н. Н. Страхову:

Если бы я был царь, я бы издал закон, что писатель, который употребляет слово, значения которого он не понимает, лишается права писать и получает 100 ударов розог (Полн. собр. соч. : в 90 т. Т. 62. С. 438).

Пожалуй, здесь уместно добавить, что в текстах, адресованных массовому читателю, редактору стоит позаботиться и о том, чтобы авторы разъясняли значение терминов, особенно иноязычного происхождения, которыми любят щеголять специалисты. Ведь не всякому читателю эти термины могут быть понятны, и смысл текста останется для них закрытым или они поймут его превратно, если не обратятся к словарю. Но словарь далеко не всегда под рукой, а значит, читательский адрес резко сузится. Например, журналист «Известий» С.Лесков, пропагандист науки, пишет:

...в Таиланде и на Филиппинах эти методы [диагностика с применением ядерных технологий] используют при скрипинге новорожденных (Известия. 2004. 25 сент. С.8).

А ведь не мог автор не знать, как и редакторы газеты, что значение слова *скрипинг* большинству читателей неизвестно, и нужно было кратко пояснить его. Возможно, трудно было сделать это кратко, по ходу текста, или автор и редактор исходили из того, что читатель может узнать это значение в словаре, хотя даже в «Популярной медицинской энциклопедии» этого термина нет.

Так что совсем не устарел мудрый совет А. С. Пушкина в письме к И. В. Киреевскому 4 февраля 1832 г.:

Ваша статья о Годунове и о Наложнице порадовала все сердца; насилу-то дождались мы истинной критики. NB Избегайте ученых терминов; и старайтесь их переводить, то есть перефразировать: это будет и приятно неучам и полезно нашему младенствующему языку (Полн. собр. соч. Т. 15. С. 9).

11.6.6. Приемы, предупреждающие от недостатков смыслового чтения

Некоторых фактических ошибок в тексте можно избежать, используя приемы, помогающие контролировать элементы, ускользающие от проверки при убыстренном чтении.

При обычном чтении, которое протекает быстро, некоторые элементы текста просто опускаются читателем, и потому ошибки в них остаются не замеченными.

Очень часто, например, перевирают в печати инициалы лиц, о которых идет речь в тексте. И это не случайно. Читая фамилию с инициалами, человек склонен для экономии не фиксировать их — зрительно опускать. Он знает по фамилии, о ком речь, а большего для понимания текста ему и не нужно.

Редактору так читать негоже. Однако навыки смыслового чтения слишком сильны, и, поглощенный анализом содержания, редактор быстро забывает о проверке инициалов. И тогда приходится читать:

Зритель встретится в нашем фильме с Е. Вицным, Ю. Никулиным и Е. Моргуновым (хотя Вицна зовут Георгием).

Киевская студия имени А. Довженко работает над двухсерийным фильмом «Почтовый роман» о герое Первой русской революции лейтенанте Н. П. Шмидте (хотя Шмидт Петр Петрович).

Трудно после этого поверить, что автор, бойко пересказывая статью Б. Успенского и М. Лотмана «Роль дуальных моделей в динамике русской культуры (до конца XVIII века)», обошелся без ошибок (хотя второй соавтор не М. Лотман, а Ю. Лотман).

Избежать подобных ошибок помогает прием чтения с обязательной устной расшифровкой инициалов. При этом Н. В. Гоголь уже никогда не превратится из-за технической ошибки наборщика или машинистки, не в нужной очередности нажавших на клавиши, в В. Н. Гоголя. Если же редактор не может расшифровать инициалы или не уверен в правильности своей расшифровки, он заглянет в справочник, но уже никогда инициалы не проскочат мимо его сознания.

Не меньше ошибок делают в *датах*. Вместо *1870 год* набирают и печатают *1970 год*. Так, в «Справочной книге корректора» К. И. Былинского и А. Н. Жилина (М., 1960), редактором которой был автор данной книги, в примерах было напечатано *Отечественная война 1912 г.* Так ошибка машинистки или наборщика, не замеченная корректорами, стала ошибкой авторов и редактора. Многие машинистки и наборщики в прошлом веке подсознательно переносили даты XIX и XVIII веков в XX век, датами которого им приходилось чаще оперировать. А не замечают таких ошибок чаще всего потому, что привыкли фиксировать в дате главным образом две последние цифры года, как наиболее значащие. В противовес этой привычке убыстренного чтения редактору надо вырабатывать навык читать все цифры года. Если мысленно обозначать век, к которому относится год, то пропустить первые две цифры невозможно. Это еще один прием редакторской техники безопасности.

Чтобы избежать ошибок в числах, обозначенных римскими цифрами, когда подряд стоят несколько одинаковых цифр, или в инициальных аббревиатурах из прописных букв, рекомендуется при чтении считать число цифр и расшифровывать каждую букву сокращения. Расшифровка инициальных аббревиатур целесообразна также потому, что гарантирует от описок, искажающих сокращения: ошибки в тексте, набранном прописными буквами, по свидетельству авторов пособий по корректуре, заметить труднее, чем в набранных строчными буквами.

Таким образом, редактору надо владеть особой техникой чтения, некоторые приемы которой описаны выше.

11.6.7. Наглядное представление описания в тексте

Этот прием в ряде случаев может спасти от ошибок. Например, в очерке журналист написал:

Лицо его сморщено, как печеное яблоко, а нос подвисен, как обрубок хвоста у породистого дога.

Трудно представить себе человека, который бы не видел дога — собаки-исполина. Если бы редактор напряг свою зрительную память, он, несомненно, увидел бы длинный, свисающий, как плетка, хвост дога и сказал бы автору, что у дога хвост совсем не обрубок, а значит, надо заменить дога другой собакой, у которой хвост обрублен (например, боксер, бульдог и т.п.).

В «Справочной книге корректора» К. И. Былинского и А. Н. Жилина (М., 1960) редактор (им был автор этих строк) не заметил грубейшую ошибку в примере:

Гранитная глыба размером $2 \times 2 \times 1,5$ мм.

Если бы редактор не скользил по тексту, который был для него второстепенным, а осмысливал его, то он бы постарался представить глыбу с миллиметровыми размерами, и ошибка бы не проскользнула в печать.

Сошлемся еще на один пример, который приводился, когда наглядное представление было описано как один из приемов глубокого осмысления текста в рубрике 4.2.5.

11.6.8. Сочетание приемов проверки

Иногда редактор сможет вскрыть недостоверность текста, фактическую неточность в нем, только если воспользуется несколькими приемами проверки, сочетая их при анализе и оценке текста.

Например, чтобы уловить одну сравнительно небольшую неточность в очерке «Забывтый рыцарь» из книги С. Львова «Эхо в веках» (М., 1969), редактору надо было соотнести три

взаимосвязанных по смыслу факта, и подсчитать, согласуются ли они.

Автор писал о герое очерка:

Хуан Ван Гален решил отправиться в Россию... когда... ему было тридцать лет с небольшим (с. 60).

Затем на той же странице мы узнаём:

Хуан Ван Гален... добрался до Петербурга морозным декабрем 1818 года.

Если вспомнить, что Хуан Ван Гален, как писал автор:

...родился в 1790 году на острове Леон» (с. 56), —

и соотнести возраст с двумя датами, подсчитав, сколько лет было Ван Галену в 1818 г., когда он прибыл в Петербург ($1818 - 1790 = 28$), то выяснится, что до отъезда туда больше тридцати ему, естественно, быть не могло.

К сожалению, эту комбинацию приемов использовали не редакторы книги, а читатель из Риги М. Тарнов после того, как книга вышла в свет.

Такой же прием был применен при описании в подразделе 11.6.2 (с. 254). Чтобы установить, что Брет Гарт не мог поступить учителем в 1845 году, надо было соотнести эту дату с датой рождения (1836 год) и подсчитать, что в 1845 году писателю было 9 лет.

Приводить другие примеры сочетаний описанных выше приемов нет смысла. Надо владеть всеми приемами, и к каждому из них в отдельности или к сочетанию нескольких из них редактор прибегнет, когда понадобится — выручат навскидку.

11.6.9. Проверка источников фактов и фактов по источникам

Чтобы судить о достоверности фактического материала, одной проверки их сопоставлениями и другими описанными выше приемами недостаточно. Эти приемы лишь помогают вскрывать ошибки. Но что верно, а что неверно, можно определить только по надежным источникам. Редактору их нужно знать. Отсюда непреложное требование многих издательств к авторам (часто, увы, не выдвигаемое и не соблюда-

смое) — на полях оригинала указывать источники всех приводимых фактических данных, если они не сопровождаются библиографическими ссылками внутри текста. Благодаря таким авторским указаниям редактор может:

- 1) оценить авторитетность и надежность источников, на которые опирался автор: если сомнителен источник, нельзя доверять и сведениям, которые из него извлечены;
- 2) проверить, насколько точно автор следует источнику, если тот заслуживает доверия.

Поэтому требование ссылок на источники фактов должно быть одним из условий издательского договора с автором.

Авторские оригиналы с существенным фактическим материалом, источник которого автором не указан, по большому счету надо расценивать как непригодные к изданию.

Но и самому авторитетному источнику нельзя верить слепо. Наука не стоит на месте, многое обновляется, уточняется уже после выхода в свет авторитетного издания. Существуют и расхождения в данных между авторитетными источниками.

Большую помощь может оказать редактору в этом случае коллективно ведущаяся в издательстве или редакции справочная картотека новейших фактических данных, дополняющих и уточняющих справочники, энциклопедии, монографии. В конце XX и начале XXI в. большие возможности для уточнения фактических данных открывает Интернет. Во всяком случае, торопиться исправлять автора, не выяснив причину расхождений его данных с данными авторитетного источника, не следует. Он мог пользоваться новейшими данными, еще не вошедшими в фундаментальные печатные источники.

Однако, опираясь даже на самый заслуживающий доверия источник, автор может по самым разным причинам (в том числе и чисто техническим) исказить его. Выборочная проверка того, насколько точно использует автор источник фактов,— непременная составная часть редакторской оценки текста с фактической стороны.

Выборочность проверки вынужденная. Почти каждое произведение насыщено таким количеством фактических данных, что если бы редактор захотел проверить все, он бы зарылся в источники на срок, немыслимый для издательского процесса. Поэтому выбирают для проверки те данные, на

которых автор строит свои выводы, а из менее значимых — те, что вызывают сомнения. Желательно, правда, чтобы среди существенных выбирались для проверки факты разного характера (и числа, и даты, и названия и т.д.). Объем выборки можно посчитать достаточным, если он дал ясное представление о характере работы автора с источниками. Небрежность обычно обнаруживается даже при незначительном объеме проверки. Такой авторский оригинал правильнее всего возвратить автору для выверки всех данных.

Непрерывной проверки требуют фактические данные, о которых редактор имеет смутное представление: для него они должны быть сомнительными.

Когда автор пишет:

Завоеватели Перу — испанцы — уже в XVII веке убедились, что климат высокогорной местности пагубно влияет на рождаемость в семьях чужеземцев... Испанские конкистадоры, обратив внимание на это обстоятельство, вышли из положения довольно просто. Столица Перу, расположенная прежде в горах, была перенесена на берег океана, —

то никакие приемы не помогут редактору увидеть ошибку, если он не знает, когда столица Перу была перенесена на берег океана. Другого пути убедиться в точности даты (в XVII веке) нет. И коль скоро редактор книги, из которой взят этот фрагмент текста (Асатиани В. С. Человек в горах. М., 1964), не знал этого, он обязан был раскрыть справочник и установить, что столица Перу, город Лима, основана в 1535 г., т.е. в XVI в. и, следовательно, в дурном влиянии горного климата испанцы убедились на век раньше, чем написал В. Асатиани, а редактор не помешал ему ввести в заблуждение читателя.

Знает ли, помнит ли каждый редактор, что русские войска вступили в Париж в конце марта 1814 г.? Вряд ли. Во всяком случае, редактор книги И. Акимушкина «Трагедия диких животных» (М., 1969) этого явно не знал или не помнил, коль скоро в ней напечатано:

Когда в 1812 году победоносные русские войска, разгромив Наполеона, вступили в Париж... (с. 68)

Не помнил, а своей подписью удостоверил.

Если собственные знания обширны и глубоки, то главное — привести их в действие. Тут решающая роль принад-

лежит приемам без проверки по источникам: они принуждают сверять факты в тексте с знаниями, не позволяя «зевнуть» ошибку. Но знания не беспредельны.

Именно поэтому признаком высокого методического искусства редактора надо считать умение четко определять в тексте то, что он не знает и что, следовательно, полезно и целесообразно проверить по источникам.

Если, например, редактор слаб в географии, то скрывать это от самого себя ему более чем неразумно. Наоборот, такая слабость должна восприниматься как сигнал для того, чтобы, во-первых, расширить и углубить свои географические познания, а во-вторых, почаще обращаться к атласам и географическим справочникам для проверки географических данных в редактируемом тексте.

Авторы книги «Новороссийск», В. Андрющенко и др. (Краснодар, 1968), пишут о траулерах «Сарыч» и «Руза»:

Новороссийцы преодолели Черное море, проливы Дарданеллы и Босфор, по Суэцкому каналу вышли в Красное море, а затем — в Индийский океан.

Зря редактор книги понадеялся на свои приблизительные знания географии. Ему бы следовало из осторожности раскрыть атлас, чтобы проследить за путем новороссийских траулеров. И тогда он бы увидел, что они сначала преодолели Босфор, а уж затем Дарданеллы и что до Суэцкого канала им пришлось пересечь такую малость, как Средиземное море.

То же самое относится и к редактору, готовившему к печати «Повесть о том, как возникают сюжеты» А. Штейна (Знамя. 1964. № 4. С. 65—66). Если бы он заглянул в атлас, то увидел бы, что автор «Повести...» никак не мог, совершая путешествие из Лондона в Ленинград, остановиться сначала в Стокгольме, а затем в Копенгагене. Видимо, редактора подвело то, что автор описывал не чье-то, а собственное путешествие. Разве мог он при этом не помнить, какие порты за какими следовали? На этот наивный редакторский вопрос ответ дает источник — географический атлас. Надо было не лениться в него заглядывать.

И, конечно, необходимо постоянно освежать в памяти географические сведения, чтобы не случались такие конфузы, как с сотрудником «Литературной газеты» (1969. 9 апр. С. 9), который пропустил в печать подпись к фотографии:

Сцена столкновения полиции с греческими гражданами, проживающими в столице Канады — Монреале...

Монреаль — крупный канадский город, но не столица. Столица — Оттава.

Сказанное относится, конечно, не только к географическим сведениям, но и к любым другим. Все, о чем редактор имеет недостаточно ясное и четкое понятие, ему целесообразно проверять по источникам.

Из левой плоскости торчал хвост противотанковой мины. Чудо спасло самолет в воздухе. Но нельзя было надеяться на чудо на земле. Лопастей мины остались снаружи и загнулись, будто их приклепали к поверхности.

Такой трагический случай был описан в одной газете. И если редактор не знал, каков внешний вид противотанковой мины, то он обязан был открыть справочник или другую книгу по военному делу. Потому что — увы! — у противотанковой мины нет ни хвоста, ни лопастей.

Итак, редактору надо четко выделять в тексте то, что ему известно мало или приблизительно, и непременно проверять по справочникам или другим авторитетным изданиям.

Не менее важно знать, в какой области автор не очень силен и в какой, следовательно, вероятность неточности выше. Так, когда автор характеризует орган печати со стороны организационно-издательской, а сам специализируется как библиограф, такого рода характеристики надо проверять особенно тщательно. Написал такой автор в 1971 г.:

Журнал «Сельский механизатор», издающийся Министерством сельского хозяйства СССР...

А в это время журнал издавался уже издательством «Колос». Автор пользовался устаревшими данными.

11.7. Общие условия успешности анализа и оценки фактического материала

Теперь можно, подводя итоги изложенного, сформулировать условия, при которых анализ и оценка фактического материала редактором будет успешной или, по крайней мере, лишенной существенных недостатков.

Первое условие. Знать хотя бы в общих чертах предмет произведения, не надеяться только на свой здравый смысл и, значит, знакомиться с основной литературой о предмете произведения, критически относиться к собственным знаниям и помнить, что при нехватке знаний лучше воспользоваться помощью квалифицированного специалиста-рецензента.

Второе условие. Добиваться энциклопедичности знаний, широкой общей культуры как основы для проверки точности и достоверности фактов. Всё проверить по источникам редактор не в силах: времени не хватит. Да без широких знаний и не увидишь, что надо проверять.

Вот наглядный пример. В газете «Книжное обозрение» была напечатана беседа с человеком, который называл себя независимым экспертом. Он говорил журналисту-собеседнику:

Если взять для примера издательство «Высшая школа», то практически 100 % его книг имеют гриф Министерства образования. Но многие из них издаются не первый десяток лет. Четырнадцатое, пятнадцатое, двадцатое издание — это не хорошо и не плохо. «Начертательная геометрия» Гордона или «Теория вероятности» Венцеля — это даже не фундаментальные учебники, это — суперклассика.

Оставим на совести независимого эксперта логическую нестрогость рассуждений: запечатлен живой разговор. Редактор газеты и журналист-собеседник сочли, что с точки зрения фактов в тексте все правильно. И впрямь внешне всё так. Однако начитанный, знающий современную русскую литературу человек вздрогнет, прочитав: *Венцеля*. Потому что он знает: Венцель — это подлинная фамилия писательницы, публикующей свои романы и повести под псевдонимом И. Грекова. И склонять эту фамилию не следовало: родительный падеж фамилии автора учебника превратил женщину в мужчину. Для книжной газеты это позорно.

Конечно, необходимость проверить правильность написания фамилии никому из молодых журналистов не пришла в голову.

Ошибку можно было предотвратить только благодаря широкой общей культуре тех, кто имел отношение к публикации беседы с независимым экспертом.

В хорошей книге Евгения Рейна «Мне скучно без Довлатова» (М., 1999) напечатан рассказ «Обмен» — об обмене кубистического автопортрета якобы художника Чегина на якобы картину Пиросмани «Ягненок». Свидетелем этого обмена оказался автор. Заканчивает рассказ Евгений Рейн таким образом:

А через неделю зашел я в гости к Николаю Ивановичу Халатову и рассказал ему про этот обмен. Николай Иванович прожил очень долгую жизнь, сам когда-то был и футуристом и кубистом, дружил с многими художниками и очень много знал по части нового искусства. Он выслушал мой рассказ и коротко попросил:

— Опишите этот портрет В.

Я исполнил его просьбу. Он обо всем догадался.

— Это не Чегин, и вряд ли это портрет. Я видел этот холст еще до войны. Это всего скорее студенческая работа из Вхутемаса, и автора установить невозможно, но не переживайте, то, что получил ваш приятель, — не Пиросмани. Когда-то у вдовы В. действительно был «Ягненок» Пиросмани, но она увезла его в Париж и продала, и там же, в Париже, сделала копию. Я ее видел — очень неплохая копия. Вот такие дела...

Прошли годы. Халатова давно нет в живых, и, на моей памяти, он не ошибся ни разу (с. 221).

В подлинности рассказа Рейна сомневаться нет оснований. Но если бы редактор книги обладал широким кругозором, читал литературу о деятелях искусства 20-х годов, он, без всяких сомнений, сказал бы Рейну: «Вы, вероятно, заходили не к Халатову, а к Харджиеву, если судить по вашей же его характеристике. Халатов же был председателем Правления Госиздата РСФСР и в 1938 г. был без вины расстрелян. Кстати, Харджиев умер не так уж давно, как это показалось Рейну». Во всяком случае, редактор мог уберечь автора от фактической неточности, упоминанию другого человека с близкой по начальному слогу фамилией.

Третье условие. Сознательно использовать специфически редакторские приемы и навыки анализа и оценки фактов, описанные выше, в 11.6.

Четвертое условие. Читать текст с установкой на то, что ошибки в нем обязательны, и уметь определять все объекты, которые нуждаются в проверке.

Для этого подвергать каждый факт своеобразному экзамену:

а) Так ли это? Согласуется ли с тем, что мне известно по этому поводу?

б) Что сомнительно?

в) Чего я не знаю и что мне надлежит проверить по источникам?

Тут уместно привести афористичное высказывание замечательного литературоведа Бориса Викторовича Томашевского:

Я знаю совсем немного. Я только твердо знаю, чего я не знаю, и обычно знаю, где найти то, чего я не знаю.

Эти слова должны стать руководством к действию любого редактора.

Пятое условие. Знать общие и специальные источники фактов в той области, к которой относится произведение, их достоинства и недостатки, уметь хорошо ориентироваться в них.

11.8. Анализ и оценка цитат

Цитаты с некоторой долей условности тоже можно рассматривать как фактический материал. Они отражают действительность печатную или письменную, т.е. представляют собой воспроизведение действительности, отраженной в других произведениях.

Однако и эту часть текста редактору необходимо проанализировать, чтобы оценить:

- 1) уместность цитат и обоснованность их объема;
- 2) точность цитирования буквальную и смысловую;
- 3) соответствие того, как автор толкует ее истинный смысл, содержанию цитаты.

11.8.1. Уместность цитат и обоснованность их объема

а) Обоснованность цитирования

Чтобы проверить обоснованность употребления цитат, нужно прежде всего знать, с какой целью цитируют других авторов и другие тексты вообще и с каким случаем употребления цитат имеют дело в каждом конкретном случае.

Распространенные цели цитирования:

1) прибегнуть к утверждению признанного авторитета, чтобы опереться на него в своих доказательствах или опровержениях (для цитирующего такие утверждения — аксиомы);

2) опереться на цитату как на анализируемый (критикуемый целиком или частично) объект, чтобы показать ошибочность или верность цитируемого текста;

3) воспользоваться выразительным, ярким по форме выражением мысли для большей убедительности доказательства или опровержения (так прибегают к пословице или поговорке, чтобы предельно остро и сжато выразить самую суть и оживить текст);

4) документально подтвердить свои выводы и положения (цитата как факт);

5) проиллюстрировать то, что утверждается или опровергается в тексте (примеры в языковедческих трудах и т. п.).

Зная цель цитирования в конкретном случае (это не так уж трудно определить), можно, сопоставляя содержание цитаты с той целью, ради которой автор вставил ее в свой текст, установить, уместна ли она в этом тексте или налицо цитатничество. *Цитатничество* — это не просто обилие цитат. Это цитаты не к месту или взамен собственной мысли.

В портрете Чехова Корнея Чуковского (в его сборнике «Современники». М., 1963) цитат, наверно, больше, чем авторского текста. Во всяком случае, не меньше. Но цитаты здесь — это мазки художника-портретиста. Сократишь их, и портрет поблекнет, останутся лишь контуры. Нагнетая цитаты, Чуковский добивается поразительного эффекта: Чехов оживает во всем своем обаянии. При этом и собственный текст Чуковского, точный, яркий, выразительный, делает действие цитат еще неотразимее. Иное сочетание — авторского заплетающегося языка с живым трепетным цитат,— и эффект был бы плачевным.

Какой же вред мог нанести редактор, попытайся он бороться с «цитатничеством» Чуковского, вымарывая, например, цитаты «об одном и том же». Это цитаты — иллюстрации, цитаты — кирпичи здания, которые построил автор.

Сейчас ушли в прошлое времена, когда обязательным для издательств и авторов было, если они не желали неприятностей, цитировать последние решения и постановления

Коммунистической партии и правительства. Точно так же следовало ссылаться на основоположников марксизма-ленинизма, какой бы банальной ни была мысль, высказанная одним из них на близкую тему, независимо от того, обогащала цитата собственное произведение или лишь увеличивала его объем.

Главный редактор Политиздата Н. В. Тропкин в шутку писал, что если бы у Маркса или Ленина где-нибудь было сказано, что дважды два четыре или что сутки состоят из 24 часов, а неделя из семи дней, то и эти азбучные истины приводились бы в качестве цитат.

Цитаты становились выражением преданности автора марксизму-ленинизму, Коммунистической партии.

Мне самому пришлось пострадать от цитатных обычаев.

Издательство «Книга», в котором я работал, выпускало книгу директора издательства «Правда» Б. А. Фельдмана «Газетное производство». Автор в предисловии не процитировал известное ленинское положение о том, что газета не только коллективный пропагандист и коллективный агитатор, но и коллективный организатор из статьи «С чего начать?» Он своими словами выразил то же самое, написал, что газетное производство — техническая база коммунистической печати, и посчитал, что в книге производственного характера этого достаточно. Не тут-то было. Заместитель главного редактора издательства, в прошлом секретарь одного из обкомов по пропаганде, убедил директора издательства, что отсутствие ленинской цитаты — грубый политический просчет, и тот решился донести на издательство, т.е. на себя, в Госкомиздат. Там сами ничего не решили и доложили о «случившемся» в Отдел пропаганды ЦК КПСС. Туда вызвали автора, и он предложил издательству сделать за его счет так называемую выдирку. Крамольную страницу вырезали, набрали уже с ленинской цитатой, напечатали заново и вклеили взамен вырезанной в каждый экземпляр книги.

Читатель, особенно молодой, может спросить: «Зачем об этом говорить сейчас, когда все это потеряло свою актуальность?»

Во-первых, не вредно знать, как жили предшественники.

А во-вторых, рецидивы цитатничества встречаются и в сегодняшней практике:

1. Когда цитатами стараются подменить аргументацию. Любопытно, что главный редактор Политиздата Н. В. Тропкин считал, что так делать нельзя потому, что это работает против марксизма-ленинизма, поскольку далеко не все безгранично верят тому, что сказали основоположники марксизма-ленинизма и, значит, любители цитат обрекают пропаганду этого учения на поражение. Убедить одними цитатами невозможно. Отсюда задача редакторов и сегодня — критиковать автора, если он в своих доказательствах опирается только на цитаты, пусть это уже не относится к пропаганде марксизма-ленинизма.

2. Когда автор для подкрепления собственной позиции прибегает к цитатам, ничуть не лучше выражающим высказанную им мысль.

3. Когда автор просто не может удержаться от цитирования, хотя большой необходимости в этом нет.

Трудно не согласиться с поэтом Эрихом Кёстнером, который написал:

Дай полежать хоть иногда
Удачной мысли и цитате.
Их лучше выпачкать тогда,
Когда они придутся кстати.

б) Объем цитат. Он должен быть соразмерен цели, ради которой приводится цитата. Вот что пишет американский специалист Поль Сопер в книге «Основы искусства речи»: «...если цитирование отнимает больше времени, чем это нужно по значению приводимого мнения, уместно и даже нужно ограничиться пересказом».

Итак, редактору нужно определить:

а) обоснованно ли употреблены цитаты, оправданны ли они по существу и по цели;

б) обогащают или засоряют произведение;

в) помогают ли автору решать поставленные им перед собой задачи либо приводятся из простой формальности или из-за отсутствия у автора собственных мыслей.

Похвально, если редактор может удачно подсказать автору яркую стихотворную цитату или афоризм для оживления

текста, для того, чтобы кратко выразить его суть, подчеркнуть главное, подкрепить доказываемое или опровергаемое. Такую цитату можно считать использованной с толком.

11.8.2. Точность цитирования

а) Буквальная точность цитирования

Когда говорят о проверке точности цитирования, то чаще всего имеют в виду проверку техническую — совпадает ли цитата с подлинником буква в букву, слово в слово.

Такая проверка необходима. Этого требуют и простая добросовестность и ответственность перед тем, кого цитируют. Читатель должен видеть цитату точно такой, какой она предстает в источнике.

Даже мелкие искажения в цитате ведут к тому, что читатель теряет доверие к автору и издательству.

Один читатель привел пример текстуального искажения цитаты в мемуарной книге Г. Рыклина «Если память мне не изменяет...». В двух изданиях этих мемуаров (1968 и 1973) автор, говоря о книге Аркадия Аверченко «Дюжина ножей в спину революции», пересказывает ленинскую оценку книги в статье о ней, опубликованной в «Правде». Читатель, письмо которого по этому поводу было опубликовано в газете, начинает свое письмо с цитаты из книги Г. Рыклина:

Владимир Ильич, говоря об этой книжке «излюбленного почти до упоминания белогвардейца Аркадия Аверченко, смеется над невежеством писателя...»

Читатель недоумевает и возмущается: «Как это *излюбленного*, когда у Ленина *озлобленного*?» И справедливо заключает, что если память все-таки изменила Рыклину, то редактор обязан был проверить цитату. И, добавим мы, прочитать ее по статье Ленина, потому что Ленин не писал предисловия к книге Аверченко. Ленинскую статью, опубликованную в «Правде», Госиздат поместил в качестве предисловия к книге, но называть ее предисловием можно было бы только в том случае, если бы Ленин писал ее в качестве таковой. Кроме того, называть это предисловие ироническим не было никаких оснований. Это серьезная статья о том, как ненависть Аверченко к революции сказалась на сильных и слабых сторонах его рассказов. Ленин не смеется над невежеством пи-

сателя. Этого слова в статье нет. Возможно, Рыклин имеет в виду то место в статье, где Ленин пишет о том, что Аверченко терпит неудачу там, где изображает то, что плохо знает (например, бытовую сторону жизни Ленина и Троцкого). Но называть такую слабость изображения невежеством Ленину в голову бы не пришло. Так что Рыклин искажил цитируемого автора не только буквально, но и по существу. Кстати, так случается нередко: при отклонении от буквальной точности цитирования обнаруживаются также искажения в существе передачи мнений цитируемого автора. Так что польза от такой проверки оказывается двойной.

Мелкие неточности цитирования — сигнал для редактора: автор может исказить и суть дела.

Как редактор книги Лидии Чуковской «В лаборатории редактора» (М., 1958, 1960) я, читая учебник редактирования, где использовались примеры из этой книги, сразу заметил неточности автора учебника.

Например, в учебнике на с. 270—271 приводилась цитата из книги Чуковской:

«Разбирая рукопись, он [Маршак] словно ставил веки, — вспоминает Л. Бугодская, — и это помогало в дальнейшей работе»¹.

¹ Л. Чуковская. В лаборатории редактора, с. 288.

Мне не нужно было раскрывать книгу Чуковской на с. 288, чтобы сказать, что цитата неточна, так как писательницы Л. Бугодской не существует. Это знают те, кто читал ее повести. Это знают те, кто раскрывал книгу Чуковской. Там, на с. 288 написано о Л. Бугодской (а не Л. Бугодской). И цитируемый текст у Чуковской состоит не из одной фразы, а из двух.

Мелочи? Несомненно. Но мелочи настораживающие. Случайность? Может быть. Но, может быть, и свидетельство небрежности автора, поспешности.

И вот что выясняется при более пристальной проверке того, как автор использовал книгу Чуковской при разговоре о принципах редактирования художественных произведений.

На с. 278 учебника снова цитируется и пересказывается одно место из той же книги Чуковской.

Чуковская рассказывает о редакторской работе Маршака над повестью И. Шорина «Одногодки». В этой поэтически

написанной повести о деревенских мальчишках автор, по мнению Маршака, не сумел образ прежнего властителя судеб деревенских жителей, богатея Антипа, органично ввести в сюжет повести. Устранить этот недочет и попросил он И. Шорина. Чуковская пишет (с. 250).

Через несколько дней автор принес новый кусок: кланяются бедняки Антипу, вымаливают у него на денек коня (пора сенокосная и денек ясный!).

Чуковская приводит цитату из повести. По этой цитате, Антип отдаст лошадь Шурке, отдаст потому, что мальчик обещал ему: «Дай нам, — в жниву, мама сказала, отработаем», — а Антип в ответ: «Бери ты, твоя мать зря слова не срочит».

А вот что написано в учебнике:

Автор написал новую сцену — «родители одного из мальчиков приходят к Антипу, чтобы вымолить у него лошадь», хотя ничего подобного у Чуковской не было. Да и смысл сцены иной: мальчик на себе должен испытать власть богатого, зависимость бедняков от него.

Ошибки в цитаты проникают прежде всего потому, что редакторы не проверяют цитаты, полностью доверяя автору.

Как уменьшить число таких ошибок, когда у редактора нет возможности проверить все цитаты?

1. Обязать автора подписывать каждую цитату, подтверждая этим, что она проверена по источнику.

2. Если внутри текста не указан источник цитаты, требовать от автора, чтобы он указал источник на поле страницы оригинала.

3. Проверять цитаты по источнику хотя бы выборочно. Такая проверка даст представление, точен ли автор или небрежен. Во втором случае надо вернуть оригинал автору для дополнительной выверки цитат.

4. Проверять цитаты в корректурных оттисках по источнику или по проверенному ранее оригиналу. Это поможет избавиться от ошибок в цитатах из-за промахов наборщика и корректора.

б) Смысловая точность цитирования

Проверка смысловой точности цитирования сложнее, чем проверка буквальная точности.

При буквальной точности цитирования (слово в слово, буква в букву, знак в знак) вполне возможна неточность смысловая, когда смысл цитаты искажается по существу.

Это происходит в следующих случаях:

1. Цитату обрывают там, где кончаются слова, которые согласуются с точкой зрения цитирующего, и начинаются слова, которые с ней расходятся.

Например, в учебнике редактирования автор, стремясь проиллюстрировать, что Ленин-редактор «ограничивался минимумом безусловно необходимых поправок», приводит в качестве примера фрагмент текста из статьи В. А. Карпинского «Крестьянский съезд» и рядом тот же текст в редакции Ленина (вставленные им слова выделены курсивом полужирным и подчеркнуты):

Текст В. А. Карпинского:

...он * понимает, однако, что вся эта реформа — перераспределение земли между собственниками, основ капиталистического производства затрагивающее. Он знает, что эта возможность всегда получить землю останется для крестьянина лишь прекрасной раз он не знает надлежащих орудий производства или капитала.

* Крестьянский съезд.

Тот же текст в редакции Ленина:

...он * не понимает, однако, что вся эта реформа — лишь перераспределение земли между собственниками, основ капиталистического производства не затрагивающее. Он не знает, что эта возможность всегда получить землю останется для крестьянина лишь плотонической возможностью, раз он не знает надлежащих орудий производства или капитала.

* Крестьянский съезд.

Вслед за этим примером, который автор учебника характеризует как «правку одного только абзаца», он пишет: «Здесь только дважды вставлено слово „не“, а „прекрасная возможность“ заменена на „плотоническую возможность“, однако легко убедиться, насколько мысль автора оказывается острой, ясней, выразительней, как до осязаемости обнажена общественно-политическая сущность освещаемого вопроса».

Сформулировано четко и ясно. А все же странно, что редактор оставил без внимания смысл изменений текста Лениным и не спросил: «Как же так: Карпинский пишет „он по-

нимает“, „он знает“, а Ленин исправляет: „он не понимает“, „он не знает“. О каком же заострении мысли автора можно говорить? Ведь мысль автора заменяется прямо противоположной».

Конечно, это должно было насторожить редактора и заставить его заглянуть в первоисточник. Если бы он это сделал, то изумлению его не было бы предела. Потому что текст, откуда извлечен фрагмент исправленного Лениным текста, выглядит в первоисточнике так (выброшенный Лениным текст перечеркнут, а вставленный взамен выброшенного набран курсивом и подчеркнут):

И взгляд крестьянина естественно обращается назад, к давно прошедшим без возврата временам земельного простора, когда действительно земли было вдвоель. Он думает вернуть эти счастливые времена, обратив землю в такой общественный фонд, из которого может черпать всякий. Он не понимает, однако, что вся эта реформа — лишь перераспределение земли между собственниками и, основ капиталистического производства не затрагивающее. Он не знает, что эта возможность всегда получить землю останется для крестьянина лишь [прекрасной] платонической возможностью, раз он не имеет надлежащих орудий производства [или] и капитала. Это особенно заметно в речах крестьян, отстаивавших необходимость „вернуть свои деньги“, вложенные в землю.

Но крестьянские делегаты, по-видимому, плохо понимали, что раз земля станет собственностью общества то фактически распоряжаться ею будет господствующий в этом обществе класс. Таким классом является теперь крупная буржуазия. Ее адвокаты уже стараются отвлечь внимание крестьян от вопросов политических, — строя прекрасные проекты отобрания помещичьей земли с выкупом; от вопросов прямой борьбы с правительством, — пугая перспективой „пролития крови крестьянской“. Крестьянство только в той мере сумеет обратиться в свою пользу общественный земельный фонд, в какой оно само является классом, т. е. поскольку оно из обширного слоя населения, объединенного общностью экономических интересов, сложится в реальную политическую силу, способную противостоять организованной силе крупной буржуазии.

Мы видим, следовательно, что сознательные социалисты должны безусловно поддерживать революционную борьбу всякого, даже среднего, даже зажиточного крестьянства, против чиновников и помещиков, но сознательные социалисты должны прямо и ясно указать, что желанный для крестьян «черный передел» далеко еще не есть социализм. Социализм требует уничтожения власти денег, власти капитала, уничтожения всей частной собственности на средства производства, уничтожения товарного хозяйства. Социализм требует, чтобы и земля и фабрики пере-

шли в руки всех трудящихся, организуемых по общему плану крупное (а не разрозненное мелкое) производство.

Крестьянская борьба за землю и волю есть большой шаг к социализму, но далеко, далеко самый социализм.

Как нетрудно увидеть, вставка Лениным отрицания «не» неразрывно связана с вычеркнутым им текстом, а ленинская правка статьи Карпинского демонстрирует вовсе не то, что он обходился минимумом необходимых поправок, а, напротив, что Ленин, если это казалось ему нужным, вносил в авторский текст большие изменения, как в данном случае.

Делал он это исходя из необходимости кратко и выпукло выразить главную мысль, для чего и сократить текст не грех. Кстати, и сноска при цитате не точна. *Он* — это, судя по полному тексту фрагмента, не крестьянский съезд, а крестьянин. Страничка рукописи Карпинского с правкой Ленина воспроизведена в книге «Ленин — журналист и редактор» на вклейке.

2. Цитируемые слова или предложения вырывают из контекста ради того, чтобы было легче критиковать цитируемого автора. Например, автор критикует режиссера Г. А. Товстоногова:

Выдающийся советский режиссер Г. А. Товстоногов делает весьма категоричное заявление: «Как только в театре начинают слушать слова — современный театр кончается».

Если поверить этому автору, можно удивиться: «Что это такое говорит Товстоногов?!».

А если заглянуть в источник, то выяснится, что Г. А. Товстоногов говорил не совсем то, что ему приписал критик, хотя ни одного слова, ни одной буквы в цитате тот не исказил.

Товстоногов писал:

Слова в современном театре должны не слушаться, а входить в наше сознание через действие. Как только в театре начинают слушать слова — современный театр кончается. Мы не имеем права в театре отдельно слушать слова и отдельно смотреть действия. Мы должны слышать и видеть одновременно.

Выдернутая критиком одна фраза передает мысль Товстоногова урезанно и неверно. Это сделано сознательно, потому что иначе критиковать Товстоногова было бы не за что.

То же самое делает К.Яковлев в книге «Как мы портим русский язык: (Об иностранных словах в нашем языке)» (Ярославль, 1974). Критикуя книгу К.Чуковского «Живой как жизнь», он приводит ряд фрагментов-цитат из нее, соблюдая буквально их точность:

...Корней Чуковский, тоже опираясь на высказывания писателей-классиков и языковедов, взял под защиту язык «культурного общества» и с необычайной резкостью выступил против тех, кто призывает ограничить введение иностранных слов (никого, впрочем, не называя по имени). И «фальсификаторы» они, и «лохачи», и «злостные клеветники», и «узколобые националисты», и... «тарпофы обоего пола»... (с. 13).

Все дело в том, утверждал Чуковский, понятно ли иностранное слово. А поскольку у нас тысячи вузов, радио, кино, телевидение, миллионные тиражи газет, иностранные языки в каждой школе, институты иностранных языков – то современный читатель... даже права не имеет заявлять притязания на то, чтобы с ним говорили, как с недорослем, на каком-то упрощенном, облегченном, обедненном языке, свободном от всяких наслоений мировой культуры... Да простится автору его выражение: «читатель... даже права не имеет»!

И наконец:

«Замечательно, что русский народ, руководствуясь тонким чувством языка, нередко отвергает существующее русское слово и заменяет его иностранным».

Далее К. Яковлев старается цитатами из Чуковского продемонстрировать противоречивость его взглядов на иностранные слова в русском языке. Что-то он одобряет, с чем-то не соглашается, но в целом его вывод после цитат неутешителен для Чуковского:

Впрочем, каковы бы ни были противоречия, нетрудно убедиться, основная задача К.Чуковского, поставленная в книге «Живой как жизнь», – защита иностранных слов, в то время как основная задача А.Югова в книге «Судьбы родного слова» – борьба против тех иностранных слов, без которых можно обойтись, борьба против «языковой интервенции».

Правда, стараясь доказать противоречия в суждениях Чуковского и свою полную объективность (ведь он приводил не только цитаты, которые вызвали его негативную оценку, но и цитаты, с которыми согласен), К.Яковлев все же не пожелал привести ряд цитат из Чуковского, которые снимают все мнимые противоречия, а именно:

...нельзя говорить, будто иноязычные слова всегда, во всех случаях плохи или всегда, во всех случаях хороши. Вопрос о них невозможно решать изолированно, в

отрыве от истории, от обстоятельств места и времени, так как многое здесь определяется политическими тенденциями эпохи. (...)»

...Мы никогда не имеем права судить о ценности того или иного слова, того или иного оборота чохом и голословно, вне связи с другими элементами данного текста. (...)»

Люди, лишенные вкуса и языкового чутья, всегда воображают, что об отдельных словах они во всех случаях могут судить независимо от той роли, которую эти слова призваны играть в данном тексте. Им кажется, например, что борьба за чистоту языка заключается в «безотчетном отвержении» всех иностранных речений только за то, что они иностранные. (...)»

Итак, никто из нас не может сказать, что он за эти слова или против. В иных случаях за, в иных случаях против. Нельзя не учитывать контекста. Все зависит от того, где, когда, при каких обстоятельствах и с каким собеседником ведется наш литературный разговор.

3. Цитируют какое-то положение, относящееся к определенным условиям и определенному времени как всеобщее, а по самой цитате читатель это не всегда может понять и оценить.

Например, автор пишет о необходимости корректору совершенствовать технику чтения, приводя в доказательство такой необходимости слова Гёте:

Ученые считают, что правильно ориентировать движение глаз при столь продолжительном и напряженном чтении, как чтение корректуры, далеко не простая задача. К счастью, навыки чтения могут быть значительно улучшены даже у взрослых, безупречно грамотных людей. Гёте был недалек от истины, когда шуточно жаловался в бесед с Эккерманом: «Эти добрые люди не имеют представления о том, сколько времени и труда надо потратить на то, чтобы научиться читать. Я затратил на это восемьдесят лет и все же не могу еще сказать, что достиг цели».

Понятно, что Гёте имел в виду не технику чтения, а усвоение сути текста, т.е. цитата не о том.

4. Пересказывают цитируемого автора, вставляя некоторые слова, заключенные в кавычки. Опасность искажения мысли цитируемого автора при этом возрастает.

Примеры дает все тот же К. Яковлев, «разоблачая» К. Чуковского. Так, К. Яковлев в первой приведенной нами выше цитаты «пересказывает» Чуковского, стараясь создать у читателя крайне неблагоприятное впечатление о «стороннике иностранщины». Все заключенные им в кавычки слова дей-

ствительно присутствуют в тексте книги Чуковского. Но, если обратиться к предложениям, из которых они извлечены, то станет ясно: К.Яковлев не обошелся без малозаметного, но тем не менее передергивания.

В самом деле, он цитирует «грубые» слова Чуковского против защитников чистоты русского языка после некоего обобщающего вступительного текста (*с необычайной резкостью выступил против тех, кто призывает ограничить введение иностранных слов*), но в книге Чуковского не найти подтверждения, что он выступал «против тех, кто призывает ограничить введение иностранных слов». Он писал:

Сильнейшее негодование вызывают во мне те разжигатели узколобого национального чувства, тарпофы обоего пола, которые, играя на патриотических чувствах читателя, упорно внушают ему при помощи подтасовки цитат, будто вся беда русского языка в иностранщине, будто и Ленин, и Белинский и все наши великие люди во всякое время, всегда питали к ней одну только ненависть.

И далее Чуковский убедительно доказывает этот свой тезис. Что же касается той цели, которую он преследовал, то выше это показано достаточно ясно.

5. Цитирующий искаженно комментирует или толкует цитату.

Например, с поразительным случаем расхождения текста комментария с текстом цитаты, хотя они воспроизведены на расстоянии одной страницы, читатель сталкивается в книге В. С. Жуковского «Лубянская империя зла» (М.: Вече, 2001). Автор на с. 9 воспроизводит в тексте заявление своего отца, который *просит* ЦК РКП освободить его от военно-политической работы. Оно начинается таким абзацем:

Считаю необходимым обратиться в Ц.К. с настоятельной просьбой снять меня с военно-политической работы.

На следующей странице автор книги так комментирует это заявление:

Подумать только, обращаться в ЦК (ЦК!) с «настоятельным требованием».

А ведь в заявлении была *настоятельная просьба*, а не *требование*. Редактор книги этого не замечает. Не замечает, видимо, потому, что не владеет приемом обязательного сопоставления цитаты с источником. А ведь здесь расхождение

цитаты с источником не техническое, а содержательное, хотя, может быть, и не слишком серьезное.

Искажающее толкование цитаты, как правило, чаще всего случается тогда, когда цитирующий исповедует принцип «цель оправдывает средства». Именно потому это часто случалось в статьях, разоблачающих «безродных космополитов».

Прочитируем одну редакционную статью из «Литературной газеты» (1949. № 14) «Космополиты в кинокритике и их покровители» против редакции журнала «Искусство кино»:

Можно ли удивляться, что журнал «Искусство кино», став рупором космополитизма и формализма, не делал ни малейшей попытки бороться против формалистических вывертов в теории и практике кино. Мало того, редакция даже попыталась, так сказать, «теоретически» оправдать свою гнилую, примитивную позицию. После постановления ЦК ВКП(б) об опере «Великая дружба» В. Мурадели она опубликовала статью Л. Шварца «О советской киномузыке» (№ 3, 1948), в которой черным по белому написано, что это постановление не имеет никакого отношения к киномузыке, которая якобы «не могла быть сильно заражена формалистическим влиянием» в силу обязательной программности. Отсюда вывод об «относительно благополучном положении музыки в кино».

Статья Л. Шварца — это уже ничем не прикрытое, наглое и возмутительное выступление против великих решений партии об искусстве, циничная защита формализма в киномузыке.

Автор этой статьи, не назвавший себя, хорошо овладел искусством употребления сильных слов, но не в ладах со здравым смыслом. Все цитаты, которые он привел, не дают никакого основания расценивать статью Шварца как «циничную защиту формализма в киномузыке». Однако ради неблагоприятной цели надо ли считаться с такими «мелочами»?!

Точно так же, как в той же «Литературной газете» чуть позднее (в № 24) В. Озеров в статье «Космополит-„теоретик“» писал по поводу процитированной им статьи Б. Бялика «А. М. Горький и принцип партийности литературы»:

В своем рвении объявить русское искусство пересадком с чужеземной почвы Б. Бялик не останавливается перед анекдотично звучащими выводами: «Нам неизвестна еще румынская сказка, использованная Горьким, но очевидна внутренняя — тематическая и идейная — близость замечательной сказки Горького к одной из „вечных тем“ мирового фольклора» (подчеркнуто мною. — В.О.).

Не правда ли, до чего остроумно: на Западе источника сказки обнаружить не удалось, но он должен быть, ибо Б. Бялик не верит, что русские люди способны самостоятельно создать бессмертные художественные произведения!

Нужно потерять последние остатки совести, чтобы толковать стремление Б. Бялика объяснить использование Горьким в своей сказке тему мирового фольклора как желание принизить русское искусство, но... цель оправдывает средства, а задание нужно во что бы то ни стало выполнять.

а) Скрытое цитирование

Текст цитаты нельзя править, даже если автор цитируемого текста допустил явную ошибку. В этих случаях цитирующий может поставить рядом с ошибочным местом вопросительный знак в скобках, сопроводить цитату примечанием с исправленной ошибкой. То же самое касается скрытых цитат, но если прямые цитаты хоть в какой-то степени защищаются кавычками, в которые они заключены, то скрытые цитаты могут быть приняты редактором или корректором за авторский текст, что освобождает их от этого запрета.

С трудом, например, удержался автор этой книги от замечания (правда, мысленного), читая статью Андрея Немзера, посвященную юбилею Венедикта Ерофеева. Немзер писал:

Всякая попытка осмысленного разговора о Венедикте Ерофееве обречена на провал. Либо ученая тоска ползет, либо пошлость. Конечно, занудство и безответственность всплывут в величаниях (им же несть числа), но тут хотя бы на героя сослаться можно. Веничка ведь, как боярыня Морозова с картины Крамского «Неутешное горе», был одновременно скучным и легкомысленным, находя в этом сочетании высший смысл: «Да и зачем тебе ум, коли у тебя есть совесть и сверх того еще вкус? Совесть и вкус — это уже так много, что мозги делаются прямо излишними» (Время новостей. 2003. 24 окт. С. 10).

Прочитав это место в статье Немзера, автор книги сказал себе: «Немзер ошибся: спутал две картины — приписал картину Сурикова „Боярыня Морозова“ Крамскому и безосновательно назвал женщину на картине Крамского „Неутешное горе“ Морозовой». Кроме того, неверно назвал героиню Крамского боярыней. Признаюсь: попал впросак. Потому что критик здесь скрыто цитирует знаменитую повесть Венедикта Ерофеева «Москва — Петушки». Герой этого произведения говорит своему собеседнику:

— К примеру, вы видели «Неутешное горе» Крамского? Так вот, если бы у нее, у этой оцепеневшей княгини или боярыни, какая-нибудь кошка уронила бы в эту минуту на пол что-нибудь такое, — ну, фиал из севрского фарфора, — или, положим, разорвала бы в клочки какой-нибудь пеньюар немислимой цены, — что ж она? Стала бы суматошиться и плескать руками? Никогда бы не стала, потому что все это для нее вздор, потому что на день или на три, но теперь она «выше всяких пеньюаров и кошек и всякого „севра“!» (Ерофеев В. Москва — Петушки, гл. «Никольское — Салтыковская»).

Эта цитата показывает, что А. Немзер, называя картину Крамского и величая изображенную на ней женщину боярыней, всего лишь цитировал слова персонажа повести Венедикта Ерофеева и не вправе был вносить даже в скрытую цитату какие-либо изменения против оригинала. Пожалуй, автору стоило бы заключить слово *боярыня* в кавычки: ведь во времена Крамского никаких бояр не было. Ерофеев употребляет это слово в значении «знатная особа», наряду с *княгиней*, и кавычки это бы свидетельствовали и к тому же говорили бы читателю, что это не он, Немзер, называл женщину на картине Крамского боярыней, а Веничка, герой повести «Москва — Петушки». Да и не упоминалась там фамилия Морозовой (ошибка Немзера).

Кроме того, этот случай говорит и о том, что скрытые цитаты тоже надо проверять и буквально и по смыслу. При проверке точности данного скрытого цитирования выяснилось, что Немзер зря последнюю фразу («Да и зачем тебе ум?...») приписывает Веничке. Ее в повести произносит не он, а его собеседник, перед тем как Веничка ответил ему, называя картину Крамского. При этом говорит он не «мозги делаются прямо излишними», а «мозги становятся прямо излишними». Конечно, это не цитата, заключенная в кавычки. Незнание также текстологическая выверенность публикации повести в издании, по которому проверялась скрытая цитата. Но и то другое свидетельствует, что скрытые цитаты надо проверять так же, как и прямые открытые.

2) Авторство и персонаж цитаты

Увы, в силу странностей памяти случается, что авторы приписывают цитату не тому автору, которому она принадлежит, или относят персонажа в ней к другому лицу. Этим цитирующий и сам ставит себя под удар, и дискредитирует издание.

Вот характерный пример. Автор рецензии на книгу В.Толстинова «Аракчеев» в серии «Жизнь замечательных людей» в газете «НГ Ex libris» (2004. 1 апр.) пишет среди прочего:

Казалось бы... гений русской литературы однажды высказал адекватное суждение о канцелярской деятельности Аракчеева, чем закрыл тему: «полуподлец, полуневежда, полутупица, но есть надежда, что станет полным наконец».

Какой стыд! Ведь почти каждый школьник, изучавший биографию Пушкина, знает, что эту эпиграмму поэт адресовал графу Воронцову, а не Аракчееву. Мало того, что рецензент, Анна Козлова, по недостатку образования или несовершенству памяти совершила эту ошибку в тексте — она вынесла свою ошибку в подзаголовок рецензии, где стоит: *Полуподлец, полуневежда*. И редактор газетной полосы не удосужился проверить автора. Так что вину за грубую ошибку разделяет с нею.

11.8.3. Правила цитирования

Все ошибки и неточности цитирования и истолкования цитат позволяют сформулировать несколько основных правил цитирования, на которые редактор может опереться в работе. При соблюдении этих правил редактору в меньшей степени угрожает опасность пропустить подобные ошибки и в большей мере удастся выполнить свою миссию помощника автора, уберегающего его от ошибок.

Первое правило. Сверять цитату с источником надо обязательно в контексте всего того, что пишет о предмете цитируемый автор. Это означает, что читать в источнике нужно не только ту часть текста, которая цитируется, но и предшествующие и последующие части. Тогда не проскользнет в печать ошибка, подобная той, которую допустил критик статьи Г. Товстоногова.

Второе правило. Сверять цитату только по первоисточнику, а не по вторичному, даже если это оговорено словами *Цит. по:*. Автор, который цитировал раньше, вполне мог ошибиться. С такого рода ошибкой мне пришлось столкнуться при редактировании книги Лидии Чуковской «В лаборатории редактора». Об этой ошибке я подробно рассказал в очерке об истории издания книги Чуковской в журнале «Ок-

тябрь» (2001. № 8. С. 176—177). Заимствовав цитату из Шолохова не у него, а у процитировавшего его литературоведа, допустившего ошибку, Л. Чуковская повторила эту ошибку в тексте и в заголовке главы — написала «Дудылья татарника» вместо «Будылья татарника», как у Шолохова.

Третье правило. Нельзя допускать, чтобы автора цитировали по старым изданиям его произведений, если есть новые, уточненные и исправленные или пересмотренные автором. Предпочитать проверку цитат из авторов-классиков по наиболее авторитетным изданиям или изданиям, известным как текстологически выверенные, хотя выбор тут не всегда прост.

Например, при подготовке к выпуску миниатюрного издания «Холстомера» Л. Н. Толстого (М., 1979), текст которого печатался по 90-томному академическому по сути полному собранию сочинений писателя, автор предисловия и примечаний замечательный знаток творчества писателя литературовед Э. Г. Бабаев по своей добросовестности счел необходимым выверить текст повести по всем источникам основного текста, в том числе по наборной рукописи и корректурам. И был вознагражден. Ему удалось исправить два десятка мелких упущений и несколько существенных искажений текста. Например, в наборной рукописи (авторизованный список) было *подбежала* (однократное действие), а в печатном тексте оказалось *подбегала*, будто лошадь делала это несколько раз; *молодчик* вместо *мальчик*; *канатник* вместо *накатник*; *плохих* вместо *тихих* лошадях; *долго* вместо *дома* (*долго привык никого не бояться* вместо *дома привык...*); *замолчал* вместо *засмеялся*; *тяжело висела* вместо *тяжело и вязко висела*.

Четвертое правило. Обязательно сопоставлять по смыслу цитату с ее истолкованием и комментированием, с выводами, которые, опираясь на нее, делает цитирующий.

11.8.4. Правила техники цитирования

Правила-требования техники цитирования не сложны.

Первое правило. Текст цитаты должен точно соответствовать источнику.

Из него, правда, есть исключения:

Исключение первое. Орфография и пунктуация модернизируются по современным правилам, кроме случаев, когда модернизация затрагивает формы, характерные для эпохи или автора.

Исключение второе. Сокращенные слова, не принятые в данном издании, разворачивают, заключая развернутое окончание в квадратные скобки.

Исключение третье. Явные ошибки и опечатки исправляют, оговаривая, если это издание научное, и не оговаривая, если это издание массовое.

Исключение четвертое. Выделения слов, словосочетаний и предложений в цитате, принадлежащие цитирующему, оговариваются во внутритекстовом или подстрочном примечании либо для всей книги в предисловии. Обычно выделения цитируемого и цитирующего авторов оформляют по-разному, стараясь по возможности сохранить ту форму выделения цитируемого автора, которая применена в источнике.

Второе правило. Разрешается опускать слова, словосочетания и фразы или большего объема тексты внутри цитаты, если опускаемый текст не нужен цитирующему и если при этом мысль автора цитаты не искажается. Об опущенном в цитате тексте читатель оповещается многоточием при пропуске слов и словосочетаний и многоточием в угловых скобках при пропуске фразы или нескольких фраз.

Правила употребления прописных букв в начале цитаты, а также знаков препинания между цитатой и основным текстом и в сокращенной цитате см. в «Справочнике издателя и автора» А. Э. Мильчина и Л. К. Чельцовой (М., 1999; 2-е изд., 2003), а также в «Памятной книге редактора» (2-е изд. М., 1988).

Глава 12

АНАЛИЗ И ОЦЕНКА ТЕКСТА С ЛОГИЧЕСКОЙ СТОРОНЫ

12.1. Значение логических аспектов редактирования

Значение логических аспектов редактирования для редакторской работы многогранно.

Во-первых, редакторский анализ и оценка текста должны быть логичными. Иначе критика текста не будет доказательной и убедительной для автора.

К сожалению, редакторские заключения на практике нередко не отвечают элементарным логическим требованиям. Например, одно из них кончалось таким выводом:

Данная работа непригодна для издания, так как она не может служить путеводителем для иностранных туристов.

Редактор, написавший эти строки, был, вероятно, уверен, что его вывод неотразим. Хотя его тезис «работа не может служить путеводителем для иностранных туристов» еще требует доказательств, почему он не может служить именно в таком качестве. Поэтому в качестве причины надо было привести доводы непригодности работы для той цели, на которую она рассчитана, и лишь тогда делать вывод о непригодности работы к изданию.

Во-вторых, сам предназначенный к изданию текст должен быть логически безупречным, лишенным противоречий, доказательным. Иначе он окажется несостоятельным. Например:

Отражается на профессиональном чтении, как установлено, и разница в уровне образования: в группе инженеров и техников этот уровень в це-

лом ниже, чем у педагогов (по данным исследований, большинство инженеров и техников имеют среднее образование, часть этой группы – практики).

Этот фрагмент из научного издания, подводящего итоги конкретно-социологического исследования чтения, вряд ли можно признать логически состоятельным.

В самом деле, инженер — это специалист с высшим образованием. Каким же образом он входит в группу тех, у кого образование среднее? Почему автор написал именно так? Вероятно, потому, что имел в виду инженеров не по образованию, а по должности. Но тогда так и следовало написать.

А точно ли утверждение, что большинство занимающих инженерные должности имеет среднее образование? Поскольку никаких оговорок автор не привел, приходится сделать вывод о чрезмерном обобщении. Автор явно имел в виду только тех, кто входил в исследуемую группу, а получилось, что таково общее положени^е в стране.

Зная причины логических погрешностей текста, легко предложить, как их устранить:

...(в исследовавшей^{ей} группе специалистов, занимающих должности инженеров и техников, большинство имеет среднее образование, часть этой группы – практики).

Примеры логических погрешностей и нелогичностей в печатных изданиях можно приводить без конца. Поскольку авторы в своих текстах обычно что-то доказывают, опровергают, формулируют определения, классифицируют, т.е. совершают логические действия, то они должны считаться с законами логики; иначе их действия окажутся ущербными. Редактору же приходится проверять соответствие текста правилам логики.

В-третьих, редактор, предлагая автору поправки в его тексте, только тогда будет делать это безупречно, когда его анализ допущенной автором погрешности будет логически точным, вскрывающим ее причины.

Можно сформулировать такое положение:

Поскольку работа редактора — работа умственная, она может быть успешной только тогда, когда редактор соблюдает законы и правила логики.

В-четвертых, логическая культура читателей зависит во многом от логической культуры текстов в книгах, журналах, газетах. Логику изучает, ее законами и правилами владеет относительно небольшая часть людей, читателей в том числе. И хотя нельзя забывать слова Гегеля о том, что «знание логики столько же помогает мыслить, как знание физиологии — переваривать пищу», можно с уверенностью утверждать, что логическая корректность печатных текстов формирует у читателей логически верное мышление. И наоборот: логически несостоятельный текст препятствует формированию у читателей логически верного мышления. Итак, речь идет о значении анализа и оценки логических качеств текста редактором для логической культуры читателей.

12.2. Предмет главы

Этот предмет не краткий курс логики, приспособленный для редакторов, а главным образом приемы анализа и оценки текста с логической стороны: речь пойдет о том, как редактору строить свою работу над авторским оригиналом, чтобы выявлять логические погрешности текста и помогать автору их устранять. Это тем более важно, что издания изобилуют логическими погрешностями именно потому, что их редакторы не владели такими приемами. Об этом свидетельствуют многочисленные примеры низкого уровня логической культуры печатных текстов.

См. пример из газеты, приведенный в 11.4.2.

В нем вторая фраза, по замыслу автора или писавшего отчет корреспондента, должна служить аргументом положения, содержащегося в первой фразе. Но состоятелен ли аргумент? Ведь из первой фразы можно понять, что с ростом выпуска литературно-художественных книг увеличивается пропорционально и число хороших *среди них*. А подтверждается это во второй фразе тем, что издательство «Вагриус» подготовило к

выпуску энциклопедию, которая будет вкладом в историческую литературу. Во-первых, книга еще не вышла и ее оценка как хорошей еще впереди. Во-вторых, книга историческая, а не литературно-художественная — каким же образом она может подтвердить рост числа хороших книг среди книг литературно-художественных? Логическая связь между двумя фразами несостоятельна.

Другой пример (из еженедельника «За рубежом»):

Разумеется, антикоммунизм не новый враг для рабочего класса. Первые столкновения с ним произошли еще на заре рабочего движения. Буржуазия и феодальная аристократия начали травлю идей коммунизма еще до появления на свет «Коммунистического манифеста». Первый антикоммунистический процесс состоялся в Кельне в 1852 году — всего через четыре года после опубликования этого великого документа марксизма.

В качестве доказательства травли коммунизма *до* выхода «Коммунистического манифеста» автор привел первый антикоммунистический процесс, который, как он сам пишет, состоялся через четыре года *после* этого выхода. Казалось бы, очевидно, но редактор этого не замечает.

Особенно удивительны грубейшие логические погрешности в газетах, где они встречаются довольно часто.

Вот корреспондент «Известий» пишет:

Не спеша прошмыгнула через причал и скрылась за дверью крыса.

Удивительная крыса: умудрилась двигаться стремительно и не спеша.

«Комсомольская правда» поделилась с читателями такой тайной:

Ни один человек про это не знал, только двое знали.

Комментарии излишни.

Нс уступаст подобному откровению «Огонек»:

Вот она подлинная дружба, рядом с негритянкой танцуют белорус, голландка, индианка.

Областная газета поражает еще пуще:

Теперь попытаемся представить себя в роли счастливых родителей — у кого это первенец (дай бог не последний!), а у кого виновника торжества дома ждет братишка или сестренка.

Информационное издание всерьез сообщает:

В печатной продукции по вопросам техники существенное значение приобрели многочисленные неопубликованные материалы (в первую очередь отчеты о выполненных научно-исследовательских и опытно-конструкторских работах).

Каким образом неопубликованные материалы приобрели такое значение в *печатной* продукции, к которой они отношения не имеют, знает только автор текста. Почему его не спросил об этом редактор? Скорее всего, только потому, что не владел приемами проверки логических качеств текста.

Но, пожалуй, всех превзошла газета «Советская Россия», которая в давнем номере (1968. 29 марта), сообщая о поездках Юрия Гагарина, напечатала такой диалог корреспондента с ним о поездке на Кипр:

— Пожалуй, любопытна была встреча на Кипре, — сказал он. — В городе Лимасола, помнится, меня любовно назвали Икаром космоса.

— И что же вы ответили?

— Что у Икара были крылья, слепленные из воска — материала не очень-то стойкого. Космические же корабли делаются из прочнейших современных металлов. Именно такие металлы производятся руками наших рабочих, инженеров, ученых. Советский народ — вот кого по праву надо называть Икаром космоса.

Трудно судить, допущена логическая несуразица Гагариным или это выдумка корреспондента, но она налицо. Как можно называть советский народ Икаром космоса, раз это противоречит мысли Гагарина, который-то не согласился сравнивать себя с Икаром как раз именно потому, что слепленные из воска крылья привели к краху полета. Но тогда как же сравнивать с ним советский народ?

Примеры анекдотического логического неряшества можно приводить бесконечно. Они смешны, но приведены не ради желания посмеяться, а для того, чтобы показать, что раз редакторы этих текстов не замечают в них грубых логических погрешностей, значит, они не владеют приемами, которые помогают выявлять логические ошибки, без чего их не устранить.

Но не только газетная спешка порождает логические ошибки. И в относительно неспешно подготавливаемых к изданию книгах встречаются логические промахи, не замеченные редакторами. Например:

Голословные утверждения всегда считались пустопорожним занятием.

Это утверждает профессор доктор наук Е. Н. Зарецкая в книге «Риторика: Теория и практика речевой коммуникации» (3-е изд., испр. М., 2001) на с. 108 в главе «Логико-речевое доказательство». Справедливость этого утверждения более чем сомнительна. Ему противоречат факты. Люди нередко стараются добиться своих целей голословными утверждениями, прибегая к ним как к средству хотя и незаконному, но порой весьма эффективному. Таким тезис Е. Н. Зарецкой может расцениваться только с позиции тех, кто стремится к истине. Так что без оговорки фраза Е. Н. Зарецкой логически несостоятельна.

Задачи редактора. Две задачи стоят перед редактором при анализе текста с логической стороны: *первая* — осознать, не пропустить мимо сознания каждый случай логической связи между понятиями или суждениями в тексте, зафиксировать, выявить эту связь; *вторая* — проверить правильность выявленных, зафиксированных логических связей.

Приемы решения этих двух задач и есть предмет настоящей главы.

12.3. Приемы выявления логических связей

Эти приемы можно назвать сигнальными: они, помогая выделить в тексте ту или иную логическую связь, подают сигнал к ее анализу и оценке.

— Внимание! — говорят они: необходим анализ логических качеств текста.

Без них анализ текста с логической стороны мог бы и не состояться: не выявленная логическая связь от проверки ускользает.

В одних случаях (когда логические отношения между понятиями и суждениями выражены в тексте словесно или пунктуационно) мысленно выделяют, подчеркивают сло-

ва или знаки препинания, эти отношения передающие, выражающие (*первая группа сигнальных приемов*); в других (когда логические связи между понятиями и суждениями словесно или пунктуационно не выражены) соотносят суждения и понятия между собой, чтобы определить, в какой логической связи они находятся (*вторая группа сигнальных приемов*).

12.3.1. Выделение слов, выражающих логические связи

Очень часто логическая связь между суждениями выражена словами *потому, потому что, так как, ибо, вследствие этого, хотя, однако, но, тем не менее* и т.д. Такого рода слова, если их выделять, сигнализируют о логической связи в тексте, которая должна быть проанализирована. Они как бы предупреждают редактора: «Внимание! Здесь такая-то логическая связь. Правильна ли она?»

Но что значит выделять эти слова? Каким образом это делать? Да еще так, чтобы не отвлекаться от осмысления текста, а помогать ему?

Если, например, по ходу чтения мысленно называть логическое значение каждого союза, то благодаря этому он будет, несомненно, выделяться из текста и сигнализировать о том, что между понятиями или суждениями в тексте налицо такие-то логические отношения.

Читая текст, где между двумя понятиями стоит союз *и*, мы мысленно должны сказать себе нечто вроде: «Здесь присоединены один к другому члены деления одного понятия. Исключают ли они друг друга? Имеют ли единое основание для деления?». На практике мысленный сигнал, конечно, более свернут: «*и* — члены одного ряда — так ли?»

Проиллюстрируем случай подобной сигнализации на примере.

Если бы, читая в издательской аннотации следующий текст:

Учебное пособие для учащихся музыкальных учебных заведений, доступное всем любителям музыки и желающим познакомиться с ее историей... —

редактор не задержался на союзе *и* между любителями музыки и желающим познакомиться с ее историей, он вряд ли заметил бы, что эти понятия не исключают друг друга: ведь нет никаких сомнений, что значительная, если не булыжная часть желающих познакомиться с историей музыки и есть любители музыки, т.е. второе понятие значительной частью своего объема входит в объем первого понятия. А возможно, что речь должна здесь идти только и только о тех любителях музыки, которые желают познакомиться с ее историей. В самом деле. Ведь учащиеся музыкальных учебных заведений к числу тех, кому *еще* доступно пособие, не относятся. Специалисты (музыканты, музыковеды) уже получили какое-то музыкальное образование, и, следовательно, к разряду желающих познакомиться с историей музыки их тоже не отнесешь: они уже с ней в той или иной степени знакомы. Кто же еще не из любителей музыки может желать познакомиться с ее историей по учебному пособию? Пожалуй, таких не сыщешь. А раз так, то следовало написать:

...всем любителям музыки, желающим познакомиться с ее историей...

Таков результат сигнала к анализу, поданного союзом *и*.

Если связь между суждениями выражена, например, словом *потому*, оно сигнализирует редактору: «Внимание! Здесь отношения логического следования: одно вытекает из другого! Правильно ли оно? Требуется проверка». Например:

Полный перевод «Собора Парижской богоматери» был сделан в 1875 г., так как официальный запрет перевода романа и издания его в России, наложенный министром народного просвещения С.С.Уваровым в апреле 1834 г., просуществовал почти двадцать лет.

Редактор, не владевший сигнальным приемом, оставил фразу без изменения. Между тем слова *так как* требовали анализа текста с логической стороны. Проведи его, он бы понял, что издание перевода состоялось только в 1875 году вовсе не потому, что существовал запрет на издание. Ведь запрет был отменен в 1854 году. Да и переводить его могли и раньше. Не могли лишь *издать* до 1854 года. И вообще причинной зависимости здесь быть не может. И тогда редактор предложил бы автору несколько иную редакцию текста:

Лишь после того как был снят запрет на издание романа в переводе, в 1875 г. вышел в свет полный перевод его на русский язык.

Логическая ошибка устранена.

Другой пример:

Немало еще учреждений, которые снимают учебные, рекламные и прочие ленты. В одном из них отыскали Виктора Иванова — не актера, не режиссера, даже не оператора — электромонтера, который меняет в софитах перегоревшие лампочки. Но это оказался славный паренек, застенчивый, стройный (Рубинов А. Я знаю все. М., 1964. С. 25).

Ритм текста навязывает «но» в начале последней фразы. Однако редактора это не должно усыпить. «Но!» — значит, противопоставление. А есть ли для него основание? Задав себе этот вопрос, редактор не может не задуматься. В результате он неизбежно придет к выводу, что противопоставлять техническую, не творческую работу электромонтера славному виду выполнявшего ее паренька нелепо. Одно с другим не связано, и *но* здесь явно лишнее слово. Кстати, сами эпитеты слишком общи и невыразительны, да и прилагательное *застенчивый* плохо сочетается с прилагательным *стройный*, не давая никакого представления об индивидуальности Виктора Иванова.

Чтобы выработался навык выделения слов, выражающих логические связи, верность которых надо проконтролировать, требуется несколько раз прочесть тексты, ставя перед собой только эту цель. Прием превратится в навык, автоматически срабатывающий при чтении, сигнализируя о необходимости проверить логические связи.

12.3.2. Выделение знаков препинания, выражающих логические связи

Двоеточие может заменять союз *потому что*, тире — *поэтому*. При чтении надо такие знаки мысленно заменять соответствующим союзом. Например:

Журнал регистрации движения листов инвентаризационных описей крайне необходим: аккуратное ведение его усиливает контрольные функции переучета и пресекает злоупотребления.

Мысленная замена в этой фразе двоеточия оборотом *потому что* обязывает редактора сказать себе: «Внимание! Причина и следствие — нужна проверка!».

В данном случае, после того как внимание редактора заострено на том, что между двумя частями фразы двоеточие установило причинно-следственную связь, он для безопасности должен спросить себя: «Может ли названный журнал быть необходимым именно потому, что аккуратное ведение его усиливает контрольные функции?» Ответ будет отрицательным: «По этой причине не может». Почему же автор так написал? Он включил одно из условий (аккуратное ведение) в причину, а ею по смыслу может быть только то, что журнал усиливает контрольные функции, но при условии его аккуратного ведения.

12.3.3. Выявление логических связей между понятиями или суждениями, когда связь между ними ни словесно, ни пунктуационно не выражена

Чтобы выявить такие связи, надо соотносить следующие одно за другим предложения. Это поможет понять логику их отношений, а уяснив ее, проверить ее состоятельность, т.е. надо соседние предложения или их части соотносить по смыслу, используя для этого приемы, которые способствуют углубленному пониманию текста: антиципацию (предвосхищение) последующего содержания и вопросы к прочитанному тексту, ответ на них должен по логике вещей дать в последующий текст. Например:

Победа Красной Армии на фронтах Гражданской войны и окончательный разгром интервентов поставили перед советским народом труднейшие задачи в области культурного строительства.

Здесь первая часть фразы выглядит причиной того, о чем говорит вторая часть. Получается, что именно победа Красной Армии затруднила советскому народу культурное строительство. На самом же деле не победа, а тяготы войн осложнили его задачи. Связь между победой и трудностями не причинная, а временная: *после победы*. Логическую погрешность

эту легко пропустить, если не сопоставлять части фразы между собой.

Другой пример:

Однако полностью решить проблему перераспределения книжных фондов по территории страны в первые годы Советской власти не удалось. Национализированная литература главным образом оседала в научных городских общедоступных библиотеках.

Первая фраза этого текста заставляет предположить, что дальше должно последовать объяснение и что, скорее всего, речь пойдет о транспортных трудностях, о том, что библиотеки были сосредоточены главным образом в городах центра страны. Но предположения не оправдались. В чем же дело? Вдумываясь во вторую фразу, редактор не может не сделать вывод, что она говорит лишь о непропорциональном распределении книг между городом и селом, а не по территории страны. А если так, то либо первая фраза неточна и ее нужно уточнить с учетом содержания второй, либо никуда не годится вторая фраза, поскольку она не подтверждает положение в первой.

Если читать первую фразу, не задаваясь предположением о том, что последует во второй фразе, легко упустить логическую связь между ними. Того же самого можно было добиться, задав по прочтении первой фразы вопрос: «Почему не удалось?». Тогда невольно надо будет искать ответ во второй фразе, т.е. упустить связь между ними уже будет сложно.

Еще пример из печати:

Для библиотек, обслуживающих подрастающее поколение, решающим является также возрастной принцип, основанный на глубоком и всестороннем знании индивидуальных и психологических особенностей читателей-детей.

Прочитав первую часть фразы, редактор поступит правильно, если поставит такой вопрос: «Каким образом решает возрастной принцип?» Этот вопрос обяжет его искать ответ во второй части и проанализировать логическую состоятельность связи между двумя частями фразы. В самом деле, какая связь между индивидуальными особенностями детей и возрастным принципом? Психологические особенности у детей разных возрастов действительно разные, но индивиду-

альные с возрастом вряд ли связаны. Логическая связь наличествует, но состоятельной ее не назовешь. А выявить ее, если не поставить вопрос, довольно сложно.

Редактор — слушатель курсов повышения квалификации принес в качестве логически несостоятельного такой пример из программы радиопередач:

16.55.— Сильнейшие шахматистки мира. В передаче принимают участие Н. Гаприндашвили, М. Чибурданидзе, Н. Александрия и М. Ботвинник.

Слушатель посчитал, что программа обратила Михаила Ботвинника в женщину: ведь название передачи «Сильнейшие шахматистки мира». Пожалуй, это придирка. Действительно ли здесь вторая фраза иллюстрирует первую? Или она только передает состав выступающих шахматистов? Скорее, второе. Однако возможность двоякого толкования текста читателями все же требовала внести поправку, например:

16.55.— Сильнейшие шахматистки мира. Выступят Н. Гаприндашвили, М. Чибурданидзе, Н. Александрия. В передаче принимает участие Михаил Ботвинник.

Текст стал безупречным. А сделать его таким помогло сопоставление текста заглавия передачи с дальнейшим раскрытием ее содержания.

Другой слушатель курсов принес еще более интересный пример:

Кораблям не спится в порту.
Им снятся моря, им снятся ветра.

«Как же так, — сказал слушатель, наученный сопоставлению фраз, — не спится, а в то же время сны? Верно ли? Как можно видеть что-либо во сне, если сон не идет?»

А может быть, потому не спится, что стоит только заснуть, как снится море, ветер — и сон уходит? Такая связь возможна, но тогда между фразами надо поставить не точку, а двоеточие, выразив им причинную связь между снами и бессонницей.

Бывают случаи, когда по ходу чтения текста, в котором логическая связь между суждениями ни словесно, ни пунктуационно не выражена, связь эта благодаря произвольному соотнесению суждений сама бросается в глаза, но ка-

жется ошибочной, несуразной. Никогда в таких случаях не следует торопиться с выводом о логической ошибке. Потому что между суждениями, логическая связь между которыми ни словесно, ни пунктуационно не выражена, могут быть установлены разные отношения, в том числе и неверные. Надо проверить, не могут ли суждения быть связаны по-другому, вполне логично.

В воспоминаниях писательницы Галины Серебряковой есть такие строки:

Горький восторгался их [женщин] героизмом и самоотверженностью.

— Пишите о женщинах, не следует прятаться, как Жорж Санд, за мужскими псевдонимами.

Между двумя суждениями реплики Горького в передаче Серебряковой логическая связь словесно не выражена. Суждения разделены после слова *женщинах* запятой, логическое значение которой скрыто. На месте запятой могла стоять и точка. Ничего бы не изменилось. Точка отделяла бы одно предложение от другого. Уяснить суть логических отношений двух предложений знаки препинания никак не помогают.

Многие читатели поначалу воспринимают второе предложение как развивающее первое. По самому построению предложений им представляется: если в первом Горький советует, что делать надо, то во втором он, продолжая свою мысль, подсказывает, что в противовес этому делать не надо. Именно в противовес: так надо, а вот так нельзя. Пишите о женщинах, а не прячьтесь за мужскими псевдонимами — вот начальное восприятие логических отношений между двумя суждениями. На место запятой многие читатели невольно подставляют союз *а*, и сами этому улыбаются. И зря. Потому что по содержанию суждения не противостоят друг другу. И на критически-иронический вопрос читательницы-редактора: «Что же имел в виду Горький? Призывал писать о женщинах а не прятаться, как Аврора Дюдеван, за мужскими псевдонимами?» — надо ответить: «Он не противопоставлял одно суждение другому, а присоединял второе к первому. Если бы между двумя предложениями Серебрякова поставила союз *и*, а по смыслу именно он здесь требуется, возможность неправильного прочтения была бы исключена:

– Пишите о женщинах. И не следует прятаться, как Жорж Санд, за мужскими псевдонимами.

Теперь в реплике Горького ничего не покажется нелогичным.

Итак, в случаях, когда логическая связь ни словесно, ни пунктуационно не выражена и по первому впечатлению представляется ошибочной, не надо торопиться с выводом. Лучше тщательно соотнести суждения по содержанию, определить, какие именно логические связи между ними возможны, и, чтобы не смущать читателя или не заставлять его проделывать ту же затягивающую чтение работу, словесно или пунктуационно уточнить характер логических отношений.

С другой стороны, даже при первом правильном прочтении подобных текстов полезно представить себе, нельзя ли их прочесть по-иному — с ошибочной логической связью, чтобы, предвидя это, посоветовать автору уточнить текст.

12.4. Приемы, помогающие проверять правильность логических связей

После того как была зафиксирована логическая связь, мы анализировали ее, чтобы оценить ее правильность. Эту задачу упрощают некоторые приемы, о которых пойдет речь ниже.

12.4.1. Схематизация логических связей

Под схематизацией логических связей здесь имеется в виду четкое выделение суждений и свертывание их до возможно более простых. Благодаря такому упрощению логические связи легче проверять. Прием помогает прояснить самую суть логических отношений. Когда же их суть прояснена, логические погрешности текста порой сами бросаются в глаза. В противном случае они нередко ускользают от критического взора редактора.

В одном оригинале автор так объяснял выбор способа печати на циферблатах часов:

При изготовлении циферблатов следует учитывать, что печатным материалом является, как правило, металл или твердая пластмасса, которые не по-

звolyют применять для печатания металлические формы, например цинковые клише, штампы и др. Поэтому печатание производится через какую-либо эластичную промежуточную поверхность.

Прочитав этот текст, редактор поступил бы правильно, если бы мысленно выделил и упростил суждения. Хотя бы так:

Первое суждение. Твердый материал циферблатов не позволяет применять металлические печатные формы.

Второе суждение. Поэтому печатают на циферблатах не с металлических форм, а... с каких?

В тексте ответа нет. Сказано лишь, что через промежуточную эластичную поверхность. Вопрос: значит, с тех же металлических форм?

Если развернуть второе суждение до полного — вставить подразумеваемое автором «не непосредственно с металлических форм, а через промежуточную поверхность», то суть логических отношений обнажится и противоречие в тексте выступит яснее. В самом деле, сначала автор утверждает: *Не применяют металлические формы*, а затем в связи с этим сообщает: *Поэтому с металлических форм печатают не непосредственно, а через промежуточную эластичную поверхность*.

Налицо явное противоречие: то не печатают, то печатают, но только не непосредственно с форм, а через промежуточную поверхность. Устранить это противоречие несложно — уточнить первое суждение так, как автор хотел, но не сумел высказать:

...не позволяют печатать непосредственно с металлических форм, например с цинковых клише, штампов и др. Поэтому печатают на циферблатах через промежуточную эластичную поверхность.

Противоречие снято. Снято благодаря тому, что суждения были выделены и свернуты до элементарных, а в таком виде их легче было сопоставлять друг с другом, их логическая противоречивость обнажилась. Так поступать полезно во всех словесно запутанных текстах.

Еще один пример из научного труда:

Возможностью зрительного схватывания слов без развернутого речедвигательного их произнесения может быть объяснен и тот факт, что при списы-

вании фраз с книги речедвигательные напряжения появляются гораздо реже, чем при записывании фраз по памяти, после их прослушивания. В этом случае преобладающим, естественно, становится зрительный компонент, а речедвигательный ослабляется и отходит на второй план.

Понять мысль автора непросто, тем более проанализировать с логической стороны. Попробуем упростить суждения:

Факт: При списывании речедвигательное напряжение ослабляется.

Причина: Это объясняет возможность зрительного схватывания слов при списывании.

Верно ли сформулирована причина? Вряд ли. Факт *подтверждает*, а не объясняет возможность зрительного схватывания слов. Следовало написать:

Возможность зрительного схватывания слов без развернутого их произнесения подтверждается тем фактом, что при списывании фраз с книги речедвигательные напряжения появляются гораздо реже, чем при записывании фраз по памяти, после их прослушивания.

Логическая погрешность была обнаружена благодаря схематизации логических связей. Схематизация же позволила устранить логическую ошибку и превратить текст, смысл которого улавливался с трудом, в простую ясную фразу, для понимания которой не требуется больших усилий.

12.4.2. Восстановление опущенных звеньев

Этот прием обнажает логическую ошибку, если она допущена автором, так как в силлогизме, одно из суждений которого опущено, ошибки менее заметны.

Предельно прост отрывок из спортивной корреспонденции:

В острой борьбе «Метеор» победил «Спутника». Счет сам говорит о напряженности встречи — 1 : 0.

Здесь при чтении второго предложения полезно мысленно восстановить общую посылку силлогизма, чтобы проще было проверить правильность умозаключения. По сути дела, во второй фразе два суждения: вывод (*Счет сам говорит о напряженности встречи*) и одна из посылок (*1 : 0*), в которой

слово *счет* подразумевается. Однако из посылки *Счет 1 : 0* сделанный автором вывод непосредственно не вытекает. Такой вывод можно сделать, лишь опираясь на общую посылку вроде: *Каждая встреча со счетом 1 : 0 проходит напряженно*. Автор эту посылку опустил, как очевидную. Редактор же мысленно не восстановил. И зря. Ведь при том же счете встреча могла быть скучной, вялой. Так что общую посылку приходится признать ложной. А при ложной общейсылке и вывод может оказаться ложным. И действительно, счет сам по себе еще ни о чем не говорит.

Вскрытую нами логическую погрешность в тексте корреспонденции надо устранить. Каким образом? Пожалуй, отказом от каких-либо умозаключений. Ведь главная цель такой корреспонденции — сообщить читателю счет и охарактеризовать ход встречи. Поэтому вполне подойдет такой вариант:

Счет напряженной встречи — 1 : 0.

Не восстанавливая опущенные звенья умозаключения, редактор рискует допустить логическую оплошность. Но самое удивительное заключается в том, что, восстанавливая лишь мысленно (по ходу чтения) опущенное звено, редактор также рискует впасть в ошибку, если предварительно не соотнесет между собой наличные звенья. Связь, вполне логичная при мысленно восстановленном звене, может выглядеть настолько нелепой и алогичной без этого звена, что требует не мысленного только, а письменного восстановления в тексте. Эту потребность можно осознать, только прямо соотнося элементы, которые автор связал в тексте, опустив показавшееся ему не нужным звено.

Прочитаем внимательно живописное начало одного очерка:

По Сакмаре, рассекая могучей грудью мутную воду, плыл старый лось. Выбравшись на степной безлюдный берег, он отряхнулся, вскинул гордую голову и чутко повел большими ушами. Не уловив подозрительных шорохов (а лоси, как известно, подслеповаты), неторопливо зашагал к лесополосе.

Невозможность прямой причинной связи между тем, что лось не уловил подозрительных шорохов, и тем, что лоси плохо видят (подслеповаты), как будто сама бросается в глаза. Почему же тогда редактор очерка не заметил такой очевид-

ной алогичности? Если бы он соотнес причину (лоси подслеповаты) непосредственно с тем следствием, которое налицо в тексте (поэтому лось не уловил подозрительных шорохов — мы для ясности упрощаем логические отношения), он бы не мог не улыбнуться логике этих отношений. Отбросив невнимательность, как причину случайную, мы можем предположить лишь одно: редактор читал текст, вставляя опущенное звено, т.е. читал так, как будто это звено есть в тексте: *Не уловив подозрительных шорохов (свою подслеповатость лоси компенсируют тонким слухом), неторопливо зашагал...* В таком виде текст можно считать вполне приемлемым. Но беда в том, что на самом-то деле текст иной, и прямо связывать то, что лось не уловил шорохов, с его подслеповатостью, а не с тончайшим слухом — смешно. Текст надо было дополнить письменно, хотя бы так:

Не уловив подозрительных шорохов (подслеповатых лосей от опасности выручает тончайший слух), неторопливо зашагал к лесополосу.

Таким образом, прежде чем мысленно восстанавливать опущенное логическое звено, надо определить, возможна ли между наличными звеньями непосредственная связь и не ведет ли она к ошибке. Это поможет установить, допустимо ли печатать текст без посредствующего звена, не требуется ли восстановить его письменно или ввести посредствующие слова, которые бы сделали ясными логические отношения без посредствующего звена.

12.4.3. Соотнесение логически связанных звеньев

Соотнесение разных компонентов текста — один из самых универсальных приемов редакторского анализа текста. Напомним об эффективном применении соотнесения при анализе и оценке логически взаимосвязанных фактов. Именно таким образом мы выявляли противоречия, которые и свидетельствовали, что, по крайней мере, в одном из противоречащих случаев допущена фактическая ошибка. Не может, например, один человек родиться и в 1860-м, и в 1862 году, хотя неверными могут быть и обе даты.

Соотнесение логически связанных звеньев — это целая группа приемов, которые рассматриваются ниже.

Соотнесение суждений об одном предмете на протяжении всего текста. Оно помогает замечать нарушение закона противоречия.

Закон этот гласит:

Если из двух положений одно утверждает то, что отрицает другое, то, значит, по крайней мере, одно из них ложно.

В сущности, редактору надо запоминать положения текста, чтобы при повторе этих положений сопоставлять их с предшествующими в тексте и в случае расхождений выяснять, где же оно верное.

Сначала пример анекдотичный:

На верхнем этаже в спальне лежала в постели мертвая миссис Фарров. Женщина еще дышала, и ее доставили в Гринвичскую больницу, где она и скончалась спустя четыре дня (Человек и закон. 1972. № 3. С. 128).

Если женщина была мертва, то она не могла еще дышать и тем более еще четыре дня жить в больнице. И, несмотря на горестные обстоятельства описания, читатель не может сдерживать улыбку, столкнувшись с таким явным, чуть ли не мистическим противоречием.

Другой пример менее явный:

Еще далеко до того, когда металлы со столь необычно высокой прочностью получают мировое применение. Неясно, когда это произойдет. Ученым и инженерам предстоит преодолеть исключительно большие трудности при разработке и освоении методов промышленного получения сверхпрочных металлов. Но современной науке и технике свойственны такие быстрые темпы развития, что можно быть уверенным в практическом использовании металлов в недалеком будущем (Рабинович М.Х. Прочность и сверхпрочность металлов. М., 1963. С. 3).

Если *далеко до*, то как можно быть уверенным, что это произойдет *в недалеком будущем*?

Более сложный пример:

Параллельно-последовательное сочетание операций характеризуется тем, что одинаковые предметы труда в многооперационном производстве, входящие в одну партию, поступают на последующую операцию немедленно после окончания их обработки на предыдущей операции, что позволяет выполнять каждую последующую операцию без перерывов (пауз) и простоев оборудования. При этом на предыдущей, более трудоемкой операции накапливается некоторое количество изделий, что обеспечивает работу без пауз и помогает закончить операцию в самый

ранний из всех возможных моментов. Следовательно, данный метод характеризуется тем, что каждая операция совершается без пауз, начинается и заканчивается в самый ранний из всех возможных моментов. Операционный период здесь длительнее, чем при параллельном сочетании, но использование оборудования лучше. Возможны случаи, когда время предыдущей операции больше времени следующей и наоборот. Формы сочетания в этих случаях различны.

Текст непростой, сравнительно большого объема, что затрудняет его понимание. Редактор, верный испытанному приему выделения и упрощения суждений, выделит по ходу чтения из массива слов первой фразы главное: *предмет труда немедленно передается на следующую операцию* (в свернутом виде это будет: *немедленно передается*). Читая текст дальше, он отметит: *предмет труда на более трудоемких операциях накапливается* (в свернутом виде это будет: *накапливается*). Итак, в двух суждениях об одном и том же — о характере движения предмета труда с одной операции на другую — этот предмет в первом суждении немедленно передается, а во втором — накапливается). Явное противоречие: если накапливается на более трудоемких операциях, то, значит, не передается немедленно после окончания обработки на этой операции. Если передается немедленно, то, значит, не может накапливаться.

Чтобы устранить противоречие, остается отыскать его причину. Противоречие возникло, видимо, потому, что автор смешал две разные вещи: немедленное следование одной операции за другой (последовательная часть сочетания операций) и немедленное поступление предмета труда с одной операции на другую (при этом не могла бы состояться параллельная часть сочетания). Немедленного поступления быть не может по той простой причине, что на трудоемкой операции требуется больше времени на обработку предмета, чем на менее трудоемкой. Поэтому писать надо не о немедленной передаче предмета с одной операции на другую, а лишь о немедленном, без прерывов и простоев выполнении одной операции за другой.

Теперь, опираясь на анализ и вывод, относительно нетрудно исправить текст, устранив логическое противоречие и фактическую неточность. Хотя бы так:

Параллельно-последовательное сочетание операций характеризуется тем, что одинаковые предметы труда, входящие в одну партию, начинают обра-

бываться на последующей операции без перерывов и простоев оборудования. Одна операция выполняется немедленно вслед за другой... (далее по тексту).

Противоречие устранено.

Нет нужды специально доказывать автору, что он заблуждается в каком-то из утверждений, если он сам противоречит ему в тексте. Искусный редактор умело использует противоречия в тексте для критики, показывая автору соотношением суждений его ошибки,— прием очень простой и эффективный.

Так мог, например, поступить редактор брошюры А. И. Прохорова «Бионика» (М.: Знание, 1963), где был напечатан такой текст:

Сегодня уже многим читателям известно, что современные вычислительные машины успешно решают даже очень сложные задачи высшей математики. Но одно дело решать математические задачи, а другое — решать различные задачи управления, которые требуют еще и умения логически рассуждать. Многим работа вычислителя представляется гораздо более механической (и потому легко поддающейся автоматизации), чем, скажем, деятельность диспетчера железнодорожного узла.

Но такие рассуждения ошибочны, и в действительности решение любой, даже чисто математической, задачи обязательно включает и немало сложных логических рассуждений. Поэтому противопоставление математических задач логическим лишено оснований. Вычислительная машина не могла бы решать сложные математические задачи, если бы она не умела выполнять также и разнообразные логические действия.

Знающий предмет редактор, прочитав 1-й абзац этого текста, возразил бы автору, что решения математических задач обязательно включают логические рассуждения и противопоставлять математические действия логическим неверно. В подтверждение своих слов он бы привел ряд фактов.

А редактор, владеющий приемами анализа текста с логической стороны и знающий предмет, пометив ложность утверждения автора во 2-й фразе 1-го абзаца, стал бы читать дальше, поскольку тема разговора автором еще не закончена. И 3-й абзац вознаграждал бы его за выдержку. Не тратя времени и сил на опровержение ложного суждения, как это делал первый редактор, он написал бы автору у 1-го абзаца: *Здесь Вы противоречите тому, о чем пишете ниже, через абзац.* И, проникая в суть противоречия, удивляясь ему, вто-

рой редактор, вероятно, высказал бы предположение, что противоречие мнимое, так как суждение во 2-й фразе 1-го абзаца не авторское, а некоторых заблуждающихся людей, точку зрения которых автор в дальнейшем критикует и опровергает. Он и пишет о ней для того, чтобы ее раскритиковать. Беда только в том, что словесно он это никак не выразил, и читатель поначалу воспринимает эту фразу как выражающую точку зрения автора. Следовательно, нужно подсказать читателю, кому на самом деле принадлежит неверное суждение. Возможный вариант:

Но одно дело, думают неверно некоторые, решать математические задачи, а другое — различные задачи управления...

Соотнесение членов одного ряда с обобщающим или общим словом. Этот прием уже рекомендовался для анализа и оценки повторяемых фактов (11.6.2, с. 256). Без такого соотнесения выявить логические ошибки нарушения правил деления понятий или неверного обобщения всех понятий ряда очень трудно.

Вот пример из авторского оригинала второй половины прошлого века:

Первыми появились книги серии «Классики естествознания», состоявшие из работ великих ученых прошлого: Ломоносова, Менделеева, Павлова, Лебедева, Ньютона, Гарвея и др. (речь идет об изданиях Госиздата начала 20-х годов).

Редактор счел этот текст вполне благополучным: ведь названные в тексте ученые действительно великие. В самом деле, если не соотносить каждый член ряда с обобщающим словом или словосочетанием, никаких изъяснов заметить нельзя. Но попробуйте читать иначе, по-редакторски профессионально, т.е. мысленно характеризуя каждый член ряда объединяющим их обобщающим словосочетанием *великие ученые прошлого*. Выглядеть это будет примерно так: «Ломоносов — великий ученый прошлого? Несомненно. Менделеев? Тоже. Павлов — великий ученый прошлого? Стоп. В 20-е годы прошлого века Павлов был в расцвете сил. Почему же его включили в число великих ученых прошлого, когда он хотя и великий ученый, но не прошлого, а настоящего для времени издания текста». Скорее всего, автор смотрел на всех ученых в

перечне с позиций нашего времени. Но такая точка зрения здесь неуместна.

Итак, не все в порядке в тексте. Стоило только использовать прием соотнесения членов ряда с обобщающим словосочетанием, как непорядок выступил наружу. Недочет, правда, мелкий, устранить его легко: либо расширить обобщающее словосочетание: *великих ученых прошлого и настоящего*, либо снять из обобщающего словосочетания привязку ко времени: *великих ученых*.

Мы представили процесс соотнесения несколько более развернутым, чем он бывает на самом деле. На практике обобщающее словосочетание заменяется каким-либо одним словом — смысловым опорным пунктом. В нашем примере таким словом могло бы быть слово *прошлого*. Мысленно соотнесенное с каждым членом ряда, оно позволило бы избежать логического промаха.

Когда редактор не владеет приемом соотнесения членов ряда с общим или обобщающим словом или словосочетанием, в печать проникают забавные логические ошибки.

В подписанном к набору оригинале, например, можно было прочесть:

Все работы с диазоцианатами, кислотами и щелочами проводятся под вытяжкой в спецодежде, поверх которой надевают резиновый или прорезиненный фартук, резиновые перчатки и защитные очки, так как диазоцианаты могут вызвать удушье и раздражение кожи.

Редактор явно не соотносил общие слова *поверх которой (одежды) надевают* с последующим перечнем. Иначе он бы наверняка задумался над тем, способен ли работник надеть перчатки и очки поверх одежды. Исправить текст между тем было совсем не сложно: не было оснований для ряда:

Все работы... проводятся под вытяжкой, в спецодежде, поверх которой надевают резиновый или прорезиненный фартук, в резиновых перчатках, в защитных очках...

Мы не останавливаемся на других погрешностях фразы (непонятно, например, как фартук, перчатки и очки могут предотвратить удушье и почему в начале фразы говорится и о кислотах с щелочами, а в конце только о диазоцианатах): нас интересует в данном случае только проверка соответствия членов ряда общему слову.

А что редакторы не владеют этим приемом или не пользуются им, доказывают анекдотичные примеры:

Однако всем полезно обильное питье — чай с малиной, лимоном или медом, отваром шиповника, теплая повязка на шею.

Новый, уморительный вид «питья» — теплая повязка на шею — попал в ряд с видами питья только потому, что перед последним словосочетанием не поставили тире, которое требовалось, чтобы показать, где ряд кончился.

Аналогичный пример в рекламном тексте:

...многочисленные ювелирные изделия — бусы, кольца, серьги, саквояжи, папки портфели, сумки.

Точно такая же ошибка, как в предыдущем примере, из-за чего саквояжи, папки, портфели, сумки превратились в ювелирные изделия. Этого не случилось, если бы члены ряда соотносились с общим словосочетанием *ювелирные изделия*: соотношение заставило бы после слова *серьги* поставить второе тире, выделив ряд, который относится к словосочетанию *ювелирные изделия*.

Ясно, что текст редактор читал механически, без анализа: только в таком случае можно не заметить грубейших логических оплошностей. А заставь редактор себя соотносить каждый член ряда с общим словом (словосочетанием), и логика текста не хромала бы.

Нужно, однако, помнить, что не всегда соотношение так очевидно выявляет несоответствие членов ряда общему или обобщающему слову. На приведенных ниже примерах это хорошо видно.

Необычайная твердость, упругость, термостойкость, надежность в работе, малые габариты и экономичность новых материалов и изделий из них воплощают в себе успехи физики твердого тела.

Увлеченный стремлением показать достоинства своей науки, автор допустил перебор, который не прошел бы в печать, если бы логическое качество этого текста проверялось приемом соотношения каждого члена ряда с объединяющим их общим словосочетанием *новых материалов*. Дойдя до *габаритов*, редактор не мог бы не изумиться: «Каким же это образом материалы наделены габаритными размерами?»

Возвратившись к анализируемому тексту, он быстро нашел бы ответ на свой вопрос. В общее словосочетание входят не только материалы, но и изделия из них. Вот к изделиям и относятся малые габаритные размеры. Конечно, нельзя устаривать кашу из качеств, демонстрирующих успехи физики твердого тела. Следовало отделить достоинства материалов от достоинств изделий из них:

Необычайная твердость, упругость, термостойкость, надежность в работе новых материалов, малые габаритные размеры и экономичность изделий из них воплощают в себе успехи физики твердого тела.

Соотнесение членов ряда между собой. Этот прием необходим для того, чтобы не прозевать нарушения автором правила взаимоисключения понятий, по которому каждый член ряда должен исключать другой. Иначе в печать будут проникать такие тексты:

Однако, когда дело дошло до выпуска, оказалось, что инженеры не нужны ни в Одессе, ни в Украине.

Но ведь Одесса — украинский город. Так что если инженеры не нужны Украине, то тем самым они не нужны и Одессе. Надо было, вероятно, дополнить текст хотя бы так:

...ни в Одессе, ни в других городах Украины.

Еще пример:

Сюда приходят познакомиться с книжными новинками колхозники, животноводы, механизаторы, учителя, учащиеся.

Каков же механизм проверки, соблюдено ли правило взаимоисключения? Читая, соотносят объемы членов деления. В последнем примере общее понятие для членов ряда — представители сельского населения, пришедшие на выставку. Если объем одного члена ряда входит частично в объем другого или объем одного поглощается объемом другого, то в большинстве случаев это означает, что деление общего понятия ошибочное, и нужны поправки. В последнем примере животноводы и механизаторы могут быть и колхозниками, так что ставить их в один ряд — значит допускать логическую погрешность. Если исключить из ряда более ши-

рокое понятие *колхозники*, чтобы не нарушать правила деления понятий, то к оставшемуся перечню, который, по замыслу автора, должен продемонстрировать широту интереса к выставке всего сельского народа, нельзя не заметить случайности отбора жителей села: трудно поверить, что среди посетителей не было агрономов, полеводов. Но чтобы не перечислять всех, можно, было прибегнуть к спасительному и т.д.

В библиографических изданиях, рекомендующих литературу по искусству, много лет употреблялась однотипная характеристика иллюстраций в книгах: *цветные и тоновые репродукции*. Авторы, видимо, не отдавали себе отчета в том, что и цветные иллюстрации могут быть тоновыми, как и тоновые — цветными. Среди цветных иллюстраций могут быть тоновые и штриховые, как среди тоновых могут быть цветные и черно-белые иллюстрации. Делить репродукции на цветные и тоновые — значит делить их по двум основаниям одновременно: по цветности и по способу передачи элементов изображения (тоном одной силы — штрихами — либо тонами и полутонами разной силы). Поэтому такой, например, текст:

Альбом «Живопись и скульптура» воспроизводит в цветных и тоновых репродукциях около 100 произведений русского и советского искусства... —

требует корректировки.

Если все репродукции тоновые, такой поправки:

...воспроизводит в цветных и черно-белых тоновых репродукциях... —

или, если наряду с тоновыми помещены и штриховые, иной поправки:

...воспроизводит в цветных и черно-белых репродукциях...

Итак, при чтении любого ряда членов деления у редактора должен автоматически срабатывать навык соотнесения членов ряда между собой по объему.

Соотнесение конкретизирующих фактов с обобщающим положением или наоборот

Если общее положение разъясняется или иллюстрируется частными примерами, то между ними должно быть соответствие. Если такого соответствия нет, то либо примеры не подтверждают общего положения и не годятся для этой цели,

либо неверно сформулировано общее положение. Чтобы такого не случилось, применяют прием соотнесения каждого конкретизирующего факта с общим положением и в случае несоответствий сужают или расширяют общее положение либо заменяют конкретизирующий факт другим, соответствующим общему положению.

Проанализируем следующий текст:

Организация материалов в справочниках осуществляется по различным признакам. В одних случаях они объединяются сведениями по содержанию (общетехнические, отраслевые или справочники по отдельным разделам отрасли). В других – решает профессиональный признак: деятельность отдельных лиц или групп ученых и инженеров (биографические словари). В третьих – различен объем информации в зависимости от читательского назначения справочника.

Если прочитать этот текст, анализируя и оценивая каждую фразу в отдельности, то больших претензий к нему не предъявишь. Но стоит сопоставить каждый из примеров с общим положением, которое они конкретизируют и разъясняют, как выявятся существенные логические изъяны текста.

В самом деле. В общем положении (начальная фраза) говорится об организации материалов в справочниках по различным признакам, т.е. следует ожидать, что будут даны примеры справочников с разной организацией материалов. Однако в первом же примере называются виды справочников не по разной организации материалов, а по широте содержания (охватывает ли справочник все отрасли техники, одну из них или раздел какой-либо отрасли). Во втором примере выделены справочники по жанру (биографии), но отнюдь не по его организации. В третьем справочники различаются по объему информации, но не по организации материалов. Таким образом, ни один пример не отвечает общему положению и, следовательно, либо примеры выбраны не те, что нужны, либо общее положение должно быть сформулировано иначе.

При чтении этого текста первая фраза должна для редактора прозвучать сигналом: «Внимание! Обобщающая фраза! Вероятно, последует конкретизация». Это заставляет редактора насторожиться, приготовиться к соотнесению с этим общим положением последующих конкретизирующих фактов. И логическая погрешность, подобная той, что в приве-

денном выше примере, в печать проникнуть, как правило, не сможет.

Конкретные факты, опережающие общее положение, которое надо рассматривать как вывод из них, должны насторожить редактора сигналом: «Внимание! Далее, вероятно, последует вывод, обобщающее положение». Это заставляет подготовиться к соотнесению фактов с выводом, чтобы не пропустить каких-либо несоответствий.

Соотнесение придаточного определительного или причастного оборота с обозначающим множество словом, от которого они зависят. Если слову, обозначающему множество, подчинено придаточное определительное или причастный оборот, то нельзя без пояснений точно установить, относит ли автор сказанное в придаточном или в причастном обороте ко всем членам множества или только к некоторым из них.

Известен такой двусмысленный афоризм древнегреческого философа Гераклита:

Плохие свидетели глаза и уши у людей, которые имеют грубые души.

Двусмысленность фразы объясняется тем, что ее можно прочесть «вообще у людей» (*которые* в значении «так как»: так как у людей, *всех без исключения людей*, грубые души), а можно прочесть иначе: только у тех людей, у которых грубые души, глаза и уши — плохие свидетели.

То же самое встречается и в некоторых современных текстах:

Указание весьма существенное, но читателям, не так уж хорошо знающим историю, оно не говорит ничего.

Из фразы неясно, считает ли автор, что все читатели не так уж хорошо знают историю (и тогда *всем* читателям указание не говорит ничего), или что только некоторые из множества читателей не так уж хорошо знают историю (и тогда только этим некоторым указание не говорит ничего). Соответственно желательно уточнение в зависимости от того, какой смысл автор вкладывал в свое суждение:

1) Указание весьма существенное, но, поскольку читатели книги не так уж хорошо знают историю, оно им не говорит ничего (сказанное относится к любому представителю множества).

2) Указание весьма существенное, но тем читателям, которые не так уж хорошо знают историю, оно не говорит ничего (сказанное относится только к части множества читателей).

Другой пример:

На оборотной стороне клише не должно быть протравленных участков, которые могут привести к браку клише.

Любой протравленный участок может привести к браку клише или только некоторые из них? Если автор ответит, что любой, то во избежание двусмысленности желательна такая поправка:

...не должно быть протравленных участков, так как они могут привести к браку клише.

Итак, если придаточное определительное или причастный оборот зависят от слова, обозначающего множество объектов, и это ведет к двусмысленности, то она и должна быть устранена. Для этого можно выбрать один из двух способов:

— либо заменить причастный оборот или придаточное определительное придаточным причины (последний пример);

— либо вставить соотносительное слово, уточняющее, что сказанное относится только к части объектов множества (см. выше пример под номером 2).

Соотнесение основания деления классификации с каждым ее элементом. Только в том случае, когда у классификационного деления одно единое основание деления, элементы классификации не будут перекрещиваться, будут исключать друг друга. Чтобы избежать такой логической ошибки, как несколько оснований деления, надо установить, каково основание деления и соотнести его с каждым элементом классификации.

Простейший пример:

Для изучения были выделены две группы читателей — молодежь и интеллигенция.

Какое здесь основание деления читателей на две группы? Молодежь — это группа, выделенная по возрасту. Интеллигенция — здесь группа, выделенная по роду труда и занятий

(люди, занимающиеся умственным трудом, развитием культуры), хотя далеко не все согласятся, что таких признаков достаточно для того, чтобы называться интеллигентами. Но ясно, что и среди такого рода интеллигентов могут быть молодые люди, как и среди молодежи могут быть такого рода интеллигенты. Элементы классификации перекрещиваются, не исключают друг друга. Вероятно, автор имел в виду не просто молодежь, а так называемую рабочую молодежь, т.е. молодых рабочих. В этом случае основанием деления мог быть характер труда: рабочая молодежь, т.е. те, кто заняты главным образом физическим трудом, и служащие, т.е. те, кто занят главным образом умственным трудом. Классификация читателей не была бы ущербной, как в тексте примера.

Пример несколько более сложный:

Так, в прикином указателе трудов какого-либо лица могут быть выделены: 1) научные труды: а) научно-исследовательские работы; б) научно-популярные работы; в) учебно-методическая литература; г) рефераты, рецензии и т.п.; 2) статьи и речи; 3) научные труды и периодические издания, вышедшие под редакцией этого ученого.

Автор разделил работы ученого на три группы: 1) научные труды, 2) статьи и речи, 3) издания, вышедшие под его редакцией.

Какое здесь основание деления? Виды работ? Но это слишком общее понятие. Первый вид выделен по признаку научности содержания, второй — по жанру публикаций, третий — по характеру работы. Естественно, что группы не исключают друг друга: статья тоже может быть научным трудом. Редакторская работа вовсе не относится к собственным печатным работам лица, и вставлять ее в один ряд с ними некорректно.

Второй ряд классификации — это деление научных трудов на четыре вида. По какому признаку? Скорее всего, жанровому. Но каким бы ни был жанр публикации *научных* трудов, каждый из них должен принадлежать к *научным* трудам. Между тем автор классификации включил в число научных трудов, такие работы, которые к научным никакого отношения не имеют. Научно-популярные работы к научным относить не принято. Учебно-методическая литература является самостоятельным видом литературы. Рефераты считаются

видом т.н. научно-информационной литературы, по сравнению с оригинальными научными трудами литературы вторичной. Такая классификация не выдерживает никакой критики.

Можно предложить, разделив все работы на авторские и редакторские, далее авторские разделить по видам литературы примерно таким образом:

Так, в прикижном библиографическом указателе трудов какого-либо лица (на пример, ученого) могут быть выделены следующие рубрики:

А. Авторские работы: 1) научные труды: а) научно-исследовательские книги; б) научные статьи и выступления; в) рецензии и рефераты; 2) учебные и учебно-методические издания; 3) научно-популярные работы: а) книги; б) статьи; в) речи.

Б. Редакторские работы: 1) книги, вышедшие под редакцией ученого; 2) периодические издания, в редколлегию которых входил ученый.

Здесь не вполне корректно только включение рефератов в научные труды. Можно было избежать этого, определив первую группу как *научные труды и научно-информационные публикации*: тут возможны, например, и обзоры литературы, не только рефераты. Можно было выделить в отдельную группу *Научно-информационные публикации*, если, конечно, эта группа не представлена единственным рефератом, что заставляет подумать о не вполне корректном с точки зрения классификации, но практически целесообразном включении его в какую-нибудь близкую группу.

Иногда классификацию проанализировать еще сложнее, чем в последнем примере. Пример такой классификации рассмотрен в 9.3.1 (на с. 167–168).

Соотнесение определяемой и определяющей частей в определениях. В правильном, логически безупречном определении объем определяющей части должен непременно равняться объему определяемой части. Поэтому при чтении текста-определения редактору нужно соотносить определяемую и определяющую части по объему, проверяя: 1) охватывает ли определяющая часть все определяемые предметы (явления) полностью или оставляет часть из них за бортом (определяющая часть уже определяемой); 2) остается ли определяющая часть в рамках определяемой или выходит за их пределы, вовлекая в свою орбиту более широкий круг предметов

(явлений), т.е. определяющая часть шире определяемой. И в том, и в другом случае определение нельзя назвать точным и правильным.

Покажем этот механизм проверки на примерах.

ВИНЬЕТКА — небольшое графическое изображение, являющееся элементом украшения печатной продукции, например дипломов, грамот, аттестатов книг.

Очень практичен и эффективен следующий прием проверки определения: закрыв определяемую часть (в данном случае слово *виньетка*), попытаться по определяющей части назвать определяемую. В примере определяющая часть такова, что догадаться по ней: это определение виньетки, невозможно. Под такую определяющую часть подойдет и звездочка-концовка. Так что приходится делать вывод, что определяющая часть шире по объему части определяемой. В определяющей части не оказалось специфического признака определяемого предмета — изображение с орнаментальным растительным мотивом (первоначально виноградная лоза).

Под иллюстрацией в печатном издании понимают всякого рода изобразительно-графические материалы, помещаемые на одной странице с текстом или на отдельных страницах.

Уже в ходе чтения, знакомясь с признаками иллюстрации в определяющей части, редактор начинает перебирать изображения, которые обладают указанными признаками, но иллюстрациями не являются (различные изображения в печатных изданиях), по принципу: «А нет ли изображений на одной странице с текстом, но не иллюстраций?» Мобилизуется память. Она подбрасывает пример: орнаментальная заставка: это изобразительно-графический материал на одной странице с текстом, т.е. обладает всеми признаками иллюстрации в определяющей части, но не иллюстрация. Значит, определяющая часть шире определяемой, упущен специфический признак — то, что иллюстрация поясняет или дополняет текст произведения, тесно с ним связана. Этим признаком орнаментальная заставка не обладает.

Еще один технический прием редакторской проверки определений — редактор подбирает предметы, которые входят

в класс определяемых, и проверяет, обладают ли они теми признаками, что перечислены в определяющей части.

Покажем этот прием на примере определения авторского листа в ОСТ 29.130—97 «Издания. Термины и определения»:

АВТОРСКИЙ ЛИСТ — единица измерения объема литературного произведения, принятая для учета труда авторов, переводчиков, редакторов и др., равная (в РФ) 40 тыс. печатных знаков.

Редактор спрашивает себя: «Все ли явления, связанные с понятием *авторский лист*, охвачены определяющей частью?». Ответ: «Увы, нет». Автор вместе с текстом может представлять иллюстрации. Определить их объем печатными знаками невозможно. Произведение может быть стихотворным, а объем стихотворного текста также исчисляется не в печатных знаках, а в стихотворных строках. Таким образом, определяющая часть в стандарте уже определяемой (она охватывает только прозаические произведения, оставляя за бортом стихотворные и графические). Так что определение приходится признавать логически несостоятельным. Правда, в ОСТ 29 130—97 после определения помещено примечание, в котором сообщается: «Авторский лист равняется примерно 22—23 страницам машинописного текста на русском языке, 700 строкам стихотворного текста или 3000 см² воспроизведенного авторского иллюстрационного материала». Таким образом, авторы определения смягчили узость своего определения, но этим лишь подтвердили этот его недостаток.

Соотнося в определении определяемую часть с определяющей, редактор вряд ли пропустит и такую типичную логическую ошибку в определении, как *порочный круг*. Суть ее в том, что в определяющей части либо вовсе не содержится ничего такого, чего бы не было в определяемой (повторяется другими словами то же самое), либо содержится определение через определяемую часть (читателя возвращают к тому же определяемому понятию, которое так и остается, по сути дела, не определенным). Например:

Подписными изданиями называются издания, распространяемые по подписке.

В определяющей части здесь содержится только то, что уже известно из определяемой. В цитировавшемся выше отрас-

левом стандарте, в сущности, такое же определение, только добавлено: *по предварительной подписке*. Немногим отличается определение и в принадлежащем мне «Издательском словаре-справочнике»: «издание, распространяемое по предварительной подписке, проведенной до его выпуска или одновременно с выпуском первого тома», но все же определение содержит два признака, которых в определяемой части нет.

Еще одна логическая ошибка, встречающаяся в определениях, — определение неизвестного через неизвестное. Например:

Наука, рассматривающая свойства геометрических фигур, называется геометрией (из школьного учебника).

А что такое свойства геометрических фигур, школьник не знает. Ссылка на то, что в ходе изучения геометрии узнаёт, несостоятельна: ученик должен полностью понять определение, а при такой формулировке этого не будет.

Соотнесение основания и следствия. Отношения логического следования встречаются в текстах на каждом шагу и часто открыто выражены словами *поэтому, потому, из-за того, по этой причине, это ведет к тому*. Однако само по себе присутствие этих слов не означает, что между связанными этими словами суждениями действительно существуют такие отношения: одно служит основанием, а другое оказывается следствием из него.

Автор, например, пишет:

Буквы алфавита имеют неодинаковое изображение, а потому и различную ширину.

Слово *потому* в этой фразе должно послужить для редактора сигналом: «Здесь логическое следование — его нужно проверить: может ли указанная причина привести к названному следствию?»

Проверим. Следствие — различная ширина букв алфавита. Причина — неодинаковое их изображение. Может ли эта причина вызвать такое следствие? Собственно говоря, каждая буква отличается от других по изображению, но это не всегда приводит к различию их по ширине. Например, у букв «н» и «и» одна и та же ширина, а изображение разное.

Значит, между названными предметами нет отношений логического следования, и фразу требуется исправить. Хотя бы так:

Буквы алфавита имеют изображение разной ширины.

Другой, более сложный пример:

Как показали исследования, наблюдаемое в офсетной печати увеличение размеров изображения на оттиске может быть связано не только с увлажнением бумаги в процессе печатания, но и с отклонениями в соотношении диаметров формного и офсетного цилиндров, в том числе вызванного набуханием поверхности резиновой пластины под воздействием увлажняющего раствора. Поэтому постоянство толщины резиновой пластины и деформационных свойств ее поверхности возможно обеспечить путем выдерживания пластины в увлажняющем растворе в течение двух дней и припудривании поверхности тальком после высыхания.

Спрашивается: потому ли постоянство толщины резиновой пластины можно обеспечить указанным в последней фразе путем, что отклонение в соотношении диаметров двух цилиндров может быть вызвано набуханием поверхности этой пластины под воздействием увлажняющего раствора? Вовсе нет. Следствие — увеличение размеров изображения в офсетной печати. Причина — отклонения в соотношении диаметров двух цилиндров. Эта причина в свою очередь является возможным следствием набухания поверхности резиновой пластины на одном из цилиндров. Поэтому, чтобы размеры изображения на оттиске не увеличивались в процессе печати, надо устранить причину набухания поверхности резиновой пластины. Тогда не будет отклонений в соотношении диаметров двух цилиндров. Значит, будет устранена причина, по которой размеры изображения в процессе печати оказываются увеличенными. Этот анализ позволяет исправить последнюю фразу текста, сделав ее безупречной в логическом отношении:

Поэтому последствия отклонений в соотношении диаметров двух цилиндров из-за набухания резиновой пластины можно устранить, если предотвратить такое набухание. Для этого нужно выдержать резиновую пластину в увлажняющем растворе в течение двух дней и припудрить тальком после высыхания.

Теперь отношения логического следования выстроены правильно.

Соотнесение тезиса и аргументов. Доказательства и опровержения — неотъемлемая часть многих текстов. Авторы обосновывают истинность или ложность заранее выдвинутого положения с помощью аргументов (посылок).

Задача редактора, встретившегося в тексте с доказательством или опровержением, проверить:

1) действительно приведенные автором аргументы ведут к выдвинутому тезису или же они доказывают другой тезис (подмена тезиса);

2) достаточны ли аргументы для доказательства тезиса, истинны ли они, чтобы вести к истинному выводу.

Вот автор приводит примеры с его точки зрения неправомерного включения в библиографический указатель нелегальной литературы русских книг, изданных за рубежом, но разрешенных к распространению в России («Панургово стадо» В.В.Крестовского. Лейпциг, 1870 и др.). Приведя эти примеры, автор заключает:

Эти примеры — а число их можно значительно увеличить — доказывают, что издания, разрешенные цензурой, а также литература, запрещенная не по политическим мотивам... не имеют отношения к библиографии нелегальной литературы.

Между тем приведенные примеры сами по себе не могут служить аргументами для доказательства неправомерности включения в указатель нелегальной литературы названных книг.

Аргументом в данном случае могло быть несоответствие включенных в указатель книг определению «нелегальная литература». Действительно, как можно назвать нелегальными книги, изданные за рубежом на русском языке, но разрешенные цензурой к распространению в России? Нелегальные книги — это книги, распространяемые тайно, без разрешения цензуры. Именно поэтому книги, разрешенные цензурой к распространению в России, не могут быть названы нелегальными. И именно поэтому их нельзя включать в указатель нелегальной литературы. Для доказательства своего тезиса автор использовал не те аргументы, что нужно.

Понятно, что аргументы должны быть истинными: иначе доказательство или опровержение придется признать несостоятельным.

В вузовском учебном пособии по психологии читаем:

Начало философской психологии, конечно, не может быть обозначено какой-то определенной датой, хотя бы уже потому, что донаучная психология не только хронологически предшествовала, но и продолжала и продолжает свое существование наряду с философской психологией (Роговин П.С. Введение в психологию. М., 1969).

В тексте выдвинут тезис:

Начало философской психологии невозможно обозначить какой-то определенной датой.

Далее следует обоснование, доказательство тезиса. В тексте налицо лишь один аргумент, второй опущен. Чтобы понять, как автор от аргументов перешел к тезису, восстановим все доказательство в полном виде:

Тезис: Начало философской психологии невозможно обозначить какой-то определенной датой.

Первый аргумент (в тексте опущен): Если наряду с философской психологией продолжает существовать донаучная психология, то обозначить начало философской психологии невозможно.

Второй аргумент: Наряду с философской продолжает существовать донаучная психология.

Заключение: Следовательно, начало философской психологии невозможно обозначить какой-то определенной датой.

Тезис как будто доказан. Условно-категорическое умозаключение, с помощью которого это сделано, с логической точки зрения безупречно. Основное его правило вроде бы строго соблюдено: если истинно основание, истинно и следствие.

Но вот истинно ли основание? Почему, собственно, начало философской психологии невозможно обозначить точной датой, если продолжает существовать донаучная психология? Пусть донаучная психология с появлением философской не исчезла. Если возникновение философской психологии было связано с каким-либо датированным выступлением (а именно так обозначается обычно начало многих наук), су-

существование донаучной не могло помешать более или менее точной датировке. Возможно, философская психология возникла не в результате такого печатного выступления, а элементы ее начали появляться в различных работах, и поэтому узнать точно, какая из них была первой, очень трудно. Так что, быть может, и верно, что начало философской психологии нельзя обозначить точной датой, но вовсе не по указанной автором учебника причине. Для этого требуется другие аргументы.

Как же исправить логическую погрешность? Казалось бы, самое простое — посоветовать автору найти достаточный аргумент взамен непригодного. Но прежде чем это делать, надо убедиться, коль скоро мы имеем дело с такой логической формой, как доказательство, а правильно ли сформулирован тезис. Одно из основных правил доказательства: тезис должен быть точно сформулирован.

Зададимся вопросом: а нужно ли автору доказывать, что «начало философской психологии... не может быть обозначено какой-то определенной датой»? Зачем, собственно?

И для чего ему понадобилось выдвигать в качестве главного аргумента тот факт, что с появлением философской психологии не исчезла донаучная, что последняя продолжает существовать? Остается предположить, что это понадобилось автору только для того, чтобы доказать тезис: нельзя точной датой обозначить *переход* от донаучной психологии к философской. Вот для доказательства такого тезиса аргумент «наряду с философской продолжает существовать донаучная психология» будет вполне достаточным. Так, прояснив логические отношения, сопоставив тезис и аргументы, мы смогли не только увидеть ошибку, но и найти ее корни. Более того, мы докопались и до того, каким образом устранить ошибку.

Еще один пример из научной статьи:

Книга-проблема — наиболее распространенный, наиболее характерный вид научно-популярного издания. Именно здесь гуманитарная научно-популярная книга приближается к научной, именно здесь грань между ними становится менее заметной. Сошлемся, например, на серию «Социология и жизнь» (изд-во «Мысль»); такие книги, как «Художественный вкус» Л. Н. Когана (М., 1968), «Свободное время» Б. А. Грушина (М., 1967), «Человек и искусство» А. Л. Вахеметса и С. Н. Плотникова (М., 1968). Все эти книги предназначены не только для социологов, но и

для представителей смежных профессий — искусствоведов, литературоведов, партийных работников, книговедов, журналистов и т.д.

Упростим логику отношений. Выдвинут тезис:

В книге-проблеме научно-популярная книга приближается к научной.

Аргументы:

Ряд книг серии «Социология и жизнь» издательства «Мысль» предназначена не только для социологов, но и для деятелей других областей науки и гуманитарных профессий.

Итак, широкий читательский адрес научно-популярной книги доказывает ее сближение с книгой научной. Сопоставляя такой аргумент с тезисом, мы не можем не прийти к выводу: аргумент несостоятелен, ведь широкий читательский адрес характерен не для научной, а для научно-популярной книги. Расширение читательского адреса (то обстоятельство, что книга становится интересной для специалистов многих наук и профессий), скорее, доказывает сближение научной книги с научно-популярной, а не наоборот: научная приближается к научно-популярной, когда читательский адрес первой расширяется.

Если не соотносить аргументы с тезисом, то невозможно судить, достаточны ли они для доказательства выдвинутого тезиса. Между тем слабость, недостаточность аргументов — одна из очень распространенных логических ошибок во многих произведениях. Так что для того, чтобы не пропустить в тексте логических сбоев, соотносить тезис с аргументами и аргументы с тезисом необходимо всегда, как бы сложно это ни было.

12.5. Выработка навыков анализа и оценки текста с логической стороны

Каждый из рассмотренных выше приемов редактору надо превратить в навык — автоматически выполняемое максимально свернутое действие мгновенного характера. Иначе редактор будет тратить на каждый прием слишком много времени, и процесс критики текста неимоверно растянется: ведь

текст требуется подвергнуть анализу не только с логической стороны. Приемы же становятся навыками не сами по себе, а лишь в процессе их сознательного и целенаправленного применения (см. подраздел 8.2).

Только детально изучив все приемы и широко испытывав их на практике (каждый отдельно и специально, примерно так, как это описано применительно к приему задержки на сигнальных словах в подразделе 12.3), редактор сможет добиться автоматизированного срабатывания каждого приема при чтении. Навыки вырабатываются в процессе развернутого выполнения каждого приема при чтении текста со специальной целью: в одном случае — выявить связи по словам или по знакам препинания; в другом — определить логические отношения элементов, связи между которыми не нашли словесного или пунктуационного выражения в тексте; в третьем — установить вид связанных логических элементов (члены деления ряда и обобщающее слово, обобщающее положение и конкретизирующие факты, определяемая и определяющая части в определении, основание и следствие, тезис и аргументы); в четвертом — соотнести между собой все основания и следствия; в пятом — найти все энтимемы (умозаключения с опущенным звеном); в шестом — восстановить все энтимемы до полного умозаключения и т.д. и т.д.

В сложных случаях, когда навык помогает заметить непорядок, но из-за сложности отношений не позволяет сразу вскрыть его причину, необходимо, отметив сложное место, впоследствии вернуться к нему для развернутого разбора этой сложной части. И все равно, главное свое предназначение навыки анализа текста с логической стороны выполняют — сомнительное в логическом отношении место не будет упущено.

Глава 13

АНАЛИЗ И ОЦЕНКА ЯЗЫКА И СТИЛЯ

Тема главы необычайно сложна. Строго говоря, анализ всех других сторон текста тоже шел через анализ языка и стиля.

Анализ и оценку языка и стиля произведения можно условно разделить на две части.

Первая — чисто творческая по характеру. Она связана с индивидуальными особенностями стиля произведения и автора. Очень хорошо сказал по этому поводу Эжен Ионеско в беседе «Между жизнью и сновидением» (Иностр. лит. 1997. № 10; см. цитату на с. 29):

Вспомним и Пушкина: судить писателя по законам, им самим над собою признанным.

Из этого следует, что нельзя к анализу и оценке языка и стиля очень многих произведений подходить только с общими, тем более стандартными, мерками.

Вторая часть анализа оценки языка и стиля — менее творческая по характеру, чем первая, но тоже далеко не техническая, — касается соблюдения общих и частных требований к языку и стилю, того, что мы называем стилистическими нормами, грамматической и стилистической правильностью речи.

С другой стороны, по мнению лингвистов, при анализе и оценке языка и стиля произведения надо принимать во внимание информационно-структурные качества текста (его логичность, связность и цельность, ясность, понятность и доступность) и качества тональные (правильность, чистоту и культуру речи).

Но необычайная сложность и трудность работы редактора над языком и стилем не только в этом.

Было бы ошибочно думать, что, улучшая язык, мы совершенствуем форму — и только. Работу над языком и стилем нельзя искусственно отделять от работы над содержанием. Это тоже работа над содержанием, ради более точного и глубокого выражения смысла или образа. Совершенствовать содержание текста невозможно иначе чем через слово. Любое изменение текста в чем-то меняет и содержание, вносит в него новые оттенки. «Одна и та же мысль меняется в зависимости от слов, которые ее выражают, — писал Б. Паскаль. — Мысли получают свое значение от слов, а не дают его словам» (Паскаль Б. Мысли. М., 1995. С. 289. № 789).

Мы лишь условно, методически выделяем эту работу в некую самостоятельную часть.

Читатель может, правда, спросить: ведь для названной выше второй части анализа языка и стиля редактору достаточно знать нормы и рекомендации практической (грамматической) стилистики? При чем тут методика редактирования текста?

Действительно, анализ языка и стиля произведения, — предмет и область грамматической стилистики. Однако последняя не затрагивает практической методики этого анализа. Она учит, как правильно согласовывать сказуемое с подлежащим; объясняет, почему плохо повторять без специальной цели одинаковые или однокоренные слова, и т. д. Благодаря этой дисциплине редактор знает правила и нормы согласования и управления; знает, в каких случаях повторение одного слова оправданно и допустимо, и т. д. Но, даже хорошо зная все нормы и рекомендации стилистики, редактор на практике нередко не замечает и несогласованность, и другие языково-стилистические погрешности. Более того, исправляя текст, он порой сам вносит подобные ошибки. Знание норм и рекомендаций оказывается, таким образом, нереализованным. Практическая стилистика не дает ответа на вопрос, как редактору методически построить свою работу над языком и стилем, чтобы не пропускать нарушений правил и рекомендаций стилистики. Прав Б. С. Мучник, который в своей книге «Человек и текст» (М., 1985) утверждает, что «основная трудность часто состоит именно в распознавании ошибки», имея в виду ошибку сти-

листическую. Вот почему в настоящее пособие и включена глава об анализе языка и стиля, посвященная главным образом методике этого анализа.

13.1. Основные методические требования к анализу

Соблюдая несколько основных выверенных на практике требований, которым должен удовлетворять анализ языка и стиля произведения, редактор выполнит свои задачи лучше и точнее, избегая существенных ошибок.

Первое требование — начинать анализ с определения общих и специфических особенностей языка и стиля текста. Требование это, если вдуматься, имеет глубокие основания.

Не определив функциональный стиль редактируемой работы, нельзя выявить необоснованные отклонения от него. Кроме того, определяя особенности языка и стиля произведения, редактор подготавливает почву для ясного осознания задач языково-стилистической критики текста — с чем бороться, что одобрять, что рекомендовать автору.

Всегда полезно определить: *что* обедняет авторский текст, *что* делает его однообразным, какие свои стилистические погрешности автору свойственно не замечать, в чем сила и достоинства его стиля и т.д. И делать это лучше перед чтением с целью анализа и оценки стиля.

Кроме того, каждому редактору, кто накопил даже сравнительно небольшой опыт, приходилось замечать, что стоило только ту погрешность, которая ускользала от внимания и оставалась не устраненной, увидеть раз-другой, как она начинала назойливо лезть в глаза и уже редко оказывалась упущенной. Поймав себя на «зевке», редактор невольно ставит себе целью не пропускать больше такого рода погрешности. Например, при неумеренном употреблении одного и того же, да к тому же неудачного, оборота (вроде *особое значение получает*), редактор, заметив это, при дальнейшем чтении произвольно преследует цель найти, не пропустить все такие обороты, чтобы посоветовать автору заменить их, дабы избавиться от однообразия языковых средств. При этом ему уже не приходится искать повторяющиеся обороты, его мозг

реагирует на них так, как реагирует на прикосновение пальца к острому или горячему.

Приведем несколько примеров.

В книге М.М.Раковой «Русское искусство первой половины XIX века» (М., 1975) редактор явно не видел типичных для автора недостатков:

— злоупотребления оборотом *играет роль* и словом *роль*, вводимом к месту и не к месту («...отличительной чертой школы было увеличение роли работы с натуры»);

— глаголом *получил* («...именно в этот период синтез архитектуры и скульптуры получает свои наиболее яркие и совершенные решения...»; «Этот процесс... получает свое завершение»; «...лепнина получает... замкнутую композицию»);

— словом *решение* («...много сходных черт находим мы в *решении* дома Хрущовых-Селезневых. Здесь особенно интересно асимметричное *решение* плана дома...»).

Если бы редактор ставил перед собой задачу вскрыть типичные стилистические недостатки авторского текста, он бы убедил автора в том, что лучше их устранить.

Есть языково-стилистические ошибки *случайные* для данного автора, а есть *характерные*. И если редактору удастся выявить последние, то он берет их под критический прицел и, как правило, уже не упустит.

Если автор, например, на протяжении одной страницы делает две одинаковые по типу ошибки, то, возможно, в этом его характерная слабость, и редактору нужно ее иметь в виду при чтении.

Так, в одной рукописи редактор на протяжении одной страницы натолкнулся на такие однотипные погрешности в стиле:

Сначала:

Их [студентов] беседы занимают в романе не так уж много места, однако даже в них можно проследить, какую чудовищную мешанину представляют взгляды... этой части молодежи.

Затем:

Закономерно поэтому, что Кристоф, которому кажется, что он вырвался из замкнутой цепи буржуазных отношений, на самом деле оказался замкнутым в новой цепи условностей...

Вот этого уже достаточно, чтобы сделать вывод: автор не чувствует неловкости повторяемых *случайно* одинаковых и однокоренных слов, снижающих качество стиля. Автор не слышит свой текст. Это, видимо, его слабое место. Надо быть начеку. Надо заставить текст звучать. Это нужно делать всегда, но в данном случае особенно.

Беда, однако, в том, что редактор, случается, начинает подмечать типичную для автора стилистическую погрешность лишь к концу рукописи, и тогда ему приходится читать все сызнова, чтобы устранить эту погрешность везде и в ранее прочитанной части текста.

Иногда же редактор, поглощенный целиком решением других задач критики текста, вовсе не замечает некоторых типичных погрешностей и спохватывается, когда уже поздно.

Другое дело, если типичные ошибки автора определены заранее, при оценочном чтении. Тогда при шлифовочном чтении ничего не будет упущено.

Но главное достоинство работы, начатой с определения особенностей языка и стиля произведения, конечно, в другом. Вряд ли можно без специального анализа, без специально поставленной цели по-настоящему понять источники совершенства и несовершенства авторского стиля, а значит, узнать, что же, собственно, надо делать автору и редактору, чтобы улучшить стиль. Тот, кто читал «Золотую розу» К. Паустовского, уже не сможет забыть описанный там эпизод с рассказом писателя Андрея Соболя.

В 1921 г. Паустовский работал секретарем в одесской газете «Моряк». «Однажды, — рассказывает он, — Соболев принес в «Моряк» свой рассказ, раздерганый, спутанный, хотя и интересный по теме и, безусловно, талантливый.

Все прочли этот рассказ и смутились: печатать его в таком небрежном виде было нельзя. Предложить Соболю исправить его никто не решился. В этом отношении Соболев был неумолим — и не столько из-за авторского самолюбия... сколько из-за нервозности: он не мог возвращаться к написанным своим вещам и терял к ним интерес.

Выручил редакцию «корректор, старик Благов, бывший директор самой распространенной в России газеты «Русское слово», правая рука знаменитого Сытина». Он пришел поздно вечером к Паустовскому и предложил: «Вот что... Я все думаю об этом рассказе Соболя. Талантливая вещь. Нельзя, чтобы она пропала.

<...> Дайте мне рукопись. Клянусь честью, я не изменю в ней ни слова. Я останусь здесь... И при вас я пройду по рукописи».

«Благов кончил работу над рукописью только к утру. Мне он рукописи не показал, пока мы не пришли в редакцию и машинистка не переписала ее начисто

Я прочел рассказ и онемел. Это была прозрачная, литая проза. Все стало выпуклым, ясным. От прежней скомканности и словесного разброда не осталось и тени. При этом, действительно, не было выброшено или прибавлено ни одного слова...

— Это чудо! — сказал я. — Как вы это сделали?

— Да просто расставил правильно все знаки препинания. У Соболя с ними форменный кавардак. Особенно тщательно я расставил точки. И абзацы. Это великая вещь, милый мой. Еще Пушкин говорил о знаках препинания. Они существуют, чтобы выделить мысль, привести слова в правильное соотношение и дать фразе легкость и правильное звучание. Знаки препинания — это как нотные знаки. Они твердо держат текст и не дают ему рассыпаться».

Паустовский рассказал эпизод с Андреем Соболем для того, чтобы показать силу знаков препинания. А для нас этот эпизод интересен другим — редакторским талантом Благова, его умением увидеть языковые особенности произведения, понять, в чем сила и слабость авторского языка. Именно это позволило ему блестяще решить редакторскую задачу и дать, по словам самого Соболя, чудесный урок автору, который стал чувствовать себя «преступником по отношению к своим прежним вещам».

Такого рода разбор поучителен не только для оцениваемой работы автора, но и особенно для его будущих работ.

Есть еще одна причина первого требования и еще одна польза от него.

Если редактору придется самому править авторский текст, то при соблюдении этого условия он лучше выполнит свою задачу, поскольку одно из требований к редакторской правке — пользоваться не своими, а авторскими языково-стилистическими средствами (иначе правка будет выглядеть как заплатка другого цвета, как нечто чужеродное). Для того же, чтобы перевоплотиться в автора, овладеть его лексикой, синтаксисом, его стилем мышления и речи, требуется исследование этого стиля, определение его специфических особенностей.

В умении определять манеру автора можно поучиться у В. П. Боткина, который писал П. В. Анненкову о стиле историка Кудрявцева 07.03.1851:

Ловко охарактеризовали вы книгу Кудрявцева и тонко подметили ее хорошие стороны. С вашим мнением я с удовольствием соглашусь, но прибавлю только, что у автора в то же время есть какая-то странная неохота прямо высказывать свою мысль: он всегда подходит к ней исподтишка, помаленьку, выговаривает ее не вдруг. Такой процесс не столько служит для пользы читателя, сколько для личного удовольствия самого автора, который находится еще в медовом месяце исторического изложения и, как любовник, не наговорится с своею любезной. Книга получила от этого излишнюю длинноту, и длиннота лежит также и в мыслях, и в языке. Вас заинтересовало содержание, и вы этого не замечаете. Но надо желать, чтобы в следующих трудах автор приобрел более исторического стиля и определенности в исторических представлениях. Заметьте, какой мастер в этих отношениях Грановский. Разумеется, Кудрявцев учнее и трудолюбивее его и оставит по себе более прочные следы; но в нескольких страничках, из которых состоит ученая деятельность Грановского, будет больше таланта, чем во всех книгах Кудрявцева, хотя книги его будут несравненно полезнее. Но мистицизм и некоторая романтическая туманность, лежащая в его сознании, много повредят ему в исторических трудах, потому что отдалят его от практического взгляда на людей и события. Да и мысли у него как-то все ложатся в немецкую, книжную форму. В книге его не чувствуется русского ума и русской манеры — так, как, например, чувствуется английский ум и английская манера в Маколее... я думаю, что надо стремиться к национальности и в науке (П. В. Анненков и его друзья. СПб., 1892. С. 566–567).

Разве не извлек бы Кудрявцев пользу из такого редакторского по сути разбора его стиля В. П. Боткиным? Разве не помог бы этот разбор В. П. Боткину, случись ему быть редактором сочинений Кудрявцева, при правке текста сохранить стилистические особенности автора?

Нужны ли еще доказательства справедливости первого требования к анализу языка и стиля?

Второе требование — избегать субъективности в стилистических оценках, поправках, замечаниях. Одно из самых драгоценных редакторских качеств — умение отделить субъективные пристрастия от объективной необходимости стилистических исправлений в тексте. Беспристрастных к языку людей, пожалуй, не существует. И вот что нередко получается, когда автор не испытывает любви, допустим, к деепричастиям, а редактор их любит и охотно употреб-

ляет в собственных писаниях. Чуть отклонится автор от приятных редактору оборотов, как у редактора непременно возникнет острая потребность, прямо-таки непреодолимое желание подогнать авторскую речь под свой вкус. И притом с искренним ощущением: так лучше, так выразительнее, так проще и понятнее.

Показательно ироническое описание первого дня собственной редакторской работы критиком Б. Сарновым в статье «Разбойник Мерзавио и редактор» в сб. «Редактор и книга» (М., 1962. Вып. 3) (см. выше, в подразд. 1.3, с. 30). Б. Сарнов объясняет случившееся с собой тем, что действовал под влиянием традиционного представления: «Ведь я редактор! Значит, я должен что-то вычеркивать, вписывать, править — одним словом, редактировать!» Правят, конечно, и по такой причине, но ведь желание заменить одно слово другим возникло стихийно, а не по сознательному намерению.

Субъективность многих стилистических поправок и пристрастий вполне объяснима. Любой человек, читая текст, нередко мысленно переделывает его, приспособлявая для себя, чтобы лучше понять и тем более запомнить. Ведь психологически текст понимается благодаря тому, что свергается в сокращенную и обобщенную схему, которая помогает усвоить общий смысл речи. При этом отдельные читатели воспринимают и понимают некоторые логико-синтаксические структуры лишь при дополнительной переделке. Редактору важно научиться понимать любые логико-синтаксические структуры и, если требовать отказа от какой-либо из них, то не потому, что она трудна для его, редактора, понимания, а потому, что не отвечает задачам издания или будет трудна для читателя.

Но, к сожалению, мысленную переделку текста с целью приспособить его к собственному строю мыслей многие редакторы воспринимают нередко как результат недостатков авторского стиля. А недостатки, разумеется, должны быть устранены. Вот и возникает субъективная правка — переделка текста лишь по причине индивидуальных особенностей восприятия и мышления редактора: авторскую конструкцию он заменяет конструкцией более для него привычной, более ему приятной, слова непривычные и малознакомые — более близкими и знакомыми.

Вот несколько таких невыдуманных поправок:

Кверху ногами, — пишет автор. *Вверх ногами*, — поправляет редактор. Ему представляется, что так лучше, понятнее.

Того и жди, — начинает фразу автор. *Того и гляди*, — «уточняет» редактор. Он привык к такому обороту и считает его более правильным.

Ошибки возникают под влиянием разнообразных причин, но обычнее всего — когда мысль опережает руку, — объясняет автор.

«Обычнее всего? — недоуменно спрашивает сам себя редактор. — А можно ли так писать?» И жирной чертой зачеркивает слово *обычнее*, заменяя его словом *чаще*. *Обычнее всего* — такого сочетания ему встречать не приходилось, и, хотя никаких нарушений законов языка тут нет, он исправляет его, применяя тот, в безошибочности которого уверен на все сто процентов. Так проще и надежнее.

В чаянии привести к единству, — выражает свою мысль автор, выбирая слово, характерное для своей манеры.

В надежде привести к единству, — исправляет редактор.

Так нелюбимые, незнакомые слова последовательно и неизменно замещаются словами привычными, любимыми, знакомыми.

У редактора и автора могут быть разные стили мышления и речи. Например, автор пишет грамотно, ярко, точно, но с неторопливой обстоятельностью, многоречиво (случай историка Кудрявцева, см. выше), редактор же тяготеет к лапидарному стилю, или автор красочен и живописен, а редактору импонирует строгий, суховатый язык. Как быть? Единственный путь для редактора — преодолеть себя, критиковать автора не за манеру, а за неудачное ее использование. И ни в коем случае не переписывать, не перелицовывать текст.

Иногда субъективность оценок стиля — от недостатка знаний у редактора и чрезмерной осторожности. Так, редактор порой забывает о многозначности слова и расценивает как ошибку употребление слова в значении, которое не совпадает с хорошо ему известным. Именно этим можно объяснить курьезное замечание редактора на полях одной рукописи возле места, где автор сообщает о том, что маточному молочку посвящено много работ: «...посвящать работы можно только

живым людям, но не неодушевленным предметам», — безапелляционно заключает редактор. Сразу два надуманных ограничения: только людям и только живым. Хотя загляни редактор в толковый словарь русского языка, он увидел бы, что у глагола *посвящать* не одно, а три значения, среди которых и такое: «затратить на какое-либо дело, занятие и т.п.» и пример: «...ему лучше всего было посвятить себя кабинетным занятиям. Куприн».

Другой редактор в фразе *Как оградить детей от инфекции?* — подчеркивает слово *оградить*, ставя вопрос, видимо, потому, что приемлет только одно значение этого глагола, буквальное — обнести оградой, забывая о переносном — оберечь, предохранить, отделить от чего-нибудь.

Конфуз с более сложным случаем многозначности слова испытал хорошо знакомый автору редактор, который стал заменять в рукописях слово *качественный* (в значении «хорошего качества») словом *доброкачественный* или *высококачественный*. Свою правку он объяснял просто и убедительно: вещей, которые не обладали бы каким-либо качеством не бывает (плохим или хорошим — другое дело). «Нет, например, — рассуждал он, — бескачественной печати. Если автор хочет сообщить читателю, что печать высокого качества, то лучше, если он так и напишет: *высококачественная печать*, а не *качественная печать*, поскольку любая печать (и хорошая, и плохая) *качественная*, только в одном случае хорошего или высокого качества (*доброкачественная* или *высококачественная*), а в другом — низкого, плохого качества (*низкокачественная*)». И так он изгонял слово *качественный* много лет, что и заставило его засомневаться: так ли уж он прав, поступая подобным образом. «Может быть, — стал думать он, — слово *качественный* приобрело в речевой практике значение „доброкачественный“, а переиграть речевую практику невозможно». И лишь такое рассуждение побудило его заглянуть в толковый словарь. И оказалось, что даже в толковом словаре под редакцией Д. Н. Ушакова, составленном в середине прошлого века, слово *качественный* имеет и значение хорошего качества (пример: *качественное определение объекта*), и в словаре С. И. Ожегова прямо написано: «качественный — ...2. Лучший, высокий по качеству (*качественные стали*)». Прав-

да, в академическом Словаре русского языка (2-е изд. М., 1982) у слова *качественный* сделана помета *разг.*, что говорит о не вполне обоснованном распространении слова в этом значении во все стили речи.

Вывод ясен: редактор обязан помнить о многозначности слова и дружить со словарями, памятуя ограниченность своих знаний.

Другая причина субъективности в правке и замечаниях — бездумное следование мнению какого-либо крупного авторитета, который свои пристрастия в языке с большой силой и убежденностью выдает нередко за объективную закономерность. Это исторический факт, что великие авторитеты в языке, выдающиеся художники слова порой становились гонителями вполне допустимых слов. Категорически следуя их мнениям, редактор неизбежно будет вносить хотя и не свои, но субъективные, не вызванные объективной необходимостью поправки.

К. С. Горбачевич в своей книге «Нормы современного русского литературного языка» (М., 1978) привел убедительные примеры воинственного, но малообоснованного, чисто субъективного неприятия слов некоторыми русскими писателями-классиками.

Л. Н. Толстой не любил слова *зря* и избегал его в своих произведениях, считал совершенно бессмысленным.

Безосновательную, чисто субъективную антипатию к некоторым словам (лексическую идиосинкразию, как определил ее критик А. Лейтес в статье «Возможности слова» /Лит. газ. 1965. 25 мая/) испытывают и писатели, а также авторы-ученые XX века. К. Федин осуждал слова *киоск* и *боевитость*, Б. Лавренев испытывал физическую ненависть к словам *учеба* (вместо *учения*) и *зачитать* (вместо *прочсть* или *прочитать*). Непримируемую враждебность к слову *учеба* испытывал и Ф. Гладков. К. Паустовский в «Книге скитаний» пишет о том, что «ко многим словам, таким, как *поприветствовать*, *боевитый*, я испытывал такую же ненависть, как к хулиганам».

Блок, например, решительно отверг слово *принципиально*. «Что значит — принципиально? Такого и понятия-то нет...».

Демьян Бедный в одном из стихотворений слово *сберкасса* приводил как образец «порчи языка».

Сергей Вавилов терпеть не мог вспомогательный глагол *является*. «О чем угодно можно сказать по-русски без „является“, — утверждал он.

Каждый писатель вправе не употреблять слов, которые ему не нравятся, но когда они на этой основе делают обобщающие декларации, то следовать им было бы явной ошибкой. Ибо нет слов плохих и хороших. Все дело в контексте. И если слово не противоречит само по себе законам языка, то объективно судить, хорошее оно или плохое в данном тексте, можно, лишь исходя из задач и специфики этого текста, из совокупности всех слов, употребленных в нем.

Вот почему редактору никак нельзя подчиняться даже таким авторитетам, как В. Г. Белинский, тем более что его стилистические замечания связаны с речевой практикой первой половины XIX века.

В. Г. Белинский справедливо писал, что «употреблять иностранное слово, когда есть равносильное ему русское слово, — значит оскорблять и здравый смысл и здравый вкус». В качестве примера он приводил слова *утрировать* и *преувеличивать*: «...ничего не может быть нелепее и диче, как употребление слова „утрировать“ вместо „преувеличивать“».

Может быть, для своего времени Белинский и был прав. Может быть, тогда слово *утрировать* было равносильно *преувеличивать*, ничем от него не отличалось. Но сегодня это слово — уже синоним к слову *преувеличивать* и означает не просто преувеличивать, а преувеличивать грубо, упрощенно, нарочито подчеркивая что-то, выпячивая одну из сторон. И русский язык выиграл от того, что рядом со словом *преувеличивать* оказалось слово *утрировать*. Правда, уместно оно не везде, как книжное по окраске и не утратившее оттенка своего иностранного происхождения, но суть дела от этого не меняется.

Субъективность и односторонность оценки стиля особенно наглядно продемонстрировал А. Ф. Писемский, написавший А. Н. Майкову по поводу его стихотворений:

Дурочка — чудо, а *Ребенок* прелесть, только в первой употреблено одно слово неправильно «воркотня». Этого слова, во 1-х, я не слышал, а если оно и есть, то может произойти только от слова *ворковать*, что значит нежничать, а не

ворчать. К милому моему поэту я придирчив, как Покровский, — мне хочется, чтоб у него все было безукоризненно (Писемский А. Ф. Письмо к А. Н. Майкову. < 12 марта 1854 г. > // Писемский А. Ф. Письма. М.; Л., 1936. С. 62).

Если бы Писемский не полагался в критике только на свой словарь и свое языковое чутье, а проверил бы по словарю Даля, то увидел бы, что там слово *воркотать*, от которого образована *воркотня*, имеет и значение «ворчанье». Так что А. Н. Майков вправе был употребить это слово.

Итак, не каждое высказывание тех, кто стал авторитетом в области слова, заслуживает равного доверия. Слепо следовать нельзя даже за крупным авторитетом.

Это не отменяет рекомендации, что ко многим суждениям о стиле выдающихся мастеров слова редакторам надо внимательно прислушиваться и опираться на эти суждения в своей работе.

Например, нельзя не следовать за великими в том, что следует ценить в стиле авторов.

Так, А. С. Пушкин особенно ценил в текстах П. А. Вяземского их своеобразие и остроту:

...за одну статью Вяземского в Телеграфе отдам три дельные статьи Московского вестника. Его критика поверхностна или несправедлива, но образ его побочных мыслей и их выражение резко оригинальны, он мыслит, сердит и заставляет мыслить и смеяться: важное достоинство, особенно для журналиста (Полн. собр. соч. Т. 13. С. 340).

С Пушкиным был солидарен и сам Вяземский, когда оценивал речь вице-президента Киевского отделения Библейского общества Орлова:

Я ее читал с отменным удовольствием: много неправильности в слоге, но всегда сила, всегда живопись, везде отпечаток ума бодрого и души плотной (Остафьевский архив. Т. 1. С. 29).

О простительности незначительных погрешностей стиля при общей простоте и ясности слога писал в рецензии на книгу Н. Д. Телешова «За Урал...» И. А. Бунин:

От всей книжки веет такой неподдельной искренностью и простотой, что читатель легко прощает автору встречающиеся местами погрешности против синтаксиса (например: «едва входишь во двор, стоит на особом постаменте огромная чугунная пушка», стр. XVI) (Лит. наследство. Т. 84, кн. 1. С. 331).

Не чуждаться неологизмов призывал Вяземский:

Я перевел в речи государя: *esprit de parti* – дух сообщничества. Слова этого у нас нет: тем лучше. Лучше в словах самовласничать, чем известному уже слову дать насильственное значение (Остафьевский архив. Т. 2. С. 65).

Нельзя не прислушаться к их осуждению стиля нейтрального, обезличенного. В художественном произведении он вызывал их неприятие. Например, И. А. Гончаров писал:

Писатель... думающий на одном, говорящий на другом, нейтральном языке, – невозможен (Лит. наследство. Т. 87. С. 22).

Любопытно, за что Л. Н. Толстой резко критиковал язык и стиль некоторых научных сочинений и художественных произведений. Он говорил Н. Н. Гусеву:

– Этот научный язык... Это – желание скрыть свое незнание, точно так же, как литературный язык – желание скрыть то, что нечего сказать (Гусев Н. Н. Два года с Л. Н. Толстым. С. 147).

Наукообразный стиль осуждал в письме к И. С. Тургеневу критик П. В. Анненков:

...Я прочел на досуге громадный том Вудке «История письмен». Он начинает ее с татуировки диких, находя в ней первый зародыш письменности и переходя через живопись мексиканцев, словоизображения китайцев, пиктоглифы египтян и клины ассирян, доходит до первой азбуки финикийской – за 1000 лет до Рождества Христова. Картина усилий человечества дойти до азбуки – изумительная, но читать Вудке – это... то же, что кули с песком тащить на гору. Лет через 15 какой-нибудь новый Ренан расскажет книгу Вудке яснее и любезнее (Рус. обзор. 1898. Т. 51. Май. С. 25–26).

Суждения писателей-редакторов о том, как относиться к слову, более чем поучительны. В. Г. Короленко обобщал в одном из своих редакторских писем:

Слово – это не игрушечный шар, летящий по ветру. Это орудие работы: оно должно поднимать за собой известную тяжесть. И только по тому, сколько оно захватывает и поднимает за собой чужого настроения, мы оцениваем его значение и силу (Собр. соч. Т. 10. М., 1956. С. 395).

И. А. Гончаров проникательно выявлял значение языка в письме к одной своей корреспондентке:

...Язык – все. Больше всего языком человек принадлежит своей нации. Различие языков никогда не допустит до совершенного, интимного, искреннего сближения. Язык – не есть только говор, речь: язык есть образ всего внутреннего

человека: его ума, того, что называют сердцем, он выразитель воспитания, всех сил умственных и нравственных — недаром сказано: *le style c'est l'homme*. Да, язык есть весь человек в глубоком, до самого дна его природы, смысле. Ему учатся не по тетрадам и книгам, в гостиной у папá и мамá — а первый учитель кормилица с своими *агу, агу...* и другими междометиями, потом нянька с своими прибаутками и сказками, затем куча товарищей и подруг (русских мальчиков и девочек), начиная с деревенских и до школьных сверстников, язык народа, купцов, мещан, язык ремесел, а затем уже обработанный, чистый, книжный или литературный язык в образцовых писателях. Стало быть, язык, а с ним русскую жизнь всасывают с молоком матери — учатся и играют в детстве по-русски, зреют, мужают и приносят пользу по-русски. Он то же для человека, что родной воздух (Лит. наследство. Т. 87. С. 15).

Многие русские писатели оставили в наследство всем литераторам, редакторам в том числе, высказывания о желательности простоты слога, близости его к народному языку. Чтобы не отклоняться от основной линии темы, приведу только свидетельство писателя А. И. Эртеля о словах Л. Н. Толстого по этому поводу, которые он слышал от Льва Николаевича в Москве:

Надо стараться писать так, чтобы меня понял даже китаец; «то, чего я достигну, стараясь писать так — это и будет самым лучшим изложением». То есть это не значит подделываться под китайца или под народ, но это значит *брать предмет, стремиться к возможной, обусловленной самим предметом простоте* (Эртель А. И. Письма. М., 1909. С. 274).

Так что прислушиваться к словам мастеров редакторам надо. Обязательно надо. Их опыт работы со словом драгоценен и по сути, и как образец неустанного труда. К. Федин писал:

Самое трудное для меня — работа над словом. Чем руководюсь я, предпочитая одно слово другому? Во-первых, слово должно с наибольшей точностью определять мысль. Во-вторых, оно должно быть музыкально выразительно. В-третьих, должно иметь размер, требуемый ритмической конструкцией фразы. Трудность работы состоит в одновременном учете этих трех основных требований. К ним надо прибавить два других, не менее сложных: в авторской речи надо избегать частых повторений одного и того же слова, нельзя употреблять изношенных, вульгарных, мнимо красивых слов.

О своей скрупулезной работе над стилем пишет и Л. Пантелеев (см.: Октябрь. 2001. № 8. С. 179—180). Из его рассказа

особенно ясно, какими тонкими и вдумчивыми должны быть анализ и оценка стиля редактором. Под напором редакторов Л. Пантелеев, например, вынужден был заменить слова *сукин сын*, которыми мысленно припечатывал герой «Пакета» своего конвоира («И все молчит этот Зыков, сукин сын»):

Сукин сын, конечно, очень скоро полетел к чертовой матери. Достойной заменой ему я не нашел. В последующих изданиях рефрен этот звучит или так:

«И все молчит этот Зыков-подлец...»

Или когда редактором оказывалась особенно рьяная гувернантка – просто:

«И все молчит этот Зыков...»

Как ни смешно это звучит, а для автора исчезновение этого «сукина сына» было очень тяжелой утратой. Как я сейчас понимаю, понадобился он мне не только для ритма (и уж, конечно, не для того, чтобы «отвести душу», выругаться), а потому, что нагромождение «з-с-з-с-с-с-с-с-с» подчеркивало злоеущий характер сцены и переживаний героя. Кроме того, и ботиночки как-то лучше поскрипывали» (с. 180).

Особенно полезны для редакторов письма великих русских писателей, содержащие замечания по присланным им рукописям. Превосходное знание ими родного языка и тонкий вкус делают эти редакторские по сути письма превосходной стилистической школой для редакторов и авторов. Как правило, замечания тяготевшего к редактированию А. П. Чехова или профессионально занимавшихся им М. Е. Салтыкова-Щедрина и В. Г. Короленко носили в основном объективный характер.

Приведу в качестве примера одно письмо А. П. Чехова литератору конца XIX века Н. А. Хлопову, приславшему Чехову для оценки свою пробу пера. Прочитав его рассказ, Чехов написал ему, что рассказ «хорош и, вероятно, пойдет в дело», но предупредил автора:

Если Вы рассчитываете на него как на серьезный шаг и дебютируете им, то в этом смысле, по моему мнению, он успеха иметь не будет. Причина не в сюжете, не в исполнении, а в поправимых пустяках – в чисто московской небрежности в отделке и в кое-каких деталях, неважных по существу, но режущих глаза.

Начать с того, что то и дело попадаются фразы тяжелые, как булыжник. Например, на стр. 2 фраза: «он заходил ко мне два раза в продолжение получаса». Или: «На губах Ионы появилась долгая, несколько смущенная улыбка». Нельзя сказать «брызнул продолжительный дождь», так, согласитесь, не годится фраза «появилась долгая улыбка» (Полн. собр. соч. и писем. Письма. Т. 2. С. 199–200).

Редакторская субъективность проявляется также в том, что у редактора в борьбе за правильность речи порой просыпаются и утверждаются черты пуризма, он превращается в поборника речи дистиллированной, лишенной естественного своеобразия.

Редакторы-пуристы особенно боятся якобы грубых, а на самом деле народных слов. Любое отклонение от книжной речи воспринимается как недопустимое.

Доктор медицинских наук П. П. Кожевников в «Заметках редактора научной медицинской литературы» (Рус. речь. 1968. № 1) протестует против того, чтобы в печатные медицинские издания проникали такие вульгарные, как он их характеризует, слова, как «*простыть, прыщи, плешь, помусолить, раздирать (кожу), врачиха*, и другие. Опытному редактору их легко устранить» (с. 44). Никаких сомнений у П. П. Кожевникова, что устранять их нужно непременно, нет. Между тем ни слово *прыщи*, ни слово *плешь* к вульгарным не относятся. Толковые словари лишь слово *плешь* относят к просторечным, но не вульгарным. Устранять и заменять названные П. П. Кожевниковым слова надо не во всех случаях, а только в научной медицинской литературе, с которой он имел дело. В ней, действительно, подменять термины просторечными словами не годится.

Еще одна беда ожидает автора, когда редактор, чей словарь и знания лексики родного языка намного уступают словарю и знаниям автора, не признает за ним права пользоваться словами, которые редактору неизвестны. Такой случай со слов Т. Г. Габбе описала в своем дневнике Лидия Чуковская:

Туся [Т. Г. Габбе] рассказала мне подробно и изобразила в лицах безобразную сцену в Гослите между Мясниковым [главным редактором Гослитиздата], редакторшей и Самуилом Яковлевичем Маршаком. Редакторша сделала С. Я. замечания. Такие, например:

- Салоги с подборками? Что за подборы? Такого слова нет.
- С. Я. потребовал Даля. Подборы нашлись.
- Все равно, мне как-то не нравится, — сказала редакторша.
- С. Я. сначала что-то уступал, потом взорвался:
- Это неуважение к труду! Я лучше возьму у вас совсем свою книгу!
- И возьмите! — крикнул Мясников.

Тут вмешалась Туся и стала успокаивать и улаживать. Жаль, в данном случае скандал мог бы быть победоносен (Чуковская Л. К. [Избр. соч.]: в 2 т. М.: Арт-Флекс, 2001. С. 289).

Итак, тот, кто критикует или правит текст стилистически, в большинстве случаев искренне стремится улучшить произведение, но если он при этом не умеет отделить справедливых, объективных требований от субъективных пристрастий, то на самом деле не столько улучшает стиль, сколько подчиняет его своему вкусу, делая удобным для собственного восприятия. С одной стороны, тут сказывается сила привычки, с другой — свои и чужие (под влиянием авторитетов) предубеждения.

Стать выше этих пристрастий и предубеждений, знать законы языка и критиковать текст, исходя только из них, а также из особенностей и задач контекста, — вот что необходимо редактору для полноценного анализа языка и стиля.

Третье требование — осторожно, осмотрительно пользоваться правилами и рекомендациями нормативной грамматической стилистики. Выдвигать это требование приходится по двум причинам:

1) потому, что некоторые редакторы пользуются правилами и рекомендациями грамматической стилистики грубо прямолинейно, не сообразуясь с особенностями и задачами контекста;

2) потому, что язык произведения — вещь вообще чрезвычайно тонкая, и шаблонные действия могут его уродовать, а не улучшать.

Когда уже упоминавшийся доктор медицинских наук П. П. Кожевников в своих «Заметках редактора научной медицинской литературы» (Рус. речь. 1968/?/. № 1) приводит пример неудачно, в нарушение нормы, использованного местоимения:

Брумит описал больного, имевшего сужение пищевода, которое он связывал с лейшманиозом (с. 48), —

то он прав, спрашивая: «Кто он? — Брумит? Больной?» Ведь ближайшее к местоимению существительное *больного*, и формально, а также по закономерности восприятия *он* — *больной*. А значит, редактор вправе обоснованно требовать заме-

ну местоимения, хотя читатель после недолгого размышления поймет, что *он* не больной, а именно Брумит. Впрочем, лучше не заставлять читателя размышлять по таким поводам, теряя время.

Но не всегда следует отказываться от местоимения по такой формальной причине.

Правилен ли, нуждается ли в исправлении такой текст:

Перед окном разбит палисадник, и на самой средней клумбе, под розовым кусточком, лежала собака и тщательно грызла кость. Софья Петровна увидала ее.

«*Ее* — получается кость», — обязательно отметит редактор, знающий установленное нормативной грамматической стилистикой правило: местоимение заменяет ближайшее к нему существительное того же рода и числа.

Но будет ли он прав, если потребует от автора заменить местоимение существительным?

Нет, потому что иногда связь между местоимением и существительным определяется не формально (порядком слов), а когда другое прочтение невозможно, противоречит здравому смыслу. В таких случаях — а именно с одним из них мы имеем дело — никакой двусмысленности или неясности не возникает, читателю все ясно, и придирааться к фразе можно лишь по формальному, некорректному здесь поводу.

Иван Сергеевич Тургенев, которому принадлежит эта фраза из «Муму» (лишь слово *барыня* мы для конспирации заменили Софьей Петровной), не считал зазорным употребить здесь местоимение, видимо, потому, что понимал: у читателя перед глазами собака, грызущая кость, а не кость в зубах у собаки, и местоимение *ее* всякий не задумываясь отнесет только к главной видимой «персоне». К тому же у Тургенева за процитированной выше фразой следует:

— Боже мой! — воскликнула она вдруг. — Чья это собака?

Конечно, в принципе лучше избегать всякой возможности двойного прочтения и избавляться от таких конструкций, но нет правил без исключения. Если при отказе от местоимения синтаксический строй фразы усложнится, фраза потеряет упругость, энергию, будет восприниматься хуже, а двойное прочтение, как в нашем случае, маловероятно, вряд ли

стоит устранять незначительный и сомнительный недостаток ценой добавления другого, существенного.

Грамматическая стилистика обоснованно требует воспроизводить так называемый парный союз *Не только, но и* в полном объеме без пропуска или замены какой-либо из составных частей.

Но вот мы читаем у М. А. Булгакова:

Как видите, его терзает бессонница. Она мучает не только его, но его верного сторожа, собаку (Булгаков М. А. [Избранное]. М., 1973. С. 796).

Если следовать изложенной выше норме, то следовало поправить Булгакова:

Он мучает не только его, но и его верного сторожа, собаку.

Однако при этом образуется трудно произносимое сочетание «о и е» (подчеркнуто в примере), которое, возможно, и заставило Булгакова опустить «и», хотя, конечно, можно было использовать и другой вариант, дабы не нарушать норму:

Она мучает не только его, но и верного его сторожа, собаку.

Правда, в этом случае текст начинает звучать несколько напыщенно, торжественно патетически, что вряд ли здесь уместно, тем более что Булгакову присущ более спокойный тон вообще. Так что приходится согласиться с вариантом автора, хотя и с отклонением от стилистической нормы.

Редактор должен знать язык профессионально. Для него слова «владеть языком» означают не только совершенное знание лексики, фразеологии, норм синтаксиса, знание процессов языка, но и знание его теории, специально-языковедческие знания, поскольку редактору приходится решать на практике самые разнообразные речевые задачи. Успешно решить их можно, только опираясь на солидную теоретическую основу.

К сожалению, такой основы редактору часто не достает. Урывки же теоретических знаний, их поверхностное усвоение ведут во многих случаях к субъективным и произвольным решениям и рекомендациям.

Короче говоря, шаблонные решения при работе над языком противопоказаны. Одно и то же правило нормативной стилистики в одних случаях, при одних условиях применимо, а в других совершенно не подходит. Вот и получается,

что редактору каждый раз приходится анализировать текст, прежде чем решать, нарушено в нем правило стилистики или нет.

В другом стихотворении того же цикла, напечатанном в другом журнале, поэт... — написал автор. Нашелся редактор, который недрогнувшей рукой подчеркнул повтор слова *другой* как стилистический недостаток. Не оправданный в самом деле повтор одних и тех же слов, вызванный лишь тощеньким словарным запасом автора, делает текст менее выразительным и точным. Но в нашем тексте автор повторяет слово *другой* не от бедности словаря. Этим он старательно подчеркивает сходность одних и тех же явлений в творчестве поэта, несмотря на различие условий (и стихотворение другое, и орган печати другой). Такой повтор стилистически и логически оправдан, полезен, выразителен.

Можно привести десятки ярких примеров из произведений наших классиков с намеренными, художественными повторами слов. Лидия Чуковская, измученная неоправданными придирками редакторов, приводит их, в частности, в своей книге «В лаборатории редактора» (2-е изд. М., 1963. С. 139—142). Эти примеры очень полезно перечитывать редакторам, пользующимся арифметическими методами критики стиля.

Красочную картину общения автора с редактором по поводу арифметических редакторских замечаний нарисовал в письме к Л. Чуковской писатель Л. Пантелеев (см.: Октябрь. 2001. № 8. С. 178—179):

Немытый, замазанный лиловыми чернилами палец лихорадочно листает рукопись.

- Вот. Тут у вас на одной странице шесть раз употреблена частица «не».
- Где?
- Вот тут.
- Ну и что ж? Ведь это — не описка и не результат небрежности, этого требуют и логика, и грамматика, и самый строй фразы...
- Да... Но все-таки... Если бы можно, я бы вас попросила убрать в двух или трех случаях.

И вот — неизвестно даже из каких соображений: из малодушия ли, из жалости или уже просто по привычке — начинаешь торговаться с этой миловидной ведьмой и наконец сторговываешься — убираешь одну частицу «не».

Стоит сунуть в рот палец... Редактор смелеет:

- Вот еще птичка... Позвольте, что тут такое? Ах да. Тут у вас в одном предложении три сказуемых подряд. Так, по-моему, нельзя все-таки.
- Почему нельзя? Одного не хватило. Вот я и взял три.
- Не знаю. Я не встречала такого. Конечно, я не настаиваю, но если не трудно — подумайте, пожалуйста.

Свирепеешь, скрипишь зубами, сжимаешь кулаки, но сдерживаешь себя и обещаешь подумать. А вечером роешься в книгах — листаешь Аксакова, Бунина, Тургенева, Чехова — и выписываешь на отдельных листочках примеры из классиков, призванные поддержать твоё злосчастное предложение с тремя сказуемыми.

Четвертое требование — осторожно следовать рекомендациям о необходимости стилистической однородности текста и о предпочтительности одного приема изложения перед другими.

Так, автор украинского учебника «Загальне редагування. Нормативні основи» (Общее редактирование. Нормативные основы) (Львов, 2001) З. В. Партыко настойчиво рекомендует заменять любые слова другого стиля речи, чем стиль текста произведения. Опасность такой рекомендации в том, что редакторы, прямолинейно ей следующие, в стремлении достичь стилистической однородности текста заменой одних слов другими, могут обеднить текст, ископить его, поскольку нередко к словам другого стиля автор прибегает для большей красочности и выразительности текста.

Конечно, когда в деловом тексте автор его безосновательно пользуется разговорно-просторечными словами, точно так же как в публицистическом или художественном автор злоупотребляет без стилистической цели канцелярскими штампами — это стилистический дефект, с которым надо бороться. Тут редактору на помощь должно прийти языковое чутье, языковой вкус, чувство меры. Если же он станет устранять канцелярские штампы в деловом тексте только потому, что многие писатели справедливо объявили им войну в не деловых текстах, то он допустит ошибку. Точно так же, если он начнет изгонять просторечные слова из научного текста только потому, что они принадлежат к другому стилю речи.

Очень хорошую статью «В защиту делового штампа» (о полезности штампов в деловом тексте и их вредности)

в текстах не деловых) опубликовал в журнале «Русская речь» преподаватель из Харькова В. М. Богуславский (1968/?. № 6. С. 33—38).

Цельность стиля, в том числе и в лексике, необходима. Об этом редакторское письмо А. П. Чехова к писателю И. Л. Лентьеву (Щеглову):

...всю музыку Вы испортили провинциализмами, которыми усыпана вся середка [рассказа «Идиллия»]. Кабачки, отчини дверь, говорит и проч.— за всё это не скажет Вам спасибо великоросс. Язык щедро попорчен... (Полн. собр. соч. и писем: в 30 т. Письма. Т. 2. С. 205).

Многие слова могут принадлежать к нескольким функциональным стилям, что также ограничивает рекомендацию 3. В. Партыко.

Другой автор, О. И. Слуцкий, рекомендует авторам (а значит, и редакторам) писать только короткими фразами, как более понятными. Это справедливо, но не всегда это лучший способ изложения. Отказаться вовсе от сложных, длинных предложений — значит отказаться от одной из возможностей речи, что не может не обеднять текст и не затруднять автору передачу сложной мысли, а то и делать эту передачу невозможной.

Сторонникам стилистической безличности текста полезно помнить высказывание Макса Вебера:

В каждом труде, достойном внимания, должна отражаться личность автора» (Вебер М. «Объективность» познания в области социальных наук и социальной политики // Культурология. XX век : антология. М., 1995. С. 572).

А рекомендации, подобные приведенным выше, как раз и могут привести к тому, что не дадут личности автора отразиться в его тексте.

Да, сложные фразы понять, как правило, труднее, чем простые, короткие. Социолог Ганнинг вычислил даже «индекс туманности», который равен

$$\frac{\text{ПМ} + 2 \text{МП}}{5} + 3,$$

где ПМ — среднее число слов в одном предложении, а МП — число многосложных слов на каждые сто слов. С помощью

этой формулы он определял «степень туманности» в различных изданиях (Эпштейн С. Большой бизнес и идеология // Коммунист. 1970. № 13. С. 113).

Такой, арифметический подход к тексту представляется одноким и механистичным. Текст из коротких фраз может вполне поспорить по туманности с текстом из сложных фраз. Да и сложные фразы могут быть очень простыми по синтаксису и не менее понятными, чем простые короткие.

Пятое требование — знать приемы анализа, помогающие замечать типичные нормативно-стилистические ошибки и развивать эти приемы в навыки. Без таких навыков многочисленные, часто случайные, упущения в тексте и мелкие погрешности стиля будут проскальзывать в печать. Приемам, навыкам, помогающим замечать, а значит, и устранять типичные стилистические ошибки и погрешности, посвящен следующий подраздел главы.

13.2. Приемы, помогающие устранять распространенные ошибки — нарушения норм грамматической стилистики

Описанные ниже приемы могут предостеречь редакторов от пропуска распространенных ошибок разного рода — от тех, что снижают речевую культуру текста, делая его не вполне грамотным, до тех, что вносят смысловую неясность.

У сознательно использующего эти приемы редактора они по мере повторения превратятся в навыки, помогающие непроизвольно, почти автоматически замечать подобные ошибки, освобождая редактору время для тонкого стилистического анализа текста

13.2.1. Соотнесение между собой грамматически связанных слов для устранения ошибок согласования и управления

Соотнесение членов предложения, требующих согласования. Если члены предложения, которые должны быть согласованы между собой, отдалены друг от друга, то их несогласованность часто не замечается: сказуемое оказывается во множественном числе, а подлежащее — в единственном или

наоборот, причастие (прилагательное) — в одном падеже, а слово, от которого оно зависит, — в другом. Чтобы «не прозевать» несогласованности, редактору надо всегда соотносить сказуемое с подлежащим, а прилагательное и причастие с определяющим словом — в роде, числе и падеже.

Соотнести — это значит мысленно или зрительно связать члены предложения, требующие согласования между собой: прочитав подлежащее, вспомнить о сказуемом и найти его взглядом, или наоборот. Такая мысленная или зрительная связь между указанными членами предложения должна стать навыком шлифовочного чтения редактора, т.е. автоматически выполняемым в ходе чтения обязательным действием.

Особенно часто нарушается согласование причастия (прилагательного) с определяющим словом. Например:

Подобно римскому сенатору Катону, о чем бы ни говорившему, но всегда кончавшего выступления сакраментальной фразой: «Кроме того, я считаю, что Карфаген должен быть разрушен», — их лидеры все свои действия сводили к единой цели...

Так написал автор. Непонятно, почему, но второе причастие он поставил в более привычном для себя родительном падеже, хотя и определяющее слово и первое причастие стоят в дательном. Этого бы не случилось, соотнеси он *кончавшего* с определяющим словом *сенатору*, спросив себя: «Сенатору — какому? — кончавшему».

Тогда бы несогласованность бросилась в глаза, и ошибка не проникла в напечатанный текст.

Что именно отдаленность причастия от определяемого существительного становится часто причиной их несогласованности, подтверждается такой, например, уже приводившейся фразой из современной газеты:

Вокруг хакеров существует множество мифов, самый распространенный из которых рисует их этими гениями, сидящими где-нибудь в подвале и из идейных соображений взламывающих серверы военных ведомств.

Гениями — какими? — сидящими и взламывающими, а не *взламывающих*. Прodelай редактор или корректор такую словесную операцию, и несогласованности бы не было.

Итак, чтобы не пропускать ошибок согласования причастия и прилагательного с существительным, надо после существительного ставить вопрос в виде местоимения *какой* в том

падеже, числе и роде, что и это существительное. Если отдаленное причастие или прилагательное поставлено в другом падеже, числе или роде, то в сопоставлении с этим местоимением ошибка бросится в глаза.

Соотнесение управляющего слова с каждым из управляемых. Когда один глагол (одно отглагольное существительное) управляет несколькими словами, нередко не замечают, что в сочетании, например, с одним существительным управляющее слово требует одного предложного управления, а в сочетании с другим — другого (*поехал в Белоруссию, на Камчатку, в Краснодарский край*). Соотнося при чтении (особенно, если употреблен один общий предлог) каждое управляемое слово с управляющим, редактор непременно заметит, в каких случаях в сочетании глагола с разными существительными невозможно употребить один предлог, если в языке утвердилось управление с разными предлогами.

Например, встретив сочетание *...разослали в учреждения, предприятия, организации, заводы* — редактор будет читать так: «в учреждения, в /?/ предприятия, в организации, в /?/ заводы». Не заметить ошибки управления будет невозможно, и редактор поправит: *...разослали в учреждения и организации, на предприятия и заводы*.

Отдаленность управляемого слова от управляющего нередко мешает заметить стилистическую или смысловую их несочетаемость.

Так, в одной рукописи автор (редактор по профессии) и редактор текста посчитали вполне приемлемой фразу:

Эта задача [речь идет о выпуске хороших книг] выполнялась путем привлечения высококвалифицированных авторов и тщательностью редакционной работы.

Между тем *задача выполнялась тщательностью редакционной работы* — пример явной несочетаемости. Если бы редактор соотносил каждое управляемое словосочетание с управляющим, несочетаемость бросилась бы ему в глаза и в таком виде фраза не была бы напечатана.

Соотнесение каждого из нескольких управляющих слов со словами, ими управляемыми. Когда несколько однородных слов управляют одним, а каждое из них требует разных предлогов и падежей управляемого слова, то неизбежны стилистические ошибки несочетаемости.

Например, норма стилистики не допускает *Уход и обслуживание машины*, так как *Уход* (за чем?) за машиной, а *обслуживание* (чего?) машины. То же самое в сочетании *Доставка и удаление продукции с рабочих мест*, поскольку *доставка продукции на рабочие места*, а *удаление продукции с рабочих мест*.

В таких случаях рекомендуется исправить текст: *Уход за машиной и ее обслуживание; Доставка продукции на рабочие места и ее удаление с них*.

Даже редакторы, которые хорошо знают это правило, могут не заметить и не исправить подобные погрешности, если не научатся непременно соотносить управляемое слово с каждым из управляющих, т.е. мысленно прочитывать каждое сочетание отдельно.

В словосочетании *Бережное отношение, сохранение и разумное использование земли* это будет выглядеть примерно так: «отношение земли» (стоп, отношение к чему, а не чего); «сохранение земли» (сохранение чего — верно); «разумное использование земли» (использование чего — верно). Вывод — требуется поправка: *Бережное отношение к земле, ее сохранение и разумное использование*.

Подобный способ чтения гарантирует от случайностей. Выработав подобный навык, редактор уже не пропустит такой, например, неправильности в построении фразы:

Книга написана с неподдельной любовью и увлеченностью личностью и творчеством поэта (любовью — к чему, увлеченностью — чем).

Не годится, и редактор исправляет:

Книга написана с неподдельной любовью к поэту и с увлеченностью его личностью и творчеством.

Выделение отыменных предлогов, не полностью утративших значение слов, от которых они образованы (типа *благодаря*, за *счет*). Мысленное выделение таких предлогов помогает избежать распространенных стилистических ошибок — употребления этих предлогов в сочетании со словами, противоречащими еще не утраченному ими значению тех слов, от которых они образованы. Например, нелепо благодарить за что-то плохое. Поэтому крайне нежелательно так употреблять предлог *благодаря*:

Благодаря этим ошибкам мы понесли большие потери.

Предлог *за счет* не утратил еще значения утраты чего-то чем-то, за счет чего и получена выгода. Поэтому не рекомендуется грамматической стилистикой употреблять этот предлог, когда никакой утраты одного за счет другого нет. Например:

В первом случае «хромающий» текст, лишенный облагораживающей сюжетной рамки, попал в яблочко за счет точно выбранной интонации.

Почему *за счет*? Разве точно выбранная интонация что-то утратила, как-то пострадала и за ее счет текст попал в яблочко? Ничего подобного. Не за счет, а именно благодаря точно выбранной интонации был достигнут такой результат.

Такое неправомерное употребление предлога *за счет* стало очень распространенным в нашей печати. Вот примеры:

Значительный перечень опций стандартной конфигурации печатных машин может быть расширен за счет ряда дополнительных функций...

Расширен за счет — это значит, что дополнительные функции будут как-то ущемлены, хотя на самом деле они совсем не пострадают: расширен перечень будет не за счет дополнительных функций, а как раз ими: *...может быть расширен рядом дополнительных функций.*

Чтобы не пропускать такого рода ошибки, редактору и рекомендуется выделять отыменные предлоги *благодаря* и *за счет*. Выделение и послужит сигналом для проверки, не возникает ли смыслового противоречия, которое следует устранить. Со временем прием станет полезным навыком.

Схематизация синтаксических связей в сложных фразах. Этот прием помогает уловить синтаксические сбои в сложных фразах.

В одной журнальной публикации можно было прочитать:

В Доме пионеров было интереснее, чем в школе. В школе я учился, кажется, сносно... Но школа — это школа. Я предпочитал свой седьмой класс седьмой комнате Дома пионеров. Настоящие друзья были там. И туда всегда хотелось идти...

По смыслу всего текста автор воспоминаний, конечно же, предпочитал Дом пионеров классу, а не класс — Дому пионеров. Но в тексте получилось наоборот. Почему же редактор не заметил несоответствия формы слов смыслу, который

автор хотел передать? Вероятнее всего, потому, что понимал оборот, вопреки его грамматической форме, правильно, но не проверял, ведет ли эта форма к такому пониманию.

Если бы редактор, читая этот текст, мысленно накладывал на сочетание слов, подчиняющееся сложному управлению, схему последнего (предпочитал что — класс — чему — Дому пионеров), то противоречие между смыслом всего текста и управлением бросилось бы в глаза и заставило изменить текст:

Я предпочитал своему седьмому классу седьмую комнату Дома пионеров.

Этот же прием целесообразно использовать в сложных длинных фразах, чтобы не пропустить смещения конструкции. Например:

Каждый, кто рассказывает о Черкасове, — Янина Жеймо, с ее незабываемыми вечно юными глазами Золушки; Толубеев, которого из кадра приглашают на сцену, потому что идет спектакль и актер не может надолго отвлекаться; Товстоногов, читающий лекцию студентам; Борисов перед пустым залом в тот таинственный час, когда зрители уже ушли; загримированный Кадочников в перерыве между съемками; писатель Рахманов, режиссер Хейфиц, Нина Николаевна Черкасова или лифтерша из дома на Кронверкской, вспоминая о своем депутате, — все это трогает естественностью.

Начав читать фразу и дойдя до развернутого вводного предложения, полезно задать вопрос: «каждый, кто — что делает?» и, прочитав это предложение, постараться рассмотреть конец фразы как ответ на ранее поставленный вопрос: *каждый, кто... все это трогает естественностью*. Смещение автором конструкции трудно будет не заметить.

Эффективен и прием соотнесения начальной и конечной части фразы для проверки правильности их связи.

Благодаря схематизации редактору проще анализировать сложные фразы, в которых грамматически связанные слова очень отдалены друг от друга. Это делает такие фразы неясными, вынуждая читателей перечитывать их, чтобы разобраться что к чему. Например:

Слушатели семинара благодарят правление за его организацию и просят в дальнейшем практиковать проведение таких семинаров, а также преподавателя Н. И. Лукашова (пример Б. С. Мучника).

Сказуемое *благодарят* отдалено многими словами от дополнения *преподавателя Н. И. Лукашова*, что не может не вызвать недоумения читателя, тем более что образуется бессмысленная связь между глаголом *практиковать* и словом *преподавателя*. Схематизация связи между разъединенными словами позволяет редактору верно понять текст и быстро найти причину затрудненного его понимания. А зная причину, легче воссоединить эти слова хотя бы так:

Слушатели благодарят правление и преподавателя Н. И. Лукашова за организацию семинара и просят проводить его в дальнейшем.

Даже в очень простых по синтаксису фразах можно встретить ошибочную связь, особенно при сравнении чего-то с чем-то. Например:

Стабильность линейного напряжения в сравнении с обычными синхронными генераторами более высокая.

Стоит только спросить, что здесь с чем сравнивают — и станет ясно, что сравниваются несопоставимые вещи — стабильность напряжения с генераторами, а нужно сравнивать стабильность напряжения одних генераторов со стабильностью других либо одни генераторы с другими по стабильности напряжения:

Стабильность линейного напряжения у них более высокая, чем у обычных синхронных генераторов.

Прием схематизации синтаксических связей может быть использован и для анализа и оценки построения сложных фраз, трудных для понимания.

В тексте одной переводной книги пришлось невольно задержаться на следующей фразе:

Цель, которую, по мнению почти всех иррационалистов, на основе учения которых сформировался фашизм, должен преследовать государственный деятель, наиболее ясно выразил Ницше (Рассел Б. Искусство мыслить. М., 1999. С. 192).

Понять ее трудно не из-за элементарных стилистических погрешностей (цепи придаточных определительных со словом *который*), а по совсем другим причинам. Прием схематизации усложненных синтаксических связей помогает выявить эту причину — оторванность подлежащего *цель* от

сказуемого *наиболее ясно выразил Ницше*. Поэтому нельзя не прийти к выводу о необходимости сблизить подлежащее со сказуемым, перестроив всю фразу хотя бы так:

Мнение почти всех иррационалистов, чьи теории послужили источником фашизма, о той цели, которую должен преследовать государственный деятель, наиболее ясно выразил Ницше.

Теперь читателю не придется надолго останавливаться, чтобы понять авторскую мысль, но и в перестроенной фразе многоступенчатая связь все же заставляет читателя напрягаться для того, чтобы проникнуть в ее смысл. И, вероятно, те, кто сложным фразам предпочитает простые, останутся недовольны такой перестройкой и предложат свой вариант с разбивкой фразы на две через точку с запятой или точку:

Все иррационалисты, чьи теории послужили источником фашизма, писали о цели, которую должен ставить перед собой государственный деятель; наиболее ясно их мнение выразил Ницше.

Понять этот текст теперь совсем просто. И с последним вариантом можно было бы согласиться, если бы не одно «но». Это перевод, а в оригинале одна фраза, а не две. Далеко не все переводчики считают такую вольность корректной. Именно поэтому здесь фразы разделены не точкой, а точкой с запятой, что несколько смягчает отличие по синтаксису перевода от оригинала.

Еще один пример сложной фразы из переводного научного труда с такого же рода стилистической погрешностью:

От эмотивизма — тезиса о том, что в утверждениях, претендующих на фактуальность в этике и эстетике, не говорится о чем-то, что может быть истинным или ложным, а дается выход чувствам говорящего, — отказалось, как и от самого логического позитивизма, большинство философов, разделявших это положение (Лайонз Дж. Лингвистическая семантика. Введение. М., 2003. С. 161).

Читать, воспринимать и понимать эту фразу очень трудно, причем не столько из-за сложности мысли, сколько из-за сложности ее построения. Во-первых, развернутое вводное предложение вставлено после дополнения, до сказуемого и подлежащего. Во-вторых, подлежащее отделено от сказуемого сравнительным оборотом, и не сразу поймешь, к кому относится *отказалось*. Если схематизировать фразу — мыс-

ленно удалить вводное предложение и сравнительный оборот,— то все станет ясным и понятным:

От эмотивизма отказалось большинство философов.

Значит, фразу можно сделать понятной, если, во-первых, выделить вводное предложение в отдельную фразу или сделать его не вводным, а во-вторых, отказаться от инверсии подлежащего и сказуемого. Например:

Большинство философов отказалось от тезиса о том, что в утверждениях, претендующих на фактуальность в этике и эстетике, не говорится о чем-то, что может быть истинным или ложным, а дается выход чувствам говорящего, т.е. от эмотивизма, как и от самого логического позитивизма.

Помогает схематизация синтаксических связей и при анализе фраз, включающих вводные обороты со словами *кроме, помимо, наряду*. Эти фразы строят очень часто неверно, нарушая правило грамматической стилистики, согласно которому эти обороты должны управляться сказуемым предложением так же, как это сказуемое управляет зависимым от него словом. Например:

Трусит ишачок, навьюченный тяжело, на нем, помимо прочей поклажи, восседает грузный хозяин.

Что хозяин восседает на ишачке, спору нет. Но поклажа на ишачке не восседает — она на нем лежит, покоится и т.п., а получилось именно так, если по схеме правила соотнести сказуемое *восседает* с оборотом *помимо прочей поклажи*.

Такую ошибку устраняют, либо подыскивая такой глагол сказуемое, который мог бы управлять и оборотом со словами *кроме, помимо, наряду*, либо же, если подыскать такой глагол сложно, как в приведенном примере, отказываясь от таких вводных оборотов. Например, в данном случае:

Трусит тяжело навьюченный ишачок. На нем восседает грузный хозяин.

На тяжело навьюченном ишачке восседает грузный хозяин.

По дороге трусит тяжело навьюченный ишачок, на котором восседает грузный хозяин.

Другой пример:

Наряду с широким использованием клишографов на предприятии изготавливают клише методом однопроцессного эмульсионного травления.

Схематизация показывает, что оборотом с *наряду* сказуемое *изготавливают* управлять не может (*изготавливают... использованием клишографов* не сочетается). Надо заменить сказуемое и соотносить использование двух методов (на клишографах и травлением):

Наряду с клишографами на предприятии для изготовления клише используют метод однопроцессного эмульсионного травления.

Примеры показывают, что в любом случае обороты со словами *кроме, помимо, наряду, вместо* нужно выделять, чтобы схематизацией синтаксической связи проверить, не нарушено ли правило грамматической стилистики.

13.2.2. Замена местоимения словами, им замещаемыми

Тот, кто читал перевод романа У.Фолкнера «Сарторис» в сборнике произведений писателя, выпущенном в серии «Мастера современной прозы» (М., 1973), не мог не испытывать затруднений, пытаясь мысленно увидеть обстановку комнаты в одном описании романа:

В теплом воздухе комнаты плавала прозрачная голубая дымка, пропитанная едкими ароматами стряпни, на длинном столе горела ровным светом керосиновая лампа. У одного конца стола стоял единственный стул, с остальных трех сторон к нему были приставлены деревянные скамейки без спинок (с. 270).

Как хозяин комнаты умудрился приставить к трем сторонам стула деревянные скамейки? Смысл такого действия уловить трудно. В чем же дело? Вчитываясь снова в текст, читатель в конце концов поймет: *к нему* должно означать *к столу*, а не *к стулу*. Но по правилу местоимение замещает ближайшее существительное, и поэтому текст поначалу может быть понят неверно. Из-за ошибки читатель наверняка потратит время на разбирательство. Между тем автор и редактор не должны допускать, чтобы читателю приходилось разбираться там, где текст мог быть понят без всяких усилий.

Почему же редактор не заметил такой элементарной ошибки?

Потому что не владел приемом и навыком неперенной замены местоимения словом, которое это местоимение за-

мещает, а по закономерности восприятия этим словом бывает ближайшее существительное предшествующего текста, в данном случае существительное *стул*. Замена местоимения этим словом, как не может не убедиться редактор, порождает неясность; и, значит, чтобы читатель не тратил время на разбор того, как следует понимать этот текст, нужно не употреблять здесь местоимения *нему*, поставив вместо него то слово, которое оно должно было замещать, т.е. *с остальных трех сторон к столу были приставлены деревянные скамейки без спинок*.

Этот прием или навык убережет от случайных описок: нужно *его*, а поставлено *ее*, нужно *им*, а стоит *ими*. Кроме того, он поможет избежать двусмысленности, которую порождает неумело употребленное местоимение, как в следующих примерах:

Под контроль вооруженных сил ставятся профсоюзы. Их уполномоченные уже назначены в 18 важных профобъединений.

Возникает вопрос: *их* — кого? Формально *уполномоченных профсоюзов*, но тогда в чем же контроль над ними вооруженных сил? Так что *их* — вооруженных сил. Чтобы не запутывать читателя и чтобы он сразу понял, о чем речь, надо было объединить две фразы в одну, перестроив первую и превратив в придаточное определительное вторую:

Профсоюзы ставятся под контроль вооруженных сил, уполномоченные которых назначены в 18 важных профобъединений.

Все ясно, и никаких затруднений читатель испытывать не будет.

Изображая Петра как выдающуюся историческую личность, автор не забывает, однако, что он — защитник интересов помещичьего класса.

Здесь *он*, — конечно, Петр, но не исключено, что читатель первоначально поймет: *он* — автор. И лучше, исключая всякое двойное прочтение, пусть даже способное позабавить читателя, но снижающее эффективность нормального чтения, вместо *он* поставить *тот* или *царь*.

Двусмысленность нередко вызывается и возможностью двоякого понимания местоимения: и как личного, и как притяжательного.

Конечно, каждый правильно поймет фразу:

Артистку [Ермолову] порой сравнивали по силе темперамента с Мочаловым, называя его дочерью (Дейч Ал. Мы любим театр. М., 1960. С. 73).

И все же комичный эффект при понимании местоимения как личного: *его* — *Мочалова* — называли дочерью (а для этого есть некоторые формальные основания — прежде всего близость слова *Мочаловым* к местоимению) может на какое-то время отдалить читателя от правильного прочтения текста. Раз *его* может быть воспринято по-разному: и как личное (кого называли дочерью?), и как притяжательное (называли чьей дочерью?), исправить фразу необходимо. Заметит редактор эту необходимость только в том случае, если в ходе чтения подставит вместо местоимения все возможные в качестве замещенных слова. Не менее комичен следующий пример:

Однако, несмотря на все сходство со своими кошачьими родственниками, ученые выделяют гепарда за его своеобразие в самостоятельный род.

Здесь ученые превращены в родственников гепарда из-за отдаленности слова *гепарда* от *его кошачьих родственников*. Стоит только объединить гепарда с ними, как ошибочный смысл фразы исчезнет.

Однако, несмотря на все сходство гепарда со своими кошачьими родственниками, ученые выделяют его за своеобразие в самостоятельный род.

Можно было уйти от комичного обращения ученых в родственников гепарда, заменив местоимение *своими* местоимением *его*. Когда местоимение идет после двух существительных, одно из которых управляет другим, то не всегда легко определить, какое из них оно замещает. Например:

Значительно расширилась за 10 лет география участников ярмарки. В настоящее время организаторы решили ограничить ее размеры двумя, хотя и огромными, залами, с тем чтобы она сохраняла разумные пропорции.

В словосочетании *география участников ярмарки* ведущее слово — *география*. Местоимение *ее* отделено рядом слов от замещаемого им слова *ярмарка*, и так как в памяти читателя фиксируется и сохраняется прежде всего слово *география* (как ведущее) и к тому же он ожидает объяснения того, как имен-

но расширилась география, то в момент чтения значение *ее* может быть понято читателем неверно. Но нелепость сочетания (размеры географии) и конец фразы убедят читателя, что *ее* — значит *ярмарки*. Все же и от временного затруднения в понимании текста лучше избавить читателя. Средства для этого здесь многообразны: 1) заменить слово *география* словом *число стран*, что в большей мере отвечает последующему содержанию; 2) заменить в последнем придаточном предложении местоимение *она* словом *ярмарка*.

Чуткие к слову люди остро реагируют на двусмысленно употребленное местоимение. Об этом, например, свидетельствует одно из писем А. П. Чехова к брату:

Выпив у И. Грэка стакан крепкого, как деготь, чаю, я пошел с ним гулять на Неву, т.е. не с чаем, не с дегтем, а с Билибинным.

Итак, обязательная замена местоимения ближайшим к нему предшествующим словом, которое оно формально может замещать, тоже должна стать навыком редакторского анализа.

13.2.3. Выделение и связывание одних и тех же, однокоренных и противостоящих по смыслу слов

Не всякий заметит стилистическую погрешность в следующих фразах:

Достигнув этой позиции, исследователь в последующих работах полным голосом говорит о самом обществе.

Но при любой конструкции оглавления главное — это создание оптимальных условий для пользования им.

По сути дела он не вступает с ними в сделку, и «благотворительный спектакль» проваливается.

...«соседство» звуковых последовательностей может простирается очень далеко в обе стороны, теряя четкость своих пределов. Этот недостаток отчетливо проступает...

Конечно, знай редактор заранее, что эти фразы небезупречны, он, вчитываясь в них, в конце концов увидит, что рядом стоят однокоренные слова *исследователь* — *последую-*

щих, оглавление — главное; дела — в сделку, четкость — отчетливо. Поняв, в чем погрешность, он постарается устранить ее: заменит *в последующих работах — в дальнейших работах; главное — важное или основное*; вместо *по сути* дела напишет *в сущности*, вместо *четкость — границы*.

Но кто предупредит редактора? Между тем неоправданный повтор одних и тех же слов или слов одного корня упустить из виду, не заметить очень легко. Чтобы не читать текст специально для поиска и выкорчевывания таких повторов, редактору надо владеть сложным навыком острой реакции на них, навыком, который заставляет редактора останавливаться, как только он доходит до повторно употребленного или однокоренного слова.

Вот редактор читает фразу:

Такая точка зрения спорная, так как рассматриваемые процессы взаимосвязаны.

Если он владеет этим навыком, то, дойдя до союза *так как*, непременно споткнется, почувствует сначала неосознанную неудовлетворенность читаемым текстом. Ее сразу же сменит сознание того, чем вызвано ощущение неправильности — неоправданным, случайным повтором однокоренных слов (*такая — так как*)

Это своего рода отрицательный стереотип на подобные языковые явления. Он позволяет легко замечать их, не отвлекаясь от смысла текста, помечать и идти дальше. Причем у опытного редактора отрицательный стереотип вырабатывается не только на все погрешности того же типа, но и специально на конкретные сочетания, в частности на сочетание *такой (такая, такие) — так как*. Редактор этот уже не может не замечать подобное сочетание, оно заставляет его ощущать примерно то же, что ощущает музыкант, когда слышит фальшивую ноту (она режет ему слух), или машинистка, когда, печатая вслепую, ударяет не по нужному клавишу (ей кажется, что палец провалился). Чем больше таких отрицательных стереотипов накопил редактор, тем надежнее действует общий навык.

Как добиться, чтобы прием выделения и связывания одиновых и однокоренных слов стал навыком? Как заставить себя реагировать на каждый такой повтор?

Если проделать специальные упражнения (с заданием подчеркнуть при чтении все повторяемые одинаковые слова, все однокоренные слова, все противостоящие по смыслу слова), то в конце концов выработается навык мысленного выделения таких слов по ходу чтения. Подкрепленный навыками подчеркивания типичных повторов (*такая — так как и т.п.*), общий навык будет безотказно действовать.

И тогда редактор не будет глух к фразе:

Большое значение имеют наименьшие затраты времени...

Он обязательно заметит, как противостоят здесь друг другу эпитеты *большое — наименьшие*, что существенно сказывается на их восприятии читателем.

Тогда редактор, безусловно, споткнется о случайные, стилистически неоправданные одинаковые зачины фраз вроде:

Для этого очень важно изучать приемы и методы работы передовиков. Изучение целесообразно проводить поэлементно, фиксируя метод выполнения каждого элемента и время, затрачиваемое на его выполнение. Для этого используется хронометраж, киносъемка и другие методы.

Редакторский навык выделения и связывания одних и тех же, однокоренных или противостоящих по смыслу слов будет оберегать текст от речи обедненной, словесно однообразной.

Другой прием, помогающий замечать указанные погрешности, — мысленное или действительное чтение вслух, когда слова звучат в сознании или воспринимаются слухом и когда повторы одних и тех же или однокоренных слов не ускользают от внимания, а отчетливо ощущаются редактором: он слышит повторы.

Уместно будет здесь привести урок Марины Цветаевой для авторов и редакторов:

Начинаю прошение — просыпается мысль, юмор, «игра ума». Если два раза «что» или два раза «бы» — беру другой лист, не нравится, хочется безукоризненной формы, привычка слуха и руки (Цветаева М. Письма к А. Тесковой. Прага: Academia, 1969. С. 44).

В заключение следует оговорить, что прямолинейное стремление редактора заставить автора во что бы то ни стало соблюсти это стилистическое требование может столкнуться

с упорным сопротивлением автора не только из-за сознательного, эстетически или стилистически значимого повтора таких слов, но и потому, что замена их другими словами в таких случаях может быть нежелательна для автора по другим стилистическим соображениям, которые он считает более важными. Именно так отнесся к подобному замечанию Лидии Чуковской поэт Давид Самойлов.

Чуковская, прочитав его стихотворение, написала ему:

И, быть может, вместо «Словно» — Будто или Точно, потому что в следующем четверостишии «Тянем, тянем *слово*...».

Ну, простите, наверное, пишу вздор (Знамя. 2003. № 5. С. 151).

Давид Самойлов не оставил это замечание без ответа, написав:

«Слово» и «словно», пускай себе откликаются. Уж очень я не люблю «будто», а «точно» должно стоять там, где действительно *точно* (Там же. С. 152).

13.3. Приемы выявления стилистических ошибок, влекущих за собой смысловую неясность текста

13.3.1. Приемы выявления ошибочной смысловой связи

Во многих случаях синтаксический строй фразы ведет к возможности двоякого ее понимания — и правильного, и неправильного, и не исключено, что читатель поймет фразу совсем не так, как задумал автор. Чтобы этого не произошло, редактор при чтении текста обязан видеть все варианты синтаксических зависимостей, возможные в условиях контекста и прежде всего те, что вытекают из закономерностей восприятия текста, если они ведут к неправильному пониманию или к неясности текста. На помощь здесь приходит прием соотношения синтаксически взаимосвязанных слов в разных вариантах.

Соотношение слова *который* придаточного определительного со всеми соотносимыми словами в главном предложении. Формально слово *который* в придаточном определительном

соотносится с ближайшим стоящим перед ним словом в главном предложении. Однако на этом месте нередко оказывается дополнение к тому слову, которое по смыслу должно определяться придаточным предложением. Возникает неясность: с каким же из двух слов связано придаточное? Например:

В опытах этого исследования студентам предлагались 8 пар фраз, каждая из которых иллюстрировала какое-либо орфографическое правило.

Каждая из фраз или каждая из пар фраз иллюстрировали правило? Формально — каждая из фраз. По смыслу вероятнее — каждая из пар фраз. И дальнейший текст это подтверждает. Но читатель вынужден поначалу гадать, замедляя без нужды чтение. Ни автор, ни редактор монографии, из которой взят пример, возможности двоякого соединения придаточного не заметили. Причина, вероятно, одна: они читали текст правильно, и у них даже намек на мысль не возникло, что кто-то может прочитать иначе и задуматься.

Если бы автор и редактор, читая, прикидывали, с какими словами может связать читатель придаточное определительное, двусмысленность была бы устранена, хотя бы так:

В опытах этого исследования студентам предлагались 8 пар фраз. Каждая пара иллюстрировала какое-либо орфографическое правило.

Даже в тех случаях, когда вариант прочтения явно бессмыслен, надо иметь его в виду, чтобы не отвлекать читателя и не заставлять его посмеиваться там, где он должен быть только серьезным. Например:

Сам Менделеев тяжело переживал прекращение издания, которого он добивался много лет и на которое возлагал большие надежды.

Конечно, не прекращения издания добивался Менделеев. Но именно таким может быть первое прочтение фразы. Затем читатель поймет, что добиваются скорее не издания, а его выпуска или прекращения, т.е. какого-то действия с изданием, и что Менделеев не мог добиваться прекращения издания, на которое он возлагал большие надежды. Правда, слово *издание* тоже может передавать действие, но тогда за ним должно следовать дополнение: издание сборника, издание журнала (здесь бы это очень утяжелило фразу). Как и во

многих других случаях, фразу можно сделать однозначной, если ввести слово *выпуска* в придаточное:

Сам Менделеев тяжело переживал прекращение того издания, выпуска которого он добивался много лет, возлагая на него большие надежды.

Вывод из примеров: редактору надо выделять любое придаточное определительное со словом *который*, чтобы проверить, с каким словом оно связывается и правильна ли эта связь.

Когда читаешь о том, что

...Кроуфорд принимал активнейшее участие в колонизации Дальнего Запада и войнах с индейцами, опыт которых он и положил в основу большинства своих пьес,

то, даже понимая, что *которых* — это не *индейцев*, а *войн с индейцами*, не можешь не протестовать против таких сочетаний: приходится разбираться что к чему.

То же самое в научной автобиографии А. Р. Лурия «Этапы пройденного пути» (М., 1982 и М., 2001):

Когда Л. С. Выготский приехал в Москву, я продолжал исследования при помощи сопряженной моторной методики совместно с А. Н. Леонтьевым, в прошлом учеником Челпанова, с которым я сотрудничал всю дальнейшую жизнь (с. 26).

С кем же всю дальнейшую жизнь сотрудничал А. Р. Лурия? Формально с Челпановым. И только те, кто знает, что Лурия сотрудничал с А. Н. Леонтьевым, споткнувшись на этой фразе и сразу поймут, что имел в виду автор. Другие же могут понять ее неверно, допустив фактическую ошибку. А если бы редактор книги, не переделывая фразу, на что у него не было права, заключил вводный оборот в прошлом учеником Челпанова в круглые скобки, то неясность была бы устранена.

Трудно удержаться здесь от анекдотичного примера:

В опытах Даверана над мышами наблюдался отек хвоста, который отсутствовал у других авторов.

Е. И. Регирер, приводя этот заимствованный из заметок редактора «Казанского медицинского журнала» пример в своей книге «Развитие способностей исследователя» (М., 1969; 2-е изд. М., 2003), не без иронии вопрошает: у других авторов отсутствовал хвост? Хотя с равным правом можно спросить: у других авторов отсутствовал отек хвоста? Следовало:

В опытах Даверана у мышей отекал хвост, чего не наблюдалось в опытах других авторов.

Заметить возможность неверного прочтения редактору всегда поможет прием соотнесения придаточного определительного с каждым из слов в главном, к которым может соотнести придаточное читатель. Слово *который* должно служить сигналом для такого соотнесения.

Иногда придаточное определительное ставят так, что оно искажает смысл, потому что связывается не с тем словом в главном, к которому должно быть отнесено. Например:

Казахстан — в прошлом экономически отсталая колония царской России, народ которой находился под двойным гнетом.

Здесь *которой* может быть понято *Россией*, что неверно по существу, поскольку под двойным гнетом, хотел сообщить автор, находился казахский народ. И, значит, слово *которой* надо было отнести к слову *колония*. Ею в царской России был Казахстан, и народ этой колонии был под двойным гнетом. Следовало исключить возможность всякого иного прочтения. Например, заменить *колонию* словом другого рода (*регион*, *район*):

Казахстан — в прошлом экономически отсталый регион царской России, народ которого находился под двойным гнетом.

Другой вариант правки:

Народ Казахстана — в прошлом экономически отсталой колонии царской России — находился под двойным гнетом.

Иногда диву даешься, как авторы и редакторы не замечают нелепых связей придаточных определительных, поставленных так, что грубо искажают смысл:

Потом начался процесс реабилитации жертв сталинского антисемитизма, который значительно активизировался после XX съезда КПСС.

Автор имел в виду активизацию не антисемитизма, а процесса реабилитации его жертв, но получилось у него не то, что он хотел. Выдели редактор слово *который* и соотнеси его со словом в главном предложении, ошибка наверняка была бы устранена.

Соотнесение причастия со всеми соотносимыми словами предшествующего текста. Как и прилагательное, причастие нередко согласуется не с тем словом, от которого оно должно зависеть по смыслу, а с другим, более близко к нему стоящим. Например:

Это, естественно, приводит к закону сохранения веса вещества, открытого Ломоносовым опытным путем (школьный учебник химии).

Конечно же, *открытому Ломоносовым*, поскольку Ломоносов открыл именно закон, а не вещество и не вес вещества.

Значит, мало убедиться в том, что причастие согласовано с существительным в падеже, числе и роде. Надо непременно проверить, то ли это существительное, с которым следует согласовать причастие по смыслу, или случайно принятое за него. Соотнося по смыслу определяющее слово и согласованное с ним причастие, редактор никогда не пропустит в печать предложений с формально согласованными словами.

Прочитаем следующую уже цитировавшуюся фразу вместе с опытным редактором, владеющим навыком соотнесения слов, подлежащих согласованию:

В начале XVIII века в результате нового усиления феодальной эксплуатации, вызванной войной со Швецией и внутренней политикой Петра I, резко ухудшилась жизнь народных масс.

Дойдя до последнего слова причастного оборота, редактор мысленно подчеркнет: «феодальная эксплуатация вызвана войной и политикой Петра — так ли?».

Вопрос, выражающий сомнение, возник, как только редактор соотнес по смыслу существительное и согласованное с ним причастие. Отрицательный ответ (эксплуатация не может быть вызвана войной и политикой) вынудил редактора на поиск другого, верного по существу определяющего слова. По смыслу подходит только слово *усиление*: война и политика могут усилить эксплуатацию. Значит, нужно:

...в результате нового усиления эксплуатации, вызванного войной... и политикой Петра I...

Таков механизм анализа, пущенный в действие соотнесением согласованных слов по смыслу. Прием надежно ограж-

дает от ошибок в согласовании причастия с определяющим словом.

Соотнесение по смыслу вводного оборота с тем словом в предложении, которое этим оборотом поясняется. Это необходимо делать для того, чтобы не возникла из-за поставленного не на место вводного оборота ошибочная смысловая связь. Например:

Да, во все века во всех странах угнетатели жестоко расправлялись с теми, кто боролся за народ – будь то римские захватчики в Иудее, английские колонизаторы в Индии или царское самодержавие в России (Таратута Е. Этель Лилиан Войнич. С. 80).

По какой-то случайности из-за того, что вводный оборот оказался не на месте, в борцов за народ обратились его угнетатели. Надо было переставить вводный оборот к тому слову, которое он поясняет, т.е. к слову *угнетатели*:

Да, во все века во всех странах угнетатели – будь то римские захватчики в Иудее, английские колонизаторы в Индии или царское самодержавие в России – жестоко расправлялись с теми, кто боролся за народ.

Ошибочная смысловая связь исчезла. Всё стало на свои места.

Соотнесение сложных однородных членов предложения с общим словом. Этот прием необходим потому, что в таких случаях возможна вариация зависимостей этих однородных членов с общим для них словом и ошибочная смысловая связь.

В. А. Ицкович в своей книге «Языковая норма» (М., 1968) приводит выразительный пример такой вариации зависимостей:

Он занимал пост заместителя наркома, а затем министра нефтяной промышленности.

В этой фразе возможны два варианта связей, каждый из которых придает фразе иной смысл:

1) слово *пост* подчиняет себе два однородных члена предложения: один — сложный *заместителя наркома*, другой — простой: *министра нефтяной промышленности*, т.е. человек, о котором идет речь был сначала заместителем наркома нефтяной промышленности, а затем стал министром этой промышленности;

2) слово *пост* подчиняет себе только слово *заместителя* с двумя зависимыми словами: одним — *наркома*, другим — *министра*, т.е. сначала этот человек был заместителем наркома нефтяной промышленности, а затем стал заместителем министра той же промышленности.

Подобная возможность разного прочтения, разумеется, недопустима: один читатель поймет так, другой — эдак.

Как заметить оба варианта зависимостей, чтобы правкой сделать предложение однозначным? Пробовать в качестве общего слова не одно слово (*пост*), но и его сочетание с другим словом (*пост заместителя*). Если возможными окажутся оба варианта, нужно уточнить у автора, какой из них правилен и, исходя из этого, исправить текст:

Он занимал пост заместителя наркома нефтяной промышленности, а затем стал министром этой промышленности;

или:

Он занимал пост заместителя наркома, а затем заместителя министра нефтяной промышленности.

Другой пример подобной ошибки:

Значительное влияние на работоспособность оказывают санитарно-гигиенические условия труда, создание в цехах соответствующей температуры, вентиляции, освещения, соответствующего бытового обслуживания, ликвидации вредных шумов и вибраций, чистоты и порядка на рабочих местах.

Прием сопоставления общего слова со всеми однородными членами в данном случае спасет от нелепой ошибки — ликвидации чистоты и порядка на рабочих местах как средства повысить работоспособность, хотя автор текста, конечно, имел в виду нечто противоположное. Заметить ошибку в этом унылом тексте можно, только сопоставив слово *ликвидации* с каждым из следующих за ним однородных членов: ликвидации шумов и вибраций (все в порядке), ликвидации чистоты и порядка (непорядок: зачем ликвидировать чистоту и порядок, вещи хорошие и нужные?).

Соотнесение предлога со всеми словами, которыми он формально управляет. Когда предлог стоит перед несколькими словами или словосочетаниями, которыми он формально управляет, но по смыслу и замыслу автора относится только

к первому из них, смысл фразы искажается или возникает двусмысленность, которая в лучшем случае вызывает усмешку понимающего читателя, но все же мешает ему, отвлекая от существа дела. Например:

Немецким коммунистам и социал-демократам, — говорится в воззвании, — необходимо, опираясь на свой опыт в борьбе против развязывания войны и успешного сплочения всех противников нацизма, укрепить единство своих рядов, расширить его и в тяжелых военных условиях вести всестороннюю подготовку народной революции.

Здесь предлог *против* относится по замыслу автора только к словосочетанию *развязывания войны*, однако формально он управляет и следующим словосочетанием *успешного сплочения всех противников нацизма*, что искажает смысл, потому что коммунисты выступали не против, а за сплочение противников нацизма. Коль скоро предлог не должен управлять обоими словосочетаниями, перед вторым из них надо вставить свой подходящий по смыслу предлог, избавляясь тем самым от двусмысленности: *против развязывания войны и за успешное сплочение...*

Таким образом, во всех случаях, когда за предлогом следует несколько однородных словосочетаний, требуется проверить, не управляет ли он каждым и отвечает ли такое управление замыслу автора.

Соотнесение по смыслу грамматически связанных слов. Между двумя словами, связанными грамматически, но не по смыслу, может возникнуть смысловая связь, причем, вопреки намерениям автора, ошибочная. Поэтому редактор, читая фразу, обязан выделять все грамматически связанные слова для проверки, не свяжет ли их читатель по смыслу, не образуется ли между ними ошибочная смысловая связь. Например:

Разделение валиков в красочном аппарате при остановках позволяет снизить количество макулатуры.

Здесь слово *разделение* грамматически связано со словами *при остановках*, хотя имеется в виду постоянное разделение валиков в красочном аппарате, а не при остановках, если связывать эти слова по смыслу. А раз так, то во избежание двусмысленности лучше изменить порядок слов так, чтобы разрушить эту связь:

Разделение валиков в красочном аппарате позволяет снизить количество макулатуры при остановках.

В перестроенном предложении сочетание *при остановках* грамматически связано уже не со словом *разделение*, а со сказуемым *позволяет снизить*, что отвечает и смыслу, который хотел донести до читателя автор.

Еще один пример:

Новые, живые формы пришли на смену старым, застывшим в молодой Советской республике.

Так начинается одну из глав своей книги «Повесть о странном жанре» Е. Сперанский (М., 1971. С. 49). По-видимому, ни автор, ни редактор книги не заметили, что слово *застывшим* может в сознании читателя объединиться со словосочетанием *в молодой Советской республике*, хотя автор и не думал утверждать, что эти живые формы застыли в молодой Советской республике. Наоборот, застыли они до того, как образовалась эта республика, но неудачный порядок слов грамматически связал эти слова, и образовалась смысловая связь, причем ошибочная. Достаточно было разъединить слова *застывшим* и *в молодой Советской республике*, и ошибочная смысловая связь была бы устранена:

Новые, живые формы пришли в молодой Советской республике на смену старым, застывшим.

Теперь обстоятельство места связано грамматически со сказуемым, т.е. с тем словом, с которым оно и должно быть связано и грамматически и по смыслу, в то время как в напечатанном тексте оно было связано с причастием, к которому отношения не имело.

Иногда грамматическая связь слов придает тексту не просто не тот смысл, что нужно, но и смысл нелепый. Например:

В книге опубликованы воспоминания о битве командиров и политработников — представителей всех родов войск.

Конечно, автор не имел в виду, что командиры сражались с политработниками, тем не менее эти слова объединились, придав тексту двусмысленность. Достаточно было изменить порядок слов, чтобы она исчезла:

В книге опубликованы воспоминания о битве представителей всех родов войск, и командиров, и политработников.

Возможность двусмысленного прочтения обязан предвидеть редактор, чтобы избавить читателя от пустой траты времени и ума. Но как? Ведь редактор может прочитать фразу, объединяя слова верно и не замечая, что здесь вполне вероятно и другое, неправильное прочтение. Например:

Это нарушение речи, очень сходное с адинамией речи ранних авторов (Клейст, 1930, 1934; Пик, 1905 и др.) могло быть описано следующим образом... (Лурия А. Р. Нейропсихологический анализ предикативной структуры высказывания // Теория речевой деятельности. М., 1968. С. 219).

Они познакомились с ним во время войны в Ташкенте.

Здесь маловероятно прочтение *адинамия речи ранних авторов* (как будто адинамией речи страдали эти авторы, а не те больные, которых они наблюдали), но все же не исключено, а значит, лучше устранить такую возможность (например: *с адинамией речи, отмеченной ранними авторами*). Конечно, и война была не в Ташкенте, но так построенная фраза может насмешить читателя, и поэтому лучше ее перестроить: *Они познакомились с ним в Ташкенте во время войны*. Заметить двусмысленность правильно понимающему текст редактору нелегко. Ясно, что редактору надо владеть приемом разного прочтения фраз, в которых неожиданно образовавшаяся грамматическая связь слов ведет к ошибочной смысловой связи. Б. С. Мучник предложил для этого соотносить каждый структурный элемент фразы с каждым из двух других ее элементов, с которыми его может связать читатель. Автор книги «Человек и текст» исходил при этом из таких установленных им закономерностей:

Закономерность первая. Каждое слово, которое может быть связано в предложении либо с одним словом, либо с другим (из тех, что стоят по одну сторону от данного слова), объединяются при первоначальном восприятии с *ближайшим* из этих двух слов, даже если пишущий относил его к более отдаленному.

Один из приведенных им примеров очень удобен для выработки навыка такого соотнесения:

Неожиданно уснувший Чапаев услышал выстрел.

Здесь слово *неожиданно* может быть связано с двумя словами — ближайшим (*уснувший*) и отдаленным (*услышал*). По закономерности восприятия, установленной Б.С. Мучником, слово *неожиданно* читатель поначалу свяжет со словом *уснувший*, из-за чего получится глупость: как будто Чапаев неожиданно уснул, хотя на самом деле он неожиданно услышал выстрел. Конечно, любой здравомыслящий человек сразу поймет ошибочную смысловую связь в таких очевидных случаях, но, во-первых, он потеряет время на выяснение, что же хотел сказать автор, а, во-вторых, будет смеяться там, где у автора не было никакого желания его рассмешить. Прием позволяет увидеть ошибочную смысловую связь в более сложных случаях, когда она не бросается в глаза. Итак, в данном случае надо воссоединить разорванную построением фразы правильную грамматическую связь, при которой ошибочная смысловая связь возникать не будет:

Уснувший Чапаев неожиданно услышал выстрел.

То же самое в другом примере:

Горничная с накрахмаленной на голове наколкой...

Здесь словосочетание *с накрахмаленной* может быть связано и со словосочетанием *на голове*, и со словом *наколкой*. По закономерности восприятия читатель сначала свяжет его с сочетанием *на голове* и вынужден будет улыбнуться: накрахмалили на голове. Ошибочная смысловая связь может быть легко устранена постановкой слова *наколкой* к словосочетанию *с накрахмаленной*:

Горничная с накрахмаленной наколкой на голове...

Закономерность вторая: Каждое слово, которое может быть объединено в предложении либо с предыдущим словом, либо с последующим, объединяется при первоначальном восприятии с *предыдущим* словом, даже если пишущий относил его к последующему.

Однако предложенная Б.С. Мучником схема распознавания смысловых ошибок, когда связанные грамматически слова образуют ошибочную смысловую связь, представляется слишком сложной. Распознавать проще проверкой, не возникает ли ошибочная смысловая связь между любыми двумя

грамматически связанными словами — между глаголом или причастием и дополнением (обстоятельством). В выше приведенных примерах это можно было сделать так. *Неожиданно уснувший* — слова грамматически связаны, но образовавшаяся между ними связь ошибочна. *Накрахмаленная на голове* — слова грамматически связаны, но образовавшаяся между ними смысловая связь ошибочна: наколку крахмалили не на голове.

Проверим этот прием на других примерах.

Художник изобразил, как Петр I ведет войско в бой, придерживаясь манеры Сурикова (пример Б. С. Мучника).

Здесь налицо грамматическая связь между словами *ведет войско... придерживаясь*. Между тем смысловая связь между ними ошибочная, поскольку вести в бой, придерживаясь манеры художника, — бессмыслица. Не случайно студенты, выполнявшие упражнение с этими примерами, неизменно замечали и исправляли такие ошибки, не владея никакими приемами, а руководствуясь только здравым смыслом.

Иногда, правда, двусмысленность может быть не замечена, если ошибочная смысловая связь между двумя грамматически связанными словами не является фактически очевидной читателю. Например:

Вернувшись из ссылки в Англию, Буланже снова принял горячее участие в «Посреднике».

Здесь возможно двойное прочтение: 1) *вернувшись в Англию из ссылки* и 2) *вернувшись в Россию из Англии, куда Буланже был сослан*. Судя по тому, что Буланже принял горячее участие в «Посреднике», издательстве российском, знающий историю издательского дела читатель поймет, что Буланже вернулся в Россию из Англии, куда был сослан, а не в Англию, где, скорее всего, никакого «Посредника» не было. Однако если текст рассчитан не только на знающего историю издательского дела читателя, нельзя строить фразу так, чтобы такому читателю пришлось гадать, что имел в виду автор. В данном случае сочетанием *в Англию* можно пожертвовать без ущерба для текста и тем самым устранить ошибочную смысловую связь *вернулся... в Англию*. Другой вари-

ант — замена обстоятельства места *в Англию* прилагательным *английской*:

Вернувшись из английской ссылки, Буланже снова принял горячее участие в «Посреднике».

Для редактора вся сложность в том, чтобы не пропустить неожиданно образовавшуюся ошибочную смысловую связь. Когда эта связь нелепа, ее распознавать относительно просто, но когда она возможна, но неверна, распознать ее сложнее. В примере с Буланже для редактора удобна позиция неосведомленного читателя. Тот непременно спросил бы: «Значит, Буланже вернулся в Англию?» Редактор из этого сделал бы вывод: текст ведет к неверному пониманию смысла фразы. Буланже вернулся не в Англию, а в Россию.

Пожалуй, судя по тому, что такая ошибочная связь чаще всего возникает, как уже отмечалось, при сочетании глаголов и глагольных форм (отглагольное существительное, причастие, деепричастие) с дополнениями-обстоятельствами, наиболее подходящий для распознавания прием — обязательное соотнесение глаголов и глагольных форм с грамматически относящимися к ним обстоятельствами для проверки, не образовалась ли от такого сочетания ошибочная смысловая связь.

Покажем это на последнем примере.

Вернувшись из ссылки в Англию, Буланже снова принял горячее участие в «Посреднике».

Здесь деепричастие *вернувшись* сочетается с обстоятельством места *из ссылки* (вернувшись откуда?), а отглагольное существительное *ссылки* — с обстоятельством места *в Англию* (ссылка куда?). Поскольку эта связь в обоих случаях передает фактическую смысловую связь, она требует фактической проверки либо с известными редактору фактами (соответствует ли им), либо с данными справочных источников (не противоречит ли им).

В принципе этот прием работает и в случаях нелепой связи, в чем читатель может легко убедиться, проанализировав с помощью этого приема предшествующие примеры.

В примере с разделением валиков отглагольное существительное *разделение* сочетается с обстоятельством времени

(когда?) *при остановках*. По смыслу это противоречит фактическому положению вещей, так как валики разделены постоянно.

В примере о Петре I глагол *ведет... в бой, придерживаясь* — сочетание глагола с обстоятельством образа действия, порождающее очевидную ошибочную связь. Редактор, владеющий приемом обязательного соотнесения глагола и глагольных форм с зависимыми от них обстоятельствами, никогда не пропустит такое сочетание, ведущее к ошибочной смысловой связи, независимо от того, очевидна ли она по нелепости или ее ошибочность вытекает из фактической неточности, требующей проверки.

В примере с горничной причастие *накрахмаленной* сочетается с обстоятельством места действия *на голове*, порождая ошибочную смысловую связь. Она, правда, бросается в глаза и потому не требует произвольного соотнесения. Но сам прием все равно работает, если допустить, что редактор не заметит нелепости этой связи.

В первом примере (из книги Е. Сперанского) причастие *застывшим* сочетается с обстоятельством *в молодой Советской республике*. «Разве старые формы застыли в молодой Советской республике?» — не может не спросить редактор, сопоставив члены сочетания по смыслу. А сделав это, редактор неизбежно заметит ошибочную смысловую связь и правкой постарается ее устранить.

И в примере с уснувшим Чапаевым то же самое: причастие *заснувший* сочетается с наречием — обстоятельством образа действия *неожиданно*. Смысловая связь сочетания *заснувший неожиданно* не выдерживает проверки: человек обычно не может заметить, когда наступает сон. Если редактор воспользуется приемом обязательной проверки сочетания по смыслу глагольных форм с грамматически относящимися к ним обстоятельствами, то он не сможет не заметить нелепости, которая получается при таком сочетании.

Короче говоря, превращение этого приема в редакторский навык способно избавить тексты от подобных ошибочных смысловых связей.

13.3.2. Приемы выявления ошибочного логического ударения

Выделение слов, логически акцентированных своим местом в предложении. На слово, поставленное в конец предложения, падает логическое ударение. Нередко на этом месте оказывается вовсе не то слово, которое, по замыслу автора, должно быть ударным. Из-за этого читатель, по крайней мере поначалу, может неверно понять смысл предложения. Правда, последующий текст или осмысленный в связи с таким ошибочным логическим ударением предшествующий текст подскажут ему, что логическое ударение в предложении было сделано неверно и что надо было сделать его на другом слове, поставив именно его в конец предложения. Но этот вывод потребовал бы от читателя дополнительного времени. По сути дела, он занимался бы тем, чем должен был заниматься редактор, т.е. проверял правильность логического ударения по месту поставленного в ударное положение слова. Редактор обязан был избавить читателя от этой, непроизводительной траты времени.

Б. С. Мучник в своей книге «Человек и текст» (М., 1985) приводит такой пример:

Иван Иванович приходил вчера вечером.

Здесь на ударное место поставлено сочетание *вчера вечером*. Если по смыслу именно это должно было подчеркнуть предложение, то логическое ударение сделано верно. Оно отвечало на вопрос: «Когда приходил Иван Иванович?» Но если автор должен был сообщить читателю нечто иное: что вчера приходил именно Иван Иванович, а не, например, Петр Петрович, то в ударное положение он должен был поставить сочетание *Иван Иванович*:

Вчера вечером приходил Иван Иванович.

Предложение отвечает на вопрос: «Кто приходил вчера вечером?» Если в этом был замысел автора, тогда предложение построено верно, с нужным логическим ударением.

Особенно хорошо видна ошибка в построении предложения, когда построение второго, следующего в фразе за первым предложением обнажает ошибочное логическое ударе-

ние в первом предложении. Примитивный, хотя и очень показательный пример Б. С. Мучника:

Направо мы сеяли, налево – совхоз.

Прочитав фразу до конца, читатель поймет, что в первом предложении логическое ударение надо было делать не на слове *сеяли*, а на слове *мы*, которое противопоставлено *совхозу*:

Направо сеяли мы, налево – совхоз.

Предвидеть это обязан был редактор, чтобы избавить читателя от необходимости разбираться, как должно было быть построено предложение.

Владей редакторы книги А. Курчаткина «Солнце сияло» (М., 2004) этим приемом, они бы посоветовали автору исправить вторую фразу в цитируемом тексте:

И, как Стас, он похоронен в цинковом гробу. Только Стаса в таком гробу увезли из Москвы, а Николая привезли (с. 639).

Параллелизм построения предложений требовал такого порядка слов, при котором бы в каждом предложении второй фразы под ударением оказались противопоставляемые слова (*увезли* — *привезли*):

Только Стаса в таком гробу из Москвы увезли, а Николая [в нее] привезли.

Такого рода неточности объясняются тем, что, когда автор пишет, мысленно произнося вслух записываемый текст, он интонацией придает ему правильное логическое ударение и не замечает, что средствами письменной речи оно не передается и окажется неверным.

В сложных предложениях проверка правильности логического ударения не так проста, как в выше приведенном примере. Б. С. Мучник приводит в своей упоминавшейся уже книге такую фразу:

Писатель рассказывает о некоторых жителях этого города, но создает представление обо всех.

В первом предложении логическое ударение смещено на слово *города* и его местом в конце предложения, и поставленным перед ним местоимением *этого*, и читатель вправе ожидать, что далее пойдет речь о жителях других городов.

Ожидание, однако, не оправдывается. Оказывается, что противопоставляются не жители этого города жителям других городов, а *некоторые жители* — *всем жителям* того же города.

Б. С. Мучник воображает сцену беседы редактора с автором по этому поводу. Редактор якобы предлагает автору вставить перед словом *некоторых* слово *лишь*, чтобы логическое ударение в первом предложении падало на нужное для противопоставления слово. Автор же в воображаемой беседе возражает, говорит: «Фраза потеряет точность». И он прав, считает Б. С. Мучник: слово *лишь* неточно передает мысль автора. Никакого ограничения действий писателя написавший фразу критик не предполагал. Все же Б. С. Мучник предлагает редактору постараться убедить автора в том, что, хотя текст потеряет в точности, но читателям при вставке слова *лишь* будет легче понимать фразу. Мы же считаем, что это как раз тот случай, когда не следовало настаивать только на одном варианте поправки, а постараться, прислушавшись к возражению автора, поискать другой вариант правки, который не делал бы фразу неточной. И такой вариант есть. Если во второе предложение после сказуемого вставить слова *даже при этом* (*но даже при этом создает представление обо всех*), т.е. поставить во второй фразе в логически ударное положение слова *создает представление обо всех*, не трогая первое предложение. Тогда логическое ударение в обоих предложениях будет верным. Так что можно было найти выход без потери точности.

Рассмотрим для выработки навыка проверки правильности логического ударения по месту слова в конце предложения следующий пример:

Не буду утверждать, что благодаря этим маскировочным мероприятиям нам удалось обеспечить полную тактическую внезапность на действительном направлении этого удара с Сandomирского плацдарма. Однако некоторую положительную роль сыграл наш маскировочный маневр.

«Это ли хотел подчеркнуть автор, поставив в конец первой фразы слова *на действительном направлении этого удара с Сandomирского плацдарма?*». Вот что следовало спросить редактору у самого себя. Или автор все же хотел подчеркнуть нечто иное — неуверенность в том, что успех внезапности

удара можно объяснить единственно маскировочными действиями? Подумав, редактор признал бы более вероятным второе, но тогда и фразу следовало строить в соответствии с замыслом:

Не буду утверждать, что полная тактическая внезапность удара с Сандомирского плацдарма нам удалась только благодаря маскировочному маневру.

Сомнительна правильность логического ударения и во второй фразе. Логическое ударение надо было сделать не на поставленное в конец этой фразы сочетание *наш маскировочный маневр*, а на слово *сыграл*:

Однако некоторую положительную роль он [наш маскировочный маневр] сыграл.

Логическое ударение теперь полностью отвечает логическому ударению в первой фразе. Поскольку в первой фразе автор выражает сомнение в том, что одним маскировочным маневром можно объяснить полную тактическую внезапность удара, а в следующей фразе хочет все же отдать ей должное, подтвердить, что свою роль этот маневр все же сыграл. Отсюда необходимость сделать логическое ударение на слове *сыграл* постановкой его в конец фразы.

Еще один пример, заслуживающий внимания малой заметностью своей вариативности:

Из приведенных примеров это только в некотором смысле касается «Паутины», созданной в Интернете и существовавшей исключительно в нем несколько лет.

Вряд ли автор хотел сделать логическое ударение на сочетании *несколько лет*, но, поставив его в конец фразы, сделал это. Между тем напрашивается постановка в конце фразы сочетания *исключительно в нем* (*существовавшей несколько лет исключительно в нем*), так как само слово *исключительно* делает более вероятным необходимость именно такого построения конца фразы.

Соотнесение логически акцентирующих слов с подударными словами. Это слова *даже*, *только*, *именно* и т.п. Выделять логически акцентирующие слова необходимо потому, что довольно часто их ставят не на то место, что нужно, из-за чего акцентируется вовсе не слово или словосочетание, которое

требуется сделать ударным. Происходит это потому, что авторы считают ударным как раз нужное слово и не замечают, что объективно сделали ударным совсем другое. Редакторы же не замечают указанную логико-стилистическую погрешность потому, что не научились выделять логически акцентирующие слова, а они логически акцентируют то слово, которое стоит непосредственно перед ними.

Например; в «Избранных трудах» (М., 1995) замечательного ученого и выдающегося логика Г. П. Щедровицкого читаем:

Следовательно, он [участник т.н. системного движения] всегда лишь развивает за счет системного материала свою профессиональную «машину» (с. 65).

А хотел Г. П. Щедровицкий сказать нечто иное: что развивает этот участник лишь свою профессиональную «машину», сказал же, что *лишь развивает*, т.е. не то, что хотел.

Еще пример, на этот раз из художественного произведения. Персонаж, слуга другого персонажа, предупреждает гостя:

...Всякая информация о том, кто вы такой и что вы создали, только его утомит.

Акцентирующее слово *только* поставлено перед местоимением *его*, тем самым поставив это местоимение в логически ударное положение, в чем ни грана смысла. Почему *только его*? При беседе никого, кроме гостя и хозяина, не будет. Так что утомить кого-то еще просто невозможно. А хотел автор акцентировать слово *утомит*: *его только утомит*, т.е. вот каким будет итог излишней для хозяина информации. В соответствии с этим акцентирующее слово *только* надо переставить, поставив перед глаголом *утомит*.

Подобных смещенных логических ударений из-за неверно поставленного акцентирующего слова в печати тьма тьмущая. Например, один автор вспоминает:

...была мысль воспользоваться этим случаем, чтобы помочь Андрею Дмитриевичу Сахарову, недавно лишь возвратившемуся из Горького в Москву, выехать на Запад... (Знамя. 2003. № 3).

Почему Сахаров стал *лишь возвратившимся*? А потому, что автор мысленно интонацией делал ударным не слово *возвратившимся*, а слово *недавно*, хотя читатель объективно может

это понять, если слово *лишь* будет поставлено перед словом, которое нужно логически акцентировать: *лишь недавно возвратившемуся...*

У Чехова в одном письме встретилась фраза, в которой место слова *даже* придает ей, казалось бы, не тот смысл, который он хотел выразить:

Быть может, даже я поселюсь в Ялте.

Ударным оказалось местоимение *я*, т.е. Чехов как бы выделил себя из многих других, которые желали поселиться в Ялте. На самом же деле Чехов, скорее всего, имел в виду, что даже, быть может, он поселится в Ялте, выберет ее в качестве постоянного места жительства. Ударной у него должна была быть предположительность такого решения. Править Чехова нельзя, но текстология допускает расстановку знаков препинания по современным правилам пунктуации. И если поставить запятую не перед словом *даже*, а после него, то это соединит акцентирующее слово *даже* с выражающим предположительность чеховского намерения вводным оборотом *быть может*:

Быть может даже, я поселюсь в Ялте.

В последнее время в печати особенно часто ставят не на место акцентирующее слово *также*. Например:

Исполнителями этого преступления... были члены тамбовской банды Игоря Коровникова... Также Генпрокуратура считает Пичугина виновным в покушении на убийство сотрудника ЗАО «Роспром» Сергея Колесова (Буторина Е. «Полить ЮКОС кровью» // Время новостей. 2004. 7 июня).

Почему *также прокуратура*? В предшествующем тексте не было названо каких-либо еще учреждений, которые предъявляли кому-либо какие-то обвинения, чтобы ставить в ударное положение именно Генпрокуратуру. А хотел автор сделать логически ударным виновность Пичугина еще в одном преступлении, что обязывало найти соответствующее место для слова *также*, а именно:

Исполнителями этого преступления... были члены тамбовской банды Игоря Коровникова... Генпрокуратура считает Пичугина виновным *также* в покушении на убийство сотрудника ЗАО «Роспром» Сергея Колесова.

Почему-то начинать предложение словом *также* стало чуть ли не модным вне всякой зависимости, какое слово надо логически акцентировать. В доказательство приведу две фразы из одной газетной корреспонденции, а можно было бы привести двадцать две из разных:

В первую очередь это бензобаки — проверить их сложно, а собаки из-за резкого запаха топлива не могут учуять наркотиков. Также дельцы нередко делают вторые стенки в специальных контейнерах для груза, между которыми и прячут героин.

Здесь не было необходимости акцентировать слово *дельцы*, ибо ни о ком другом выше не было речи. Надо было: «Дельцы нередко делают *также* вторые стенки...»

Когда грузовики были готовы к отправке, подыскивались несколько перегонщиков. Их плата за работу составляла примерно 500 долл. плюс деньги, вырученные за официальный груз. Также шоферам выдавалось 7–8 тыс. долл. на накладные расходы, в том числе на взятки пограничникам, таможенникам, сотрудникам ГИБДД.

Акцентировать нужно было *дополнительные деньги, выдаваемые шоферам*, а не шоферов-перегонщиков. Ведь до этого никому другому деньги не платили. И следовало: Шоферам также выдавалось...

Такого же рода навык применим и к соотносительным союзам (например, к союзу *не только..., но и...*). Части этого союза по правилу грамматической стилистики должны стоять только у соотносимых слов (именно они логически акцентируются). Авторы же нередко нарушают это правило, а редакторы пропускают подобные нарушения. Например:

Информационная работа должна ориентировать читателя не только в литературе по специальности, но и дать ему возможность получить сведения о выходящих изданиях по всем вопросам общественной жизни, науки, техники, литературы и искусства.

Здесь могут соотноситься либо предметы (*литература по специальности с изданиями по другим вопросам*), либо действия (*ориентировать в литературе с давать возможность черпать сведения*), однако части союза поставлены так, что соотносятся предмет в первой половине фразы и действие во второй половине. Между тем фраза упрощается и точно

передает смысл при соотнесении либо предметов, либо действий:

Задача информационной работы должна не только ориентировать читателя в литературе по специальности, но и сообщать ему сведения о новых изданиях по вопросам общественной жизни, науки, техники, литературы и искусства.

Задача информационной работы — ориентировать читателя не только в литературе по специальности, но и в изданиях по вопросам общественной жизни, науки, техники, литературы и искусства.

Таким образом, редактору целесообразно выделять и сложные соотносительные союзы для проверки правильности расстановки их частей.

Проверка смысла акцентирования графически выделенных слов. Выделение слов курсивом, полужирным, разрядкой для их логического усиления должно быть оправдано смыслом, который придает фразе такое выделение. На практике случается, что выделяют графически не то слово, которое должно передать нужный смысл. Именно поэтому и требуется проверять смысл, который придает фразе каждое графически выделенное слово.

Прекрасно показал примером одной фразы с графическим выделением разных слов его логическую силу психолог А. Р. Лурия:

Я иду в кино (логическое ударение падает на я, чтобы показать: в кино иду именно я, а не кто-то иной).

Я иду в кино (логическое ударение падает на иду, и это означает: я не еду, а именно иду).

Я иду в кино (логическое ударение падает на в кино, и это означает: я иду не в театр, а именно в кино).

Покажем, как может выглядеть анализ графического логического выделения на фразе из журнальной статьи:

...Если доминантой является осознание себя жертвой обстоятельств и ощущение бессилия перед жизнью, если человек склонен считать именно свою ситуацию безвыходной, то эксклюзия [униженность бедностью, которая блокирует всякие попытки противостоять обстоятельствам] ему обеспечена (Фрумкина Р. М. Там, где в пространстве затерялось время // Новый мир. 2004. № 3. С. 129).

Сопоставив логическое усиление курсивом слов именно свою с тем, что, вероятнее всего, хотел этим выделением до-

полнительно сказать автор, мы не можем не признать, что выделены именно те слова, что нужно. Человек, о котором пишет автор, потому и оказывается в безвыходном положении, что считает не чью-то, а именно свою ситуацию безнадежной. Этот смысл и передают выделенные курсивом слова. Так что проверка подтвердила точность графического выделения. Правда, у автора была еще одна возможность — выделить только слово *свою*, что, пожалуй, удвоило бы силу логического ударения. Ведь логически акцентирующее слово *именно* уже выделяет слово *свою*. Курсив еще больше усиливает это логическое ударение.

13.3.3. Выявление омонимических форм (омоформ), порождающих неясность текста

Установление падежа начального слова предложения при омоформе именительный — винительный. Если слово в винительном падеже, неотличимом от именительного, начинает предложение, то это слово, как показывают экспериментальные исследования Б. С. Мучника, итоги которых он изложил в своей книге «Человек и текст» (М., 1985), воспринимается читателем сначала как стоящее в именительном падеже, что меняет смысл предложения. Лишь при последующем чтении читатель понимает, что нужно было читать и понимать текст иначе, но на выяснение требуется время, из-за чего эффективность чтения снижается. Именно поэтому при такой омоформе нужна авторская или редакторская правка. Например:

Три комбайна обслуживали шесть автомашин вместо восьми (из журнала «Сельский механизатор»).

Кто кого обслуживал: три комбайна обслуживались шестью автомашинами или наоборот? По смыслу процесса не комбайны обслуживали машины, а машины обслуживали комбайны, вывозя убранный урожай. Именно это, видимо, имел в виду и автор. Однако построил фразу без учета закономерности восприятия подобных структур, которую Б. С. Мучник сформулировал так:

«Омоформа именительный — винительный... стоящая в начале предложения, воспринимается читающим в значении

именительного падежа, даже если она употреблена пишущим в значении винительного». Эта омоформа ведет к двусмысленности и требует правки.

Б. С. Мучник цитирует А. С. Пушкина, который приво-
дил это правило и способ правки текста при его нарушении:

Там, где сходство именительного падежа с винительным может произвести двусмыслие, должно по крайней мере писать все предложение в естественном его порядке (*sine invers[ione]*) (Пушкин А. С. О литературе. М., 1962. С. 157).

Так что, по Пушкину, надо было перестроить цитированную выше фразу, начав ее с подлежащего в именительном падеже, а не с дополнения в винительном:

Шесть автомашин вместо восьми обслуживали три комбайна.

В примере из сельскохозяйственного журнала ошибку можно было заметить, лишь подвергнув грамматическому анализу начальное слово предложения. Если этого не сделать, ошибка проскользнет в печать, даже если редактор знает изложенное Пушкиным правило. Так что спасение в неперменном анализе начальных слов предложений (в том числе и внутри фраз) во всех случаях, когда вероятно, что это слово стоит в винительном падеже, неотличимом от именительного. Анализ этот, правда, прост, когда можно относительно легко определить по смыслу, какое слово должно быть подлежащим, а какое — дополнением. То же самое легко сделать, когда ясна абсурдность восприятия начального слова как подлежащего в именительном падеже. Например:

Двери для непосредственного выхода наружу должны иметь следующие помещения.

Двери не могут иметь помещения, в то время как двери для помещений — обычная вещь.

Но бывают случаи, когда только автор, знающий то, о чем он пишет, может внести ясность. Например:

Крейсер обстрелял эсминца. ↔ Эсминца обстрелял крейсер.

Как происходило в действительности, знает только автор — очевидец описанного события: какой из кораблей открыл стрельбу, тот и должен начинать предложение как подлежащее.

Еще один относительно трудный пример:

...Пробравшийся в Автуры отряд боевиков числом около 30 человек обнаружил милицейский патруль около 23.00 в субботу. Вступив в бой, бойцы вызвали подкрепление (Время новостей. 2004. 16 июня. С. 3).

Кто кого обнаружил: отряд боевиков — милицейский патруль или милицейский патруль — отряд боевиков? Можно догадаться, что субъектом действия был все же милицейский патруль, который вступил в бой. Но окончательное слово за журналистом, который знает, как было дело. И если догадка редактора верна, то фразу надо было перестроить, поскольку не было основания начинать ее со словосочетания в винительном падеже, не отличимом от именительного (*отряд боевиков*):

... Милицейский патруль обнаружил в субботу около 23.00 пробравшийся в Автуры отряд боевиков числом около 30 человек. Бойцы вызвали подкрепление и вступили в бой.

Неясность устранена. А началось все с пристального внимания редактора к начальному слову, с выяснения, действительно ли оно подлежащее в именительном падеже или дополнение в винительном падеже, т.е. не нарушено ли правило, так хорошо сформулированное А. С. Пушкиным (см. выше с. 412 вверх).

Еще один пример для анализа:

Успех новых моделей Osako бесспорно подтверждает тот факт, что одна из линий была продана уже на второй день работы выставки.

Представим себя на месте редактора, владеющего приемом проверки падежа начального слова предложения. «В каком падеже стоит слово *успех*?» — таким вопросом должен озабочиться редактор. Если в именительном падеже, т.е. является подлежащим, тогда все в порядке. Если в винительном, т.е. является дополнением, то фраза требует перестройки по методу, который описал А. С. Пушкин. Значит, надо разобраться, успех подтверждается фактом продажи или продажа подтверждает успех. Скорее второе, так как по логике быстрая продажа подтверждает успех, успех же не может подтверждать продажу. А раз так, то фразу нужно перестроить:

Одна из новых линий Osako была продана уже на второй день работы, что подтверждает успех новых моделей.

Выделение омоформы именительный — косвенный. Если слово стоит в косвенном падеже, неотличимом от именительного, то по закономерности восприятия любой читатель будет воспринимать это слово как стоящее в именительном падеже. Дальнейший текст может подсказать читателю, что он ошибся и что читать нужно было иначе, поскольку на самом деле слово было поставлено автором в косвенном падеже и читать его нужно с другим ударением. Примеры Б. С. Мучника:

Белок в это время не было.

Леса в этой области было мало.

Возможное первоначальное чтение: *белок* и *лесá* (в именительном падеже единственного и множественного числа) было бы неверным. Требуется читать, как ясно из последующего текста: *Бéлок* и *лéса*. Чтобы читатель сразу, не теряя времени на разборы, правильно прочитал эти предложения, их лучше перестроить, избавляясь от омоформы начального слова именительный — косвенный или знаком ударения показать, как их следует читать:

В это время белок не было.

Бéлок в это время не было.

В этой области было мало леса.

Лéса в этой области было мало.

Неверное первоначальное чтение исключено. Может такая омоформа приводить и к первоначальному ошибочному пониманию текста. Например:

Ученица Степанова сыграла полонез.

В этом наглядном примере Б. С. Мучника слово *Степанова* поначалу воспринимается как стоящая в именительном падеже фамилия ученицы (такова закономерность начального восприятия), хотя вовсе не исключено, что слово *Степанова* — родительный падеж фамилии учителя Степанова (его ученица сыграла полонез).

Налицо неясность, двусмысленность. Редактор обязан видеть обе возможности и устанавливать по контексту или из ответов автора, что он имел в виду, чтобы предложить ему правкой придать однозначность тексту:

Степановская ученица сыграла полонез (если слово *Степанова* — родительный падеж фамилии педагога).

Степанова, ученица Петрова, сыграла полонез (если *Степанова* — именительный падеж фамилии ученицы).

Такое сочетание, как *ученица Степанова*, требуется подвергать испытанию вопросами: «Чья ученица сыграла полонез? Или: «Какая ученица сыграла полонез?» Ответы на них покажут, как лучше построить предложение для его однозначного понимания.

Значит, задача редактора — выделять начальное слово предложений, которое может быть принято по форме за именительный падеж, хотя на самом деле, вполне возможно, оно стоит в косвенном падеже. Конечно, редактор в ходе чтения выяснит, как нужно понимать форму начального слова, если последующий текст подскажет, как нужно было читать это слово (см. первые примеры этого подраздела). Но не всегда это происходит. Та же омоформа может вести к ошибочному пониманию текста. В таких случаях редактору ее легко пропустить, если он не подвергнет ее анализу, поскольку может принять свое первоначальное чтение за правильное, не требующее никаких корректировок. Поэтому выход видится в обязательном мысленном выделении начального слова предложения, чтобы выяснить, нет ли здесь омоформы именительный — косвенный и не нужно ли устранить порождаемую ею двусмысленность, как это было сделано с *ученицей Степанова*.

Выделение омоформы деятель — объект. Б. С. Мучник экспериментально установил такую закономерность восприятия омоформы деятель — объект: первоначально читатель воспринимает первое из слов предложения в значении деятеля, даже если автор употребил его в значении объекта, и приводит такой пример:

Помощь Италии Франции.

Если предшествующий текст не поясняет, какая страна какой оказывала помощь, то читатель первоначально поймет, что Италия (субъект) помогала Франции (объект), хотя на самом деле все могло быть наоборот: Италии помогала Франция. Значит, лучше от такой омоформы отказаться и написать либо *Франция помогает Италии*, либо *Италия помогает Франции*, исключив двусмысленность, порождаемую

омоформой. Правда, и в предшествующий текст можно ввести слова, которые придадут однозначность приведенной фразе. Но этот способ не подходит для заголовков, так как у них нет предтекста.

Другие примеры Б. С. Мучника с омоформой косвенный — косвенный:

Ответ Лидии Клавдии.

Герасимову позвонить Овчинникову.

Кто кому отвечал: Лидия — Клавдии или Клавдия — Лидии?

Герасимов должен звонить Овчинникову или Овчинников Герасимову?

Б. С. Мучник считает, что первое из двух существительных (стоящее после неопределяющего предтекста) воспринимается как субъект действия, а второе соответственно поэтому — как объект, т.е. Лидия отвечает Клавдии: *Лидии* — род. падеж (ответ кого?), а *Клавдии* — дательный (ей отвечают).

Точно так же первое из двух существительных второй фразы, по Б. С. Мучнику, будет восприниматься как субъект действия (именно Герасимову надо позвонить Овчинникову, а не наоборот).

Но все же такие омоформы падежей порождают у читателя неуверенность в том, что он правильно понял текст, и поэтому лучше придать фразам однозначность.

Б. С. Мучник предлагает для этого такие средства:

1) Заменить активную конструкцию пассивной:

Помощь Италии, оказанная Францией. Ответ Лидии, посланный Клавдией. Овчинникова просят позвонить Герасимову;

2) ввести перед омоформой минимальный определяющий (вносящий ясность) предтекст:

Французский парламент не остался безучастным к итальянским бедам. Помощь Франции Италии выразилась в том-то и том-то.

Клавдия вошла в положение Лидии. Ответ Клавдии был послан Лидии немедленно.

На столе Овчинникова лежала записка: Овчинникову срочно позвонить Герасимову;

3) Поставить в двоякоударной омоформе знак ударения:

Помощь Фрáнции Италии. Ответ Клáвдии Лидии. Овчíнникову позвонить Герасимову.

Последний вариант не кажется убедительным, хотя ударением и подчеркивается, кто субъект действия.

Выделение омоформы вводное слово — однородный член предложения. Это редкий, но все же возможный случай. Например:

Правда, простота и безыскусственность нередко оборачиваются в его новеллах прямолинейностью, упрощенностью, а лаконичность — невыразительностью, и тогда полнота жизни писателем не передается.

Автор не заметил, что вводное слово *правда* в соседстве с *простотой* и *безыскусственностью* может восприниматься не как вводное, а как первое в ряду однородных подлежащих. Читатель же, лишь прочитав фразу дальше, поймет, что ошибся, и станет разбираться, как же надо понимать слово *правда*. И потеряет время, хотя мог бы этого избежать, если бы редактор распознал эту омоформу и предложил автору изменить порядок слов:

Простота и безыскусственность нередко, правда, оборачиваются в его новеллах прямолинейностью, упрощенностью, а лаконичность — невыразительностью, и тогда полнота жизни писателем не передается.

Выделенное с обеих сторон запятыми слово *правда* уже не может восприниматься иначе, чем вводное слово, что и требовалось.

13.4. Приемы достижения краткости

13.4.1. Мудрецы и мастера слова о значении краткости

О пользе краткости и вреде многословия заговорили еще в глубокой древности. Мудрецы и писатели завещали авторам-потомкам быть краткими, объясняя, почему это необходимо.

Анонимному восточному мудрецу приписывают такие слова:

Некто сказал:

— Избегай многословия, ибо оно подобно большому пространству, на котором множество камней преткновения (Абуль-Фарадж. Книга занимательных историй. М., 1957. С. 53).

Эту мысль развивает Гораций:

Кратко скажи, что хочешь сказать: короткие речи
Легче уловит душа и в памяти крепче удержит.

Не забудем и Пушкина:

Точность и краткость — вот первые достоинства прозы.

О том, что значит для них краткость и как они ее добивались, поведали многие русские писатели:

Ф. М. Достоевский:

...Величайшее умение писателя, это — уметь вычеркивать. Кто умеет и кто в силах свое вычеркивать, тот далеко пойдет. Все великие писатели писали чрезвычайно сжато. А главное — не повторять уже сказанного или и без того всем понятного (Полн. собр. соч. и писем: в 30 т. Т. 28, кн. 2. С. 107).

Л. Н. Толстой:

Исправление должно состоять в том, чтобы не только сжать, выпуская не прямо идущее к теме, но и сжать самые фразы, выпуская слова, не боясь неясности (Замечания по статье В. Г. Черткова «О революции» // Полн. собр. соч.: в 90 т. Т. 88. С. 293).

— От сокращения изложение всегда выигрывает. Я думаю, это и во всех искусствах так же. Если читатель услышит болтовню, то он не относится со вниманием. Нужно сразу схватить читателя и не выпускать его, — не выпускать из того подъема, в который он поднялся (Гусев Н. Н. Два года с Л. Н. Толстым. С. 144).

А. К. Толстой:

Я, кажется, достиг до первого условия художественного исполнения, т.е. до способности вычеркивать без милосердия. Если бы этой способностью обладали французские писатели, как, например, Eugène Sue, чего бы они ни сделали (Письмо к М. М. Стасюлевичу // М. М. Стасюлевич и его современники в их переписке. СПб., 1912. Т. 2. С. 335).

В. Г. Короленко:

Следует стремиться к тому, чтобы приобрести сжатость, которая дает силу и подчеркивает факты (Письмо А. М. Горькому. 2 марта 1895 г. // А. М. Горький и В. Г. Короленко. Переписка, статьи, высказывания. М., 1957. С. 30).

С. Я. Маршак:

На чужих рукописях мне было особенно отчетливо видно, как противоречит самой сущности искусства, лаконичного в своих средствах, безудержное многословие, которое обнаруживает неумение находить единственное, точное, меткое слово для выражения мысли или чувства (Маршак С.Я. В поисках верного слова // Вопр. лит. 1960. № 1. С. 167).

А. Т. Твардовский:

...Век атома, и, как *ни х о т и*, даже проза приобретает в лучших своих образцах большую сжатость, экономность, энергию по сравнению с не превзойденными во всем остальном стариками (Письмо к А. В. Македонову. 7 дек. 1959 г. // Собр. соч.: в 6 т. Т. 6. С. 133).

М. М. Пришвин:

Писать очень приятно и легко — трудно удерживаться от писания и беречь свои мысли, чтобы их стусить: чем меньше писать, тем гуще и сильнее выходит. И трудность писания, его подвиг, состоит в том, чтобы строить плотину потоку слов и регулировать спуск их (Пришвин М.М. Незабудки. М., 1969. С. 106).

Не прислушаться к такому единодушному мнению было бы неразумно. Это единодушие — само по себе косвенное доказательство его верности.

Это и ставит перед редакторами нелегкую задачу помогать читателям быстрее получить знания, к которым те стремятся, а не потакать авторам, заставляющим продирааться сквозь толщу необязательных, лишних слов. Многословие всегда затемняет основную мысль автора, ослабляет действенность печатного произведения, делает его менее доступным для читателя. Убеждать авторов, чтобы они добивались краткости, помогать им в этом — одна из кардинальных и очень трудных миссий редактора.

В книге «Теория речевой деятельности» (М., 1968) авторы главы «Операции сжатия как средство форсированной реконструкции текста» приводят такой вывод из экспериментов: сжатый текст испытуемые воспроизводят быстрее полного, с

меньшим латентным (скрытым) периодом (с. 102). Так что добиваться сжатости, краткости текста в интересах читателя.

Правда, рекомендация эта не должна быть абсолютной. Есть случаи, когда краткость, сжатость противопоказана. Так, профессор МГУ В. Ф. Каган в предисловии к своему учебнику «Основания теории определителей» (1922) писал, что более объемистую книгу по математике «будет легче прочесть, чем небольшую книгу, каждую страницу которой приходится брать с бою». «Я всегда считал, — писал В. Ф. Каган, — такое [сжатое] изложение очень вредным для успеха математического образования». С ним солидарен и академик Н. Н. Лузин, который написал в предисловии к работе И. И. Жегалкина и М. И. Слудской «Введение в анализ» (1935): «Тонкий по объему курс анализа всегда гораздо труднее толстого».

Очень хорошо написал лингвист, автор книг по редактированию М. Д. Феллер:

Под краткостью изложения следует понимать такой его характер, когда разъяснение своих мыслей автор тратит не более места, чем это требуется для того, чтобы он был понят потенциальным читателем (Феллер М. Д. О литературном редактировании: (Специфика и осн. понятия) // Книга : Исслед. и материалы. Сб. 16. С. 39).

Одна из причин авторского многословия — формулирование словесной формы мысли в ходе изложения, когда синтаксическая структура фразы заранее не определена. Тогда автор чаще прибегает к речевым штампам или всякими способами оттягивает выражение своей мысли фразой. Французский лингвист Клод Ажеж о таких «прерывателях речевой цепи» написал:

Прерыватели речевой цепи играют важную роль, ибо смягчают последствия одного из основных ограничений, затрудняющих диалогическое взаимодействие, а именно неизбежной одновременности произнесения слов и планирования дискурса в виде предложений и совокупности предложений. Они облегчают это планирование, выступая в качестве элементов стратегии, направленной на нарушение смежного расположения слов в дискурсе, что позволяет освободиться от власти времени, которое не дает передышки, выстраивая слова одно за другим [в переводе неверно друг за другом]. Не всегда фраза или текст оказываются целиком построенными к тому моменту, когда человек торопится их произнести [или написать, —

добавим мы]. Осечки, повторения, проведение параллелей с тем, что уже было сказано, способствуют построению высказывания... (Ажеж К. Человек говорящий. М., 2003. С. 237).

И еще: «...прерыватели речевой цепи предоставляют необходимое время для верного применения правил морфосинтаксиса, по поводу которых даже взрослый человек может испытывать колебания. Но, разумеется, их недостаточно, чтобы предотвратить ошибки, и, несмотря на их поддержку, субъекты высказывания могут произнести неправильные, но понятные фразы, и тем самым заставить язык измениться» (с. 238).

Ажеж приводит формулу: «Идея приходит во время разговора», принадлежащую, как он утверждает, Г. фон Клейсту, который, приведя ее, сказал: «К концу периода я, к своему изумлению, знаю то, что хотел узнать. Я произношу нечленораздельные звуки, растягиваю соединительные слова, употребляю без нужды синонимы и прибигаю к другим удлиняющим речь уловкам, чтобы выиграть время, нужное для выделки моей идеи в мастерской разума» (Клейст Г., фон. Избранное. М., 1977. С. 504). Ажеж цитирует также парадоксальные слова персонажа одной пьесы: «Не знаю, что сказать, но, когда скажу, узнаю».

Несколько по-иному, но близко к Ажежу объясняет это Г. В. Ейгер. Механизм контроля языковой правильности высказывания он рассматривает как механизм сличения и оценки соответствия значения и / или формы языковой структуры эталону в языковой памяти индивида и замыслу в целом.

Однако все эти уловки говорящих и пишущих не нужны читателю, и лишние слова такого рода надо безжалостно устранять.

Одно из профессиональных умений редактора — умение выявлять лишние слова и убеждать автора, что без них его текст станет только лучше.

Заметить, что слово лишнее, можно только владея рациональными приемами и навыками чтения. Попытка охарактеризовать эти приемы и содержится ниже, в подразделе 13.4.2.

13.4.2. Приемы выявления лишних слов

Определение смысловой или стилистической нагрузки слов. Суть этого приема в том, чтобы, читая, проверять, передает ли слово какой-либо смысл или оттенок смысла и какой именно, привносит ли оно в текст стилистический нюанс,

или фраза может существовать, ничего не теряя, без этого слова. Иначе: читая слово в контексте, не только понимать его значение, но и выяснять, для чего оно в этом контексте нужно, или почему без него нельзя обойтись. Слово, употребление которого не находит оправданий и без которого текст ничего не теряет ни в смысле, ни в эмоциональной окрашенности, лишнее.

Допустим, редактор читает фразу, которая заканчивается словами *насколько эффективны результаты проведения обзора*. Если не проверить, какую роль играет здесь каждое слово, текст можно признать вполне приемлемым. А если подвергнуть его такому испытанию?

«Зачем *результаты*? — задумается редактор. — Ведь *эффективность* выражает значение результативности. А к чему *проведение*? Чтобы указать, что подразумевается действие, а не предмет? Но здесь не важно, обзор — действие или предмет, здесь у него значение предмета. Значит, лучше: *насколько эффективны обзоры*».

Русские писатели XIX века, выступая в роли редактора, всегда настойчиво и последовательно вымарывали слова, которые не несли никакой нагрузки (ни смысловой, ни художественной).

Если Михаилы Михайловичи и люди подобного направления... — написал Глеб Успенский, а редактор — М. Е. Салтыков-Щедрин — вычеркнул *и люди подобного направления*; надо думать, потому, что *Михаилы Михайловичи* включают в себя *всех людей подобного направления* и ставить их рядом как однородные понятия не совсем точно, а главное, неэкономно: для читателя *Михаилы Михайловичи* выражают достаточно ясно группу людей определенного направления (таких же, как Михаил Михайлович).

Нетрудно понять М. Е. Салтыкова-Щедрина и тогда, когда он, читая текст очерка Глеба Успенского, выбрасывает слово *ненужного* перед словами *хлама и старья*: хлам потому и хлам, что перестал быть нужным. Или когда он вычеркивает глагол *двигается* в следующей фразе Глеба Успенского:

Через топи... ковыляя на костыле, движется пожилой человек, отставной солдат, за ним плетется лет десяти худенький мальчик.

Ковыляя движается — то же самое, что *ковыляет* (последний глагол передает и самое движение и его характер).

Нет сомнения, что во всех трех примерах редактор замечал лишние слова и вычеркивал их потому, что проверял смысловую и художественную нагрузку каждого слова (для чего оно? что несет читателю?). И слова невесомые в этом случае сами «выпадали» из текста.

Усвоив такой способ чтения, редактор уже не сможет оставить без изменений следующий текст:

...до обложки, на которой напечатан *какой-то* текст, была слепая обложка, точнее просто обертка. *Она могла делаться* из плотной бумаги, часто цветной.

Курсивом выделены слова, ничего тексту не дающие. Выяснил это редактор, определяя смысловую нагрузку слов. В первом случае: «Почему *какой-то*? Нужно ли *какой-то*? Ясно, что если был напечатан текст, то он был каким-то». Во втором — «Если обертка из бумаги, то зачем *сделана*? Ясно и так, что *сделана*». После вычеркиваний текст станет короче и проще:

...до обложки с текстом была слепая обложка, точнее обертка из плотной бумаги, часто цветной.

При навыке мысленного отчета о роли слова в контексте лишние слова начинают произвольно выпирать из него, благодаря чему редактор не упускает и эту сторону оценки текста.

Нельзя, правда, не предостеречь редакторов от излишнего усердия в такой оценке. По наблюдениям и исследованиям лингвистов, «с одной стороны, в языковом выражении имеется много избыточных элементов (как показали исследования последних лет, это способствует пониманию), с другой стороны, действует противоположная, уравнивающая тенденция не выражать многие элементы, которые можно легко вывести из ситуации и контекста [автор цитируемого текста ссылается здесь на работу: Wunderlich. Unsere Umgangssprache, 1894, сообщая, что «бульшая часть этой работы посвящена избыточности, с одной стороны, и экономии в выражении — с другой»]. Следует заметить, что, в то время как избыточность затрагивает в основном элементарные единицы, опущения касаются в первую очередь высших

единиц (значимых единиц, в особенности слов)» (Гаузен-блаз К. О характеристике и классификации речевых произведений // Новое в зарубежной лингвистике. М., 1978. Вып. 8. С. 70). Автор цитаты объясняет избыточность желанием пишущего все разжевывать так, чтобы у читающего не оставалось никаких сомнений в том, что он хочет до него донести.

В истории нашей журналистики зафиксирован показательный факт чрезмерной борьбы за лаконизм большевистского публициста М. Ольминского, против чего выступил другой большевик, П. А. Красиков, говоривший о том, будто после редакционной правки М. С. Ольминского остается только точка в конце статьи. Тот так опровергал этот, с его точки зрения, «клеветнический слух»:

Чтобы опровергнуть клевету, приведу пример, уцелевший в памяти. Описывалась демонстрация, кажется, в Твери. В конце сказано: «Явившаяся на место происшествия местная полиция арестовала восемь человек демонстрантов». Подобные фразы были обычным явлением. Нужно было печатать их целиком? Например, «местная» — разве в Твери могла явиться полиция не местная, а казанская? Затем — «явившаяся на место происшествия» — разве могла она арестовать, не явившись? А «полиция» — кто же арестует, кроме полиции? Наконец — «человек демонстрантов», конечно не коров и не прохожих. Остается для печати — «Арестовано восемь»; только и нужно, а все остальное — вода. Все-таки остается не только точка, но и два слова, которыми все сказано.

А почитайте наши теперешние газеты, — сколько в них воды! Если «декабрь», то прибавят «месяц», — как будто декабрь может быть не месяцем, а вороной. Или «целый ряд ораторов», — как будто бывает половина ряда! Или «окружающая обстановка», — как будто бывает обстановка не окружающая. Редакции жалуются, что тесно! По-моему, могли бы сказать втрое больше, если бы не наводняли ненужными словами. И эту массу ненужного наборщики должны набирать, а сотни тысяч читателей должны тратить время на чтение пустопорожних слов и фраз. Конечно, редакторам ежедневной газеты не справиться с этими потоками словесной воды. Это должны делать сами авторы. Они перед своей совестью и перед читателями обязаны переписывать сами каждую статью набело. Когда я вижу автора, особенно из молодежи, неопытных в писании, сдающего рукопись без переписки своею рукою и без поправок, мне всегда неловко за него. Вроде того, как было неловко однажды за человека, который явился на большое собрание, забывши застегнуть пуговицы на видном месте. Мне всегда хочется сказать такому автору: «Застегните пуговицы, товарищ!» (цит. по кн.: Презент М. Записки редактора. М., 1933).

Хотя в правке текста из корреспонденции о демонстрации в Твери М. Ольминский, кажется, несколько перегибает палку в борьбе с лишними словами, но его рассуждения о лишних словах в газетах по преимуществу верные. К тому же эти рассуждения демонстрируют умелое использование приема выявления лишних слов взвешиванием их смысловой нагрузки.

Как ни анекдотичен спор Красикова с Ольминским, он показателен, поскольку в стремлении устранить в тексте лишние слова редакторы порой заходят слишком далеко, искажая мысль автора. Например, прочитав такой текст:

Автором использованы интересные материалы о росте классовых антагонизмов, борьбе различных слоев общества против феодальной зависимости, —

редактор не дрогнувшей рукой заменил слова *использованы интересные материалы* словом *пишет*. Конечно, слова *использованы интересные материалы* общи, малоинформативны, но все же это не то, что *пишет*. Текст был сокращен с ущербом для него.

В этом отношении любопытна полемика двух опытных редакторов, Б. Кобрин и Г. Каплана, по поводу текста из двух фраз, который последний привел в своей книге «Редактирование отраслевой литературы» (М., 1961) в качестве примера текста со словесными излишествами. Текст следующий:

Под варенье отбирают чистые, незагрязненные банки, без посторонних неприятных запахов. Банки с посторонними неприятными запахами отбраковывают.

Г. Д. Каплан считает вторую фразу лишней: «В ней наивно теми же словами пересказывается та же нехитрая мысль, что и в предыдущей фразе.

Б. Кобрин в статье «Редактор отраслевой литературы» (Редактор и книга. М., 1963. Вып. 4) это оспаривает. Анализируя текст, он отмечает ненужный повтор *чистые, незагрязненные* и фактическую неточность — плох в данном случае не только посторонний неприятный запах, но и любой запах. Вторую же фразу он считает нужной, потому что в первой ничего не говорится о том, что делают с банками такого рода, а вторая фраза как раз и говорит об этом: банки с запахом бракуют. Тут Кобрин допускает неточность, ибо по сути дела бракуют и грязные банки — забраковав, их отправляют в мой-

ку. Он же пишет: «Грязные банки не бракуют — их моют» (с. 123). Нет, их бракуют и потом моют. С банками, которые пахнут, поступают иначе: их, забраковав, подвергают, вероятно, иной обработке, чем мойка (мойки, видимо, недостаточно), но вряд ли выбрасывают.

Если читателю достаточно по цели изложения сообщить о том, какие банки отбирают под варенье, тогда вторая фраза не нужна. Если же читателю нужно сообщить не только о том, по какому принципу отбирают, но и каким образом следует поступить с банками, которые не годятся под варенье, тогда вторая фраза нужна, но не в таком, а в более содержательном виде: *Банки с запахом отправляют на химическую обработку (объяснив — какую), а грязные банки — в мойку.*

Таким образом, точные анализ и оценка любой части текста с любой стороны невозможны без учета того, кому и с какой целью текст адресован, чего ждет читатель, что текст ему должен дать. Это первый вывод из разбора. Второй: редактор, читая микро-отрывок текста, анализирует его не всесторонне, а избирательно.

Здесь уместно привести пример, в котором смысловой повтор — явное излишество:

Такой уровень нужно устанавливать только при печати продукции, в которой обязательно обеспечение точности совмещения красок и не допускаются несовмещения больше заданного допуска.

В стоящее первым требование (*обязательно обеспечение точности совмещения красок*) целиком входит требование, стоящее вторым: если обязательна точность совмещения, то нет надобности писать о том, что не допускаются несовмещения. Возможно и другое толкование: в требование, стоящее вторым, входит и требование, стоящее первым: несовмещение красок больше заданного допуска и есть обеспечение точности совмещения, о котором нужно сообщить читателю, и, значит, можно ограничиться вторым требованием: *...в которой не допускаются несовмещения больше заданного допуска.* Более того, читатель быстрее поймет мысль автора: ему не придется размышлять, в чем разница между первым и вторым требованиями. К смысловым повторам мы еще вернемся, так как это отдельная важная тема.

Выделение типичных словесных излишеств. Это один из самых действенных приемов борьбы с лишними словами. Редактор, который хорошо знает наиболее распространенные, типичные лишние слова, который выработал навык мысленно выделять их при чтении, сумеет ощутимо помочь автору, не овладевшему мастерством писать сжато, экономно, а значит, и более выразительно, а главное, сделает это быстро и без видимого усилия.

Многие типичные лишние слова стали настолько привычными, что их перестают замечать и авторы, и редакторы. Слова эти кажутся нужными, почти органично вплетаются в словесную ткань, занимают драгоценное место и незаметно отнимают у читателя время, часто мешая пониманию текста. Тем важнее знать их, чтобы без специального анализа отмечать при чтении и устранять.

Именно для этого ниже характеризуются и демонстрируются некоторые основные группы лишних слов. Автор выявил их в процессе многолетней практической редакторской работы.

Группа 1 — это причастия, прилагательные, глаголы, существительные, которыми автор старается обозначить наличие или появление описываемого или упоминаемого предмета (процесса).

Причину такого стремления объяснить очень трудно, потому что никаких сомнений у читателя на этот счет возникнуть не должно: коль скоро предмет описывается или упоминается, значит, он существует или появляется и подчеркивать это нет никакой надобности. Но авторы упорно пишут о наличии описываемого предмета. Например:

Составить строго научный план развития экономики, учесть все имеющиеся в хозяйстве резервы — задача весьма трудоемкая.

Если спросить автора и редактора этого текста: «А можно ли учесть резервы, которых нет?» — они, удивившись вопросу, вряд ли затруднятся с отрицательным ответом. Но тогда почему не написать *все резервы хозяйства*? Разве это может вызвать хоть какое-то недоумение читателя? Однако такого рода пустословие не замечается, и печатные тексты пестрят подобными излишествами, что демонстрируют следующие примеры из опубликованных текстов (все лишние слова в них

выделены курсивом, и текст примеров желательно читать как с ними, так и без них, что наглядно покажет их ненужность):

Примеры, имеющиеся в книге, показывают.

Проигрывание возможных ходов выявляет *имеющие место функциональные взаимоотношения* между элементами ситуации (здесь помимо лишних слов первой группы показана лишняя часть в слове *взаимоотношения*, так как *отношения* между уже передают их взаимный характер).

Павловские казармы создавались в процессе перестройки *уже существовавшего здания*, выходявшего фасадом на Большую Миллионную улицу (как будто можно перестроить не существовавшее здание).

В стране имеется ряд библиотек, которые характеризуются высокими количественными и качественными показателями (в главном предложении удостоверяется наличие ряда библиотек, в придаточном говорится о их качествах, хотя достаточно сообщить, что такие-то библиотеки обладают такими-то качествами: раз обладают, значит, сомневаться в их наличии нет оснований и нет надобности писать, что они имеются).

...Системные проблемы возникают тогда, когда *мы имеем объект*... зафиксированный в нескольких разных предметах... (то же излишество, что и в предыдущем примере: ...возникают тогда, когда объект зафиксирован в нескольких разных предметах...).

В случае появления разрывов на листах их можно соединить полоской папиросной бумаги.— Ср.: Разрывы на листах можно соединить полоской папиросной бумаги (нет нужды писать, что разрывы появились: если речь идет об их устранении, значит, они налицо).

Признаком наличия дефекта — Признаком дефекта.

Наличие трещин и неровностей не допускается.—Трещины и неровности не допускаются.

Надо надеяться, что эти примеры убедят авторов и редакторов, что всякое утверждение наличия описываемых ими предметов, процессов, событий должно служить сигналом для проверки, не лишнее ли оно.

Е. И. Перовский рассказал в своем труде (Изв. АПН РСФСР. 1955. Вып. 63) об эксперименте: проверяли сколько слов на первой странице сплошного текста в 12 школьных учебниках можно выбросить. Оказалось: от 20 до 23 слов. Но самое любопытное — в том, как об этом пишет сам Е. И. Перовский:

Подсчитано, сколько *имеется* в ней [первой странице] слов, которые можно сократить без всякого ущерба для смысла и без какой бы то ни было перестройки фраз.

Выделенные курсивом слова лишние. Удалить их можно, не меняя формы других слов фразы, но конструктивно, синтаксически упрощая текст (т.е. не совсем «без какой бы то ни было перестройки фраз»).

Группа 2 — существительные, причастия, прилагательные, глаголы, выражающие действие, которое обозначать не обязательно, поскольку описываемый предмет иначе действовать или соотноситься с другим предметом не может.

Нужно ли, например, напоминать читателю, что описываемое исследование проведено или что гипотеза ученым высказана или предложена, если автор ее характеризует в тексте? Конечно, нет. Именно потому, С. И. Вавилов, редактируя статью для БСЭ, выбрасывает слово *высказанной* в тексте: *согласно гипотезе, высказанной Бёте...* По той же причине не обязательно слово *проведенных* в фразе:

...В сборниках содержатся статьи о результатах проведенных исследований, — (разве возможны результаты не проведенных исследований?)

Требуется ли доказывать ненужность очевидного — поминания о том, что расчеты делаются, результаты получаются, сомнения и преимущества возникают, время затрачивается, успехи имеются и т.п.? Оказывается, требуется. Судите сами (лишние слова выделены курсивом и могут быть без ущерба для смысла выброшены, в ряде случаев с изменением падежа некоторых слов):

В случае получения неудовлетворительных результатов — При неудовлетворительных результатах.

Все эти особенности можно установить с разной степенью точности, в зависимости от цели, с которой делается расчет, и способа, которым он производится (вместо в зависимости от цели и способа расчета).

Для обеспечения оптимальных условий химических процессов...

Перспективы, которые открывает использование(я) результатов и методов атомной науки и техники...

Операция — это способ, каким выполняется действие(я) — Операция — это способ действия.

Сократить время, затрачиваемое на изготовление(я)... — Сократить время изготовления...

Обертка, изготавливаемая из ткани.

Приборы, служащие для измерения...

Двойкая роль, которую модель(и) выполняет в эксперименте. — Двойкая роль модели в эксперименте.

Материальная модель является носителем информации в меру той формы соответствия с объектом, которым она обладает (соответствие, которым не обладает модель, немыслимо: в меру соответствия объекту).

Требования, предъявляемые к работнику, многообразны.

Ученый, работающий над проблемами, которые являются одновременно физическими и математическими, раскрывает...

Нередко встречаются случаи, когда у переплета значительно износились уголки. И так далее.

Конечно, и такого рода слова могут быть нужны, например, когда требуется указать на время действия:

Количественные и качественные изменения, [которые произошли и происходят на наших глазах] в материально-технической базе сельского хозяйства (без слов в скобках временные границы изменений не будут ясны читателю),

Вместо родительного принадлежности часто применяют без нужды придаточное определительное или причастный оборот, указывающие на ту же принадлежность гораздо более многословно. Например:

Преимущества, которые возникают при применении(я)... — Преимущества применения...

Имущество, которое принадлежит отцу... — Имущество отца...

Группа 3 — глаголы или отглагольные существительные, передающие действие, которое уже выражено глаголом или существительным, стоящим рядом.

Например, пишут (и подписывают в набор и печать): *успешное осуществление координации*, хотя координация — действие, и слово *осуществление* поэтому лишнее; *успешная координация* короче и лучше. Но, видимо, неосознанно желая подчеркнуть ослабленную глагольность таких существительных, пишущие не замечают этой возможности. И в результате:

Напечатано:

Проведение монтажных работ
В период проведения смотра

Следовало напечатать:

Монтаж
В период смотра

Автор начинает свой рассказ
с формулировки условий
необходимых для того, чтобы
осуществить термоядерный
синтез в лаборатории.

...условий термоядерного
синтеза...

Того же происхождения сочетание *работа по*; ср.:

Напечатано:

Следовало напечатать:

Работа по подготовке к операции
Работа по реализации
Работа по определению заказов
на литературу
Масштабы работы по выпуску
учебников

Подготовка операции
Реализация
Определение заказов
на литературу
Масштабы выпуска учебников

В последнем случае различие не только стилистическое, но и смысловое: масштабы работы по выпуску могут быть большими, а выпуск не таким уж значительным. Так что тут *работа по* — спасительный словесный фокус-покус канцелярско-чиновничьего происхождения.

Среди редакторов, повышавших свою квалификацию в Московском полиграфическом институте (тогда еще не университете печати), нашлись, например, такие, которые посчитали предложение *Все сложнее становится их [книг] реализация* слишком простым, исправив его так:

Все сложнее становится работа по их реализации.

Все большее значение приобретают вопросы их реализации.

В связи с этим значительно увеличивается объем и сложность работы по их реализации.

Эти поправки могут показаться пародийными, придуманными. Но совесть автора чиста: он выписал все, как было.

Если вдуматься, такого рода поправки продиктованы не просто языково-стилистическими пристрастиями редакторов. Влияет сам стиль мышления, чиновничий по своей сути. Для него характерно недоверие к читателю, к его уму, к его способности понять даже элементарные вещи. Отсюда внутренняя потребность разжевывать то, что и так понятно. Особенно подвержены этому представители технической интеллигенции (возможно, под влиянием той специальной лите-

ратуры, которая составляет крут их чтения). Вот, например, в учебнике редактирования автор пишет:

Однако в действительности функциональное назначение более полно учитывает возможности издания по удовлетворению задач и интересов общества.

Возможности издания по удовлетворению, хотя намного проще было написать: ...*назначение издания более полно учитывает возможности удовлетворения им задач и интересов общества*. Но оборот с предлогом *по* распространился, как зараза. Не *работа по*, так *возможности по*.

Группа 4 — *прилагательные, причастия, местоимения, ничем не дополняющие характеристику предмета, обозначенного существительным, к которому они относятся*.

Ничего не потеряет читатель, если многие научные и другие книги похудеют после того, как из них вычистят прилагательные, причастия, местоимения типа *определенный, некторый, какой-нибудь, некий, соответствующий, известный, конкретный, необходимый, различный, человеческий* во всех случаях, когда существительные, к которым они относятся, и не могут быть иными. Например:

Термин «абстракция» имеет два основных значения: 1) *определенного познавательного процесса* и 2) *результата этого процесса*.

Зачем автор вставил здесь слово *определенного*? Какую смысловую нагрузку оно несет? Что изменится, если прочитывать ту же фразу без него? Очень немного. Если автор хотел подчеркнуть им, что абстракция — один из многих познавательных процессов, а не всеобъемлющий процесс познания, то делал это напрасно: ничего, кроме увода читателя в сторону от основной мысли он не добился. Здесь, скорее всего, даже слово *познавательного* необязательно: читатель эту характеристику абстракции знает хорошо, а чтобы усвоить мысль автора, достаточно одного слова *процесс*.

Термин «абстракция» имеет два основных значения: 1) *процесса* и 2) *его результата*.

Исправленная фраза донесет до читателя мысль автора быстрее и четче.

Примеры засоряющих текст прилагательных, причастий, местоимений искать не приходится: в изданиях их, как пра-

вило, множество. Опуская при чтении ниже цитируемых фраз выделенные курсивом и подчеркивающей линией слова, в этом легко убедиться, так же как и в том, что без них текст ничего не потеряет:

Метод — некоторая совокупность операций, применяемых для решения определенной задачи (как будто совокупность может не быть некоторой, а задача — не определенной).

...передающая способность кода реализуется в полной мере в определенный период времени лишь в том случае, если вероятность появлений всех сигналов кода одинакова (период не может не быть определенным и, заметим попутно, не может не быть периодом времени; ...реализуется за один период лишь в том случае...).

...Приемы построения модели в соответствии с известными законами частных наук (по неизвестным законам модель не построить).

...Сооружение всегда представлялось ему в неразрывной связи с тем конкретным местом, которое оно должно было занять в городе (абстрактным это место представить более чем трудно).

...Отвлекаясь от того, каким предметам или вещам «принадлежит» соответствующее свойство или отношение (Какое соответствие подразумевает автор? Спросите — не ответит).

В какой-нибудь одной модели нельзя обнаружить наличия всех типов абстракций...

Воспроизведение внутреннего мира человеческой личности (как будто возможна другая, не человеческая личность).

От правильно выбранного режима зависит качество сварки (от неверно выбранного режима зависит не меньше, к тому же режим не может не быть выбранным; ср.: от режима сварки зависит ее качество).

...Изучить вопрос о направлениях дальнейшего развития (хотя из контекста ясно, что ни о каком ином развитии, кроме предстоящего, речи быть не может).

Почему из всех возможных проблем выбраны именно эти?

В остальных разделах... речь идет о различных формах и различных уровнях организации изображения (ясно, что если форм и уровней много, то они различны).

Установившиеся каноны (каноны и есть то, что окончательно установлено)

В целом ряде своих произведений... (вспомним замечание М.Ольминского «как будто бывает половина ряда»),

При помощи знаков можно воспроизвести в наглядной форме известные отношения, свойственные объекту, в частности пространственные отношения и связи (структурные формулы в химии).— ...воспроизвести в наглядной форме отношения объекта, в частности пространственные отношения и связи...

Человек изображается чаще всего в некий переходный момент своей эмоциональной жизни.... изображается в переходный момент своей эмоциональной жизни...

И Гарольд, и Рене, и Крейслер — живые человеческие существа, сотканые из постоянных мук...

Из перечня, который можно было бы без труда продолжить, с непреложностью вытекает: редактору надо владеть навыком выявления, мысленного подчеркивания прилагательных, причастий, местоимений, подобных выделенным в примерах курсивом, чтобы автоматически подвергать их испытанию вопросами: Зачем здесь это слово? Что изменится, если его опустить?

Естественно, что лишними подобные слова бывают не всегда, но в таких случаях они несут смысловую нагрузку, которую редактор может определить; тогда нет оснований считать их лишними.

Группа 5 — неоправданно употребленные усиливающие наречия типа «совершенно». Например:

Удивительнейшее, совершенно самобытное решение городских ансамблей (прилагательное самобытное по самому смыслу не требует, чтобы подчеркивалась степень этого качества).

Группа 6 — слова, дублирующие по смыслу другие слова той же фразы. Например (из двух выделенных курсивом и подчеркнутых слов или словосочетаний в не оговоренных случаях одно лишнее):

Это одно из новых понятий, введенных эстетикой Возрождения.

Амбулаторное лечение алкоголиков без отрыва от производства.

Измерение конверсионной эффективности складывается из определения технического выхода люминесценции гф и величины потерь света в экране (ср.: конверсионная эффективность определяется по техническому выходу люминесценции гф и потерям света в экране; словосочетание величины потерь света недопустимо потому, что, как справедливо написал в «Справочной книге корректора и редактора» /М., 1974/ Л.Р.Стоцкий: «Нельзя... применять термин величина для выражения размера величины... В связи с тем, что масса, сила, давление, температура и т.д. являются величинами, получается тавтология /величина величины/», с. 78/).

Оба аспекта неразрывно связаны между собой, взаимопределяют и взаимодополняют друг друга; взаимно информировать друг друга; формы взаимоотноше-

ний между...; Рассмотрим теперь [взаимо]отношения между системой объекта и системой знаний о нем — взаимоотношения системы объекта и системы знаний о нем (во всех этих случаях надо выбрать что-то одно — либо взаимно, либо друг друга или между, поскольку одно дублирует другое).

Опускать вниз, поднимать вверх.

От 100 мм и более (если от, то значит каждое новое значение больше 100).

Углубляясь в рефлексию по поводу своей собственной способности фантазировать.

Хронологический период (период и есть отрезок времени).

Хронологически материал книги не выходит за пределы XV столетия.

Группа 7 — слова, которые появляются при неоправданном расщеплении сказуемого-глагола на сочетание из полувспомогательного глагола и отглагольного существительного.

При расщеплении сказуемого текст теряет толику конкретности и покрывается налетом канцелярщины — этой экземы живого языка.

Вряд ли непредубежденный человек предпочтет из следующих вариантов предложений вторые:

Редактор правит рукопись.
рукописи.

Бибколлектор по плану
систематически комплектует
книжные фонды библиотек.

Редактор осуществляет правку

Коллективы бибколлекторов обеспечивают
систематическое комплектование
книжных фондов библиотек.

Но почему тогда, несмотря на предостережения лингвистов, страницы научных, деловых, учебных, справочных книг буквально забиты бесконечными сочетаниями полувспомогательных глаголов *осуществляется, обеспечивается, производится, достигается* с отглагольными существительными? И почему уже никого не удивляют и не «ранят» такие, например, фразы:

Регулирование величины сварочного тока *достигается* изменением величины зазора между подвижной и неподвижной частями регулятора тока, что *осуществляется* вращением рукоятки.

В этой фразе два расщепленных сказуемых, и подавляющее большинство фраз статьи, из которой она взята, построены таким же образом. Теряется место и утрачивается конкретность, простота описания действий. В этом убеждает та

же фраза со сказуемыми — полнозначными глаголами:

Регулируют сварочный ток, изменяя вращением рукоятки зазор между подвижной и неподвижной частями регулятора тока.

Четырнадцать слов вместо девятнадцати — дополнительно выброшено два раза неправомерно употребленное слово *величина*. А, главное, воспринимать и понимать исправленную фразу намного проще. И так пишут не только инженеры. Например:

Создание новой художественной системы осуществляется в XV веке в активной полемике с искусством предыдущего периода.— Новая художественная система создается в XV веке в активной полемике...

Другие примеры:

Если имели место случаи повышения влажности... (вместо: Если повышалась влажность...)

Особую опасность для книг представляет пыль (вместо: Особо опасна для книг пыль)

Для ускорения просушки можно воспользоваться феном или вентилятором (вместо: Ускорить просушку можно феном или вентилятором).

Чтобы обеспечить чтение книги всеми ребятами этого возраста, важно продумать не только методические, но и организационные вопросы (вместо: Чтобы все ребята этого возраста читали книгу... а далее вместо тумана *методических и организационных вопросов* следовало четко написать, что же нужно было для этого сделать).

Днем работали на ремонте машин, а по вечерам занимались (вместо: Днем ремонтировали машины...)

Срубание кромок выполняют зубилом (вместо: Кромки срубают зубилом).

Начался разворот крупного ирригационного строительства (вместо: развернулось крупное ирригационное строительство).

Первичное дробление известняка осуществляется в мощной щековой дробилке с простым качанием щеки. Транспортировка дробленого известняка осуществляется ленточным транспортером... В разгрузочной воронке дробилки устанавливается цепной питатель, который также осуществляет равномерную подачу дробленого известняка на транспортер (вместо: В начале известняк дробят в щековой дробилке с простым качанием щеки, откуда его цепным питателем равномерно подают на ленточный транспортер...; зачем нужны были эти бесконечные *осуществляется?* Не удивлюсь, если автору и во сне явится ни в чем не повинный глагол.)

Такова сила привычки. Чтение закрепляет в памяти готовые синтаксические структуры, и они торжествуют.

Группа 8 — это слова, которые появляются из-за стремления по-канцелярски думающего и пишущего человека заменить одно слово сочетанием из нескольких слов, которое бесосновательно кажется ему солиднее, весомее, значительнее. Например, пишут:

Зимние месяцы, зимний период (хотя проще: зимой).

Детское население (а не дети)

Библиотечные учреждения (а не библиотеки)

Ветеринарные специалисты (а не ветеринары).

За период июня — июля (а не за июнь — июль).

Еще одно свидетельство, что канцелярщина множит число лишних слов.

Группа 9 — слова «вопрос», «момент», «задача», «проблема», «решение», употребленные в случаях, когда они лишь затемняют смысл текста. Например (лишние слова выделены курсивом):

От правильного и своевременного решения вопросов формирования книжных фондов библиотек во многом зависело...

Цель конференции рассмотреть вопрос о том, как автор реализует свой замысел...

Когда решается вопрос, что публиковать, издательство...

Определяющим моментом жизни и творчества Байрона Гёте считает неодолимое стремление к «неограниченной личной свободе» при полном разрыве с обществом (может ли стремление быть моментом жизни — об этом автор не задумался; между тем без момента фраза только выигрывает: определяющим в жизни и творчестве Байрона Гёте считает...).

Наличие субъективных и объективных моментов, привносимых творческой индивидуальностью автора, относится к одному из признаков монографии (здесь моменты лишь затемняют смысл, который и так не вполне ясен: как может индивидуальность привносить объективные моменты? И разве нельзя то же самое сказать о любом научном сочинении?).

Что касается решения интерьера, то во второй трети XIX века здесь утрачивается строгое чувство меры...

Здесь особенно интересно асимметричное решение плана дома (почему решение плана дома, а не асимметричный план дома?).

По существу, архитектором здесь была решена задача оформления центральной площади столицы государства, сумевшего отстоять свою независимость в борь-

бе с Наполеоном и освободить от его власти всю Европу (ср.: ...архитектор оформил центральную площадь города как площадь столицы государства...).

В настоящее время созданы определенные предпосылки, способствующие развитию взаимосвязей библиотековедения и психологии, однако существует и ряд моментов, препятствующих этому (Уже созданы предпосылки для развития взаимосвязей библиотековедения и психологии, однако многое препятствует этому).

Имеется в виду тот момент в образе Эвфориона, где он из символа, скрепляющего союз античной и новой культуры, перерастает в символ новейшей поэзии (в такого рода текстах момент особенно чужероден).

В большинстве подобных случаев можно легко обойтись без этих слов. Например:

Представителей новых течений объединяет один общий момент: все они одинаково критически относятся к традиционным исследовательским методам сравнительно-исторического языкознания...

Представителей новых течений объединяет то, что все они одинаково критически относятся...

Слово *вопрос*, не прямое значение которого настолько расплывчато (и положение, и обстоятельство, и проблема, и предмет суждения, внимания, и тема), что оно и самую мысль предложения делает расплывчатой, не может не порождать у читателя вопросы (невольный каламбур). Например:

Известно, что завершающим этапом научных исследований и способом реализации полученных результатов могут быть подготовка и выпуск научных трудов. Отсюда важно, чтобы уже на доиздательской стадии у редактора была соответствующая информация по этому вопросу с указанием срока представления в издательство авторского оригинала произведения...

Вместо того чтобы точно определить, какую именно информацию надо знать редактору, автор отделяется бессодержательным здесь словом *соответствующая* и *по этому вопросу*, хотя понять из текста, что стоит здесь за словами *этот вопрос* не так просто. По-видимому, под *этим вопросом* скорее всего понимаются сроки окончания работы над оригиналом и сроки представления его в издательство, но в конце фразы об этом точно написано, и догадаться, зачем автору понадобился *этот вопрос*, сложно. Пожалуй, можно предположить, что автор не вполне точно знал, чем нужно интере-

соваться редактору в научно-исследовательском институте, и скрыл это за туманным словом *вопрос*.

Значительно расширилось в текстах значение слова *проблема*. Его стали употреблять в значениях «трудности, неприятности» (ср. ходовую реплику в фильмах и спектаклях: *Это ваши проблемы*). Благодаря большому редакторскому опыту и накопленным навыкам автор этих строк при чтении книг невольно отмечает редакторские недоработки, точнее, то, что мог бы сделать редактор для улучшения книги, но что он по той или иной причине не сделал. Так, когда я читал прекрасно написанную «Историю историка» А. Я. Гуревича, этот на-вык заставил меня споткнуться на следующей фразе:

Но ведь когда мы обсуждаем вопрос о мирозерцании средневековых людей, об их представлениях о времени-пространстве, о природе, о смерти и потустороннем мире, о праве, о социальной структуре, о богатстве и бедности, о грехе, о чуде и святости, о смехе и страхах и т.д. и т.п., то по сути дела мы не можем не предполагать наличия некоего ядра, центра, с которым связаны все эти и многие другие проявления менталитета (с. 275).

Фраза как фраза. Нет в ней ничего особенного. Может быть, стоило обратить внимание на такую стилистическую шероховатость, как обилие предлога «о» и неудачное сочетание *об их представлениях о...* Что же касается слова *вопрос*, которое заставило вздрогнуть читателя-редактора, то ничего особенного в нем как будто нет. Оно вошло в этот текст, скорее всего, потому, что сго вызвал к жизни глагол *обсуждаем*. А что еще обсуждают, как не вопрос. Сотни собраний закрепили это сочетание слов, и оно появилось, уверен, неосознанно. Автору недосуг было следить за стилистическими нюансами, он писал, как вылилось, стараясь донести до читателя важную для него мысль. Редактор же обязан был помочь автору улучшить текст, освободить его от налета канцелярщины и от стилистической шероховатости с предлогом «о». Например, можно было предложить А. Я. Гуревичу такой вариант:

Но ведь когда мы задумываемся над тем, каким было мирозерцание средневековых людей, их представления о времени-пространстве, природе, о смерти и потустороннем мире, о праве, социальной структуре, богатстве и бедности, о грехе, чуде и святости, о смехе и страхах и т.д. и т.п., то по сути дела мы не можем не

предполагать наличия некоего ядра, центра, с которым связаны все эти и многие другие проявления менталитета (с. 275).

Вряд ли А. Я. Гуревич стал бы протестовать против такой правки.

Группа 10 — канцелярские штампы и устойчивые синтаксические конструкции, которые влекут за собой необязательные слова и делают текст расплывчатым по смыслу.

Автор пишет:

Организации и предприятия осуществили ряд мер, направленных на улучшение комплектования библиотек литературой, расширение выпуска издательствами книг целевого назначения, внедрение централизованной обработки книг в коллекторах, укрепление их материально-технической базы.

А читателю так и остается неясным, улучшилось ли комплектование, расширился ли выпуск книг и т.д., или были только приняты меры для этого.

Стоит избавиться от штампа, как текст сокращается и не вызывает вопросов:

Организации и предприятия благодаря ряду мер улучшили комплектование, добились расширенного выпуска издательствами книг целевого назначения, внедряли централизованную обработку книг в коллекторах, укрепили их материально-техническую базу.

Играть роль, уделять внимание, занимать важное место, вносить весомый вклад — весь этот канцелярского происхождения набор штампов предлагает себя авторам как основа синтаксической структуры предложения, заставляя подгонять под их строй множество фраз, отнимает драгоценную площадь, делает текст однообразным, невыразительным, а иногда смешным, нелепым. Например:

Напечатано:

Перекрытия играют огромную роль в уменьшении распространения огня при пожаре.

В укрепление материальной базы библиотечных учреждений весомый вклад вносят колхозы и совхозы республики, которые ежегодно выделяют на содержание библиотек более миллиона рублей.

Желательно было напечатать:

Перекрытия не дают огню распространяться.

Колхозы и совхозы республики ежегодно выделяют на содержание библиотек, в том числе на укрепление материально-технической базы, более миллиона рублей.

(См. аналогичные примеры также в подразделе 13.5.)

Большое место занимают в архитектуре своего времени работы Стасова в арачевской усадьбе Грузино на Волхове и постройки в Царском Селе (г. Пушкин), в особенности ансамбль Садовой улицы.

(Здесь оборот большое место занимают еще двусмысленно сочетается с зданиями.)

В системе мероприятий по усовершенствованию библиотечного дела важное место занимают вопросы укрепления материально-технической базы библиотек.

В архитектуре своего времени выделяются работы Стасова в арачевской усадьбе Грузино на Волхове и постройки в Царском Селе (г. Пушкин), в особенности ансамбль Садовой улицы.

Для совершенствования библиотечного дела укрепляется материально-техническая база библиотек.

Сопоставление демонстрирует, как из-за шаблонного построения фраз текст наполняется лишними словами, становится расплывчатым и как при отказе от такого построения он сжимается, а его расплывчатость испаряется.

Лишние слова порой перерастают в лишние фразы. Например:

Работа библиоколлектора направлена на систематическое, плановое комплектование библиотек. С этой целью коллектор широко использует очную и заочную формы комплектования, проводит обзоры новинок литературы.

Стремясь получше представить работу руководимого им предприятия, его директор (автор процитированной фразы) прибегает к устойчивой в отчетах форме *работа... направлена на* и при этом указывает основные функции библиоколлектора, т.е. представляя то, что он и так призван делать, как особую заслугу. Достаточно было объединить обе фразы, чтобы показать, что делает коллектор для выполнения своих основных функций:

С целью систематического планового комплектования фондов библиотек коллектор широко использует очную и заочную формы комплектования, проводит обзоры новинок литературы.

И текст точнее, и слов меньше понадобилось, хотя и в исправленном варианте скрыто, что же нового внес именно этот коллектор в выполнение своих обязательных функций.

Редактору надо быть готовым и к не вызванному необходимостью подчеркиванию значения того или иного обстоятельства. Нет таких вещей, которые не имели бы хоть какого-то значения или не играли бы хоть какой-то роли. И сооб-

щать надо читателю, в чем, собственно, состоит значение предмета, о котором идет речь, а не отделяваться малоговорящей фразой о том, что этот предмет имеет большое значение. Например, автор пишет:

Важное значение в производственно-технической литературе имеет фактический материал. В учебнике, справочнике, брошюре он является основой для изучения и повторения практического опыта.

Разве не стоило начать разговор сразу со второй фразы? Ведь первая, по сути дела, пуста: важное значение фактический материал имеет в любой литературе. Или:

Крысам и мышам принадлежит ведущая роль в поддержании очагов трихинеллёза.

Читатель может принять эту фразу за выдумку автора. Но именно этой фразой начинается книга А. А. Богута «Борьба с мышевидными грызунами в животноводческих помещениях» (Минск, 1974). Как можно писать о ведущей роли грызунов: ведь они распространяют заразу!

Бороться со штампами, однако, надо осмотрительно, сообразуясь с особенностями текста.

В художественной литературе из-за них теряется выразительность, достоверность новизны: читатель не может не воспринимать их как нечто искусственное, почти пародийное. По поводу штампов в художественной литературе уместно привести одно замечание литературоведа Н. Я. Берковского в его письме к писателю Ю. О. Домбровскому:

Я придрался бы кое-где к языку Вашего романа [«Обезьяна приходит за своим черепом» /М., 1959/]. По-моему, неизбежно пользоваться обще-словарем, и только в особых случаях допускается писателю ходовая фразеология, а Вы делаете ей уступки, принимаете ее и пишете, например, «волевой характер!» (Берковский Н. Я. Переписка с Ю. О. Домбровским // Звезда. 2002. № 6. С. 144).

Во всей остальной литературе из-за штампов теряется точность, особенности описываемого. Штампы опасны своей привычностью: читатель глотает их не разжевывая, а пишущий по привычке прибегает к ним, не задумываясь, а тот ли смысл они выражают, который ему нужен.

Вот, например, цитата из статьи времен господства КПСС, принадлежащая перу редактора политической литературы:

В издательстве готовятся сейчас много интересных капитальных работ, которые помогут пропаганде и научному обоснованию важнейших выводов и положений XXIV съезда партии.

Хороши важнейшие выводы и положения, если их нужно научно обосновывать в литературе. Автор не замечает, что, в сущности, порочит эти выводы и положения. А все потому, что привык к сочетанию «пропаганда и научное обоснование», ставшему для него штампом.

Группа 11 — результат неоправданного употребления устойчивых книжных оборотов, синтаксически сложных фраз.

Нередко автор предпочитает выразить действие сложным словосочетанием, вместо того чтобы прямо обозначить его одним глаголом. Лев Толстой последовательно борется против этого, редактируя очерк В. Г. Черткова.

Картина «Затравили», изображающая затравленную лисицу, описывалась в очерке так:

Она [лисица], разинувши пасть и задыхаясь, находится в состоянии самого крайнего страдания и ужаса.

Толстой зачеркивает *находится в состоянии самого крайнего*, добавляя лишь предлог *от*:

Она, разинувши пасть, задыхается от страдания и ужаса.

Насколько это проще и выразительнее!

В другом месте у Черткова было:

Если спросить у любого охотника, в чем собственно заключается прелесть охоты, то редкий скажет, что ему доставляет наслаждение преследовать и убивать животных.

Толстой вычеркивает утяжеляющий первую фразу оборот *собственно заключается* и заменяет условное придаточное повелительным наклонением:

Спросите у любого охотника, в чем главная прелесть охоты, редкий скажет, что ему доставляет наслаждение преследовать и убивать животных.

Ср. также:

Напечатано:

Характер использования водремов определяется в зависимости от их состояния и состава воды.

Впечатление весомости, грузности основания башни постепенно смягчается, уступая место ощущению взлета вверх, который заключается в решении верхней части сооружения.

Можно было напечатать:

Водремы используются в зависимости от их состояния и состава воды.

Впечатление весомости, грузности основания башни постепенно смягчается, уступая место ощущению взлета в верхней части сооружения.

(И места меньше, и нет противоречия между образным характером описания и книжным, а частично и канцелярским «заключается в решение».)

Во многих случаях книжные обороты типа *заключается в том, заключающийся в том, состоящий в том* только утяжеляют и удлиняют текст. Например:

Исследователь неизбежно сталкивается с трудностью, заключающейся в малочисленности сохранившихся источников.

Но вопрос заключается в том, происходит ли необходимо централизация и кооперация в капиталистической экономике.

Исследователь неизбежно сталкивается с трудностью — малочисленностью сохранившихся источников.

Но происходит ли централизация и кооперация в капиталистической экономике необходимо?

Так что все шаблонные книжные обороты редактору полезно выделять и для того, чтобы посоветовать автору устранить словесные излишества и уточнить текст, поскольку эти обороты могут вести к неясности и неточности.

Целесообразно также выделять цепочки причастных оборотов и цепочки придаточных предложений с причастными оборотами. Как правило, такие цепочки усложняют восприятие и понимание текста, поскольку каждое новое звено подобной цепочки — это новая смысловая связь, которую нужно осознать, а в ходе осознания легко потерять нить фразы. К тому же эти цепочки неизбежно ведут к увеличению числа слов. Покажем это на примере:

Знание техники корректуры избавляет от многих забот, возникающих в тот момент, когда больше думают о том, каким образом исправить мелкую ошибку, чем о том, чтобы не пропустить крупную.

Здесь один причастный оборот, но в него включены два придаточных предложения. Из-за этого сложно понять

мысль автора. Если вдуматься, то многие слова здесь вызваны именно таким построением фразы (ведь чтобы присоединить каждое придаточное, требуется союз или союзное словосочетание: *о том, каким образом; о том, чтобы*). А вот что получилось после того, как редактор предложил автору упростить фразу:

Знание техники корректуры избавляет от многих забот, и вы не рискуете, думая о том, как исправить мелкую ошибку, пропустить крупную.

После правки, устранившей причастный оборот, стало не только меньше слов, но и благодаря упрощенной синтаксической структуре прояснилась мысль автора.

Еще один показательный пример:

Избыточное дублирование является следствием отсутствия системного подхода к формированию фондов, когда основной фонд рассматривается не как единое целое, т.е. система, а как совокупность самостоятельных (независимых) частей, каждая из которых несет функцию постоянного хранения.

Выбрав для выражения своей мысли шаблонную синтаксическую структуру (*то-то является следствием того-то*), автор вынужден подгонять под нее всю фразу. Именно из-за этого возникло анекдотичное *следствие отсутствия*. Насколько упрощается фраза, если отказаться от шаблонной структуры:

Причина избыточного дублирования — отсутствие системного подхода, из-за чего основной фонд рассматривается не как единое целое, т.е. система, а как совокупность самостоятельных (независимых) частей, каждая из которых несет функцию постоянного хранения.

И слов стало меньше, и мысль уточнена. Ведь до правки придаточное с *когда* можно было понять и как разъяснение системного подхода, и как следствие не системного подхода.

Некоторые традиционные книжные обороты автор использует, возможно, только под влиянием своего читательского опыта, не замечая их необязательности. Например, автор статьи назвал виды украшений в древних рукописных книгах, после чего написал:

Из перечисленного видно, что все используемые нами названия видов иллюминации традиционны...

Из перечисленного видно, что... Нужен ли здесь этот зачин? Скорее всего, нет. Без него текст ничего не проиграет, а читатель ничего не утратит. (Да и *видно*, что *виды...* отнюдь не украшают стиль.)

Усиленной проверке целесообразно подвергать слова и словосочетания, связывающие части текста между собой, направляющие чтение. Нередко к ним прибегают без достаточного основания. Например, контекст поможет редактору определить, нужен ли начальный оборот в фразе:

Следует отметить, что лучшие наши художники никогда не игнорировали трехмерности книжного блока,

или это своего рода письменное ученическое слово-паразит *значит так*, засоряющее текст.

В тексте, не подвергнутом автором обработке, нередко встречаются фразы с начальной частью подобного рода (*Надо сказать, что; Следует помнить, что...; Обращает на себя внимание то, что...*). Вероятно, они нужны были автору лишь в процессе письма, чтобы дать себе время, не останавливаясь, продолжая писать, подумать, как сформулировать сложную мысль, если это не удалось сделать с ходу, если произошла заминка.

Группа 12 — неоправданно употребленные отыменные предлоги «в деле», «в области», «в адрес», «со стороны», «в части», «в направлении» и т.п.

Так, неоправданно употребляют, например, предлог *в области*, когда читателю прекрасно известно, что рядом стоящее существительное — вид дела или области деятельности; предлог *в адрес* — когда и так ясно, что дополнение адресат; предлог *со стороны* — когда никакой другой стороны нет; *в части* — когда никакой части нет, и т.д.

Ср., например:

Напечатано:

В деле развития народного хозяйства...
Крупные достижения в области повышения
жизненного уровня
После справедливой критики в адрес
формализма, прозвучавшей на встречах...
В адрес Запорожской областной
библиотеки высылались тематические
выставки.

Желательно было написать:

В развитии народного хозяйства...
Достижения в повышении жизненного уровня...
После справедливой критики формализма...
Запорожской областной библиотеке высылались
тематические выставки.

Стать предметом гордости со стороны тех... Непонимание этого вопроса со стороны руководителей школы	Стать предметом гордости тех... Непонимание этого руководителями школы...
Пожелания заказчика в части размещения оборудования вне или внутри здания.	Пожелания заказчика о размещении оборудования вне или внутри здания.

Число слов везде поубавилось, и налет канцеляризма исчез.

Группа 13 — лишние обстоятельства, дополнения, уточнения.

Нередко автор по инерции без нужды уточняет время действия, хотя читателю оно ясно из контекста, из других слов фразы. Например:

Книга знакомит с бурно развивающейся в настоящее время прикладной сверхпроводимостью.

Автор перечисляет примеры, а затем пишет: *Среди них преобладают примеры...* Зачем *среди них*? А где еще? У читателя такого вопроса и возникнуть не могло. — *Преобладают примеры...*

Напечатано:

Основные санитарные требования для этих случаев направлены на предупреждение загрязнения радиоактивными веществами водоема, принимающего указанные воды.

Лучше было напечатать:

Цель санитарных требований — предупредить загрязнение водоемов радиоактивными веществами.

Разве неясно, что санитарные требования рассчитаны на любые случаи загрязнения вод радиоактивными веществами? Разве неясно, что обезопасить надо те воды, куда поступает загрязненная вода? Нет, автор не может остановиться и засорять текст ненужными читателю сведениями.

Группа 14 — слова, которые появляются из-за нерационального использованных сопоставительных союзов и противительных оборотов.

Ср., например:

Напечатано:

...Человек может открыть не только тайны художественного, но и тайны научного творчества...

Целесообразно было напечатать:

...Человек может открыть тайны не только художественного, но и научного творчества...

...Изучение истории искусства с неизбежностью должно было выступить не в качестве узкопрофессиональной, искусствоведческой задачи, но в виде задачи всеобщей, универсальной...

Больше и по числу названий и по количеству экземпляров.

Как требования одних систем, так и требованиям других систем...

...Изучение истории искусства с неизбежностью должно было выступить в качестве задачи не узкопрофессиональной, искусствоведческой, но всеобщей, универсальной...

Больше по числу и названий и экземпляров.

Требования как одних, так и других систем...

Во всех примерах видно сокращение числа слов.

13.4.3. Соотнесение читаемого текста с предыдущим

Этот прием помогает замечать и устранять словесные повторы.

Вот как он выглядит на практике при анализе следующего текста:

Для предотвращения перегрева подшипников в диспетчерском пульте дробилки установлена аппаратура температурного контроля типа КТ-2, которая непрерывно контролирует температуру нагрева подшипников и при аварийных режимах выключает дробилку.

Нужно ли писать об аппаратуре температурного контроля, что она контролирует температуру?

Соотнося содержание придаточного определительного с содержанием главного предложения, редактор не может не заметить этого повтора (он выделен курсивом и подчеркнут линейкой).

К сожалению, прием этот используется далеко не всегда, и тогда в печать проникают тексты, в которых автор непонятно почему твердит одно и то же, как, например, в следующем тексте из учебника редактирования:

Материалы конференции – разовый сборник, выпускаемый по итогам конференции (научной, научно-практической, научно-методической и т.п.) и составленный из докладов, выступлений, решений конференции, ее рекомендаций, обращений и других материалов.

Содержанием материалов является информация, характер которой обуславливается видом и тематическим профилем конференции и отражает научные решения, идеи, концепции, взгляды, сформированные в результате проработок и исследований на этапе подготовки к конференции и прошедшие на ней коллективное

обсуждение и апробацию. Ценность такой информации в том, что она отражает не только согласованные точки зрения и подходы, но и противоречивые, следствием чего может быть проблемная ситуация, требующая новых исследований, поиска новых решений.

Назначение материалов конференции – закрепление и распространение информации, подытоживающей научные (научно-практические, научно-методические) достижения на определенное время и оповещение научной общественности о перспективных направлениях дальнейших исследований, практической и методической деятельности в данной области.

В процитированном фрагменте автор должен быть охарактеризовать один из жанров научных изданий для того, видимо, чтобы будущие редакторы знали его назначение и специфические признаки.

Уже в определении нельзя не заметить необязательных частей вроде перечня видов конференций, что для характеристики назначения и признаков жанра ровно никакого значения не имеет. Не нужны в определении и завершающие слова *и других материалов* (перечисленных перед ними вполне достаточно для представления о составе таких сборников).

Второй абзац мало что добавляет к определению, ибо то, что содержанием сборника материалов конференции является «информация о конференции» очевидно даже самому отсталому студенту, а последующий текст абзаца по содержанию адресован, скорее, организаторам конференций, чем редакторам их материалов: в нем речь идет о том, какими могут быть конференции по содержанию, а определение ценности информации в подобных сборниках вызывает сомнения хотя бы потому, что даже если на конференции не была выявлена проблемная ситуация (всего одна?), требующая новых исследований и поиска новых решений, то и в этом случае ценность информации о самой конференции для работников данной области науки не снижается, поскольку им надо быть в курсе того, что достигнуто после предыдущей конференции.

Третий абзац (о назначении материалов конференции) мог бы войти в определение в качестве одного из важнейших признаков, и тогда не пришлось бы повторять характеристику информации, содержащейся в таких сборниках.

Все эти повторы отняли место от характеристики того, что действительно важно знать редактору, — нет ни слова о структуре материалов конференции, о желательном составе аппарата, о их характерных недостатках именно как жанра издания. Взамен страница заполнена необязательными банальностями да еще и с повторами.

Когда автор представляет, желая соблюсти договорный срок, неотшлифованный оригинал, словесные повторы в тексте особенно часты. Пример:

Какие из функций переплета являются традиционными, родившимися в далеком прошлом и сохранившимися до наших дней, а какие развились и оформились в советское время? — *задает автор рукописи вопрос и тут же на него отвечает.*

Отвечая на этот вопрос, мы должны вспомнить, что развитие книги не только печатной, но и рукописной было связано с постановкой и решением вопроса о защите книжного блока от повреждений. Эта потребность была решена переплетом, который с самых древних времен был призван исполнять защитную функцию. Защитная функция внешних элементов книги сохраняется и по сей день как главная функция.

Можно следовать за мыслью автора, и тогда увидеть в ответе только стилистически неоправданный повтор слова *вопрос*. А можно соотносить читаемый текст с прочитанным по смыслу, и тогда заметить, что в большей части ответа содержится все то, что многословно высказано до этого, а значит, текст без ущерба и с большой пользой может быть сокращен:

Какие из функций переплета традиционны, родились в далеком прошлом и сохранились до наших дней, а какие оформились в советское время?

Переплет с древних времен был призван защищать книжный блок от повреждений. Защитная функция переплета сохраняется и сегодня как главная.

Слов убавилось много (четыре строки вместо десяти), а содержание осталось тем же. Значит, читатель будет в выигрыше.

Если мы обратимся к опыту редакторов — классиков русской литературы, то найдем немало примеров того, как они вычищали неоправданные повторы, тонко замечая их, видимо, благодаря приему соотнесения читаемого текста с прочитанным.

Вот как это делает А. С. Пушкин, правя воспоминания П. Нащокина:

Текст П. Нащокина с правкой А. С. Пушкина:

Повинуясь
Любезный Александр Сергеевич! ~~Покорствуя~~ ^{воспоминания} твоему желанию, я начал ~~писать свои рассказы~~ ^{вспоминания} от самого рождения. Оно, кажется, и мудрено помнить свое рождение, но я оправдываюсь следующим:

Ребенок, занимаясь в углу игрушками или пересылая из поманных банок песок в кучу и обратно, не ~~взирая на его~~ ^{нашу} наружное равнодушие ко всему постороннему, всё слышит, что говорят крутом его, внимание у него затмлено воображением, и рассказы, слышанные в детстве, так сильно врезаются в ~~память~~ ^{кажется} ребенка, что в последствии ~~времени~~ ^{нам} представляется, что ~~как будто~~ мы свидетелями всего, о чем в самом деле мы только слышали, были очевидцами слышанного.

~~Оправдался-с!~~

~~И быт у меня у своих родителей, а потому, исключая моих няни, были с:~~
~~Толки мамушек и нянюшек~~
~~другие, и их-то рассказы~~ ^{первые поражают ухо ребенка: толки эти более или менее ограничиваются пересудами и} ^{столетними} ^{разговорами} ^{страшными} и разговорами о ~~детях~~ ^{ском белье}. Первые не оставляют в ребенке впечатлений ~~впечатления~~ ^{разговоров страшных} ^{было} ^{оных} ^{говорили} ^{между собою} ^и ^{они все-таки} ^{рассказывали} ^и ^{эти рассказы} ^{сильно на меня} ^{подействовали} ^и ^{здесь-то я полагаю} ^{корень склонностей} ^{моих к мистицизму} ^и ^{ко всему} ^{чрезвычайному} ^и ^{потому-то} ^{обстоятельства} ^{действия} ^{от} ^{тучного} ^{стра-}
~~ха~~ ^я ^{как теперь} ^{помню} ^{что няня} ^{моя} ^{желая} ^{заставить} ^{меня} ^{скорее} ^{заснуть} ^{страшала} ^{всегда} ^{меня} ^{какою-то} ^{Ариною} ^{которая} ^и ^{теперь} ^{осталась} ^{для} ^{меня} ^{каким-то} ^{фантастическим} ^{лицом} ^{В жаркую} ^{лунную} ^{ночь} ^{бессонницы} ^я ^{каза-}
^{лось} ^{сквозь} ^{занавес} ^{видел} ^{ее} ^{сидящую} ^{подле} ^{моей} ^{кровати} ^и ^{страх} ^{заставлял} ^{меня}
^{Я от страха} ^{закрывал} ^{засыпал} ^{поневоле} ^{к великому} ^{удовольствию}
^{невольно} ^{смыкать} ^{глаза} ^и ^{тем} ^{вынуждался} ^{столь} ^{желанный} ^{для} ^{нянюшки} ^{сон}
^{своей} ^{нянюшки}

~~Последний~~ ^{Последний} ^{рязд} ^{их} ^{толков} ^{оставляет} ^в ^{нас} ^{неизгладимое} ^{впечатление} ^{рождения} ^{нашего} ^{со} ^{всеми} ^{слышанными} ^{подробностями} ^и ^{некоторое} ^{впрочем} ^{весьма} ^{неясное} ^{понятие} ^о ^{предпочтениях} ^{или} ^{расположении} ^{родителей} ^{наших} ^к ^{кому-нибудь} ^{из} ^{нас} ^{Отец} ^{мой} ^{кажется} ^{очень} ^{меня} ^{любил} ^о ^{расположении} ^{же} ^{ко} ^{мне} ^{матушки} ^{теперь} ^{говорит} ^{не} ^{для} ^{чего} ^{из} ^{записок} ^{моих} ^{оно} ^{лучше} ^{видно}.

Мы видим, как Пушкин в самом начале значительно сократил текст, поскольку выкинутый текст только затягивал повествование, а главное, многословно дублировал сказанное далее. Вычеркнул Пушкин и невразумительное начало 2-го абзаца, заменив ясным «Толки мамушек и нянюшек». Зачем писать, что мамушки и нянюшки были: раз были их толки, значит, были и они сами. Последние две фразы выкинуты Пушкиным скорее всего потому, что их философская рассудительность чужеродна живому рассказу, которым воспоминания Нащокина прежде всего интересны читателю. Правка Пушкина поучительна, конечно, не только сокращениями. Это мастер-класс редакторской правки во многих отношениях.

13.5. Выделение признаков канцелярского стиля

Эти признаки уже частично рассмотрены выше в подразделе 13.4, так как некоторые из них (расщепление сказуемого, злоупотребление словами *вопрос*, *момент*, *проблема*, *решение*, *задача* или отыменными предложениями *в части*, *в деле*, *в области*, *в адрес*, *со стороны*, канцелярские штампы) ведут к многословию. Но их живучесть и способность проникать в любой функциональный стиль речи (наподобие ржавчины, проедающей металл), нанося ему ущерб, а также необходимость для редактора научиться замечать эти признаки во всех случаях, когда они уродуют текст: подменяют точность расплывчатостью, краткость — многословием, что было видно по ряду групп лишних слов, делают целесообразным отдельный разбор приемов выделения этих признаков.

13.5.1. Выделение расщепленных сказуемых и противопоставление им формы с однозначным глаголом

Как уже было показано в подразделе «Выделение типичных словесных излишеств» (см. «Группа 7» на с. 436), в огромном большинстве случаев расщепленное сказуемое (сочетание полужнаменательного глагола с отглагольным су-

существительным) усложняет и портит речь, делая ее однообразной, многословной и тяжелой.

Достаточно сравнить такие варианты, чтобы убедиться в этом:

Обхват экрана производится только одной правой рукой.

Экран обхватывают правой рукой.

Передвижение манипулятора осуществляется вручную по рейке.

Манипулятор передвигают вручную по рейке.

И тем не менее по причинам, выяснять которые здесь не место, лавина расщепленных сказуемых затопила текст произведений самых разных функциональных стилей, но особенно изданий научно-технической литературы. И уже редко встретишь издание, где на каждой странице не было бы фраз без глагола *осуществляется* или *обеспечивается* с отглагольным существительным:

Предохранение заслонки от ударов падающих кусков руды осуществляется при помощи рудной подушки 4, образующейся под заслонкой. Удаление рудной подушки при перебрасывании заслонки в другое положение осуществляется с помощью электровибратора 5 типа С-413. <...> Закрывание заслонки осуществляется в такой же последовательности нажатием кнопки П.

Это напечатано почти подряд на одной странице научно-информационного бюллетеня. Случай, конечно, преувеличенно наглядный, но отнюдь не исключительный.

Что же делать редактору, чтобы не стать проводником подобной канцелярщины на страницах тех изданий, где они неуместны?

Непреренно мысленно выделять каждое расщепленное сказуемое, выделять, чтобы сопоставить с формой без него и удостовериться, оправданно ли оно, обоснованно ли употребил его автор (например, когда именно частью сказуемого должен быть термин), или оно проигрывает форме с полносначным глаголом-сказуемым.

В выше приведенном примере редактор, читая, мысленно прикинет: «Предохранение заслонки... *осуществляется* при помощи рудной подушки — расщепленное сказуемое; при отказе от него получится: *Рудная подушка предохраняет заслонку* — проще и лаконичнее; замена необходима». Прочитав подоб-

ным образом весь текст, редактор преобразит его примерно так:

Рудная подушка 4 предохраняет заслонку от ударов падающих кусков руды. Удаляют рудную подушку, перебросив заслонку в другое положение с помощью электровибратора 5 типа С-413. <...> Восстанавливают подушку, закрыв заслонку и нажав на кнопку P_1 .

При таком чтении будут исключены фразы вроде:

Придание дну канала нужного уклона обеспечивается поворотом рабочего органа (вместо: Нужный уклон дну канала придают поворотом рабочего органа).

Срубание кромок выполняют зубилом... (вместо: Кромки срубают зубилом...)

Когда же такой прием не используется, редактор, привыкнув к расщепленным сказуемым, уже не замечает порой даже нелепостей.

В одном из номеров сельскохозяйственного журнала можно было прочитать:

Прикосновение электрода к изделию достигается или прямым опусканием и последующим отводом электрода от изделия, или движением конца электрода в сторону, напоминающим движение при зажигании спички.

Выделив *прикосновение достигается опусканием* и противопоставив этому обороту простое *касаются*, редактор вряд ли оставил бы фразу неизменной. Прием дал бы толчок критике и, как следствие, привел бы к правке. Возможный вариант:

Концом электрода касаются изделия или слегка чиркают о него.

Разница более чем ощутимая.

И в заключение еще один пример:

...Взаимодействие средств управления с исполнительными органами, формирующими само печатное изображение в том случае, когда печатание осуществляется без применения печатной формы.

Здесь сигналом для редактора служит расщепленное сказуемое *печатание осуществляется*. Сопоставив его с формой без расщепленного сказуемого, редактор убеждается, что текст значительно упрощается и сокращается:

...формирующими само печатное изображение, когда печатают без печатной формы. (вариант: при печатании без печатной формы).

Иногда пристрастие к расщепленному сказуемому приводит автора к абсурду, как в следующем тексте:

Школьный библиотекарь: создает выставки, составляет картотеки, организует регулярное посещение городской библиотеки для просмотра новинок, получения источников информации и в первую очередь информационного бюллетеня, издаваемого в областной библиотеке.

Задайте автору вопрос: «Чьи же посещения организует школьный библиотекарь?» — и он с ужасом спохватится, что посоветует этому библиотекарю организовывать собственные посещения городской библиотеки. А ведь так просто было написать: *регулярно посещает...*

Например, автор написал о методе анализа:

Собственно, для этих целей, т.е. для обеспечения совместной работы представителей разных профессий и разных позиций, он и разрабатывался.

Редактор, нацеленный на борьбу с лишними словами вообще и лишними отглагольными существительными, в частности, сделал замечание: «*обеспечение* здесь лишнее слово». Автор с ним не согласился, возразив: «Это важно для понимания: слово *обеспечение* здесь не лишнее, так как различается сама „работа“ и „средства работы“. Системное представление (или функциональный анализ) являются средствами, которые делают работу возможной, т.е. в точности ее обеспечивают». Вероятно, объяснением автора пренебречь нельзя. Редактор с ним согласился. Это только подтверждает тот тезис, что нет плохих слов, а есть лишь неуместное их употребление. Во многих случаях слово *обеспечение* лишь дублирует другие слова предложения и потому лучше его устранить, но в данном случае оно необходимо автору для подчеркнута более точного выражения своей мысли. Так что редактору всегда нужно семь раз отмерить, прежде чем отрезать.

13.5.2. Выделение отглагольных существительных для сопоставления с равнозначными глаголами

Отглагольные существительные не терминологического характера, когда автор предпочитает их глаголам, очень утяжеляют речь. Текст, насыщенный отглагольными существительными, читать неизмеримо труднее. Французский линг-

вист Клод Ажеж связывает преобладание их в русских текстах советского времени с советским режимом. Он пишет в своем труде «Человек говорящий» (М., 2003):

В официальных советских текстах наблюдалось существенно менее частое употребление глаголов по сравнению с отглагольными существительными; этот тип номинализации обильно представлен в русском языке. Частое использование номинализаций позволяет избежать в дискурсе прямого изображения реальности, для которого нужны глаголы. Номинализации позволяют представить как нечто очевидное и реализованное на практике то, что таковым вовсе не является (с. 191).

Избежать такого недостатка можно, выделяя при чтении каждое отглагольное существительное, чтобы проверить, нельзя ли обойтись без него или не целесообразнее ли заменить его глаголом.

В педагогическом журнале читаем:

Ознакомление с педагогической литературой, как и наблюдение воспитания детей в яслях, показывает, что воспитательный подход взрослого в процессе занятий — весьма сложное педагогическое явление.

Ознакомление, наблюдение воспитания (?), явление — не много ли для одной фразы? И нужны ли здесь эти отглагольные существительные? Выделив их, редактор начинает сопоставлять с равнозначными глаголами:

Знакомясь с педагогической литературой, наблюдая за воспитанием детей в яслях, убеждаешься, что найти верный воспитательный подход к детям при занятиях с ними очень сложно.

Или еще проще:

...убеждаешься, что воспитывать детей в процессе занятий очень сложно.

Требуется ли убеждать, что конструкция с глаголами лучше, проще, понятнее?

Другой пример, из научно-технического бюллетеня:

Для ликвидации просыпи материала с конвейерных лент из-за сбегания их в сторону, предотвращения преждевременного износа из-за трения кромки ленты о кронштейны поддерживающих роликов и высвобождения обслуживающего персонала установлены односторонние самоцентрирующие роликовые опоры новой конструкции с вынесением регулирующих датчиков на специальную направляющую каретку.

Здесь на одну глагольную форму *установлены* приходится восемь отглагольных существительных (*ликвидации, просыпи, сбегания, предотвращения, износа, трения, высвобождения, вынесением*). И это множество существительных не просто делает текст однообразно-утомительным из-за него труднее устанавливать связи между частями фразы, сложнее понимать смысл описываемых действий (да вдобавок слово *просыпь* словари русского языка не зарегистрировали).

Выделив перечисленные существительные и противопоставив им конструкции с глаголами, редактор неизбежно придет к выводу о преимуществах глагольного варианта, который и закрепит письменно:

Чтобы конвейерные ленты не сбегали в сторону, просыпая руду, не изнашивались преждевременно (из-за трения кромок о кронштейны поддерживающих роликов), не требовали обслуживающего персонала, установили односторонние самоцентрирующие роликовые опоры новой конструкции и вынесли регулирующие датчики на специальную направляющую каретку.

Осталось одно отглагольное существительное — термин *трение* — вместо восьми. Да и число слов уменьшилось (на четыре). Но самое главное — читать и понимать текст в новом виде намного легче.

И даже тогда, когда слов становится больше, преимущество в простоте и доступности заставляет предпочесть отглагольным существительным глаголы:

Таким образом, замыкание верхнего или нижнего реле определяется направлением смещения щетки дифференциального потенциометра.

Какое — нижнее или верхнее реле — замкнется, зависит, таким образом, от того, в какую сторону сместится щетка дифференциального потенциометра.

Особенно режут глаз и слух отглагольные существительные в тексте воспоминаний или путевых заметок, стилю которых должна быть присуща непосредственность впечатлений. Например:

По форме кое-что делается в направлении улучшения положения негров, даже принимаются некоторые законы в их защиту (Смеляков Н. Деловая Америка: Записки инженера. 2-е изд. М., 1969. С. 16).

Не случайно Лев Николаевич Толстой, редактируя просветительские брошюры, изгоняет из их текста отглагольные

существительные (примеры из книги: Толстой-редактор: Публикация редакторских работ Л. Н. Толстого. М., 1965):

До правки:

С другой стороны, нечистота ротика очень часто располагает к развитию в нем молочницы, мешающей затем правильному и хорошему сосанию.

Это масло для смывтия своего требует уже мыльной воды, а всякое мыло действует на тело новорожденного раздражающим образом.

Губки эти в настоящее время за недорогую цену можно достать в любой деревне. За уменьшением их можно, пожалуй, употреблять для лица чистые ветошки.

После правки:

А от нечистоты ротика может сделаться у ребенка молочница. А от молочницы ребенку уже нельзя сосать сколько нудно и он не может питаться как следует.

Но это масло не смывается без мыла, а всякое мыло раздражает нежное тело ребенка.

Губки эти теперь недороги и везде можно достать. Если же нет губок, можно лицо мыть чистой ветошкой.

Здесь, кстати, видно, что Л. Н. Толстой изгоняет и другую канцелярщину (*в настоящее время* заменяет словом *теперь*, *действует раздражающим образом* — *раздражает*, *употреблять для лица* — *мыть лицо* и т.д.).

13.5.3. Выделение цепочки нанизанных падежей

Это один из распространенных стилистических недостатков, сопутствующих неумеренному употреблению отглагольных существительных. Как и они, нанизанные падежи очень затрудняют чтение и понимание текста. Например:

Для проверки момента начала подачи топлива секцией насоса во втулку шкива на призматической шпонке устанавливают фланец.

В начале фразы пять родительных падежей подряд. Попробуй разобраться в их смысловых связях, сразу голова заболит. Да и одного вдоха не хватит, чтобы прочитать это начало вслух. Выручает, как и в случаях с отглагольными существительными, глагол:

Проверяют начало подачи топлива из секций насоса во втулку шкива при помощи фланца, установленного на призматической шпонке.

К сожалению, нанизывание падежей не замечают авторы и редакторы книг и статей по искусству и архитектуре, хотя

это особенно дисгармонизирует с речью о замечательных творениях искусства и архитектуры. Пример, уже приводившийся по другому поводу:

По существу, архитектором здесь была решена задача оформления центральной площади столицы государства, сумевшего отстоять свою независимость в борьбе с Наполеоном и освободить от его власти всю Европу (*оформления площади столицы государства*).

Даже в учебниках редактирования и стилистики русского языка авторы не сумели уйти от нанизывания падежей:

С точки зрения редактирования интерес представляет факт разработки методики изложения информации за счет характеристики композиции подачи материала.

Наиболее активно формируется учебная книга как тип издания, при подготовке которого реализуются возможности повышения степени усвоения содержания при помощи средств книгоиздания.

В ее [функциональной стилистики] задачи входит изучение реализации потенциальных стилистических возможностей языка в зависимости от целей и задач общения, характера содержания, типа мышления и различных ситуативных особенностей общения в той или иной социальной среде.

Причина нанизанных родительных падежей в указанных примерах и во многих других — отказ от глагола в пользу отглагольных существительных. Стоит заменить в примерах отглагольные существительные (*в первом задача оформления*), и нанизанные падежи исчезнут, и налет канцелярщины пропадет:

Архитектор здесь оформил центральную площадь города как площадь столицы государства...

С точки зрения редактирования интерес представляет способ лучшего изложения информации с помощью рациональной композиции.

Наиболее активно формируется учебная книга как тип издания. Благодаря средствам книгоиздания читатели лучше усваивают ее содержание.

Функциональной стилистике необходимо изучать, как реализуются потенциальные стилистические возможности языка в зависимости от целей, задач и ситуативных особенностей общения в социальной сфере, характера содержания, типа мышления (в исправленном варианте фразы не только устранено нанизывание падежей, но и убрано слово *задачи* в ее начале, чтобы избежать *задачи... в зависимо-*

сти от... задач...; объединены все условия общения, выброшены лишние слова различные, так как ситуативные особенности не могут не быть различными, в той или иной, поскольку сфера не может не быть той или иной).

Особенно склонны к такому построению текстов авторы статей и книг по технике и экономике. Вот характерный пример:

Экономическое обоснование и определение эффективности капиталовложений на обводнение пастбищ необходимы не только в планировании и проектировании обводнительных мероприятий, но и на строительстве объектов обводнения, при внедрении новой техники и в хозяйственной деятельности колхозов и совхозов.

Статья, из которой взята эта фраза, вся написана точно так же. Как редактору справиться с этой стихией отлагательных существительных? Способ известен — заменять существительные глаголами:

Экономически определить и обосновать эффективность капиталовложений на внедрение новой техники и обводнение пастбищ необходимо при их планировании и проектировании, а также при строительстве объектов обводнения, как и вообще в хозяйственной деятельности колхозов и совхозов.

Желательно было посоветовать автору не втискивать всё в одну фразу. Тогда он бы и трудностей испытывал меньше. И редактору работы поубавилось бы.

Не справляются с такой цепочкой, например, и рационализаторы библиотечного дела:

Оптимизация включает выбор оптимальной структуры (состава) системы фондов посредством управления степенью автономности структурных подразделений, их объемом, удельным весом и т.п.

А попробуйте избавиться от этих цепочек — намучаетесь. Но сделать это нужно. Потому что пока читатель поймет такую фразу, он потеряет желание читать текст дальше, а уж головная боль ему обеспечена. Так что стоило потрудиться редактору вместе с автором и найти хотя бы такой вариант:

Добиться оптимизации фондов (вариант: Оптимизировать фонды) можно, выбрав наилучшую их структуру (состав) и управляя автономностью структурных подразделений, их объемом, удельным весом и т.п.

13.5.4. Выделение глаголов *имеется*, *является* для сопоставления с более конкретными глаголами или с безглагольными конструкциями

Речь пойдет не о том, чтобы изгнать глаголы *имеется*, *является* из текстов, а лишь о том, чтобы ими не злоупотребляли, подменяя другие глаголы, более точные и уместные, или вводя тогда, когда они вовсе не нужны.

Беда в том, что *имеет*, *имеется* — глаголы-связки вынуждают одинаково строить фразы, превращая их в кальку с французского.

Вот что при этом получается:

На конце цангодержателя *имеется* ручка, которая служит для работы с цангой. Как для фиксирования шаровой опоры, так и для фиксирования цангодержателя *имеются* винты-фиксаторы.

Автор, видимо, привык строить фразы со сказуемым *имеет* или *имеется*. Вот и строит одну за другой именно таким образом. Первой сложной фразе с двумя сказуемыми можно противопоставить одно простое с точным и конкретным глаголом взамен галлицизма *имеется* *ручка на конце цанги*:

Управляют цангой с помощью ручки на конце цангодержателя.

Во второй фразе глагол *имеется* подменяет другой, более точный и уместный:

Шаровая опора и цангодержатель закрепляются винтами-фиксаторами (или: фиксируются винтами).

Выделяя глагол *имеется* и противопоставляя фразе конструкцию без него или с другим, более точным и конкретным глаголом, редактор уже не допустит, чтобы в печать проникали такие фразы:

Напечатано:

График, составленный с учетом технологии ремонта, *имеется* на каждом рабочем месте.

Установленные на тракторе аккумуляторы позволяют *иметь* свет при неработающем двигателе.

Все органы управления запуском пускового и основного двигателей выведены на специальный щиток. На нем *имеется* рычаг редуктора пускового двигателя, рычаг муфты и т.д.

Следовало напечатать:

График, составленный с учетом технологии ремонта, вывешен на каждом рабочем месте. Установленные на тракторе аккумуляторы позволяют освещать кабину при неработающем двигателе.

Все органы управления запуском пускового и основного двигателей (рычаг редуктора, рычаг муфты и т.д.) выведены на специальный щиток.

Фразы во второй колонке по сравнению с теми, что были напечатаны в изданиях, лучше стилистически и точнее по смыслу.

Речь, конечно, идет, повторю еще раз, не о том, чтобы с помощью указанного приема лишить глагол *имеется* всякого гражданства, а лишь о том, чтобы не превращать его в универсальный глагол, подменяющий все другие. О непроизвольном стремлении сделать этот глагол универсальным говорят страницы изданий, и не только научно-технических:

...Подчеркнем, что это отношение было именно таким, какое необходимо иметь редактору

...Научно-популярная литература XIX века имеет образцы произведений, отвечающих изложенным требованиям.

Автомобиль имеет пробег

На этот счет имеются неточности...

В ряде мест имеются факты...

В живой и хорошо написанной книге Людмилы Телень «Поколение Путина: Портреты-интервью» (М, 2004) каждый портрет заканчивается «Досье М[осковских] Н[овостей]» — краткой биографической справкой о портретируемом. Последняя фраза досье — о семейном положении и детях. Но если в досье Г. Явлинского и некоторых других эта фраза стилистически безупречна: «Женат, двое детей», то в досье А. Чубайса от нее веет духом отделов кадров: «*Имеет* сына и дочь от первого брака».

Стереотип структуры предложения, видимо, влияет и на распространение глагола *является*. Если какой-либо предмет нужно охарактеризовать каким-либо признаком, то у многих авторов это непременно ведет к предложению со связкой *является*:

Харьков *является* одним из самых крупных промышленных и культурных центров страны.

Харьковский музей изобразительного искусства *является* одним из крупнейших в мире.

Лучшими сортами чая *являются*...

Выделять связку *является* надо для того, чтобы не допустить авторского злоупотребления ею, увидеть, когда число

фраз с такой связкой начинает превышать разумное, делая текст уныло однообразным. Не случайно так протестовал против этого глагола академик Н. И. Вавилов (см. 363).

Было бы ошибкой предложения со связкой *является* всегда заменять только формой с тире взамен связки:

Харьков — один из самых крупных индустриальных и культурных центров страны.

Один шаблон заменялся бы другим. В ряде случаев целесообразно вообще отказаться от определительных фраз со связкой *является*, например:

Один из крупнейших в мире, Харьковский музей изобразительного искусства славится такими-то собраниями.

Итак, выделять глаголы *имеет*, *имеет*, *является* надо для того, чтобы избежать их неумеренного употребления.

13.5.5. Выделение канцелярских и иных штампов, неуместно стандартизирующих речь

Если редактор не будет выделять канцелярские штампы и мысленно подбирать взамен их равнозначные слова и обороты, он быстро перестанет замечать штампы, забывая о том, какой вред они причиняют тексту. Насколько проще, яснее становится текст, из которого канцелярские штампы изгнаны. Он поистине обезвреживается.

Уделять или усиливать внимание, имеет значение, играет роль — этими штампами, как уже показывалось выше, пестрят страницы многих изданий самой разной литературы, редакторы которых вслед за авторами поддались стихии канцелярита.

И уже не приходится удивляться, что в печать попадает такая, например, аннотация в сборнике о материалистической диалектике:

В статье уделяется внимание материалистической диалектике, ее основным законам и категориям, значению для общественных наук и естествознания, диалектическому характеру развития техники.

Так и хочется спросить автора аннотации: «Неужели только уделяется внимание, если сама тема — материалистическая

диалектика?» Не уверен, что он сразу поймет суть вопроса: настолько привык к обороту, который для него по значению нечто вроде «рассказывается», «посвящается», т.е. оборот, утративший свое фактическое значение.

Совсем другая причина, по которой обращаются к этому штампу авторы текстов отчетного характера:

Усиление внимания к оснащенности труда ИТР и служащих...

Здесь главное — камуфляж. Внимание усиливали, а оснащенность, возможно или даже весьма вероятно, осталась такой же, как и была. Оборот, как кажется прибегнувшему к нему автору, помог закамуфлировать печальное положение дел.

К сожалению, оборот проникает и в тексты об искусстве:

Новым для русской исторической картины явилась и та мера внимания, которую Брюллов уделил обстановке действия, наблюдаемой им в натуре, на раскопках Помпей.

Конечно, гораздо проще отделаться мерой уделенного внимания, которую никто, в том числе и автор, определить не может, чем точно написать, в чем заключалось новизна изображения Брюлловым обстановки действия в его картинах. Лучше было уйти от оборота, изменив фразу. Хотя бы так:

Новым было стремление Брюллова изображать исторически правдиво обстановку действия, которую он наблюдал в натуре, на раскопках Помпей.

По крайней мере, мысль становится более ясной для читателя.

Уже отмечалось неумеренное желание некоторых авторов отметить значение любого предмета, о котором им придется писать (см. 13.4.2, с. 442–443). Это стремление напоминает нечто подобное танцу от печки. Не зная, с чего начать, начинают с указания на значение, хотя нет ни одного предмета, который не имел бы хоть какое-то значение.

Не уступает обороту *имеет значение* по частоте употребления штамп *играет роль*, на котором строят многие фразы. Смысл у обоих штампов примерно одинаковый. И не могут устоять от приверженности ко второму штампу авторы не только научно-технических текстов, но и текстов об искусстве, где шаблон особенно неуместен. Например:

Формы скульптуры мельчают, большую роль начинает играть повествовательный элемент. — Ср.: ...мельчают, усиливается повествовательный элемент (вариант: усиливается повествовательность).

В облике города существеннейшую роль играли мосты. Они составили одну из индивидуальных черт Петербурга, отличающих его от других городов России. — Ср.: В облике Петербурга мосты составили одну из индивидуальных черт, отличающих его от других городов России (при сопоставлении двух вариантов особенно хорошо видна ненужность употребления штампа *играли роль*: он ничего не вносит, только плодит слова).

В фигурной лепнине Адмиралтейства... большую роль играет самый силуэт рельефов. Красота силуэта, разнообразного, богато разработанного, но в то же время легко читающегося, не нарушающего смыслового значения изображения предмета, есть одно из драгоценных качеств скульптуры ампира.

В последнем примере вторая часть первой фразы явно лишняя. Читателю роль силуэта рельефов в фигурной лепнине Адмиралтейства ясна из второй фразы: она-то и несет читателю основное содержание. Первая со своим штампом нужна лишь автору и лишь для зачина. Ср.:

В фигурной лепнине Адмиралтейства проявилось одно из драгоценных качеств скульптуры ампира — красота силуэта, разнообразного, богато разработанного, но в то же время легко читающегося, не нарушающего значения предмета.

Широко распространен в произведениях самых разных функциональных стилей штамп явно канцелярского происхождения *в этой связи*. Причем его употребляют даже в тех случаях, когда в предшествующем тексте ни о какой связи и речи нет. Вероятно, с легкой руки какого-то ушлого чиновника им начали заменять вполне грамотный оборот *в связи с этим*, который все словари толкуют как имеющий значение «вследствие этого», «по этой причине». Авторы даже очень хорошо написанных книг, не замечая уродливости этого штампа, механически употребляют его: настолько широко он распространился, что незаметно навязывает себя. В уже упоминавшейся книге А. Я. Гуревича «История искусства» (М., 2004) можно прочесть:

Сколь ни велика была эрудиция и ни широк был кругозор замечательных французских медиевистов, все они остались преимущественно в пределах истории романизованного мира, средиземноморской цивилизации. (...) В этой связи позволю себе рассказать об одном эпизоде (с. 160).

Почему в этой связи, а не в связи с этим? Скорее всего, только потому, что примелькавшийся канцелярский штамп предложил себя автору, а у редактора еще не был выработан навык выделять этот штамп для замены его грамотным оборотом.

Благодаря навыку выделять штампы у редактора появится особое чувство — чувство, оберегающее текст от неуместного употребления штампов.

Особенно это важно для редактора художественного текста, где штампы нивелируют персонажей, убивают именно то, за что этот текст ценится — индивидуальный почерк писателя, его манеру.

Писатель Л. Пантелеев сделал в одной из своих записных книжек запись о штампах в случайно попавшейся ему в библиотеке во время войны книжонке, полной штампов, которые ранили его своей пародийной стандартностью. Эту запись, приводимую ниже, полезно читать и перечитывать редакторам и авторам художественных текстов:

Взял вчера в соседней палате «ничью» книжку. Ни обложки, ни первых восьми страниц нет — ушли на курево или на другие надобности. Что-то приключенческое, шпионское. Прочел 10 или 12 страниц и на этих двенадцати страницах насчитал — 67 штампов! Образцы выписываю:

«Недобрая усмешка пробежала по его губам».

«Ночь прошла в томительном ожидании».

«Сверхчеловеческим усилием воли он заставил себя поднять руку».

«Недоброе предчувствие ледяным холодом сжало его сердце».

«Ноги помимо воли впились в ладони, мышцы сжались стальными пружинами».

«Чудовищный удар в лицо бросил его в угол».

«И вдруг пораженный внезапной мыслью, он хлопнул себя по лбу».

«Все дальнейшее происходило словно во сне».

«Это было словно гром среди ясного неба».

«Усталые глаза потеплели, сочувственно дрогнули уголки губ».

«Но тут же другая мысль, еще более страшная, заставила его содрогнуться».

«Эти два часа, грозившие ему неминуемой гибелью, показались вечностью».

«Подстрекаемый нетерпением, он отправился на поиски»... И т. д. И т. п.

Все это из одной книги! Из 1/20 части ее! А сколько их во всем этом макулатурном произведении! И сколько их вообще существует и в отечественной и в мировой литературе!

Занимался ли кто-нибудь из литературоведов этим вопросом? Ведь, вероятно, можно составить большой фразеологический словарь литературных штампов и пошлостей. Существует целый цех макулатурных дел мастеров, которые пользуются только этими готовыми клише. И есть читатели (даже интеллигентные), которые любят эти «нечеловеческие усилия воли» и «ледяной холод, сжимающий сердце» (Пантелеев Л. Приоткрывая дверь... Л., 1980. С. 391–392).

Впрочем, не всякий штамп в любых условиях вредоносен. Преподаватель Харьковского университета В. М. Богуславский выступил в журнале «Русская речь» со статьей, выразительно озаглавленной «В защиту делового штампа». Он обосновывает целесообразность и необходимость языковых штампов в деловом стиле письменной речи.

Если устную речь деловой штамп засоряет, то в деловой письменной речи он рационален, так как экономит время и силы как пишущего, так и читающего. В. М. Богуславский называет такие штампы деловыми стандартами. А стандарты упрощают работу.

Конечно, он согласен с публицистами и сатириками, высмеивающими «использование средств делового языка в других речевых стилях». Он видит причину таких несуразно употребленных деловых штампов «в частоте употребления „деловых“ слов и оборотов». Он справедливо пишет: «Люди, лишенные языкового чутья или небрежно относящиеся к своей речи, предпочитают использовать те слова, которые первыми приходят на ум (слова с наиболее высокой степенью частотности). При этом они обычно не учитывают речевой ситуации». Этот вывод подтверждается психолингвистическими исследованиями. В экспериментах выяснилось, что чем вероятнее появление слова, тем быстрее оно вводится в текст и тем быстрее оно декодируется (прочитывается и понимается) читателем (см. кн.: Прогноз в речевой деятельности. М., 1974).

Из этого следует, что чем больше частота употребления слова и словосочетания, тем меньше времени требуется для его правильного распознавания. Отсюда и навязывание себя деловыми штампами, но отсюда же и их положительная оценка в соответствующих условиях (например, в деловых документах).

13.6. Преимущества работы редактора, владеющего широким арсеналом навыков стилистического анализа

Все описанные выше приемы, помогающие замечать и устранять распространенные стилистические погрешности, — это ремесленная сторона анализа и оценки стиля, ремесленная, но необходимая. Эти приемы тоже способны улучшить текст, а значит, и понимание его читателем.

Естественно, что описаны далеко не все приемы, навыки, которыми необходимо прочно владеть редактору для того, чтобы, углубляясь в существо текста, подсознательно замечать и устранять типичные стилистические погрешности. Арсенал этих приемов-навыков должен быть как можно богаче. На примерах мы показали механизм выработки подобных навыков, и это поможет редакторам расширить их круг, опираясь на собственные знания стилистики, на собственную литературно-редакторскую практику.

Мы не описали приемов, помогающих устранять неверное употребление деепричастных оборотов. Правда, нарушение правил их употребления чаще всего само бросается в глаза, но все же, учитывая возможность стилистической ошибки, лучше проверять, соблюдены ли стилистические нормы употребления деепричастных оборотов.

Так, стилистически ошибочным считается употребление деепричастного оборота, если производитель действия, обозначенного глаголом-сказуемым, и производитель действия, обозначенного деепричастием, не совпадают. Знамснитый пример:

Подъезжая к станции, у меня слетела шляпа.

Подъезжая относится к поезду, *слетела* — к шляпе.

Другие нормы употребления деепричастия связаны с его местом в предложении. Деепричастие должно предшествовать сказуемому, если обозначает предшествующее действие, или причину, или условие другого действия. И должно следовать за сказуемым, если обозначает последующее действие или образ действия. Поэтому, если в предложении деепричастие, обозначающее последующее действие, поставлено

перед сказуемым, а обозначающее предшествующее действие — после сказуемого, это погрешности. Чтобы их не пропустить, надо при чтении выделять деепричастия для проверки, не нарушены ли указанные выше нормы его употребления, что случается. Так что навык такого выделения, препятствующий поверхностному восприятию предложений с деепричастными оборотами, очень полезен.

Не показали мы и других приемов. Например, приема обязательного мысленного выделения и подчеркивания в тексте газетных штампов. А ведь они стирают всякую индивидуальность речи, обезличивают ее, иногда делают, вопреки желанию автора, почти пародийной.

Мы надеемся, что редакторы на примере показанных приемов будут вырабатывать новые, дополнительные в качестве противоядия от типичных повторяющихся ошибок как одного автора, так и многих. И тогда знания стилистических правил всегда будут реализовываться, для чего и нужны приемы и навыки редакторского анализа стиля.

Широкий же арсенал навыков стилистического анализа избавит редактора от необходимости тратить время специально на проверку элементарных стилистических качеств. Благодаря навыкам он в ходе смыслового и фактического анализа будет подсознательно, не отвлекаясь от главной задачи при чтении данного текста, отмечать допущенные автором типичные стилистические ошибки.

Как бы ни был редактор углублен в существо текста, его натренированный мозг непременно среагирует, например, на неоправданный повтор одного и того же слова, на случайную омонимию и т.д.

Чтение с использованием широкого круга выработанных навыков, действующих почти автоматически, помогает редактору не упускать из виду самых разнообразных обстоятельств и сосредоточиваться в то же время на главном — на содержании, его фактической точности, его смысле.

Рассказывают об Отто Юльевиче Шмидте, что он говорил, замечая ошибки в книгах, которые читал: «Я невольно остаюсь редактором». Вот это и означает, что он владел навыками редакторского чтения, которые стали его второй натурой.

Глава 14

МЕТОДИКА ПРАВКИ ТЕКСТА

Обойтись без редакторской правки текста подчас невозможно. По-видимому, еще долго будут нуждаться в правке редактора те авторы, для которых литературный труд — занятие непривычное и, уж во всяком случае, не профессиональное. Так или иначе, но пока редактор сплошь и рядом правит авторский текст, вносит в него различные изменения.

Изучая эти изменения, видишь, что не всегда они нужны и далеко не всегда улучшают текст. Искажения авторской мысли при правке — вовсе не редкость, как кажется многим редакторам.

Им, прежде чем править авторский текст, полезно вспоминать горькие слова М. М. Пришвина:

Причисывание произведений литературных вошло в повадку, и каждая редакция стала похожа на парикмахерскую» (Пришвин М. М. Незабудка. М., 1962. С. 110).

По словам Татьяны Бек, ее отец писатель Александр Бек:

...делил институт советской редатуры на две стадии: «выщипывать перышки» и «выклеивать глазки» (Бек Т. До свидания, алфавит. М., 2003. С. 26).

Научить хорошо править нельзя. Это искусство. А в искусстве не учат, а творят.

Нельзя научить искусству, но можно предостеречь от действий, которые ведут к промахам или создают для них благоприятные условия. Можно сформулировать, опираясь на практику, непременные методические условия, которые надо соблюдать, чтобы избежать исправлений неточных и неверных или свести их к минимуму.

Эти условия, подсказанные практикой, и составляют суть предлагаемой нами методики правки.

Им надо предпослать одно **предварительное условие** — **править самому только в том случае, если нет иного выхода, стараться использовать малейшую возможность для того, чтобы исправления внес автор.**

Лучше всего указывать автору на ошибку или резервы, позволяющие улучшить текст, или в крайнем случае предлагать вариант правки.

Примеров, подтверждающих справедливость этой рекомендации, можно привести много, но все они покажутся малоубедительными. Тысячи примеров неудачной редакторской правки сами по себе ничего не доказывают. Ведь и редакторы могут подобрать не меньшее число неудачных авторских поправок. Поэтому целесообразно привести доводы логические, отвлеченные, теоретические.

Во-первых, автор глубже редактора знает материал — предмет своего сочинения, тоньше разбирается во всех оттенках смысла и реже, исправляя одно, вносит искажения смыслового или иного характера.

Во-вторых, замечания редактора заставляют автора глубоко вникать в содержание своего текста, и он очень часто не только исправляет ошибку или улучшает текст благодаря подсказке редактора, но и замечает промахи и упущения, редактором не увиденные, более того, обогащает свое произведение, замечая под влиянием редакторской критики ранее скрытые возможности для этого. Новое чтение может стать импульсом продолжения творческого процесса, новых творческих достижений.

Е. А. Баратынский, прочитав перевод П. А. Вяземского «Адольфа» Б. Константа, написал ему:

Я обременил тетрадь Вашу замечаниями. Ни за одно из них не стою, но все вместе отдаю на Ваше рассмотрение. Вы сами распознаете, которое дельно, которое нет. Может быть, иное из них внушит Вам счастливую переправку. Противоречие возбуждает, а намеки заставляют угадывать. Ежели это правда, я оказал Вам истинную услугу, немилосердно испекав Вашу рукопись (Письма А. С. Пушкина, бар. А. А. Дельвига, Е. А. Баратынского и П. А. Плетнева к князю П. А. Вяземскому, 1824–1843 гг. СПб., 1902. С. 47).

Достойный пример для редакторов.

Редактор книг серии «Жизнь замечательных людей» Г. Померанцева пишет о своей работе над книгой М. Ильина «Бородин»:

Ничего я не правила Ильину сама. Иногда, когда он задумывался, подсказывала ему свой вариант. Он соглашался, и тут же, на ходу слегка менял фразу – по-своему (Редакторы книги об опыте своей работы. М., 1960. Вып. 2. С. 43).

В-третьих, текст — это живой организм, и правка — хирургическая операция, с той лишь разницей, что хирург-автор проводит ее инструментарием, при котором швы будут малозаметны, а организм-текст реже отторгнет вставленные взамен других слова. Добиться того же хирургу-редактору много труднее.

Очень выразительно и точно написал Вадим Андреев относительно даже авторской правки:

Написанное стихотворение, если только оно не мертворожденное, начинает жить своей собственной жизнью с того момента, когда автор сделал последнюю поправку. Поправка, сделанная позже, когда уже спала волна эмоционального подъема, породившего стихотворение, — нечто вроде хирургической операции на лице, уже прожившем некоторое время, на котором жизнь положила следы. На стихотворении появились морщинки, количество их связано с тем сроком, который прошел после того, когда автор почувствовал, что лучше сделать не может. Большой нос можно сделать маленьким, но тогда изменится только внешность человека, а не его психика. Исправленное стихотворение должно быть не столько исправленным, сколько написанным заново (Андреев В. Возвращение в жизнь // Звезда. 1969. № 6. С. 143).

А вот как отреагировал на просьбу Дениса Давыдова исправить посланные им стихи В. А. Жуковский:

Ты шутишь, требуя, чтобы я поправил стихи твои. Все равно, когда бы ты сказал мне: поправь (по правилам малярного искусства) улыбку младенца, луч дня на волнах ручья, свет заходящего солнца на высоте утеса и пр. и пр. Нет, голубчик, не проведешь. Я и не поправлю и не возвращу тебе стихов твоих. Не отдать ли их в «Северные цветы»?.. (Соч. : в 3 т. М., 1980. Т. 3. С. 496).

Уместно здесь процитировать мнение К. Д. Ушинского:

Слово хорошо тогда, когда оно верно выражает мысль, а верно выражает оно тогда, когда вырастает из нее, как кожа из организма, а не надевается, как

перчатка, сшитая из чужой кожи (Ушинский К.Д. Избр. пед. соч. М., 1945. С. 477).

Закончим афористичной фразой Е. А. Баратынского из его письма к И. В. Киреевскому:

Я очень хорошо знаю, что нельзя пересоздать однажды созданное (Баратынский Е. А. Стихотворения; Поэмы; Проза; Письма. М., 1951. С. 498).

В-четвертых, необходимость сделать обоснованное письменное замечание, которое заставило бы автора прислушаться к мнению редактора, обязывает последнего более глубоко анализировать текст, четко формулировать то, что его в тексте не удовлетворяет. Эта необходимость способна удержать редактора от правки поспешной и неточной.

В-пятых, автор, исправляя текст, будет это делать в собственном ему стиле, что редактору сделать трудню, а то и невозможно.

Не случайно те писатели, которые разрешали редакторам сокращать свой текст, противились вставкам или вовсе их запрещали.

Лев Толстой писал к Н. А. Некрасову по поводу печати «Детства»:

Я вперед соглашаюсь на все сокращения, которые Вы найдете нужным сделать в ней, но желаю, чтобы она была напечатана без прибавлений и перемен (Полн. собр. соч. Т. 59. С. 193).

Он же просил И. И. Панаева:

Очень благодарю Вас за старание защитить «Ночь весною» от цензуры, пожалуйста вымарывайте, даже смятчайте, но, ради бога, не прибавляйте ничего; это бы очень меня огорчило.

И. С. Тургенев, разрешая Комитету грамотности печатать свои «Записки охотника», «Муму» и «Постоялый двор», оговаривал одно условие:

...ничего не прибавлять к моему тексту. Сокращать же самый текст дозволяется сколько угодно — и даже без предварительного спроса» (Полн. собр. соч. и писем. Письма. Т. 10. С. 210).

Сергей Довлатов, посылая Г. Н. Владимову свой рассказ для публикации в «Гранях», писал ему:

Я абсолютно спокойно отношусь к любым сокращениям, и уж Вам-то доверяю в этом полностью, но вписывать что-либо нежелательно. Чем талантливее вписавшее лицо, тем инороднее будет эта фраза или строчка (Звезда. 2001. № 9. С. 160).

Он же, излагая в письме к А. Аръеву такую же просьбу, парадоксально замечал:

Теоретически самое ужасное, если бы Достоевский что-то вписал в мое произведение» (Там же. С. 161).

Нельзя пренебрегать и тем, что в редакторской правке тенденция нивелировать стиль автора очень сильна. Изменяется все незнакомое, нестандартное, заменяется привычным для редактора. Авторы обычно протестуют против такой правки, возмущаются.

Гордон Грэм образно выразился по этому поводу:

Авторы не желают идти на компромисс по вопросу, решение которого удалит колбасу с их бутерброда.

Еще лучше писал об этом П. А. Вяземский к А. И. Тургеневу, познакомившись с его правкой:

Я в письме к Карамзину называю некоторые свои пятна родимыми пятнами. Этих стирать не должно, а не то сотрешь кожу и будешь ободранною рожею (Остафьевский архив. Т. 2. С. 242).

И еще:

Отныне и во веки веков клянусь тебе, что никогда не буду доставлять тебе то, что назначаю к печати. Это уже слишком скучно! Конечно, если бы сорвалась у меня грубая ошибка, то дело твоё было бы вступить; но так, ни за что ни про что, увечить мой образ мыслей и извиняться — ни на что не похоже. Да сколько я вам раз, милостивые государи и безмилостивые деспоты, сказывал, что я не хочу писать ни как тот, ни как другой, ни как Карамзин, ни как Жуковский, ни как Тургенев, а хочу писать как Вяземский (Остафьевский архив. Т. 2. С. 258).

Без меня не печатайте, если сделаете какие-нибудь поправки. Этот Жуковский — злодей; он как медведь: чтобы муху согнать со стиха, стих напоевал уьёе! (Остафьевский архив. Т. 1. С. 140).

Наконец, еще несколько соображений в пользу правки текста автором по замечаниям редактора перед редакторской правкой.

Делая замечания, редактор может написать, что у автора хорошо. Правя же, он сосредоточен только на отрицательном.

Кроме того, достоинства и недостатки автора не частного характера редактор усилить или ослабить своей правкой не в силах.

Не следует забывать и о том, что правка произведения редактором иного автора может развратить, приучить его относиться к своему тексту с меньшей требовательностью. Редакторская правка снижает и воспитательную функцию редактирования.

Даже тогда, когда редактор никак не может обойтись без правки, он непременно должен рассматривать ее лишь как предложения автору, которые автор волен принять или отвергнуть.

Надеясь, что мне удалось убедить читателя в правомерности общего положения редакторской деятельности:

Лучше всего, если текст по замечаниям редактора правит сам автор.

Но, несмотря на это, автор данной книги настаивает на том, что и это положение нельзя возводить в абсолют. В редакторской работе вообще и редакторской правке, в частности, абсолютных правил быть не должно. Многое зависит от того, кто автор, каковы его психологические и другие особенности. И вот доказательство — признание В. А. Жуковского в письме к А. И. Тургеневу:

Что найдете необходимым поправить поправляйте; на меня в этом случае уже не надейтесь. Лучше написать новое, нежели поправлять. Пока пишу, по тем пор маю, сколько душе угодно, и могу марать; написал — всему конец! Если вздумается поправить, то для одной только порчи (Жуковский В. А. Письма к Александру Ивановичу Тургенев. М., 1895. С. 130).

Нельзя не принимать во внимание и то обстоятельство, что у редактора есть возможность после правки автора проконтролировать ее, а редакторскую правку нередко не контролирует никто. Более того, некоторые редакторы стремятся не показывать автору свою правку, а знакомить его с исправленным текстом в том виде, который он приобрел

после правки и перепечатки. Делается это в тщетной надежде на то, что автор не будет так болезненно реагировать на чужие поправки в его тексте, как при их виде в измаранном редактором экземпляре, да и многие просто не заметит. И споров и хлопот меньше. Тактика понятная, но вред ее очевиден.

Виталий Третьяков в своей книге «Как стать знаменитым журналистом» (М., 2004), определяя четыре черты высококлассного редактора по тому, что он умеет делать, называет среди них и такую:

...ювелирными прикосновениями, не вписывая автору ни одной своей мысли, ни одного не характерного автору слова, но убрав всё то, что портит текст, довести его до приемлемого уровня совершенства (с. 418).

Это о высококласном редакторе. Но таких единицы. И тезис о том, что лучше, если редактор убедит автора в необходимости еще поработать над текстом, все же остается поэтому в силе.

Если все же по каким-либо причинам приходится править редактору, то желательно соблюдать следующие условия.

Первое условие — не начинать правку, не познакомившись с текстом в целом

Преждевременная, до знакомства со всем текстом правка вредна тем, что редактор начинает углубляться в детали на этапе, когда общее понимание редактируемого текста еще не достигнуто. А не понимая, не видя целого, нельзя исправить деталь полноценно, точно.

Увеличивается и риск нарушения цельности текста. Ведь редактор, который еще не знает и не понимает текст в целом, исправляя, легко может потерять нить изложения.

Кроме того, затратив много усилий и времени на уточнение какой-либо недостаточно четко выраженной мысли в начале текста, редактор может через несколько страниц неожиданно увидеть ясную авторскую формулировку той же мысли. Знай ее редактор, он не стал бы искать своих вариантов уточнения, прояснения мысли, но поздно... время и силы уже понапрасну истрачены.

Выправив не без труда фразы в части текста, изобиловавшей стилистическими или иными недочетами, редактор мо-

жет позднее, познакомившись с текстом в целом, прийти к выводу, что эта так усердно выправленная им часть вообще не нужна. К чему были его старания? Композиционные изменения, внесенные в текст после того как произведение прочитано целиком (а их необходимость могла стать ясной только после знакомства с произведением в целом), могут потребовать исключить многие фрагменты текста, на правку которых затрачено было немало усилий, или сделать ненужными связи, которые были внесены редактором, так как при иной последовательности фраз понадобятся иные словесные связи.

Уместно здесь привести замечание Блеза Паскаля:

Последнее, что находишь, трудясь над каким-нибудь сочинением,— это что поместить в его начало. (Паскаль Б. Мысли. М., 1995. С. 364).

Челночное чтение текста полезно и для правки:

- сначала весь текст от начала до конца;
- затем весь первый самый крупный фрагмент от начала до конца;
- потом следующую по иерархии первую входящую в него смысловую группу;
- наконец, первую фразу первой элементарной смысловой группы.

И так весь текст.

Второе условие — править только после того, как установлена и точно сформулирована причина неудовлетворительности текста, своего рода «диагноз болезни».

Первый довод верности этого условия. Если редактор не может объяснить, какой недостаток текста заставил его взяться за перо, и доказать, почему это недостаток, плодотворной правки ожидать трудно.

Из года в год выпускается все больше и больше книг, — написал автор.

С каждым годом, — поправляет редактор.

Попробуйте узнать — почему. Ничего не получится. Вряд ли редактор скажет что-то вразумительное. Чаще всего в таких случаях следует ответ: «Так лучше!» или «Так правильнее!» Хотя оборот автора ничуть не хуже, может быть, менее книжный, чем у редактора, — и только. Редактору свой оборот ближе. Но ведь не он автор.

Все сложнее становится их реализация, — продолжает автор.
Реализация их становится все сложнее.

Так меняет порядок слов редактор — противник инверсий, не замечая, что ритм текста нарушается, а нужный логический акцент ослабляется. Объяснить толком, почему он правит, ради чего, такой редактор не сможет. «Так лучше», — обычный ответ.

Писатель Леонид Серпилин подтверждает справедливость такого комментария, приводя следующий типичный диалог автора и редактора:

Зачем вы это исправили? — спрашиваете вы у редактора.

— Мне кажется, что так будет лучше.

Убийственный ответ! — продолжает Серпилин. — Ему кажется, а вам почему-то не кажется. Но ведь на титульном листе стоит ваше имя, вы хотите нести перед читателем ответственность за каждое написанное слово. Вы два или три года проработали над своим произведением, вы тщательно выискивали в своей памяти нужные слова, читали себе вслух написанные страницы, вслушивались в их звучание, проверяли интонации, выверяли ритм. А редактор сел и свел на нет плоды ваших усилий: позаменил слова, которые казались вам такими точными, отвечающими смыслу написанного, приблизительными, неточными.

И Серпилин приводит образец такой правки.

«У автора сказано:

“И когда она смотрела на него так, ему начинало казаться, что в целом мире нет ничего, чего бы он не мог сделать”.

После правки:

“И взгляд ее придавал ему силу, ему начинало казаться, что он может сделать все”.

Не слишком оригинальный текст автора усилиями редактора стал ужасающе банальным.

Есть редакторы и люди, выступающие в этой роли по долгу службы, страдающие зудом правки. Они не могут не править.

А. И. Кошелев в своих «Записках» рассказывает о пристрастии будущего министра внутренних дел Д. Н. Блудова, под началом которого он служил в управлении духовными делами иностранных исповеданий, исправлять тексты документов, подготовленных его подчиненными:

Уверенность, что каждая бумага подвергнется тысячу и одному исправлениям, отнимала охоту что-либо писать хорошо (Кошелев А. И. Записки // Рус о-во 40–50-х гг. XIX в. Ч. 1. М., 1991. С. 58).

Страсть Блудова к исправлениям была столь велика, что, когда Кошелев ради любопытства подsunул ему документ, уже тем исправленный и заверенный, Блудов исправил этот документ с не меньшим усердием, чем другие, которые попали к нему впервые.

Второй довод справедливости рассматриваемого условия. Если причина несудачности текста, на взгляд редактора, не осознана, правка, даже если она нужна, чаще всего оказывается неточной.

Другое дело, когда в процессе анализа текста редактор вскрывает причину его неудовлетворительности или несовершенства, и правка вносится для того, чтобы устранить эту причину.

Вот редактор читает фразу:

Все статистические данные о числе библиотек, количестве их фондов, читателей, книговыдаче и др. приводятся на основе официальных данных государственной статистики; во всех иных случаях источник статистических данных оговаривается.

Пробежав вторую часть фразы и соотнеся ее с первой (обычный редакторский прием), редактор приходит к выводу о их противоречии: «Если все статистические данные официальные, то иных случаев быть не должно. Если иные случаи есть, значит, не все статистические данные официальные. Следовательно, надо уточнить первую часть фразы — вычеркнуть слово *все* и вставить взамен сочетание *как правило*. Кроме того, надо устранить повтор: *статистические данные* и *данные статистики*».

Данные о числе библиотек, читателей, количественном составе фондов, о книговыдаче и др. почерпнуты, как правило, из государственной статистики...

При соотнесении второй части фразы с первой возникает также вопрос: «О каких иных случаях идет речь?» Можно, конечно, догадаться, что речь идет о случаях, когда источник статистических данных иной (не государственная статистика), но лучше избавить читателя от догадок, выра-

жив мысль четко и ясно. Что же для этого сделать? В ходе анализа ответ почти найден: иные случаи которые имеет в виду автор, — это случаи, когда источник статистических данных иной. Следовательно, поправка напрашивается сама собой:

...иной источник данных оговаривается.

Так органично, в процессе самого анализа, родились поправки. И это естественно. Только хорошо поняв смысл выказанного автором, уяснив допущенную им ошибку, вскрыв и точно сформулировав причину ее, легко найти способ поправки. Он возникнет как бы сам собой, и правка будет обычно наилучшей и наиболее рациональной, с минимумом изменений.

Справедливость этого положения можно продемонстрировать еще на одном примере. В авторском оригинале было напечатано:

В результате такой кропотливой работы коллектор улучшил качество заказов на печатающиеся издания. На 1975 г. по всем разделам фонда, кроме художественной и детской литературы, заказ составил 102,8 % к плану товарооборота (в 1974 г. — 85,7 %).

Анализируя этот текст, на первый взгляд вполне благополучный, редактор отметил, что читатель может спросить: «Если *кроме художественной и детской литературы*, то как с этими видами литературы? Не потому ли *кроме*, что выполнение плана по ним хуже? Конечно, он тут же отвергнет такое предположение: ведь спрос на художественную и детскую литературу особенно велик, но раз возможна такая погрешка, лучше устранить ее. Почему автор исключает художественную и детскую литературу? Видимо, для чистоты доказательства: чтобы высокие заказы на эти виды литературы не затушевывали плохую работу с другими разделами. Значит, надо, чтобы читатель понимал это сразу. Заминку вызывает многозначность оборота с *кроме* (он может означать и за исключением, потому что в этих разделах иначе, и без этих разделов). Во избежание двусмысленности оборот с *кроме* достаточно заменить оборотом с *без* или еще лучше *даже без*, чтобы косвенно объяснить причину исключения двух разделов. Но при такой замене уже не подходит *по всем*

разделах фонда (из-за противоречия слова *всем* и словосочетания *без двух разделов*), и эти слова без ущерба для смысла можно опустить.

В конечном итоге вторая фраза приобрела такой вид:

На 1975 г. заказ (даже без художественной и детской литературы) составил 102,8 % к плану товарооборота (в 1974 г. — 85,7 %).

Поправка — результат рассуждения, она родилась в процессе анализа и потому оказалась рациональной и обоснованной.

Вот почему начинающему редактору следовало бы рекомендовать, прежде чем исправлять текст, писать замечания и на их основе формулировать предложения автору. Это сложно, требует большого труда и немалого времени. Но это все-го вернее и надежнее.

Когда же редактор торопится, правит с налету, недостаточно вдумываясь в текст, не дает себе труда аргументировать правку, назвав причину, вызвавшую ее, он нередко в попытке устранить смутно ощущаемую ошибку или желая упростить текст, искажает авторскую мысль, сам вносит в текст ошибки.

В авторском оригинале учебника корректуры был следующий текст:

Пропуски фраз и групп слов, строк связаны обычно с наличием повторяющегося слова, выпадением в процессе набора (или в оригинале) целых строк. Чаще всего это бывает из-за того, что соседние строки кончаются одинаковыми словами или группой знаков (букв и знаков препинания),

Редактору текст не понравился стилистически. Для такой неудовлетворенности основания были. Но редактор увидел лишь повторение причины пропусков слов, фраз, строк в обоих фразах и, не долго думая, решил от повторов избавиться, сократив первую фразу и соединив ее со второй в одну фразу. И вот что у него получилось:

Пропуски фраз и групп слов, выпадение целых строк чаще всего вызваны тем, что соседние строки кончаются одинаковыми словами или группой знаков (букв и знаков препинания).

Текст упростился, но каждый, кто знает практику набора и корректуры в эпоху металлического набора, скажет, что он

фактически неверен. Здесь названа одна причина двух разных видов ошибок (пропуска групп слов и пропуска целых строк) — одинаковые слова или группы знаков в конце строк. Стоит только спросить: «Каким же образом окончания строк могут быть причиной пропуска групп слов в середине строки?» — и редактор не сможет на этот вопрос ответить. Причина пропуска слов в середине строки — в повторении одних слов в соседних строках оригинала — наборщик, прервав работу у этого слова в первой строке, вернувшись к работе, ошибочно соскальзывает взглядом на следующую строку. Он ориентируется на то слово, на котором прервал работу, и начинает печатать или набирать после этого слова в следующей строке, и весь текст после повторяемого слова в первой строке до того же слова во второй строке оказывается пропущенным. Итак, группы слов в середине строк оказываются пропущенными из-за повторения одних слов в соседних строках.

Совсем другая причина пропуска целых строк. Если близкие строки начинаются или кончаются одинаковыми словами или группой знаков, то при перерыве работы на первой из таких строк наборщик после возвращения к работе может продолжить набор не там, где он его прервал, а после второй строки, которую он принял за первую по схожести их начал или окончаний. Из-за этого одна или несколько строк могут быть пропущены.

Таким образом, в одном случае причина пропуска — одинаковые слова в середине соседних строк, в другом — одинаковые слова или группы знаков в начале или конце близких строк. В исправленной же редактором фразе получилось, что у обоих типов ошибок одна причина, т.е. допустил фактическую неточность.

В редакции стали выяснять, почему автор ошибся: ведь у него оба типа ошибок вызваны одной, а не разными причинами. Оказалось, что в рукописном экземпляре учебника автор все написал верно. Только у него первая фраза кончалась на словах *с наличием повторяющегося слова*, а дальше шла вторая фраза, но машинистка не заметила слабой точки и поставила вместо нее запятую. Переставив же точку, поместив ее перед словом *Чаще*, вынуждена была менять падеж слова (не *выпадение*, а *выпадением*). Бегло просмат-

ривая машинопись, автор не заметил смыслового искажения, а редактор приступал к правке без достаточного анализа и понимания фактической стороны описания. Текст оказался неверным, а правка редактора не устранила ошибки. Надо было:

Пропуски фраз и групп слов связаны обычно с наличием повторяющегося слова в соседних или близких строках. Выпадение в процессе набора целых строк чаще всего вызывается тем, что соседние или близкие строки кончаются одинаковыми словами или одинаковыми группами знаков.

Редактор поступил бы правильнее, если бы расспросил автора то, что явно было ему непонятно. Тогда редактор не внес бы неверную правку. Более того, он бы вместе с автором наверняка сделал бы текст более понятным для учащихся, поскольку трудно понять из текста, почему все же случаются пропуски. Явно требовалось более детальное объяснение.

Третий довод. Только хорошо разобравшись в том, что именно делает текст неудовлетворительным, можно четко сформулировать причину авторской неудачи. Сама необходимость письменно обосновать это заставляет редактора глубоко анализировать текст, а в ходе такого анализа легче всего, органичнее всего рождаются точные поправки.

Не случайно Эдгар По писал, что «самое действие изложения своих мыслей письменно до известной степени имеет склонность делать мысль логической» и добавлял: «Каждый раз, когда я недоволен каким-либо представлением моего мозга, по причине его смутности, я тотчас прибегаю к перу, чтобы получить с его помощью необходимую форму, последовательность и точность» (Цит. по Региреру: По Э. Собр. соч. Т. 2. 1913. С. 261).

Особенно трудно точно исправить сложные по синтаксису фразы, не разобравшись, в чем причина сложности их восприятия и понимания. Пример такой фразы из переводной научной книги английского ученого Джона Лайонза «Лингвистическая семантика: Введение» (М., 2003) и ее разбор см. в подразделе 13.2.1. (с. 382–383).

Итак, нужно знать причину «болезни» текста, уметь ее сформулировать и обосновать, почему это действительно болезнь.

Третье условие — **права, не выходящие за пределы допустимого редакторского вмешательства в авторский текст.**

Конечно, такие границы установить точно очень и очень трудно, но контуры их наметить все же можно и, главное, необходимо.

Если изменения, которые вносит редактор, вполне отвечают авторскому замыслу и служат тому, чтобы он был воплощен полнее, яснее, лучше, то редакторские действия можно признать правомерными, границ не преступающими.

Если же мысль автора кажется редактору неверной по существу и он старается ее заменить другой, на его взгляд, правильной, то даже если он объективно будет прав, его правка выйдет за пределы допустимого редакторского вмешательства в текст. Подмена редактором одних мыслей другими — это грубое нарушение авторского права. По закону «Об авторском праве...» автор имеет право на защиту своего произведения от всяких посягательств, а такую правку расценить иначе, чем посягательство на авторский текст, никак нельзя. Обладал таким правом автор и по советским законам. Однако не один редактор в те времена грубо нарушал это авторское право, пользуясь своей властью над автором, рассуждая: «Согласится, никуда не денется». Примеры правки, далеко выходящей за границы допустимого редакторского вмешательства, можно приводить без конца.

Вот один из них, записанный Лидисей Чуковской:

Сегодня [5 ноября 1946 г.] со мной случилась беда, которая не знаю чем бы кончилась, если бы не Туся [Т. Г. Габбе]. Меня вызвал к себе Сергеев [Иван Владимирович, редактор издательства «Молодая гвардия»], посмотреть его пометки на гранках Миллухи. Критическая сторона оказалась на высоте, в своем недовольстве он часто бывал прав, но принять ни одной его поправки, буквально ни одной, — я не могла. Слуха никакого. Однако я возражала спокойно, и он принимал мои предложения. И вдруг, когда я решила, что все уже позади, он вынул из портфеля три страницы собственного текста, который, по его словам, вставить в книгу необходимо! Какая-то пустая газетная трескотня о Миллухином антиимпериализме. Как будто вся книга не об этом! Как будто созданная мною картина нуждается в подписи! Все слова, которые я избегала, все общие места, все штампы собраны на этих страницах. Я не выдержала, наговорила ему резкостей. Он требовал, чтобы я тут же подписала гранки. Я сказала, что не раньше завтрашнего утра, — сглатила гранки и ушла к Тусе (Чуковская Л. Памяти Тамары Григорьевны Габбе // [Избр. соч.]: в 2 т. М. : Арт-Флекс, 2001. Т. 2. С. 293–294).

Еще более выразительные примеры о том, как его редактировали, привел писатель Л. Пантелеев в письмах к Лидии Чуковской (опубликованы в журнале «Октябрь». 2001. № 8. С. 178—183).

Интересный случай описал в своей «Истории историка» А. Я. Гуревич:

Вспоминается такой эпизод. Одна из глав этой книги [«Проблемы генезиса феодализма», 1970] была представлена в виде статьи в журнал «Вопросы истории». Ее опубликовали в мартовском номере 1968 года, посвященном юбилею Маркса. Когда шла корректура этой статьи, редактор Е.Э.Печуро получила указание от главного редактора журнала В.Г.Трухановского: «Энгельса с Энгельсом не сталкивать». Это относилось к тому, что я обнаружил у Энгельса противоречия в трактовке общины-марки. Соответствующие фразы в статье были сняты. Тогда Данилов, человек начитанный и образованный, понимающий что к чему, в своей статье в «Коммунисте» уличил меня в том, что я критикую Энгельса, не раскрывая сути сказанного им и не упоминая его имени (Гуревич А.Я. История историка. М., 2004. С. 153—154).

Когда сознательно выдвигаемая автором точка зрения представляется редактору ошибочной, неверной, ему надо выступить с ее критикой, аргументированно опровергнуть ее, в крайнем случае отказаться от публикации произведения, но не навязывать автору положений, которые тот не разделяет, не подменять мысли автора иными, какими бы замечательными они ни казались редактору, не исключать то, что автор считает важным.

Дело автора — пересмотреть свою точку зрения под критическими ударами редактора или отстоять ее в споре с ним.

Можно также с согласия автора поместить редакторский комментарий, оговорив, что редакция не разделяет воззрений автора, и сообщив читателю иную точку зрения на спорный предмет.

При неразрешенных спорах между автором и редакцией стала применяться и такая форма извещения читателя об этом, как публикация книг с сообщением издательства на обороте титульного листа: *Печатается в авторской редакции*. Этим издательство извещает читателя о расхождении между ним и автором для того, чтобы к редактору и редакции не предъявляли претензий по поводу тех или иных суждений автора, полную ответственность за которые он берет на себя.

Допустимо с согласия автора поместить предисловие «От издательства» или «От редакции», где корректно изложить иную точку зрения на предмет спора.

Четвертое условие — вносить минимум поправок, стараясь как можно меньше отдаляться от авторского текста, и пользоваться для поправок авторскими речевыми средствами.

Точный анализ текста, четко сформулированная причина его неудовлетворительности или несовершенства обычно и помогает достичь цели небольшим числом поправок. Авторский текст не заменяют, а именно поправляют. Все же, когда, определив, *что* нужно сделать, чтобы устранить недочет, и редактор ищет, *как* это сделать, установка на то, чтобы найти вариант, при котором авторский текст подвергся бы наименьшим изменениям, помогает соблюсти при правке четвертое условие,

Если вернуться к примеру с пропуском слов, фраз, строк (см. с. 482), то последний вариант правки достаточно наглядно демонстрирует поиск редактором варианта правки с наименьшим числом изменений в авторском тексте.

Вот другой пример. В тексте рукописи была фраза:

Правда, следует оговориться, что до автора и редактора корректура доходит в сравнительно «облагороженном» виде, так как значительная часть ошибок к этому времени уже замечена и исправлена, благодаря чему на их долю работы остается как будто меньше.

Прочитав ее, редактор задумался: он ощутил ее излишнюю усложненность. Но почему? Как этого избежать? Он не стал сразу править, а начал искать причину усложненности и, поразмыслив, решил, что все дело в подчинительных связях. Именно они утяжеляют фразу. Нельзя ли обойтись без них? Оказывается, если вычеркнуть *так как*, поставив взамен двоеточие, и заменить *благодаря чему* союзом *и*, фразу читать будет намного легче:

Правда, следует оговориться, что до автора и редактора корректура доходит в сравнительно «облагороженном» виде: значительная часть ошибок к этому времени уже замечена и исправлена, и на долю редактора и автора работы остается как будто меньше.

Замена местоимения *их* вызвана тем, что ближайшее к нему существительное *ошибок*.

Так двумя незначительными поправками, согласовав их с автором, редактор достиг цели.

Конечно, и в такой правке надо соблюдать величайшую осторожность. Если сложные фразы в стиле автора, а не случайный недосмотр, упрощающая стиль поправка может внести в текст разлад.

Искусной правкой редактор овладеет лишь тогда, когда будет упражняться в ней. Это равносильно мнению Чехова о том, что писателям необходимо как можно больше упражняться в писании:

Но неужели до сих пор Вы написали *только* 15 рассказов? Этак Вы и к 50 годам не научитесь писать (Е. М. Шавровой // Полн. собр. соч. и писем. Т. 4, с. 298).

Редактору в поисках формы поправки всегда надо мыслить в стиле каждого нового автора и каждого нового произведения, преодолевая свой собственный стиль, стараясь мыслить и править так, как это бы сделал сам автор, пользуясь авторской лексикой, авторским синтаксисом, т.е. владея искусством перевоплощения. Только в этом случае вставленные или замененные слова не будут выглядеть заплатами, не будут выпирать из текста как нечто чужеродное.

Делать это сложно, но необходимо. В противном случае лучше воздержаться от правки, ограничившись замечаниями. И чем более своеобразны произведение и авторский стиль, тем разумнее, чтобы правил текст не редактор, а по его замечаниям автор.

Пусть вспоминается редактору буквально вопль души в письме поэта И. С. Никитина к издателю Краевскому:

...одна моя покорнейшая просьба: если при напечатании моих стихотворений найдется что-либо, требующее исключения, умоляю Вас это исключение обозначать точками, а не заменять словами. В стихотворениях простонародных всякое искусственное слово легко может нарушить гармонию целой пьесы, уже по одному тому, что оно искусственное, чему и был пример: редакция «Библиотеки для чтения» внесла целые строки в мои стихотворения и, обезобразив их, отозвалась, что не позволено ставить точек на место исключенных стихов. Я говорю это... потому что мне больно (Собр. соч. : в 2 т. М., 1975. Т. 2. С. 240).

Актуальность обсуждаемого условия подтверждается еще и тем, что в редакционной работе вообще и в редакторской

правке в особенности сильно действует *тенденция нивелировать авторский стиль*.

Редактор, как только наталкивается на что-то необычное, непривычное, настораживается: «А можно ли так сказать? Нет. Кажется, так не принято. Вот и в словарях ничего подобного нет».

И начинается подгонка под привычное. А это всегда вызвало протест авторов, протест часто резкий, гневный.

Так, Н. С. Лесков возмущался самовольной правкой редактора журнала Н. А. Любимова:

Это просто ужасный человек, Аттила, бич литературы!.. Он что же делает-с? — он черкает не рассуждения, не длинноты, а самую суть *фабулы*!! Он обворовал Ларису [«На ножах»] ни за что ни про что и именно в ноябрьской книжке, в разговоре Форовой с Синтяниною у реки. Раз показано было, что «Лора роковая и скрывает в себе нечто, а может быть, и ничто», — далее: старик-генерал о ней говорит, что «ее, как калмыцкую лошадь, один калмык переупрямит» — это все нужные, необходимые ритурнели, а их нет, и зачем их нет, это один черт знает! И добро бы это были длинноты, — нет, это говорилось в кратчайших словах... То есть просто черт знает, чего он хочет и из чего, из какого шиша я теперь сделаю эту Ларису? Отчаяние полное и бесконечное! Я готов бросить роман недописанным, потому что все равно боюсь, что сей профессор с его резвыми руками совсем меня спутает и романа станет *нельзя свести с концом* (Шестидесятые годы. М.; Л., 1940. С. 304–305).

Елена Сербровская когда-то в «Литературной газете» приводила показательный пример нивелирующей правки издательского редактора в сборнике воспоминаний бывших узников фашистских концлагерей:

Автор пишет о фашисте: «Изверг был аккуратен, не забывал проверить, добит ли растоптанный, потом тщательно продувал ствол пистолета....» Редактор почему-то зачеркивает «был аккуратен». Слово «шрайбштуба» он заменяет мирным словом «канцелярия». ...«подготовку к государственной измене» (формула фашистской юстиции) правит на «подстрекательство», слово «колючка» заменяет «правильной» «колючей проволокой», вместо «по дрова» вписывает книжное «за дровами» (Лит. газ. 1967. № 7. С. 5).

В. Гудкова в предисловии к «Книге прощания» Ю. Олеши (М., 1999) очень точно на примере истории издания посмертного сборника писателя «Ни дня без строчки» (М., 1963) описывает редакторский произвол по-советски:

Кроме цензуры государственной действовала не столько высоконравственная, сколько ханжеская цензура редактора, имевшая в СССР огромное влияние и по сию пору малоизученные последствия. Все то, что шокировало редактора, «не нравилось» ему, в чем редактор «был не согласен» с автором, убиралось с той же непрекословностью. В сознании советского редактора, со временем усвоившего ахматовскую мысль о «растущих из сора» стихах, она превратилась в общее место (а «сор» был подменен неким «художественным образом» сора). Вольно растущую дикую траву подстригали, преобразая ее в облагороженный английский газон. Не печатали Олешу «некрасивого», жалкого, непривлекательного, временами — отталкивающего. На полях архивных листов изредка встречаются надписи вроде: «Сложная и странная запись, ничего не дающая читателю». Оба эпитета характерны: ждал простого и привычного. Безошибочно купировалось самое благодарное, самое важное не скажу «нашему читателю» — но мне, работающему в архиве Олеси исследователю. Но ведь я тоже читатель! (С. 20–21).

Пятое условие — не застревать на трудных местах, а возвращаться к ним после того, как правка всего текста будет завершена.

Опытный редактор не упорствует, когда в тексте встретится очень трудное место, которое никак не поддается правке. Вместо того чтобы надолго застревать на нем, лучше, тщательно изучив его и пометив, двинуться дальше, т.е. действовать подобно Монтеню, который писал в «Опытах» (кн. 2, с. 96):

Если я при чтении наткнулся на какие-нибудь трудности, я не быюсь над решением их, а попытавшись разок-другой с ними справиться, прохожу мимо.

Во-первых, решение может подсказать дальнейший текст.

Во-вторых, особенности творческого мышления таковы, что если решение задачи не находится, нужно дать ему созреть. Человек, добивающийся поставленной цели, продолжит поиск подсознательно и найдет решение. При этом он скорее достигнет цели, если не будет пытаться решать задачу только одним способом, а, столкнувшись с трудностью, попробует и другой, и совершенно неожиданный третий способ. Гибкость, эластичность мышления для редактора особенно благодатна. Жесткость, прямолинейность ведет в тупик или толкает на решение неверное.

Своеобразно подтвердил справедливость этого условия в беседе с Татьяной Бек писатель Владимир Корнилов. Он признался:

...я знаю, что если упорно работать и если сначала не получается, не дается, то наверняка — оставишь место, которое не получается, и через несколько дней ли, часов или через пять минут само собой все получится (Бек Т. До свидания, алфавит. М., 2003. С. 263).

В этом отношении редакторская работа не отличается от авторской.

Шестое условие — подвергать острой критике, ставить под сомнение собственные предложения и поправки.

Опытный редактор всегда старается выдвинуть против своих поправок различные возражения, к которым предположительно может прибегнуть автор. Делать это нелегко. Но лишь подвергнутые такому испытанию замечания и поправки окажутся по-настоящему устойчивыми и способными убедить автора: внутренние споры заставят отказаться от замечаний и поправок слабых, уязвимых, недостаточно доказательных; в ходе этих споров неизбежно будут вырабатываться более веские для автора аргументы, уточняться сами поправки.

Английский писатель Голсуорси, прочитав присланную ему для оценки пьесу «Жанна д'Арк» своего друга писателя Гарнета, написал ему:

Я с головой ушел в «Жанну д'Арк». Пока очень внимательно прочел один раз. Я считаю, что это лучшее из всего тобой написанного. Мне кажется, пьеса должна произвести большое впечатление, а образ Жанны глубоко трогателен. Я делаю массу карандашных пометок и сокращений, имея в виду единственно сценическую сторону. Если то, что я предлагаю выбросить, тебе дорого, сделай два варианта — один для чтения, другой — для сцены. Ведь страшно важно не похоронить публику под слишком длинными речами священника. Прими во внимание и то, что сейчас пьеса, безусловно, слишком длинна, да еще частая смена декораций — и выбрось все слова, без которых можно обойтись. В двух-трех местах я предлагаю соединить две сцены в одну, чтобы упростить обстановку. Понимаешь, она обойдется очень дорого, и нужно экономить где только возможно. Сцену во дворе (акт IV, сц. 4) я предлагаю совсем выбросить. Впрочем, все это я наметил в рукописи.

Если можно, я подержу ее еще дня три, чтобы проверить, не предложил ли я ненужных сокращений.

Но работа прекрасная, производит большое впечатление, и я уверен, что если только ты хорошенько поработаешь ножницами (это не так уж трудно), то

она будет иметь большой успех (Голсуорси Д. Письмо к Эдварду Гарнету. 1910 г. // Собр. соч. Т. 16. С. 488–489).

Письмо очень поучительно для редакторов.

Во-первых, чувством ответственности перед автором (подержу еще, чтобы проверить справедливость замечаний)

Во-вторых, деликатностью замечаний и заботой о том, чтобы автор не расстроился.

В-третьих, стремлением вдохновить автора на дополнительную работу.

Редактору нельзя ни на минуту забывать важнейшей профессиональной заповеди: **критиковать нужно не только авторский текст — критиковать нужно самого себя, свою критику авторского текста.** Абсолютным в работе редактора должен быть только критический дух. Редактор лишь тогда станет мастером своего дела, когда критический дух пронизает все его действия.

Выполнить это условие помогают два методических приема, которые желательно превратить в навыки.

Первый прием — сопоставлять каждую исправленную (исправляемую) фразу с первоначальной, проверяя, не утратила ли она после правки каких-либо оттенков смысла, не приобрела ли смысл, который автор в нее не вкладывал.

Второй прием — непременно прочитывать каждую исправленную (исправляемую) фразу в контексте, сопоставляя исправленный текст с окружающим — предшествующим и последующим.

Когда редактор не использует первый прием, т.е. не сопоставляет исправленную фразу с первоначальной, он обречен на некритическое отношение к своей правке, он не в состоянии заметить неожиданных искажений смысла.

В одной рукописи автор утверждал:

Людям все труднее становится «угнаться» за постоянно возрастающим потоком информации.

Редактору фраза не понравилась. Он стал ее править: вычеркнул *людям*, а взамен «*угнаться*» поставил привычное *следить*. Получилось:

Все труднее становится следить за постоянно возрастающим потоком информации.

Редактор исправил фразу и двинулся дальше. Между тем надо было прежде сопоставить исправленную фразу с первоначальной, тогда бы он убедился, что по смыслу оба варианта не равнозначны.

В самом деле. Следить за возрастающим потоком информации — значит действовать с целью не пропустить чего-либо важного из напечатанного, а «угнаться» за возрастающим потоком информации — значит суметь прочитывать, ухитриться усвоить все большее и большее число печатных страниц. Когда произведений печати выходит все больше и больше, трудно за ними уследить, но еще труднее прочитать все, что нужно. Именно последнюю мысль высказал автор. Исправляя фразу, редактор придал ей другой смысл.

По-видимому, редактора смутило известное противоречие между *становится* и «*угнаться*». Эти глаголы в самом деле сочетаются плохо: один выражает действие замедленно, другой — убыстряющееся. Однако путь, который выбрал редактор, чтобы преодолеть противоречие, оказался неверным. На такой путь его толкнула смутность ощущаемого недочета и стремление избежать непривычного, вогнать текст в русло состоявшихся сочетаний.

Было куда проще и точнее вычеркнуть необязательное здесь *становится*:

Все труднее «угнаться» за постоянно возрастающим потоком информации.

В рассмотренном примере — элементарном, но очень наглядном, — сопоставлять исправленную фразу с первоначальной было легко. Но так бывает не всегда. Порой от редактора требуется очень тонкий и глубокий анализ, чтобы увидеть смысловые изменения, внесенные правкой.

Вот случай из практики. Автор написал:

В изучение понимания текста значительный вклад внес А. А. Смирнов. Он установил, что под влиянием задачи запомнить текст испытуемые старались также лучше понять его.

Редактору текст показался чрезмерно книжным, и он стал его упрощать и оживлять — решил избавиться от двух отлагательных существительных подряд в начале этого текста и убрать повторы, объединив обе фразы в одну:

Изучая процесс понимания текста, А. А. Смирнов установил, что, имея задачу запомнить текст, испытуемые старались также лучше понять его.

Нетрудно заметить, что *установить* — не то же самое, что *внести значительный вклад*. Но в этом не было большой беды. Беда в другом. По первоначальному варианту никак нельзя утверждать, что А. А. Смирнов изучал процесс понимания. Так могло быть, поскольку он внес вклад в изучение этого процесса, но так могло и не быть: ведь ученый способен внести вклад в изучение одного процесса, изучая совсем другой, который включает в себя первый. В нашем случае А. А. Смирнов как раз изучал не понимание, а запоминание. И в процессе изучения подметил приемы, применяемые испытуемыми для лучшего понимания текста, благодаря чему и запомнили его. Редактор мог этого не знать. Но, сопоставляя свой и авторский варианты текста, он обязан был заметить смысловую разницу между ними. А заметив, проверить, вправе ли он утверждать то, чего не было в авторском тексте.

А вот еще пример того, что получается, когда редактор не сопоставляет текст после правки с текстом до нее. Кто-то (возможно, как предполагает В. А. Жуковский, — П. А. Вяземский) исправил написанные им стихи так.

Было:

Волн ругательные визги
Ветр, сзливший их, умчит;
Их гранит твой разразит,
На тебя нападших, в брызги.

Последние две строки редактор изменил:

И летучие их брызги
О гранит твой разразит.

Возмущенный Жуковский пишет А. Я. Булгакову:

Скажи ему [П. А. Вяземскому], что я совсем не благодарен ему за ту поправку, которую он (вероятно, он) сделал в моих стихах, напечатанных в «С.-П. Ведомостях» и перепечатанных в «Скверной пчеле». И это не от авторского самолюбия, а просто от того, что из смысла сделалась бессмыслица.

И далее следует тот самый прием сопоставления по смыслу текста до исправления и после него:

Если перевести в прозу мои стихи, будет: ругательный визг волн разнесет ветер, а если оне наладут на тебя, твой гранит разразит их в брызги.

Вместо того поправка говорит: ветер умчит визги волн и разразит их брызги о гранит. Если брызги, то зачем разбивать их снова? И какая в этом нужда? Хорошо, когда разобьешь в брызги волны — тут есть чем похвалиться! тут есть сила. А сражаться с брызгами, бить битого — мало чести.

Если первый прием помогает редактору избежать искажений авторского текста, то второй — чтение исправленной фразы в контексте — позволяет уйти от композиционно-стилистических изъянов как результата правки (неудачных повторов слов, нарушения ритма изложения и т.д.).

В зависимости от индивидуальных особенностей работы редактора, его склонностей, сопоставлять исправленную фразу с предшествующим и последующим текстом можно перед тем, как внести правку, или в момент правки, или сразу после нее, наконец, после того как весь текст исправлен (сквозное чтение исправленного текста). Так или иначе, но редактор обязан помнить, что в тексте добросовестно поработавшего автора предложения и слова всегда подогнаны друг к другу и одно изменение часто не может не повлечь за собой других. Править без учета всех взаимосвязей — значит создавать возможность для новых ошибок. Покажем это на двух небольших примерах.

Редактору в рукописи не понравилась следующая фраза:

Общий план товарооборота, или оптовой реализации товаров, состоит из плана реализации товаров со складов.

«Как это план состоит из плана?» — спросил сам себя редактор. И не долго думая, заменил глагол *состоит* глаголом *складывается*:

...складывается из плана реализации товаров со складов.

Исправил, не сопоставляя новый глагол с последующим текстом, где присутствует существительное того же корня (*складов*), из-за чего возникла стилистическая шероховатость, которой раньше не было. А если бы сопоставил, то поискал бы другой глагол для замены, хотя бы *включает*.

В другой рукописи была фраза:

Читай так приведенную таблицу редактор книги, и ее бы не выпустили с опечаткой в данных за 1960 год.

Редактор заметил в корректурном оттиске, что слово *книга* назойливо повторяется в предшествующем тексте, и решил заменить его словом *справочник*. Задумано — сделано:

Читай так приведенную таблицу редактор справочника, и ее бы не выпустили с опечаткой в данных за 1960 год.

Справочник взамен *книги* редактор поставил, а про местоимение *ее (книгу)* забыл. Вот и получилось, что *не выпустили бы таблицу*. Это можно заметить только при повторном чтении всей фразы. Редактор пренебрег разумным правилом и увидел ошибку лишь после вопроса вычитчика. А увидев, поспешил ее заменить местоимением *его*, не перечитывая фразы:

Читай так приведенную таблицу редактор справочника, и его бы не выпустили с опечаткой в данных за 1960 год.

Лишь в верстке редактор с удивлением понял, что в новом варианте фраза звучит двусмысленно: ведь в сочетании двух существительных *редактор справочника* ведущим является первое, и с ним местоимение *его* невольно связывается скорее, чем со вторым. Конечно, читатель разберется в отношениях, но зачем заставлять его попусту тратить время.

С учетом контекста можно было исправить хотя бы так:

Читай так приведенную таблицу редактор, и справочник не вышел бы с опечаткой в данных за 1960 год.

Из последнего примера также видно, что оба приема рациональнее применять в ходе правки или даже до нее, мысленно сопоставляя правленный текст с авторским вариантом. Тогда не нужно будет исправлять один и тот же текст два раза: сначала без учета контекста, затем — с его учетом. Кроме того, когда редактор провсряет себя по ходу правки, он еще погружен во все нюансы фразы.

Но у сопоставления большого фрагмента текста до правки и после нее свои достоинства: редактор может взглянуть на текст по-новому, по-иному и к тому же, опираясь на знание всего контекста.

Очень хорошо написал об этом приеме поэт и философ

Вл. Соловьев в письме к редактору журнала «Вестник Европы» М. М. Стасюлевичу:

..Вы знаете, что Ваши... редакционные поправки пользуются всеми моими симпатиями. Тем более считаю себя вправе обратить Ваше просвещенное внимание на следующие случайно случающиеся случаи (действительно случившийся пример покажу при свидании). Иногда поправка сама по себе превосходная не вяжется ни с чем-нибудь предыдущим или последующим; когда делается поправка, этого не видно, так как вся работа сосредоточена на одной определенной фразе или слове, а потом при чтении последней корректуры несоответствие тоже ускользает, так как внимание более обращено на опечатки, чем на знакомое уже содержание. И только свежий глаз читателя или мнительный глаз автора открывает беду, когда уже поздно (М.М.Стасюлевич и его современники в их переписке. СПб., 1913. Т. 5. С. 387).

Седьмое условие — стараться предвосхищать возможные возражения автора и подыскивать основания для того, чтобы их опровергнуть.

Тогда авторские возражения не застанут редактора врасплох, а главное, сама правка будет более обоснованной и точной. В ходе такого предвосхищения правка нередко уточняется и улучшается.

Восьмое условие — согласовывать все исправления с автором, внимательно прислушиваясь к его возражениям.

Этого требует закон об авторском праве, это диктует и неписаное правило редакционной этики уважительно относиться к автору и его труду:

- стараться проникнуть в его замысел, требования и пожелания, а не отвергать их с порога;

- стремиться творчески поддерживать его, а не подавлять своей критикой, пользуясь своим положением;

- не диктовать автору свои условия, а договариваться с ним, опираясь только на хорошо обоснованные замечания и стараясь убедить его в их справедливости;

- ни в коем случае не самовольничать в авторском оригинале;

- помнить, что не ошибками автора, замеченными редакторами, определяется качество и ценность авторского произведения (редактору полезно держать в памяти предостерегающую чеховскую формулу: Каждый критикующий чувствует себя генералом).

Великие русские писатели, выступая в роли редактора, понимали глубокий смысл рассматриваемого условия и соблюдали его неукоснительно.

А. М. Горький сообщал Л. А. Никифоровой, начинающей писательнице:

Вам посылаю рукопись на тот предмет, чтобы Вы просмотрели ее и, буде не согласны с моими мелкими поправками,— устранили их в корректуре (Архив А.М.Горького. Т. 6. С. 78—79).

М. Е. Салтыков-Щедрин писал Глебу Успенскому:

Посылаю Вам корректуру Вашей статьи, которую только что сейчас прочитал. Убедительнейше прошу допустить те выпуски, которые я сделал. Статья Ваша произвела на меня тяжелое впечатление, и я серьезно начинаю думать, что Вы увлекаетесь идеалами Достоевского и Аксакова.

Разные случаи, но принцип один: любая редакторская правка — это лишь предложения для автора; настоящим правом изменять что-либо в тексте для печати обладает только его автор. Даже очень тонкий, очень деликатный редактор, вносит поправки не безупречные, субъективно пристрастные, а не объективно необходимые. Поэтому не согласовать поправки с автором было бы преступно по отношению к произведению.

В. В. Вересаев, столкнувшись со случаями редакторского произвола (о них можно прочитать в его статье «О художественных редакторах», см. вып. 3 сборника «Редактор и книга». М., 1962), стал делать на рукописях своих произведений такого рода пометки:

Обязательное условие: никаких вставок и дополнений без согласия автора. В.Вересаев.

Обязательное условие: сокращения, а тем более изменения — только с согласия автора. В.Вересаев.

Примерно такое же условие ставил Л. Н. Толстой редакции журнала «Современник». После того, как он познакомился с изменениями в тексте своего «Детства», опубликованного в журнале, записал в дневнике: «Прочел свою повесть, изуродованную до крайности» (Полн. собр. соч.: в 90 т. Т. 16. С. 148).

Резкое письмо по поводу не согласованных с ним поправок в «Детстве» (не только редакционных, но и цензурных)

Л. Н. Толстой отправил не к Н. А. Некрасову, а к своему брату С. Н. Толстому, делясь с ним переживаниями, вызванными этими изменениями:

Ты не поверишь, сколько крови перепортило мне печатание своей повести,— столько в ней выкинуто действительно хороших вещей и глупо переменено цензурой и редакцией. В доказательство этого посылаю тебе письмо, которое я в первую минуту досады написал, но не послал в редакцию. Мне неприятно думать, что ты можешь приписать мне различные пошлости, вставленные каким-то господином (Полн. собр. соч.: в 90 т. Т. 59. С. 215–216).

Желающие узнать, какие поправки особенно возмутили Л. Н. Толстого, могут познакомиться с ними в его неоправленном письме к Некрасову от 18 ноября 1852 года в Полн. собр. соч. (Т. 59. С. 211–212) или в сборнике «Писатели советуются, негодуют, благодарят» (М., 1990. С. 225).

Посылая Н. А. Некрасову рассказ «Набег», он писал:

...будьте так добры, исполните следующие мои просьбы: не выпускайте, не прибавляйте и, главное же, не переменяйте в нем ничего. Ежели бы что-нибудь в нем так не понравилось вам, что вы не решитесь печатать без изменения, то лучше подождать печатать и объясниться (Полн. собр. соч. : в 90 т. Т. 59. С. 221).

Такой же просьбой сопровождает Л. Н. Толстой отправку рассказа «Записки маркера», который он называет статьей:

...В третий раз повторю условие, которое я полагаю для напечатания,— оставление ее в совершенно том виде, в котором она есть (Полн. собр. соч. : в 90 т. Т. 59. С. 246).

Так-то это так, скажут многие редакторы, а что делать, если автор не соглашается с редактором, а последний считает, что действовал правильно. Ведь и автор может ошибаться.

В самом деле, известны случаи, когда автор, который горячо не соглашался с редакторской правкой, запрещал ее, вступал в конфликт с редактором или просто сетовал на его правку, впоследствии, когда при переиздании ему представлялась возможность вернуться к своему первоначальному варианту текста, отказывался от этого. По-новому взглянув на текст, он увидел пользу от редакторских исправлений, признал правоту редактора.

Так что далеко не всегда автор прав в своем несогласии. Нужно время, порой результат, чтобы автор принял справедливое исправление редактора, которое сразу воспринимается как вредоносное для произведения.

Так, вымарки, сделанные М. Е. Салтыковым-Щедриным в журнальных текстах рассказов Гаршина, не были последним восстановлены в их отдельном издании. Когда брат его, Е. М. Гаршин, напомнил писателю в 1882 году о возможности устранить все те редакционные «поправки и перечеркивания», от которых, как рассказывает брат, «так страдал Всеволод после выхода в свет его рассказов „Происшествие“ и „Трус“, писатель сказал брату: „Нет, не надо. М. Е. был прав. Художественная цельность выиграла от этих пропусков“» (Солнце России. 1913. 23 марта. С. 5).

И Л. Н. Толстой, так возмущавшийся поправками в журнальной публикации «Детства», в отдельном издании повести не везде вернул к своему варианту текста — оставил, например, *дышать* вместо *двошать*.

Когда издатель Брокгауз захотел приобрести права на издание французского перевода «Былого и дум» Герцена, тот в ответ на вопрос о возможных изменениях текста произведения написал:

Насчет предложений Брокгауза вот мой ответ, — и я Вас попрошу его передать вполне:

1-е. Моих рукописей ни на ревизию, ни на оценку г. Брокгауза и его русских приятелей я не пошлю. Если он хочет безусловно печатать — я ему дам и потребую за лист 100 талеров. Он имеет право отослать назад рукопись — но плоды «реvisions и оценки» оставить у себя. Если в три месяца нет ответа, я печатаю где хочу (Собр. соч. : в 30 т. М., 1965. Т. 29, ч. 2. С. 214).

Другого пути, чем попытки убедить автора в своей правоте, у редактора нет. И если автор упорно противится предлагаемым исправлениям, надо обязательно искать причину этого. Еще и еще раз сопоставлять текст после правки с текстом до нее. Еще и еще раз пытаться понять автора. Еще и еще раз подвергнуть придирчивой, по-настоящему взыскательной критике свои предложения и при малейшем сомнении в их обязательности решительно отказаться от них. В конце-то концов, автор ответствен перед читателем за свой текст. Это

авторский текст, и читатель спрашивать за него должен автора и только автора.

Если же, наоборот, новые доводы в пользу поправки в процессе самокритики выкристаллизовались у редактора, надо попытаться, не настаивая на своей поправке, доказать автору, что в тексте такой-то изъян, и попросить поискать способ устранить замеченный недостаток. Может быть, не сразу, а после домашних раздумий.

Бережность, осторожность по отношению к автору и самокритичность нужны редактору не только потому, что автор создатель духовной ценности. Бережность необходима еще и потому, что настойчивое и ложно обоснованное требование редактора, случается, автор принимает даже тогда, когда не вполне согласен с ним, но не любит спорить, хочет скорее напечататься. Не все авторы обладают твердым характером, чтобы противостоять напору железно-настойчивых редакторов. Именно это произошло в случаях, описанных Б. Сарновым в статье «Разбойник Мерзавио и редактор» (Редактор и книга. 1962. Вып. 3. С. 31—36).

Человеку, способному воспринимать только собственное мнение, человеку, который не в состоянии критически осмыслить то, что он требует от автора, мыслящему грубо прямолинейно — такому человеку работа редактора противопоказана. Его деятельность на редакторском поприще будет во многих случаях вредоносной.

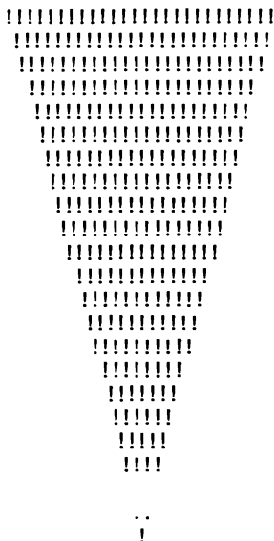
Девятое условие — учитывать разные подходы и отношения авторов к редакторской правке.

Доверие некоторых писателей к неофициальным редакторам — их доверенным лицам было, например, настолько велико, что они рассматривали их поправки в тексте как собственные.

Л. Н. Толстой писал Н. А. Некрасову:

Псылаю вам мою статью [«О народном образовании»] и очень прошу Вас коректуры ее приказать пересылать Николаю Николаевичу Страхову (Публичная библиотека) и всякое изменение, сделанное им, принимать как бы мое (Полн. собр. соч. : в 90 т. Т. 62. С. 110).

А вот какое оригинальное письмо получил редактор «Вестника Европы» М. М. Стасюлевич от И. А. Гончарова после публикации статьи писателя «Мильон терзаний»:

Этот восклицательный знак, составленный из множества восклицательных знаков, писатель не поленился изобразить для Стасюлевича только потому, что редакция «Вестника Европы», публикуя его статью о спектакле по пьесе Грибоедова «Горе от ума», поставила в конце заглавия «Милльон терзаний» восклицательный знак, не согласовав это с автором. Редакция, вероятно, считала, что раз реплика Чацкого кончается восклицательным знаком, то и в заглавии после этих слов должен стоять восклицательный знак.

Гончарову же в гневе от такого самоуправства достает терпения рисовать этот восклицательный знак, сопроводив его такой отповедью издателю и главному редактору журнала М. М. Стасюлевичу:

Примите, не-любезнейший Михайло Матвеевич, эти милльон восклицательных знаков за один таковой, напрасно поставленный при *милльоне терзаний* в заглавии.

Чащой восклицает, а не я. Я только привожу в заглавии его слова, как мотив, как главный звук, выражение его горя, составляющего содержание гнесы. Мне не от чего восклицать, поэтому у меня и стояла точка. Вы бы в следующей книжке между опечатками пояснили так: это, мол, восклицает не — автор статьи, а редактор, а сей последний — потому что испытывает при составлении каждой книжки «миллон терзаний» (Стасюлевич и его современники в их переписке : в 5 т. СПб., 1911. Т. 4. С. 117–118).

Статья была озаглавлена так:

«Миллон терзаний!» Горе от ума, Грибоедова. Бенефис г. Монахова, ноябрь, 1871 г.

Поправку, которую просил Гончаров, Стасюлевич не сделал, считая это, видимо, прихотью нервного и капризного писателя, хотя правота Гончарова несомненна.

По сравнению с этим мелким, на поверхностный взгляд, исправлением заглавия претензии Вл. Соловьева к тому же Стасюлевичу гораздо весомее. В уже цитировавшемся письме о неудачных без учета контекста поправках Стасюлевича Соловьев иронично по форме, но самым серьезным образом упрекает редактора за самоуправное изменение заглавия стихотворения:

А иногда несчастья происходят от гордости. Такое случилось, например, с изменением заглавия одного стихотвореньца. Автор поставил «Сумерки», а редактор под влиянием гордости подумал: «Фу! Даже озаглавить собственных стихов не умеет как следует!» и приписал «на Иматре». А между тем дело было на весьма большом расстоянии и притом от другого водопада; и как можно было бы сказать «шум далекий водопада»: если бы это было на Иматре, шум был бы самый близкий — прямо в уши (М. М. Стасюлевич и его современники в их переписке : в 5 т. СПб., 1913. Т. 5. С. 388).

Конфуз вышел с поправкой редактора, который, не зная источника стихотворения, позволил себе исправить заглавие неупад.

А каким бы был результат правки стихотворения А. М. Жемчужникова, если бы Стасюлевич не догадался спросить у автора:

А, кстати, вопрос филологический: не следует ли сказать — «воскрешенья», так как «воскресенья» земля может дожидаться уже завтра.

Ответ Жемчужникова был таким:

...Так как мое стихотворение имеет, так сказать, мистически молитвенный характер, то я употребил сознательно и преднамеренно выражение символа веры: «чаю воскресения». А потому прошу Вас сохранить в моем стихотворении слова: чаю воскресения. Надеюсь, что это письмо не пропадет и содержание его не останется Вам неизвестным (М. М. Стасюлевич и его современники в их переписке : в 5 т. СПб., 1911. Т. 4. С. 380).

Однако были авторы, которые мирились с редакторской правкой как с чем-то неизбежным в процессе издания, признавая за издателем-редактором некоторые права. Так, писательница М. К. Цебрикова отвечала редактору «Вестника Европы» М. М. Стасюлевичу на его замечания и предложения:

...На Ваше замечание о необходимости изменить некоторые выражения, я замечу, что написала их в твердом убеждении, что известная резкость необходима для того, чтобы ярче выставить для молодых умов, увлеченных теориями г. Авдеева, все безобразие этих теорий; в этом отношении я следовала совету Тургенева: последователей лягушки бить лягушкой; и смягчение этих выражений значительно ослабит значение статьи. Но если Вы не захотите взглянуть с этой стороны, то делать нечего: я о словах не буду спорить, потому что автору, который захотел бы неприкосновенно сохранить каждое свое слово, нужно издавать собственный журнал (М. М. Стасюлевич и его современники в их переписке : в 5 т. СПб., 1913. Т. 5. С. 151).

Встречались в истории литературы и случаи, когда авторы сами просили исправить их слог. Например, Глеб Успенский, посылая свое сочинение в редакцию журнала «Русская мысль», просил его редактора В. А. Гольцева:

Пожалуйста, не откажите исправить слог — я очень спешил (Полн. собр. соч. : 14 т. М., 1954. Т. 14. С. 87).

О том же просил Н. А. Некрасова декабрист А. Е. Розен:

...Желаю, чтобы Вы, уважаемый Николай Алексеевич, приняли на себя редакцию по Вашему умению и по Вашей прозорливости. Даю Вам право выбирать и забрасовать все, что хотите из старого и нового издания, и только в важных случаях, при пропусках, поставить каждый раз пять точек (Архив села Карабики. М., 1914. С. 165).

Историк И. Е. Забелин обращался с подобной просьбой к М. М. Стасюлевичу (см.: М. М. Стасюлевич и его современники в их переписке : в 5 т. СПб., 1911—1913. Т. 2. С. 275—276, 278).

П.В.Анненков даже благодарил М.М.Стасюлевича за правку и просил:

..А. Н. Пылину [сотруднику редакции «Вестника Европы»] скажите, что он имеет право даже изменять и поправлять ошибки и неверности статьи, а вычеркивать места — и подавно. Я убежден, что без резонных причин он никогда не решится употребить в дело это право, а с резонными причинами он только окажет услугу как объекту рассказа, так и мне — его автору (М. М. Стасюлевич и его современники в их переписке: в 5 т. СПб., 1911–1913. Т. 3. С. 437).

Из всех этих свидетельств разнообразия взаимоотношений автора и редактора непреложно вытекает вывод об их неоднотипности и разнообразии, но они никак не отменяют основное требование к редактору уважать право автора, считаясь с особенностями его характера, бережно относиться к автору как творцу духовного творения.

Те читатели, которые хотели бы познакомиться и с другими подобными свидетельствами, могут обратиться к сборнику «Писатели советуются, негодуют, благодарят» (М., 1990), где в предметно-тематическом указателе по рубрике-гнезду «Правка редакторская» (с. 407–408) можно найти в сборнике все фрагменты из писем русских писателей на эту тему.

Десятое условие (технического характера) — мысленно продумывать всю правку фразы до того, как внести ее пером.

Нежелательно вносить правку сразу пером, так как не исключен отказ от первого варианта поспешной правки и замена ее другой, затем третьей и т.д., из-за чего оригинал может превратиться в ребус даже для самого редактора, не говоря уже об операторе компьютера. Вот поэтому и выдвинуто условие мысленно продумывать всю правку фразы до того, как она будет внесена пером. Нередко редактор, исправляя начало фразы, не согласовывает правку с концом той же фразы и, лишь исправив, видит, что первоначальный вариант не годится. Или, исправив всю фразу, прочитав ее в контексте, обнаруживает, что она не учитывает предшествующий или последующий текст и что внесенную правку нужно корректировать.

В очень сложных случаях новый вариант фразы лучше даже выписать на отдельной странице и только после проверки его внести правку в оригинал.

Если же правка вносится не экране компьютерного монитора, то целесообразно сначала скопировать сложный текст, который нужно подвергнуть правке, для того, чтобы, если первоначальный вариант правки не удовлетворит редактора, он мог вернуться к авторскому тексту и предпринять новые попытки.

Здесь уместно упомянуть и о других технических требованиях к правке, выработанных в долгой редакционной практике:

1. Вычеркивать слова тонкой чертой, чтобы при необходимости можно было прочесть первоначальный вариант текста.

2. Новые слова вписывать только между строк, не по напечатанному тексту.

3. Большие вставки писать либо на поле, либо на отдельной странице, подклеиваемой или подкладываемой к оригиналу, с указанием на ней, на какую страницу эта вставка, и с обозначением в оригинале места, куда именно нужно поместить эту вставку.

4. Вписывать текст предельно четко, так как нелепые ошибки из-за неразборчивого почерка редактора или автора не такая уж редкость.

В одной газете было напечатано:

Прекрасная Гуань-инь, башня милосердия.

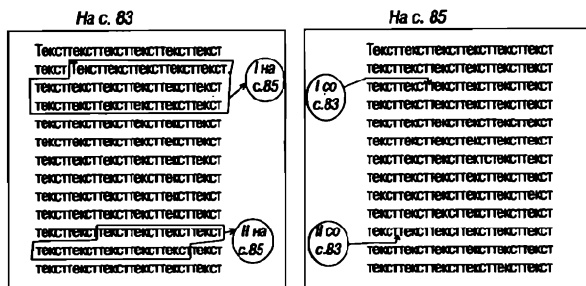
Как богиню превратили в башню, нетрудно догадаться: сочетание рукописных букв *г* и *и* (*ги*) при нечетком написании легко принять за букву *ш*, так же как нечетко написанную букву *а* — за букву *о*. Вот машинистка или наборщик и превратили *богиню* в *башню*.

5. Переставлять части текста, не переклеивая оригинал, а пользуясь письменными указаниями: так легче проследить за композиционными изменениями, если понадобится их проконтролировать.

Для этого текст, который нужно перенести на другое место или на другую страницу, заключают в овал и от него ведут стрелку в место переноса (при переносе на той же странице) или на поле, где рядом со стрелкой указывают в кружке, на какую страницу этот текст нужно перенести (например: *На с. 85*). На с. 85 в кружке на поле против места переноса надо указать: *Сюда со с. 83* и от этого кружка повести стрелку в то

место текста страницы, где надо разместить переносимый текстовый фрагмент.

Если с одной страницы на другую требуется перенести несколько фрагментов текста, каждый из них нумеруют, например, римскими цифрами: *I* на с. 85; *II* на с. 85. Соответственно на с. 85 надписи в кружке будут: *I* со с. 83 и *II* со с. 83. См. схему:

6. При перестановке нескольких слов из одной строки в соседнюю продумывать, как рациональнее это сделать. Например:

Нерациональный вариант правки:

После успешного завершения этих курсов без дополнительных эк-
заменов большинство слушателей зачислено на учебу в институт.

Рациональный вариант правки:

После успешного завершения этих курсов без дополнительных эк-
заменов большинство слушателей зачислено на учебу в институт.

7. При вычеркивании нескольких строк полезно соединять линией со стрелкой конец текста перед вычерком с началом текста после него.

ПРЕДМЕТНО—ТЕМАТИЧЕСКИЙ УКАЗАТЕЛЬ

А

абзацы 188—191

автор:

- изучение его редактором 143—144

- нужда его в редакторе 24—27

- трудности самооценки им своего текста 24—25

авторское произведение, предназначенное к изданию:

- выяснение функционально-целевого назначения 101—105

- огределение его черт и особенностей 97—101

- формулирование требований к нему 102—104

адрес, проверка идентичности при повторении 268

антиипация 83—85

В

в адрес, отыменный предлог, неоправданное употребление его 447

в деле, отыменный предлог, неоправданное употребление его 447

в области, отыменный предлог, неоправданное употребление его 447

в части, отыменный предлог, неоправданное употребление его 447, 448

в этой связи 466—467

внесистемные заголовки 203

— — оформление их 216

возражения автора против оценки редактора предполагаемые, опровержение их редактором 106—108

вопрос, лишнее слово 438—439, 440

восклицательный знак И. А. Гончарова как знак протеста против несогласованной с ним авторской правки 502

время, обозначение его 266—267

Г

гибкость мышления как необходимое редактору качество 490—491

графически выделенные для логического ударения слова, проверка правильности смысла их выделения 411—412

графические заголовки рубрик 203

Д

даже, соотнесение с подударным словом для проверки правильности логического ударения 407–410

даты:

- проверка фактической точности их 253–256
- проверка идентичности их при повторении путем сопоставления 266–267
- деловой штамп 373–374, 466
- должности, проверка идентичности при повторении путем сопоставления 268

З

заголовки рубрик произведения (издания)

- виды их по взаимодействию с текстом 202
- виды по отношению к видам текста 203
- виды их по расположению на полосе и по отношению к тексту 201–202
- виды их по степени содержательности 203
- графические 203
- значение их 180
- немые 203
- нумерационные 203
- литерные 203
- оформление их 213–216
- параллельные тексту 202
- прерывающие текст 202
- смешанные 203
- соподчиненность цифр, букв (литер), родовых обозначений их 217–218
- тематические:
 - индивидуальные 203
 - определение 203
 - подвиды их 203
 - типовые 203
- требования к их содержанию 221–223
- требования к их форме 223–224

заголовки

- в разрез текста начальный, определение 201
- в разрез текста рядовой, определение 201
- в подбор с текстом, определение 202
- внутритекстовой, то же что скрытый в тексте, определение 202
- на спуске, определение 201
- скрытый в тексте, определение 202
- задача, лишнее слово 438, 439

И

играет роль, злоупотребление этим штампованным словосочетанием 443

имеет значение, злоупотребление этим штампованным словосочетанием 442–443

имеется, злоупотребление этим глаголом как признак канцелярского стиля 462–463

имена, проверка идентичности их при повторении путем сопоставления 263–266

индекс туманности текста 374

иноязычного происхождения слова, осмысление их 278–283

Ионеско о системе исследования произведения 31

К

- канцелярские штампы 464–468
- канцелярский стиль 453–468
- классификация рубрик и их заголовков 201–204
 - заголовков рубрик, схема ее 204
- композиция произведения:
 - анализ ее 146–178
 - выбор ее 146–152
 - логичность ее 165–176
 - логичность ее как редакционное требование 174–176
 - навыки редакторского анализа ее 176–179
 - требование основные к ней 176
- котировый придаточного определительного, ошибки в его употреблении, приемы их выявления 390–395
- краткость:
 - значение ее 418–422
 - приемы ее достижения 422–453
- кроме, ошибки в построении фраз с вводным оборотом, включающим это слово 383–384

Л

- литерация заголовков рубрик см. нумерация (литерация) заголовков рубрик
- литерные заголовки рубрик 203
- лишние слова, приемы их выявления 422–453
 - выделение типичных словесных излишеств 428–453
 - определение смысловой или стилистической нагрузки 422–427
 - соотношение читаемого текста с предыдущим 449–451
- лишние слова типичные, выделение:
 - выражающих без нужды очевидное действие 430–431
 - глаголов или отглагольных существительных, передающих действие, которое уже выражено соседним глаголом и отглагольным существительным 431–433
 - дублирующих без нужды другие слова той же фразы 435–438
 - заменяющих без нужды одно слово словосочетанием из нескольких слов 438
 - затемняющих смысл текста словами *вопрос, момент, задача, проблема, решение* 438–441
 - канцелярских штампов 441–444
 - кляузных оборотов 444–447
 - наречия совершенно без нужды усиления 435
 - не вызванных необходимостью уточнений обстоятельства, дополнений 448
 - обозначающих без нужды наличие описываемого или упоминаемого объекта 428–430
 - отыменных предлогов, неоправданно употребленных 447–448
 - появляющихся при неоправданном расщеплении сказуемого 436–438
 - прилагательных, причастий, местоимений, ничем не дополняющих характеристику предмета, обозначенного существительным 433–435
 - противительных оборотов нерационально использованных 448–449
 - синтаксически сложных фраз 444–447
 - сопоставительных союзов, нерационально использованных 448–449
 - устойчивых синтаксических конструкций 441–444
- лишь, соотношение его с подударным последующим словом для проверки правильности логического ударения 408
- логические правила деления понятий 166–174
 - обоснованности деления 166–170
 - соразмерности деления 170–171

- взаимомислечения 171–173
- непрерывности деления 172–174
- логические связи, приемы выявления их:
 - выделения слов, их выражающих 318–320
 - знаков препинания, их выражающих 320–321
 - соотношением предложений или их частей 321–325
- логические связи, проверка правильности их:
 - восстановлением опущенных звеньев 327–329
 - соотношением логически связанных звеньев 329–350
 - конкретизирующих фактов с обобщающим положением или наоборот 337–339
 - определяемой и определяющей частей в определении 342–345
 - основания деления классификации с каждым ее элементом 340–342
 - основание и следствие 345–346
 - придаточного определительного или причастного оборота с обозначающим множество словом, от которого они зависят 339–340
 - суждений об одном предмете на протяжении всего текста 330–333
 - тезиса и аргументов 347–350
 - членов одной о ряда между собой 336–337
 - членов одного ряда с обобщающим или общим словом 333–336
- логическое ударение ошибочное, приемы выявления его 404–412
- выделением слов, логически акцентированных местом в предложении 404–407
- соотношением логически акцентированных слов с подударными словами 407–411

М

- магическое Число Семь плюс или минус два 182
- маргиналия см. фонарик
- местоимения:
 - ошибки в их употреблении 384–387
 - ошибки двусмысленности из-за возможного понимания их как личных и как притяжательных 385–386
- методика правки текста:
 - важнейшее предварительное условие ее 476, 472–476
 - общие условия ее качества 477–505
- методологические требования к фактам 232
- момент, лишнее слово 438–439
- мысленное составление плана текста 73–77
- мыслительная активность редактора как необходимое условие успеха редактирования 135–141
- мыслительные приемы, ведущие к глубокому пониманию текста 72–91

Н

- навыки редакторского анализа и оценки текста:
 - роль их в редактировании 138–141
 - с логической стороны 350–351
- языка и стиля, преимущества владения редактором как можно более широким их арсеналом 469–470
- наглядное представление описанного в тексте 86–89, 285
- названия, проверка идентичности их при повторении путем сопоставления 267–268
- наименование падежей, цепочка их как признак канцелярского стиля 459–461
- наряду, ошибки в построении фраз с вводным оборотом, включающим это слово 383–384
- национальности, проверка идентичности их при повторении путем сопоставления 268

немые заголовки рубрик 203

не только, но и:

рациональное употребление этого союза 448

требование связи частей этого союза с одинаковыми частями соединяемых им предложений 410–411

неясность текста из-за омоформ, приемы выявления и устранения последних 412–418

нивелирование авторского стиля как порок редакторской работы 489–490, 471

нумерационные заголовки рубрик 203

нумерация (литерация) заголовков рубрик, 217–221

- индексационная 220–221

- поглавная (пораздельная) 218–219

- пораздельная то же, что и поглавная

- проверка ее 221

- системы ее 218–221

- сквозная 218

О

отглавные существительные как признак канцелярского стиля 456–459

одних слов неоправданное повторение 387–390

однокоренных слов неоправданное повторение 387–390

омонимические формы (омоформы), порождающие неясность текста, приемы их выявления и устранения 412–418

- изменение порядка слов при омоформе вводное слово – однородный член предложения 418

- приемы устранения неясности при омоформе деятель – объект 417–418

- установление падежа начального слова при омоформе именительный – винительный 412–414

- то же при омоформе именительный – косвенный 415–416

П

«перевод» текста на свой язык 92–94

перечни в тексте 189–191

Печатается в авторской редакции, способ извещения о несогласии редакции с автором 486–487

письменное обоснование редактором причин неудовлетворительности текста как способ нахождения точных и экономных поправок 484

подрубрики рубрик, методика проверки деления рубрик на них 210–213

подсчеты как прием проверки фактического материала, проверка с их помощью:

- авторских итогов повтором действий с числами, давшими этот итог 273–276

- соответствия времени движения объекта его скорости и расстоянию 277

- соответствия дробного числа целому числу 276–277

- соответствия относительных чисел абсолютным 276

- соответствия процентного состава целому числу 273

- соответствия суммы частей целому числу 272–273

понимая, ошибки в построении фраз с вводными оборотами, включающими это слово 383–384

понимание текста 69–72

- проверка точности и глубины его 91–94

Почему не иначе? специфически редакторский вопрос по Г.Д. Гачеву 136

предваряющие чтение вопросы 85–86

причастие в причастном обороте, выявление ошибок в согласовании его соотношением его

со всеми соотносящимися словами предшествующего текста 394

проблема, лишнее слово 438
 прогноз воздействия текста на читателя 102–103
 противостоящих по смыслу слов неоправданное употребление 389
 Пушкин А.С., пример его правки–сокращения 452

Р

рабочее оплавление 191–194
 – – образец его 193
 расщепление сказуемого 436–437
 – – как признак канцелярского стиля 453–456
 редактирование:
 - значение логических аспектов его 312–314
 - как критика 29, 32–34, 35
 - как правка 30
 - мотивы его 133–135
 - определение 59, 29–39
 - суть его 38, 10
 - схема процесса его 40
 - условия его эффективности 131–145
 - часть работы редактора 43–46
 редактор:
 - для чего он нужен 18–29
 - должность или специальность 8
 - желательность обобщения им в процессе редактирования того, что важно для совершенствования группы произведений, к которой принадлежит редактируемое произведение 144–145
 - необходимость знания им литературы, тематически и содержательно предшествующей редактируемому произведению 144
 - необходимость знания им проблем области знания или отрасли деятельности, отраженной редактируемом произведением 144
 - необходимость знания им самого себя как условие успеха в работе 143
 - потребность в нем 15–29
 редакторская оценка текста:
 - механизм ее 52–59
 - отрицательная или сниженная, установление причины ее 108–110
 - поиски средств устранения отрицательной или сниженной оценки 110
 - предмет ее 50–51
 редакторский анализ:
 - понятие о нем 47–49
 - предмет его 50–51
 - структура его общая 59–62
 - структура его по единицам текста 63–68
 - структура его по сторонам (качествам) текста 113–118
 - структура его по целям действий (при оценке текста) 69–105
 - структура его по целям действий (для улучшения текста) 106–112
 - схема его общая 123–125, 119–128
 редакторский анализ и оценка текста с логической стороны 312–351:
 - навыки их 350–351
 - предмет методики 314
 - приемы выявления логических связей 317–325

- выделением слов, их выражающих 318–320
- выделением знаков препинания, их выражающих 320–321
- соотносением предложений или их частей 321–325
- приемы проверки правильности логических связей 325–350
- редакторский анализ и оценка фактического материала 225–309:
 - общие условия успешности их 290–293
 - основные задачи редактора 232–233
- редакторский анализ и оценка языка и стиля 352–470
 - арифметический принцип, порочность его 372–375
 - вред от их субъективности 358–361
 - желательность следования авторитетам в том, что они ценили в языке и стиле 364
 - методические требования к ним 354–375, 367–369
 - опасность бездумного следования в критике текста субъективным мнениям авторитетов 362–364
 - осматрительное пользование правилами грамматической стилистики 369–373
 - приемы, помогающие выявлять и устранить распространенные нарушения правил и рекомендаций грамматической стилистики 375–390
 - стороны (части) их 352–354
- редакторский комментарий к тексту при несогласии с точкой зрения автора 486
- редакторское вмешательство в авторский текст, пределы его допустимости 485–487
- редакторское предисловие с корректным изложением иной, чем авторская, точки зрения на предмет спора между редакцией и автором 487
- рецензирование, отличия от редактирования 39
- решение, лишнее слово 438–439
- родовые названия рубрик 201, 202
- рубризация издания 179–224
 - дробность ее 181–188
 - задачи редакторского анализа ее 180–181
 - значение ее 180, 183–187
 - определение ее 179
 - родовые названия рубрик 201, 202
 - ступени ее 191
 - число ступеней 194–200
- С**
- самокритика редактора 491–497
 - приемы ее 492–497
- системные заголовки рубрик 203
- сложные фразы, ошибки в построении их 379–384
- смешанные заголовки рубрик 203
- смысловая группировка материала в тексте 73–75
- смысловая ошибочная связь грамматически связанных членов предложения, приемы выявления ее соотносением 390–403:
 - глаголов и глагольных форм с дополнениями и обстоятельствами 402–403
 - грамматически связанных слов по смыслу 397–403
 - вводного оборота по смыслу с тем словом в предложении, которое этим оборотом поясняется 395
 - предлога со всеми словами, которыми он формально управляет 396–397
 - причастия со всеми соотносимыми словами предшествующего текста 394

- слова *который* придаточного определительного со всеми соотносимыми словами в главном предложении 390–393
- сложных однородных членов предложения с общим словом 395–396
- смысловые опорные пункты, выделение их 75–77
- согласование членов предложения, выявление ошибок в нем 375–377
- соотношение разных частей текста по содержанию 80–82
- соотношение содержания текста с собственными знаниями 78–80
- соотношение текста с его задачей 89–91
- соподчиненность рубрик:
 - методика про верки ее 204–210
 - оформительские средства ее выражения 213–216
- соподчиненность смысловых групп текста 77
- со стороны, опытный предлог, неоправданное употребление 447, 448
- стилистические ошибки распространенные, приемы, помогающие их замечать и устранить 375–390
- замена местоимений словами, ими замещаемыми 384–387
- соотношение грамматически связанных слов для устранения ошибок согласования и управления 375–384
- соотношение каждого из нескольких управляющих слов со словом, ими управляемым 277–278
- соотношение управляющего слова с каждым из им управляемых 377
- соотношение членов предложения, требующих согласования 375–377
- схематизация синтаксических связей в сложных фразах 379–384
- стилистические ошибки, влекущие за собой смысловую неясность текста, приемы их выявления и устранения 390–418
- структурированность текста, роль ее 184–188
- ступени рубрикации 191
- число их 195–201
- приемы сокращения числа их 196–198
- приемы увеличения числа их 199–201

Т

также, соотношение его с подударным словом для проверки правильности логического ударения 409–410

текст:

- структурная схема его 68
- теория его 11

тематические заголовки рубрик 203

термины, осмысление их 278–283

техника правки, требования к ней 505–507

типы построения текста 152–165

только, соотношение его с подударным последующим словом для проверки правильности логического ударения 408

требования к издаваемому произведению 31–32

У

управление, ошибки в нем и приемы их выявления 396–397

- предложное, ошибки в нем и приемы их выявления 377–379

Ф

- фактическая недостоверность текста, ее причины 237–241
- фактическая неточность текста:
 - причины ее 237
 - Пушкин А.С. о ней 228–229
- фактический материал:
 - необходимость редакторской оценки его 225–226
 - редакторский анализ и оценка его 225–311
- факты:
 - иллюстрирующие общие положения 235–236
 - конкретизирующие общие положения 235–236, 241–243
 - оценка соответствия их методологическим требованиям к ним 233–235
 - оценка функциональных качеств их 235–236
- факты повторяемые, приемы проверки их соотносением повторяемого с первоначальным:
 - адреса 258
 - время, обозначение его 266–267
 - даты 266–267
 - должности 258
 - имена 263–266
 - названия 267–268
 - национальность 268
 - фамилии 263–266
 - цвет волос 268
 - числа 266–267
- факты:
 - проверка их источников 286–287
 - проверка перестройкой их ряда по новому принципу 277–278
 - проверка их по источникам 287–290
 - роль их в тексте 235–236
 - связанные ссылками, проверка их соотносением между собой 285–286
- фамилии, проверка идентичности при повторении путем сопоставления 263–266
- фонарики, определение 202
- форточка, определение 202
- функционально-целевое назначение текста, выяснение его в ходе редакторского анализа 100–104

Х

- хронологическая неопределенность, уточнение ее 243–244

Ц

- цвет волос, проверка идентичности при повторении путем сопоставления 268
- цитаты:
 - авторство их 308–309
 - персонаж их 308–309
 - анализ и оценка их 293–311
 - объем их 296–297
- цитатничество 294
- цитирование:
 - виды его 294
 - обоснованность его 293–296

- правила его 309–310
- правила техники его 310–311
- скрытое 307–308
- точность его буквальная 297–299
- точность его смысловая 299–307
- цели его 293–296

Ч

читатель:

- воображаемый 54–57
- изучение его редактором 142–143
- определение признаков его 94–97
- редактор в роли его для понимания того, как он поймет текст 97

чтение:

- членочное 478
- смысловое, его недостатки и приемы, предупреждающие от них 283–285
- техника его 283–285

числа, проверка идентичности при повторении путем сопоставления 266–267

числовая неопределенность, уточнение ее 244–246

Ш

шапка, определение 202

шмунцитул, определение 201

Э

Энгельс о вреде редакторской правки 35

этики редакторской неписаное правило 497–498

Я

Является, злоупотребление этим глаголом как признак канцелярского стиля 462, 463–464

язык и стиль см. редакторский анализ и оценка языка и стиля

- общие и специфические их особенности, важность определения для успеха редактирования 354–358

ПОДРОБНОЕ ОГЛАВЛЕНИЕ

Краткое оглавление	7
От автора. Предисловие ко второму и третьему изданию	8

Часть первая. СМЫСЛ И СОДЕРЖАНИЕ РЕДАКТИРОВАНИЯ

<u>Глава 1. Сущность и задачи редактирования</u>	15
1.1. Нужен ли редактор?	15
1.2. Для чего нужен редактор	18
1.3. Что такое редактирование	29
1.4. Редактирование – лишь часть работы редактора	43
<u>Глава 2. Предмет, механизм и общая структура редакторского анализа текста</u>	47
2.1. Понятие «редакторский анализ»	47
2.2. Предмет редакторского анализа и оценки текста	49
2.3. Механизм процессов редакторского анализа и оценки текста	51
2.4. Общее представление о структуре редакторского анализа	59
<u>Глава 3. Структура редакторского анализа по единицам текста</u>	63
<u>Глава 4. Структура редакторского анализа по целям аналитических действий</u> <u>(при оценке рукописи)</u>	69
4.1. Понимание текста и осознание формальных средств передачи содержания	69
4.2. Мыслительные приемы, ведущие к глубокому пониманию текста	72
4.2.1. Мысленное составление плана текста	73
Смысловая группировка материала (73). – Выделение смысловых опорных	
пунктов (75). – Выявление соподчиненности, связи, соотношения	
выделенных смысловых групп (77)	
4.2.2. Соотнесение содержания текста с собственными знаниями	78
4.2.3. Соотнесение по содержанию разных частей текста	80
4.2.4. Предвосхищение последующего содержания или плана текста	
и предваряющие чтение вопросы	82
Антиципация (83). – Предваряющие чтение вопросы (85)	

4.2.5. Наглядные представления	86
4.2.6. Соотнесение авторского текста с его задачей	89
4.3. Проверка точности и глубины понимания текста	91
4.4. Определение значимых для оценки текста признаков читателя и прогноз понимания им текста	94
4.5. Определение общих, особенных, индивидуальных черт произведения и постижение замысла автора	97
4.6. Выяснение функционально-целевого назначения текста, формулирование конкретных требований к нему, прогноз воздействия текста на читателя	101
Глава 5. Структура редакторского анализа текста по целям аналитических действий (для улучшения рукописи)	106
5.1. Опровержение предполагаемых возражений автора и читателя против редакторской оценки	106
5.2. Установление причин отрицательной или сниженной оценки и поиски средств ее изменения	108
5.3. Проверка правильности и точности редакционных изменений текста	111
Глава 6. Структура редакторского анализа по сторонам (качествам) текста	113
Глава 7. Общая схема редакторского анализа и редактирования	119

Часть вторая. МЕТОДИКА И ТЕХНИКА РЕДАКТИРОВАНИЯ И ПРАВКИ ТЕКСТА

Глава 8. Основные условия высокого качества и эффективности редактирования	131
8.1. Высокие общественные мотивы редакторской деятельности	133
8.2. Мыслительная активность редактора и овладение широким кругом навыков редакторского анализа	135
8.3. Прочие условия эффективности и качества редакторского анализа	141
Глава 9. Анализ и оценка композиции произведения	146
9.1. Выбор композиции	146
9.2. Типы построения текста	152
9.3. Логичность композиции	165
9.3.1. Логические средства проверки композиции	165
Правило обоснованности деления (166). – Правило соразмерности (170). – Правило взаимоисключения (171). – Правило непрерывности деления (172)	
9.3.2. Логичность композиции как редакционное требование	174
9.4. Методика и навыки редакторского анализа композиции	176
Глава 10. Анализ и оценка рубрикации	179
10.1. Значение рубрикации и задачи ее редакторского анализа и оценки	179
10.2. Дробность рубрикации	181
10.3. Абзацы и перечни	188
10.4. Рабочее оглавление	191
10.5. Число ступеней рубрик	194

Приемы сокращения числа ступеней рубрик (196). — Приемы увеличения числа ступеней рубрик (198)	
10.6. Классификация рубрик и их заголовков	201
10.7. Проверка соподчиненности рубрик и деления рубрик на подрубрики	204
Методика проверки соподчиненности рубрик (205). — Методика проверки деления рубрик на подрубрики (210)	
10.8. Анализ и оценка оформительских средств выражения соподчиненности заголовков	213
10.9. Нумерация заголовков и родовые обозначения рубрик	217
Соподчиненность цифр, букв (литер), родовых обозначений (217). — Системы нумераций (литераций) заголовков (218). — Проверка нумерационных рядов (221)	
10.10. Содержание и словесная форма заголовков рубрик	221
Глава 11. Анализ и оценка фактического материала	225
11.1. Нужно ли редактору оценивать фактический материал	225
11.2. Основные задачи редактора	232
11.3. Оценка соответствия фактов методологическим требованиям	233
11.4. Оценка функциональных качеств фактов	235
11.4.1. Факты, конкретизирующие общие положения	235
11.4.2. Иллюстрирующие факты	236
11.5. Причины фактических неточностей и недостоверности фактического материала	237
11.5.1. Фактическая неточность текста	237
11.5.2. Недостоверность текста	237
11.6. Приемы проверки фактической точности и достоверности текста	241
11.6.1. Конкретизация общих положений и уточнение неопределенных	241
Общие — неконкретизированные положения, опирающиеся лишь на часть фактов (241). — Хронологическая неопределенность (243). — Числовая неопределенность (244)	
11.6.2. Соотнесение фактов	246
Факты в тексте и факты, хорошо известные редактору	246
Факты в тексте, связанные по смыслу	253
а) Соотнесение дат, связанных по смыслу (253). — б) Соотнесение даты, определяющей возраст, с событием (254). — в) Соотнесение события с датами жизни лица и его возрастом (255). — г) Соотнесение века с годом события, относящимся к этому веку (255). — д) Соотнесение величины и единицы величины (256). — е) Соотнесение страны и части света, к которой она отнесена в тексте (256). — ж) Соотнесение свойства и вещи (257). — з) Соотнесение общего положения и конкретизирующих его фактов (257). — и) Соотнесение орудия и действия, которое совершает персонаж (257). — к) Соотнесение тех действий персонажей, которые связаны по смыслу, или их разговоров об этих действиях (258). — л) Соотнесение связанных	

закономерностью чисел с этой закономерностью (259). –	
м) Соотнесение доли числа людей или других одушевленных существ с числом неодушевленных предметов (260). –	
н) Соотнесение связанных по смыслу имен (261). – о) Соотнесение страны и государственной принадлежности лица (261). –	
п) Соотнесение подписи к иллюстрации с изображением на ней (261). – р) Соотнесение общего слова с членами ряда, им объединяемыми (261).	
Повторяемые факты	262
в) Имена и фамилии (263). – б) Числа, даты, обозначения времени (266). – в) Названия (267). – г) Должность, национальность, цвет волос (268). – д) Фактические данные в основном тексте и в справочных приложениях (268).	
Связанные ссылками факты	271
11.6.3. Подсчеты	272
а) Соответствие суммы частей целому числу (272). – б) Соответствие процентного состава целому числу (273). – в) Соответствие авторских итогов повтором действий с числами, которые дали эти итоги (273). –	
г) Соответствие относительных чисел абсолютным (276). –	
д) Соответствие части (дробного числа) целому числу (276). –	
е) Соответствие времени движения транспорта его скорости и расстоянию (277)	
11.6.4. Перестройка ряда фактов по иному принципу	277
11.6.5. Осмысление значения терминов и других слов	278
11.6.6. Приемы, предупреждающие от недостатков смыслового чтения	283
11.6.7. Наглядное представление описания в тексте	285
11.6.8. Сочетание приемов проверки	285
11.6.9. Проверка источников фактов и фактов по источникам	286
11.7. Общие условия успешности анализа и оценки фактического материала	290
Первое условие (291). – Второе условие (291). – Третье условие (292). – Четвертое условие (292). – Пятое условие (293)	
11.8. Анализ и оценка цитат	293
11.8.1. Уместность цитат и обоснованность их объема	293
а) Обоснованность цитирования (293). – б) Объем цитат (296)	
11.8.2. Точность цитирования	297
а) Буквальная точность цитирования (297). – б) Смысловая точность цитирования (299). – в) Скрытое цитирование (307). – г) Авторство и персонаж цитаты (308)	
11.8.3. Правила цитирования	309
Первое правило (309). – Второе правило (309). – Третье правило (310). – Четвертое правило (310)	
11.8.4. Правила техники цитирования	310
Первое правило (310). – Второе правило (311).	

Глава 12. Анализ и оценка текста с логической стороны	312
12.1. Значение логических аспектов редактирования	312
12.2. Предмет главы	314
12.3. Приемы выявления логических связей	317
12.3.1. Выделение слов, выражающих логические связи	318
12.3.2. Выделение знаков препинания, выражающих логические связи	320
12.3.3. Выявление логических связей между понятиями или суждениями, когда связь между ними ни словесно, ни пунктуационно не выражена	321
12.4. Приемы, помогающие проверять правильность логических связей	325
12.4.1. Схематизация логических связей	325
12.4.2. Восстановление опущенных звеньев	327
12.4.3. Соотнесение логически связанных звеньев	329
Соотнесение суждений об одном предмете на протяжении всего текста	330
Соотнесение членов одного ряда с обобщающим или общим словом	333
Соотнесение членов ряда между собой	336
Соотнесение конкретизирующих фактов с обобщающим положением или наоборот	337
Соотнесение прилагочного определительного или причастного оборота с обозначающим множество словом, от которого они зависят	339
Соотнесение основания деления классификации с каждым ее элементом	340
Соотнесение определяемой и определяющей частей в определениях	342
Соотнесение основания и следствия	345
Соотнесение тезиса и аргументов	347
12.5. Выработка навыков анализ и оценки текста с логической стороны	350
Глава 13. Анализ и оценка языка и стиля	352
13.1. Основные методические требования к анализу	354
Первое требование (354). – Второе требование (358). – Третье требование (369). – Четвертое требования (373) – Пятое требование (375).	
13.2. Приемы, помогающие устранять распространенные ошибки – нарушения норм грамматической стилистики	375
13.2.1. Соотнесение между собой грамматически связанных слов для устранения ошибок согласования и управления	375
Соотнесение членов предложения, требующих согласования (375).	
Соотнесение управляющего слова с каждым из управляемых (377). – Соотнесение каждого из нескольких управляющих слов со словами, ими управляемыми (377). – Выделение стилистических предлогов, не полностью утративших значение слов, от которых они образованы (типа <i>благодаря, за счет</i>) (378). – Схематизация синтаксических связей в сложных фразах (379).	

13.2.2. Замена местоимения словами, им замещаемыми	384
13.2.3. Выделение и связывание одних и тех же, однокоренных и противоположащих по смыслу слов	387
13.3. Приемы выявления стилистических ошибок, влекущих за собой смысловую неясность текста	390
13.3.1. Приемы выявления ошибочной смысловой связи	390
Соотнесение слова который придаточного определительного со всеми соотносимыми словами в главном предложении	390
Соотнесение причастия со всеми соотносимыми словами предшествующего текста	394
Соотнесение по смыслу вводного оборота с тем словом в предложении, которое этим оборотом поясняется	395
Соотнесение сложных однородных членов предложения с общим словом	395
Соотнесение предлога со всеми словами, которыми он формально управляет	396
Соотнесение по смыслу грамматически связанных слов	397
13.3.2. Приемы выявления ошибочного логического ударения	404
Выделение слов, логически акцентированных своим местом в предложении	404
Соотнесение логически акцентирующих слов с подударными словами,	407
Проверка смысла акцентирования графически выделенных слов	411
13.3.3. Выявление омонимических форм (омоформ), порождающих неясность текста	412
Установление падежа начального слова предложения при омоформе именительный – винительный	412
Выделение омоформы именительный – косвенный	415
Выделение омоформы деятель – объект	416
Выделение омоформы вводное слово – однородный член предложения	418
13.4. Приемы достижения краткости	418
13.4.1. Мудрецы и мастера слова о значении краткости	418
13.4.2. Приемы выявления лишних слов	422
Определение смысловой или стилистической нагрузки слов	422
Выделение типичных словесных излишеств	428
Группа 1 (428). – Группа 2 (430). – Группа 3 (431). – Группа 4 (433). – Группа 5 (435). – Группа 6 (435). – Группа 7 (436). – Группа 8 (438). – Группа 9 (438). – Группа 10 (441). – Группа 11 (444). – Группа 12 (447). – Группа 13 (448). – Группа 14 (448).	
13.4.3. Соотнесение читаемого текста с предыдущим	449
13.5. Выделение признаков канцелярского стиля	453

Подробное оглавление

13.5.1. Выделение расщепленных сказуемых и противопоставление им формы с полнозначным глаголом	453
13.5.2. Выделение отглагольных существительных для сопоставления с равнозначными глаголами	456
13.5.3. Выделение цепочки канцелярских падежей	459
13.5.4. Выделение глаголов <i>имеется, является</i> для сопоставления с более конкретными и точными глаголами или с безглагольными конструкциями	462
13.5.5. Выделение канцелярских и иных штампов, неуместно стандартизирующих речь	464
13.6. Преимущества работы редактора, владеющего широким арсеналом навыков стилистического анализа	469
Глава 14. Методика правки текста	471
Первое условие правки (477). – Второе условие (478). – Третье условие (485). – Четвертое условие (487). – Пятое условие (490). – Шестое условие (491). – Седьмое условие (497). – Восьмое условие (497). – Девятое условие (501). – Десятое условие (505).	
Предметно-тематический указатель	508

Учебное издание

Аркадий Эммануилович Мильчин

МЕТОДИКА РЕДАКТИРОВАНИЯ ТЕКСТА

Редактор *А.В. Полякова*
Переплет *Т.Ю. Хрычевой*
Компьютерная верстка *Н.В. Лезина*

**МЕТОДИКА
РЕДАКТИРОВАНИЯ
ТЕКСТА**

УЧЕБНИК